

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИИ

I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

Редакционная коллегия:

Н. И. ПАВЛЕНКО (главный редактор),
В. И. БОВЫКИН, А. А. ЗИМИН, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО,
Б. Г. ЛИТВАК, А. Г. ТАРТАКОВСКИЙ (ответственный секретарь),
Л. В. ЧЕРЕПНИН, С. И. ЯКУБОВСКАЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Выпуск 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1973

В сборнике представлены статьи, посвященные общим проблемам источниковедения, историографии источниковедения, источниковедческому опыту историка, конкретно-источниковедческим исследованиям, количественным методам в источниковедении.

Центральное место в сборнике занимают статьи, ставящие и разрабатывающие узловые вопросы методологии и методики конкретного источниковедения всех периодов отечественной истории.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Как и всякая наука, история может успешно развиваться лишь на базе совершенствования своего методического аппарата, важную роль в разработке которого играет источниковедение в комплексе с другими специальными (или, как их часто называют, вспомогательными) историческими дисциплинами. Поскольку единственной эмпирической основой наших знаний о прошлом (независимо от степени его отдаленности) является источник как носитель исторической информации, освоение методов выявления, обработки, анализа и использования источников составляет одну из важных предпосылок прогресса марксистской историографии. Между тем этой стороне дела не уделялось долгое время должного внимания. Именно с неразработанностью источниковедческих аспектов в значительной мере связаны и нерешенность ряда дискуссионных проблем, и еще имеющий место в работах историков иллюстративно-потребительский подход к источнику.

В последние годы наметилось явное оживление научной мысли в области источниковедения, в частности обогатилась его проблематика, расширился хронологический и региональный диапазон привлекаемых материалов, наметились реальные стыки со смежными дисциплинами гуманитарного цикла, а также и с некоторыми точными науками, наконец, — и это главное — поднялось на новый уровень марксистское осмысление источниковедческих проблем¹.

Изучение наследия классиков марксизма-ленинизма в области источниковедения остается актуальной задачей советских историков. В плане отечественной истории особенно насущным является изучение ленинского опыта работы с источниками; постижение ленинской творческой лаборатории углубляет понимание и его методологии истории. Это связано, в частности, и с исследо-

¹ См., например, «Исследования по отечественному источниковедению», М.—Л., 1964; «Труды МГИАИ», т. 25. «Вопросы методологии исторической науки». М., 1967; «Вспомогательные исторические дисциплины». Л., т. I—IV, 1968, 1969, 1970, 1972; «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969; «Математические методы в исторических исследованиях». Сборник статей. М., 1972.

ванием источников ленинских произведений, и с овладением статистическим методом, применявшимся В. И. Лениным для изучения явлений не только социально-экономических, но и политических. В круг этих проблем входит также и уяснение методики изучения В. И. Лениным исторических событий как дореволюционного, так и, особенно, советского периода.

Другая актуальная задача — разработка источниковедения истории советского общества. Хотя здесь имеются бесспорные и значительные достижения, многое еще предстоит сделать. Особенности источников советской эпохи выдвигают перед источниковедением новые проблемы: усложняется процесс источниковедческой критики, крайнее увеличение объема информации по-прежнему, ставит вопрос о принципах ее отбора, о сплошном или выборочном ее изучении; появление новых видов источников, а также новое содержание традиционных видов требуют совершенствования старых, а порой и выработки новых приемов их анализа.

Возрастание потока документальной информации — прямое следствие громадного увеличения социальной активности миллионов масс в условиях социалистического развития и развертывания научно-технической революции. Быстрое и массовое возникновение новых категорий источников подводит к необходимости разработки научных основ их качественной оценки и экспертизы документальных материалов новейшего времени, которая становится частью теории источниковедения.

В данном аспекте источниковедческое изучение документов советского периода, сохраняя свою первостепенную роль в развитии исторической науки, приобретает и непосредственно прикладное значение в деле совершенствования советского делопроизводства. Таким образом, разработка фундаментальных вопросов источниковедения прямым образом смыкается с практическими задачами сегодняшнего дня.

Успешное изучение названных проблем (а реально перед источниковедением их стоит гораздо больше) возможно при объединении усилий источниковедов и историков. Этим целям должно послужить настоящее издание.

Редколлегия усматривает первоочередную его задачу в постановке и разработке узловых вопросов источниковедения всех периодов отечественной истории с тем, чтобы максимально приблизить источниковедческие изыскания к практике и нуждам марксистского изучения прошлого.

Редколлегия считает необходимым отметить основные направления «Источниковедения отечественной истории», не задаваясь, вместе с тем, целью конкретизировать всю обширную тематику, которая должна найти свое отражение в этом издании.

Одно из направлений — освещение теоретических проблем источниковедения. Назовем только некоторые: соотношение методологии и методики в источниковедении; трактовка самого понятия «исторический источник», изучение его коренных свойств и спосо-

бов отображения действительности; уяснение общих принципов критики различных категорий источников с позиций материалистической гносеологии и социально-классового подхода.

Значительный интерес представляет выяснение специфических для разных социально-политических структур и эпох условий распространения первично-эмпирической информации, ее движения от события к источнику и потерь в процессе исторического развития, выявление закономерностей возникновения и исчезновения отдельных видов источников, их эволюции на протяжении значительных отрезков времени и т. д. К этой проблематике примыкает разработка кардинальных оснований типологии источников в зависимости от их социальных функций и характера знаковых систем, посредством которых фиксируется в них информация. На этих путях возможно достичь строго системное представление о совокупности и составе источников данной эпохи, об их сравнительно-источниковедческой ценности, что и позволит приблизиться к выработке научно обоснованных схем классификации, которые бы учитывали все многообразие источников, накопленных к настоящему времени в науке.

Продолжает сохранять свое значение вопрос об определении места источниковедения в ряду других родственных ему специальных дисциплин — их предмета и задач, меры взаимопроникновения и интеграции их методик, функций каждой из этих дисциплин в общем процессе исторического познания.

Другим направлением, подлежащим освещению на страницах сборников, являются историографические аспекты источниковедения, чему в нашей научной литературе не уделялось до последнего времени должного внимания.

Особенно существенно в этом отношении освещение опыта и достижений в области источниковедения советских историков. Обычно при изучении советской историографии преимущественное внимание обращается на концепционные построения, на вклад отдельных ученых в исследование конкретно-исторических сюжетов. Но не меньшее значение имеет выявление индивидуальных приемов работы историка по установлению достоверности различных и зачастую противоречивых свидетельств источников, по систематизации, группировке и обобщению их показаний, использованию данных смежных наук и т. д. Учет этого опыта особенно поучителен для молодого поколения историков и крайне необходим для обеспечения преемственности в развитии науки.

Вместе с тем важно и обобщение опыта работы с источниками, сложившегося почти за 200 лет существования отечественной исторической науки в дореволюционный период. При этом имеются в виду не только собственно источниковедческие исследования крупных ученых прошлого, но и их общенсторические труды, в которых накоплены ценные методические наблюдения. В изучении дореволюционного источниковедения следует руководствоваться ленинским отношением к наследию буржуазной науки.

В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин писал, имея в виду буржуазных ученых: «*Ни одному* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой *ни одному* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, *нельзя верить ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*»¹.

При всей непримиримости к философским концепциям и общетеоретическим представлениям буржуазной науки, В. И. Ленин, как видим, подчеркивал наличие реально-позитивных достижений буржуазных ученых, которые способны «давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований». Характерно, что в этой своей оценке В. И. Ленин не разграничивает естественных и общественных наук, несмотря на то, что в последних явственнее сказывается классовый характер позиции ученого, а его стихийно-материалистические импульсы действуют слабее. Особое методологическое значение имеет прямое указание В. И. Ленина на «специальные области» истории, а следовательно и на источниковедение с его методикой и «техникой», которое и стоит ближе всего к добыванию «фактических» знаний. Таким образом, из этого ленинского положения со всей очевидностью вытекает необходимость внимательного изучения дореволюционного источниковедения, усвоения и переработки всех накопленных им достижений, и вместе с тем его научно-критической, партийно-классовой оценки, что прежде всего связано с критикой представлений буржуазной историографии в области методологии источниковедения.

Надо, однако, сказать, что и в более широком плане борьба с буржуазными и псевдомарксистскими течениями в историографии (в том числе и современными), наряду с критикой их идейно-теоретических позиций, также включает в себя специальный источниковедческий аспект. Речь идет о применении отточенного оружия источниковедческой критики, о серьезном и всестороннем анализе фактической аргументации, содержащейся в трудах буржуазных ученых. Борьба В. И. Ленина за утверждение марксистского взгляда на историческое развитие России являет собой яркий пример такой критики. Этот ленинский опыт стал ценнейшим достоянием советской исторической науки. Развертывание такого рода источниковедческой критики тем более важно, что представители буржуазной историографии вступают часто, — особенно, когда дело касается новейшего периода истории, — на путь тен-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363—364.

денциозного обращения с источниками, а иногда и прямой их фальсификации.

Видное место должны занять в сборниках конкретно-источниковедческие исследования, посвященные разработке методов анализа целых комплексов и отдельных видов источников — делопроизводственных, законодательных, актовых, статистических, повествовательных (публицистических, мемуарных, эпистолярных и т. д.), книжно-печатных материалов, в том числе прессы. Следует вместе с тем подчеркнуть необходимость методического освоения не только традиционных для исторической науки письменных памятников, но и других групп источников — изобразительных, вещественных, фонодокументов и т. д.

От успеха такого рода конкретно-источниковедческих исследований зависит совершенствование приемов раскрытия информационных потенциалов источников, в частности, методов выявления степени их достоверности. Наряду с этим предполагается уделять в сборниках место характеристике новых и малоизвестных источников, а также анализу уникальных исторических памятников.

Имея в виду новейшие способы обработки источниковой информации, представляющие весьма перспективными количественные методы анализа источников и прежде всего массовых — направление, принявшее в последние годы заметно широкий размах. Достигнутые в этой области успехи (преимущественно в сфере социально-экономической и демографической истории) требуют решения ряда общих методических проблем (например, уточнения понятия «массовый источник»), и вместе с тем ставят вопрос о возможности использования количественных методов в изучении других сфер исторического процесса и других групп источников. Речь идет, в частности, о путях формализации источников повествовательно-описательного характера, не имеющих устойчивого формуляра, об обработке их как традиционно-статистическими, так и собственно-математическими методами с использованием новейшей вычислительной техники. Равным образом идет речь и о дифференцированном применении самих математических методов в соответствии с многообразными задачами, которые выдвигаются перед исторической наукой, о распространении этих методов на такие, например, области, как текстология, палеография и т. д.

Редколлегия полагает, что плодотворной разработке всего комплекса этих сложных теоретико-методологических и конкретно-методических проблем будет способствовать привлечение данных смежных наук и прежде всего философии, социологии, семиотики, теории информации, на стыках с которыми возможно оплодотворение источниковедения свежими идеями и новыми методами критики источников. Естественно, что изучение предполагаемой проблематики будет вестись в обстановке творческих дискуссий, которые найдут отражение на страницах данного издания.

В соответствии с обрисованными выше направлениями намечена примерная структура сборников. Предполагается, что они

будут включать в себя такие разделы, как: общие проблемы источниковедения, историография источниковедения, источниковедческий опыт историка, конкретно-источниковедческие исследования, количественные методы в источниковедении.

Сказанное, разумеется, не означает, что намеченные здесь разделы должны быть стабильными для всех выпусков сборников — их структура может меняться и обновляться.

* * *

Сборник подготовлен Сектором источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР. Редакция выражает глубокую благодарность за ценные критические замечания А. А. Курносову и Р. В. Овчинникову, ознакомившимся с рукописью сборника, С. С. Дмитриеву, В. Э. Дробижеву, Л. В. Милову, Ю. А. Полякову, Б. Н. Флоре, рецензировавшим отдельные его статьи.

Вспомогательно-техническая работа по подготовке сборника к печати проведена В. Х. Бодиско.

О ЛЕНИНСКИХ ПРИЕМАХ СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

Б. Г. Литвак

Среди ленинских приемов изучения социально-политических явлений видное место занимает статистический метод¹. Однако ленинская методика статистического изучения политической истории гораздо менее исследована по сравнению с историей социально-экономической.

В последнем случае исследователи изучают, например, такой фундаментальный труд В. И. Ленина, как «Развитие капитализма в России», в котором не только синтезированы результаты предыдущих исследований Ленина, но и подвергнуты многостороннему анализу вновь привлеченные им массовые статистические данные. Кроме того, сохранился бесценный массив подготовительных материалов к этому труду, что облегчает задачу проникновения в источниковедческую лабораторию В. И. Ленина. Отчасти этим, как можно предположить, и объясняется большая изученность исследовательских приемов В. И. Ленина при анализе явлений социально-экономических.

Хотя для выяснения форм и степени применения статистического метода при исследовании В. И. Лениным закономерностей политических явлений обществоведы не обладают таким обильным материалом, все же за последние годы возрос интерес к этой стороне наследия В. И. Ленина.

Пионерами в изучении этой проблемы выступили статистики². Так, например, И. П. Суслов подробно исследовал ленинские приемы изучения статистических данных о стачках в России с момента появления статистики стачек (1895) по 1912 г. Анализируя ряд статей, в которых В. И. Ленин использует статистику стачек, автор

¹ Существует обширная литература, освещающая роль В. И. Ленина в развитии статистической науки. Назовем только новейшую коллективную работу: «В. И. Ленин и современная статистика. Теоретическое обоснование статистической науки в трудах В. И. Ленина» (М., 1970).

² Из новейших работ, имеющих отношение к теме данной статьи, назовем книгу И. П. Суслова «Политическая статистика в работах В. И. Ленина» (М., 1968) и статью О. О. Яхота «О методе статистического анализа общественно-политических явлений в трудах В. И. Ленина» («Вопросы истории КПСС», 1970, № 1, стр. 58—71).

прослеживает ленинский подход к определению величин интервалов динамических рядов, что представляет особый интерес для методологии статистики. Опыт В. И. Ленина в изучении структуры стачек, их успешности и значения автор стремится применить при анализе статистики стачечного движения в современном капиталистическом мире. Так автор поступает и при анализе ленинской методики изучения классового состава населения России и других вопросов. Вполне очевидно, что И. П. Сулова в первую очередь интересуется вкладом В. И. Ленина в развитие политической статистики, как важной отрасли этой науки. То же можно сказать и о статье О. О. Яхота.

Задача историка, обращающегося к данной тематике, иная. Прежде всего историк не может не заметить, что особый интерес В. И. Ленина к статистическому изучению политических явлений усиливается как раз в моменты подъема революционного движения в стране, когда требовалось как можно полнее охватить многообразие фактов этого движения, изучить его уровень и характер, выяснить его закономерности. Поскольку в моменты, когда особенно усиливается революционная активность масс, резко возрастает объем информации, отражающей эту активность, источниковедческие приемы освоения информации во многом сливаются с приемами статистическими.

Настоящая статья представляет собой попытку описать некоторые из этих приемов, примененных В. И. Лениным при изучении политических явлений, и определить их значение для источниковедческой практики. Мы ограничиваемся подробным анализом тех ленинских работ, в которых, по нашему мнению, наиболее ярко отразились две стороны применения статистического метода: использование уже введенных в научный оборот статистических данных и самостоятельный поиск и обработка впервые привлекаемых для научного анализа сведений. Разбор других работ В. И. Ленина, в той или иной степени связанных с темой статьи, имеет вспомогательный характер.

Известно, что в статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин впервые пишет о трех поколениях, трех классах, действовавших в русской революции на различных ее этапах³. Отметим, что уже в 1912 г., когда В. И. Ленин писал эту статью, он показал полную для него ясность данной периодизации («мы видим ясно три поколения»). Проходит 15 месяцев, и В. И. Ленин пишет статью, озаглавленную «Роль сословий и классов в освободительном движении». Из первого абзаца этой статьи мы узнаем о поводе, побудившем автора взяться за перо: «В одном юридическом журнале были приведены статистические данные о государственных преступлениях в России. Эти данные очень поучительны: они дают точный материал по вопросу о роли сословий и классов в освободительном движении в разные исторические эпохи.

³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 261.

К сожалению, данные неполны. Выведены лишь эпохи: 1827—1846 годы (эпоха крепостного права); 1884—1890 годы (эпоха движения «разночинцев»; смешение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения). Наконец, непосредственно предреволюционная (1901—1903) и революционная (1905—1908) эпохи, т. е. эпохи буржуазно-демократического и пролетарского движения»⁴. Речь шла о статье Як. Бермана «Влияние социально-правового и экономического факторов на государственную преступность», опубликованной в либеральной газете «Право» (№ 33) от 18 августа 1913 г.⁵

Реакция В. И. Ленина на эту статью была поистине стремительной — уже через 10 дней после выхода газеты он опубликовал свою статью в «Северной правде» (№ 22), а на следующий день перепечатал в № 4 газеты «Наш путь». В. И. Ленин нашел в этом номере то, что считал важным для подтверждения своей периодизации освободительного движения. Освещая эту периодизацию новым статистическим материалом, он в дальнейшем, как бы синтезируя основные положения статей «Памяти Герцена» и «Роль сословий...», пишет статью «Из прошлого рабочей печати в России», в которой вновь возвращается к статистическим данным о государственных преступлениях, почерпнутым из статьи Бермана⁶.

Такое пристальное внимание В. И. Ленина к этим сведениям не может не вызвать и нашего интереса к ним. Статья Бермана содержит авторскую обработку данных, почерпнутых из «Свода статистических сведений по делам уголовным» за 1905—1908 гг., а также заимствованные из статьи Е. Н. Тарновского «Статистические сведения о лицах, обвиняемых в преступлениях государственных»⁷ за 1884—1890 и 1901—1903 гг. и материал, опубликованный Е. Н. Анучиным в книге «Исследование о процентах сосланных в Сибирь в период 1827—1846 годов» (СПб., 1873).

Рассмотрим подробнее происхождение и характер названных источников. «Свод статистических сведений по делам уголовным», откуда Берман извлек сведения за 1905—1908 гг. о государственных преступлениях, имеет свою длительную и любопытную историю⁸. По инструкции, введенной с 1-го января 1872 г., все учреждения, действовавшие по уставам 1864 г., обязаны были доставлять в статистическое отделение департамента Министерства

⁴ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 397.

⁵ Возможно, что на № 33 «Права» обратил внимание В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевич, опубликовавший в предыдущем (№ 32) номере статью.

⁶ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94—95.

⁷ «Журнал Министерства юстиции», 1906, № 4 (в газете «Право» при ссылке на статью Тарновского допущена опечатка: вместо № «IV» напечатано «VI»), стр. 50—99.

⁸ Подробнее об этом см.: *Б. Г. Литвак*. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в. М., 1967, стр. 23—24, 77—81.

юстиции уведомление о возникновении дела, ведомость о его производстве и главное «Особые о каждом подсудимом статистические листки», которые заполнялись членом суда и отправлялись независимо от того, наказан или освобожден подсудимый.

«Листки» содержали сведения о возрасте, месте рождения, словесной принадлежности, семейном положении, национальности, вероисповедании, занятии, образовании, сущности обвинения, времени и месте совершения проступка и мерах пресечения по каждому обвиняемому⁹. Не подлежит сомнению, что если бы «Сводь», начавшие выходить с 1873 г., публиковали эти данные о лицах, привлеченных за государственные преступления, в руках исследователей оказался бы первоклассный материал, но все дело в том, что эти материалы публиковались только в 1879 и 1880 гг., а затем до 1905 г. не входили в публикуемые «Сводь». Их публикация была возобновлена в 1905 г. Этим материалом и воспользовался Берман.

Сложнее было положение Е. Н. Тарновского. Понимая, какой бесценный материал пропадает в архивах отделения статистики Министерства юстиции, он решил лично обработать выявленные им 7796 «листочков» за 1901—1903 гг. По 1901 г. ему удалось обнаружить 1748 «листочков», по 1902 г.— 2311, по 1903 г.— 3737 «листочков», и, хотя он полагал, что это меньше действительно присланного количества «листочков»¹⁰, тенденция к увеличению числа лиц, привлекаемых за государственные преступления, в начале XX в. прослеживается весьма отчетливо¹¹.

Таким образом, мы констатируем, что первичным источником для данных, приведенных Берманом и вызвавших интерес В. И. Ленина, явились «листки»¹². Возникает естественный вопрос: насколько сопоставимы данные «Сводов» и Тарновского, которыми оперирует Берман. Для ответа на него нам следует рассмотреть методы обработки первичных данных как составителей «Сводов», так и Тарновского. В обоих случаях мы можем судить

⁹ «Свод статистических сведений по делам уголовным, возникшим в 1872 году». СПб., 1873, стр. 1—2.

¹⁰ Е. Н. Тарновский. Указ. статья, стр. 53.

¹¹ Нужно сказать, что в самом Министерстве юстиции время от времени обращали внимание на эти «листки» как на первичный массовый материал, который следовало бы обработать для «внутреннего пользования». Тарновский свидетельствует о предпринятой в начале 90-х годов попытке разработать эти материалы за 1884—1890 гг., «но дальнейшего развития и продолжения,— пишет он,— попытка эта не получила, и, по-видимому, самая работа эта осталась неизвестной даже для центрального ведомства Министерства юстиции». Во всяком случае Тарновский воспользовался плодами этой попытки—данными статистической обработки 4307 «листочков» за эти годы, что значительно расширило источниковую базу статьи. (Там же, стр. 52).

¹² Отметим, что позднейший исследователь не упоминает о работе своих предшественников и вообще игнорирует «листки» (*Л. Слухоцкий*. Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями.— «Историко-революционный сборник», т. III. М., 1926).

о методике только по результатам ее применения, так как ни в предисловиях «Сводов», ни в статье Тарновского методика не раскрывается. С 1873 г. установились единая структура «Сводов», единое наименование статистических таблиц, включенных в них, но в содержании таблиц по сравнению с таблицами «Свода» за 1905 и последующие годы есть существенная разница: до 1905 г. таблицы содержали сведения о подсудимых, начиная с 1905 г. — только об осужденных. Разумеется, что для изучения карательной политики царизма эта разница имеет весьма серьезное значение, так как абсолютные цифры несопоставимы. Но В. И. Ленин пользовался относительными (процентными) данными, поэтому указанное обстоятельство не имело существенного значения. Более того, поскольку Тарновский имел дело с данными о привлеченных к суду, а Берман — об осужденных, то выведенные процентные соотношения с особой силой подтверждают правомерность ленинского вывода о смене лидерства трех сословий в освободительном движении XIX — начала XX в.¹³

Далее, важно установить, совпадают ли критерии отбора данных о государственных преступлениях в «Своде» и у Тарновского.

Каждый «Свод» состоял из «Общего обзора» — сугубо бюрократического отчета о «прохождении дел» в общих судебных установлениях — и трех частей. Во второй части сосредоточены сведения о государственных преступлениях, к которым «Свод» относит преступления против «особы государя и членов императорского дома», бунт и измену, преступления против народного права. Последняя группа преступлений (за 1905—1908 гг. в ней было около десятка осужденных) появилась в связи с Манифестом 17 октября 1905 г. и, естественно, не могла быть в данных Тарновского. Последний как крупный юрист, конечно, не мог знать «преступления», которые отнесены к государственным. Однако недостаточно основываться только на этом заключении. К счастью, Тарновский нередко оперирует номерами статей «Уложения о наказаниях...», что дало возможность проверить справедливость данного заключения: именно те статьи, о которых упоминает Тарновский, определяют меру наказания за преступления, относимые «Сводом» к государственным. Таким образом, критерии в определении круга лиц, данные о которых разрабатывались в этих двух источниках, совпа-

¹³ Сравнение материалов «Свода статистических сведений по делам уголовным» за 1905—1910 гг. со «Сводами статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест, судебномировым установлениям и учреждений» за эти же годы (СПб., тома за соответствующие годы вышли в 1908—1913 гг.) показывает, что удельный вес различных социальных групп среди подсудимых и осужденных в целом одинаков, отклонения незначительны — 0,1—0,3% в ту или иную сторону. При сравнении, конечно, исключались данные по мировым судам, так как государственные преступления были подсудны, как известно, окружным судам и судебным палатам.

дают, и, следовательно, итоги этой обработки сопоставимы. Некоторое несовпадение критериев могло быть при определении занятий лиц, совершивших политические преступления. Тарновский жаловался на то, что «группа ремесленников не всегда по статистическим листкам может быть отделена от фабричных рабочих»¹⁴. О том, как в «Своде» группировались сведения о привлеченных по их занятиям, мы узнаем, изучая перечень профессий, который дается в приложениях к «Своду». Из этого перечня становится ясно, какие профессии и в какую группировку таблиц о занятиях вошли, но в нем мы не находим ответа на те вопросы, которые встали перед Тарновским. Между тем в целом сведения «Свода» о занятиях заслуживают доверия, а в некоторых, весьма решающих случаях эти сведения просто превосходны. Известно, например, сколько ошибок допускают исследователи, принимая сословную характеристику «крестьянин» как определение занятий. Составители «Сводов» не только скрупулезно группируют сословие крестьян по его отдельным слоям (бывшие государственные, удельные, помещичьи и т. п.), но, что чрезвычайно важно, по роду занятий различают «крестьян, занимающихся хлебопашеством», сельскохозяйственных рабочих по найму, хлебопашцев-ремесленников и т. д.

Сказанное позволяет утверждать, что два важнейших признака, характеризующие привлеченных за государственные преступления и служившие статистической основой для ленинских выводов — занятие и сословие, определялись в целом верно; массовые данные о них в различных источниках, использованных Берманом, обрабатывались примерно одинаково; их сопоставление в статистических рядах поэтому вполне правомерно.

Как видно из статьи Бермана, он непосредственно не обращался к книге Анучина, ограничившись тем, что сказано о ней у Тарновского. Поскольку, однако, сведения Анучина обеспечивают статистическим фундаментом понятие «дворянский период» освободительного движения, следует о них сказать особо. Значение работы Анучина не определяется только вышесказанным. Обратившись к довольно деликатной теме, автор сумел сохранить научный подход к исследованию вопроса, о котором правительство предпочитало умалчивать или давать свою официально-бюрократическую трактовку.

Е. Н. Анучин проделал огромную работу, статистически изучив материалы архива Тобольского приказа о ссыльных, через который проходило большинство сосланных в Сибирь. Поскольку все ссыльные вносились в «Книги (описания)», которые фиксировали имя, пол, возраст, звание, т. е. сословие (с 1835 г.), религию, род преступления, степень наказания и местность, откуда ссыльный прибыл, в руках Анучина оказался систематический ма-

¹⁴ Е. Н. Тарновский. Указ. статья, стр. 75.

терпал. Он сгруппировал впервые сведения о звании сосланных в Сибирь за государственные преступления. Правда, Анучин разработал при этом данные о 67,4% ссыльных, так как остальные своего звания не объявляли¹⁵. Приведем абсолютные цифры, послужившие основой для выведенного Анучиным процента дворян среди сосланных «государственных преступников» (63,05%)¹⁶.

За 1835—1846 гг. зарегистрировано по государственным преступлениям 128 дворян, 27 «военного сословия» (нижние чины), 25 государственных крестьян, 13 мещан, 10 помещичьих крестьян и духовное лицо. Эти цифры примечательны во многих отношениях. Они позволяют, во-первых, выявить истоки ошибки Бермана, который включил лиц «военного сословия», хотя они были «нижними чинами», в общее число дворян. Именно поэтому в ленинской таблице значится 76% дворян среди привлеченных за государственные преступления¹⁷. Во-вторых, снять вопросы, которые В. И. Ленин поставил в той же табличке в графах «духовенство» и «купецество». По данным Анучина, среди государственных преступников указанного времени купцов не было, а удельный вес лиц духовного звания составил 0,4%. Если учесть, что, по Анучину, мещан и крестьян, исключая «нижних чинов» военного

¹⁵ Исследование о проценте сосланных в Сибирь 1827—1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. Сочинение Е. Н. Анучина. СПб., 1873, стр. 72.

¹⁶ Там же, стр. 74.

¹⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 397. Приведем таблицу полностью:

Эпохи	Дворян	Мещан и крестьян	Духовенства	Купечества	Эпохи				
					Дворян	Мещан и крестьян	Духовенства	Купечества	
1827—1846	76,0	23,0	?	?	1901—1903	10,7	80,9	1,6	4,1
1884—1890	30,6	46,6	6,4	12,1	1905—1908	9,1	87,7	?	?

Разница на 13% в удельном весе дворян среди привлеченных к ответственности, однако, не меняет общего вывода В. И. Ленина, так как 63% — тоже свидетельство полного преобладания дворянства. Вопросы в ленинской таблице могут быть сняты не только за 1827 (1835) — 1846 гг., как мы это сделали, но и за 1905—1908 гг. По «Сводам» за 1905—1908 гг. мы выясняем абсолютные цифры и устанавливаем удельный вес представителей различных сословий, привлеченных за государственные преступления. Из 13 235 человек 682 были дворянами. Это составляет не 9,1%, как полагал Берман, а только 5,1%. Мещан и крестьян было 11 870, или 89,8% (против 87,7%, указанных у Бермана), духовенства — 102, или 0,7%, купечества — 581, или 4,4%. То, что казалось округлением, когда В. И. Ленин писал: «Мещане и крестьяне дают... 9/10 во время революции» (там же, стр. 398), в свете наших цифр становится совершенно точным.

сословия, было 23,5%, то итог первой строки в ленинской таблице будет полностью уточнен¹⁸.

Итак, мы видим, что источник ленинских подсчетов аккумулировал все известные к тому времени данные статистики «государственной преступности» и что В. И. Ленин не просто заимствовал нужные ему сведения из статьи Бермана, а по-своему группировал, выявляя их неполноту и отрывочность. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» он снова напоминает о том, что «о 60-х и 70-х годах, к сожалению, нет подобных данных»¹⁹. Но вместе с тем он считал данные, приведенные Берманом, «точным материалом» для изучения интересующего его вопроса. О какой же «точности» идет или может идти речь в данном случае? Поскольку В. И. Ленин еще до знакомства с этими сведениями на основании анализа иных данных (деятельность декабристов, Герцена и Белинского, Чернышевского и Добролюбова) ясно видел три поколения в освободительном движении, «точность», очевидно, означает наличие массового материала, поддающегося статистическому подсчету и не несущего субъективной окраски — внешне независимого от самого движения. Обращение В. И. Ленина к этому материалу отражает его исследовательскую позицию: политическая история, подобно социально-экономической, должна основываться на анализе точного и объективного материала. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» В. И. Ленин рассматривает каждый в отдельности период освободительного движения и характеризует факты, которые были ему известны задолго до появления статьи Бермана, но все же завершает эту характеристику статистическими данными, наглядно показывающими «классовое различие между движениями трех назначенных исторических периодов»²⁰. Материал статьи Бермана отвечал тем исследовательским поискам, которые В. И. Ленин предпринимал еще в 1903 г., когда по разрозненным данным пытался составить «статистику арестованных» и анализировать ее²¹. И в данном случае сказывалось стремление найти факты, которые бы помогли «извне» изучить революционное движение.

¹⁸ Приводим таблицу с уточненными данными:

Эпохи	Дворян	Мещан и крестьян	Духовенства	Купечества	Эпохи				
					Дворян	Мещан и крестьян	Духовенства	Купечества	
1835—1845	63,0	36,5	0,5	—	1901—1903	10,7	80,9	1,6	4,1
1884—1890	30,6	46,6	6,4	12,1	1905—1908	5,1	89,8	0,7	4,4

* с учетом нижних чинов военного сословия.

¹⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 95.

²⁰ Там же, стр. 94—95.

²¹ По поводу полученного 8 октября 1903 г. списка арестованных В. И. Ленин писал: «Составить бы заметку на основании этого. Обработать в статистику» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 501).

Обратим внимание еще на одну сторону источниковедческой практики В. И. Ленина. Мы видели, что вывод о трех периодах в освободительном движении России подготавливался исподволь благодаря глубокому знакомству со всей литературой об этом движении, с биографиями его вождей и т. д. С появлением статьи Бермана, вобравшей в себя все массовые данные, что имелись в литературе и были доступны исследователю, появилась возможность обосновать научную периодизацию освободительного движения и цифровым материалом.

Мы рассмотрели случай, когда в поле зрения В. И. Ленина попали уже статистически обработанные массовые данные. Обратимся к тому случаю, когда он выступает как собиратель таких массовых данных, и проследим методiku их обработки.

Для изучения настроений рабочих и степени влияния большевиков и меньшевиков в рабочей среде в качестве источника, казалось бы, естественно запрашиваются документы, в которых сами рабочие свидетельствовали о своем отношении к различным течениям в их движении. Такие источники были вполне доступны В. И. Ленину.

Однако он обратился к данным, которые прежде всего могут служить источником для изучения финансового положения газет, а не настроения рабочих. Он привлек финансовые отчеты о рабочих взносах в поддержку органов печати, публиковавшиеся в газетах большевиков и ликвидаторов.

Это не случайность: В. И. Ленин часто применяет статистические приемы изучения источников, объективная природа которых, на первый взгляд, как будто и не поддается такого рода изучению, и тем самым получает сведения, извлечение которых невозможно при трафаретных методах изучения источника. Так, законодательный акт служит всегда естественным источником для изучения определенных юридических норм. В «Случайных заметках» (1901 г.) он послужил В. И. Ленину для совершенно других целей.

Иронизируя над обычными приемами правительственной прессы, которая всегда обвиняет революционеров и даже либералов в тенденциозном подборе и освещении фактов, В. И. Ленин пишет: «Попробуем обратиться к статистике. Мы возьмем, конечно, не статистику тех или иных фактов общественной жизни: известно, что факты и регистрируются людьми пристрастными и обобщаются учреждениями иногда решительно «тенденциозными» — вроде земства. Нет, мы возьмем статистику... законов. Сместь думать, ни один самый ярый сторонник правительства не решится утверждать, что может быть что-либо объективнее и беспристрастнее статистики законов — простого подсчета того, что само правительство постановляет, совершенно независимо от всяких соображений о расхождении между словом и делом, постановлением и исполнением и т. п.»²²

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 423.

В. И. Ленин предупреждает читателя, что он отказывается все в тех же целях объективности от обычной интерпретации («критики») текста узаконений (как известно, этот прием в других случаях им часто применялся) и ограничивается только простым анализом того, «о чем правительство узаконяет и распоряжается»²³. В. И. Ленин обосновывает пригодность данных узаконений для статистической обработки («среди них нет никаких особенно выдающихся законов... Мы застаем таким образом правительство в его будничном виде, а это еще раз гарантирует нам объективность „статистики“») ²⁴.

В. И. Ленин «бесстрастно» группирует 91 узаконение, изданное в течение 15 дней (от 29 декабря 1900 г. до 12 января 1901 г., т. е. на пороге нового столетия), 60 узаконений о торгово-промышленных обществах, 22 — «выражающих попечение правительства о самом себе», 1 — о расширении площади лесов для императорской охоты, остальные в той или иной мере отражают «попечение правительства о народе». К ним В. И. Ленин относит «по самым льготным принципам» учреждение школы скотников («кто ее, собственно говоря, разберет,— замечает он: действительно это школа или только усовершенствованный скотный двор?») и подобные мероприятия.

Поскольку официальные правительственные органы печати обвиняли «своих противников в тенденциозности», пишет В. И. Ленин,— он делает «удовольствие этим строгим и беспристрастным судьям» и производит приведенный подсчет.

Объективные данные показывают, что самодержавие — верный слуга помещиков и капиталистов. Эти данные также отражают «тяжеловесность механизма..., необходимость самому правительству сунуть во все свой нос»²⁵, т. е. кретинизм самодержавной централизации, антинародный ее характер.

Совершенно очевидно, что любой читатель, будь то противник или сторонник царского режима, не мог не признать абсолютную доказательность фактов, приводимых В. И. Лениным. В. И. Ленин с полным основанием мог писать, что «это первый опыт статистики узаконений; до сих пор никто не пытался еще возвести эту область знания на степень строгой науки,— никто, не исключая даже профессоров русского государственного права»²⁶. Иронический подтекст, который ощущается во всей статье, не должен нас смущать, так как В. И. Ленин действительно не имел предшественников в статистическом изучении законодательства в России.

Следует обратить внимание на то, что любая интерпретация каждого в отдельности или всех вместе узаконений не обрела

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 423.

²⁴ Там же, стр. 423—424.

²⁵ Там же, стр. 422—427.

²⁶ Там же, стр. 427.

бы той силы доказательности, которая достигается статистической их группировкой по самому нейтральному для методологических позиций исследователя критерию: «*О чем* правительство узаконяет и распоряжается». Почему? Потому что источник использован не в согласии с предназначенной его рождением целью — фиксировать какую-нибудь устанавливаемую юридическую норму, а поставлен в условия, заставляющие его стать «датчиком» информации, извлечение которой не предусматривалось при создании источника.

В. И. Ленин назвал свою статистическую обработку законодательных актов «объективной статистикой». Финансовые отчеты, также оторванные от своей первичной и естественной роли источника для изучения финансового положения газет, обрели «второе дыхание», став объективным материалом для изучения степени влияния различных течений в рабочем движении.

Данные о финансовой поддержке большевистской и ликвидаторской печати были использованы В. И. Лениным по крайней мере в 26 статьях, докладах и выступлениях, начиная с момента, когда он за далеко не случайной подписью «статистик» опубликовал в «Правде» статью «Итоги полугодовой работы» (12—14 июля 1912 г.) и до 21 июля 1914 г. (как раз в день закрытия «Трудовой правды»), когда в газете «*Leipziger Volkszeitung*» был напечатан его ответ на статью «*Leipziger Volkszeitung*». Следовательно, мы имеем возможность проследить на обширном материале процесс выбора и совершенствования статистических приемов изучения такого кардинального вопроса, каким был вопрос о характере и силе связей большевиков и ликвидаторов с массами в момент революционного подъема.

В. И. Ленин придавал принципиальное значение статье «Итоги полугодовой работы». Как видно из его письма в редакцию «Правды», он настаивал на ее публикации именно в «Правде», хотя сознавал, что она по объему журнального типа. В. И. Ленин предложил разбить ее на четыре части, чтобы поместить в четырех номерах газеты. Для нас особенно интересен тот факт, что он предложил подзаголовки к каждой части, и, соглашаясь на цензурные исправления, предупредил, что «*на выпуск главы III не согласен*». Эта глава названа им: «Рабочие сборы на ликвидаторские и неликвидаторские газеты»²⁷. Мы видим, что в целях борьбы с ликвидаторами идея статистической обработки отчетов о сборах в пользу газет, публикуемых этими же газетами, была В. И. Ленину особенно дорога. Перед ним был первоклассный источник по степени полноты и достоверности. «Гласность обеспечивала абсолютную правильность этих отчетов: случайные ошибки поправлялись немедленно по указаниям заинтересованных лиц», — подчеркивал В. И. Ленин, аргументируя свой тезис о достоверности данных. Но ему важно было доказать не только до-

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 570, прим. 150.

стоверность источника, гораздо важнее и ценнее было перевести «язык» финансового отчета на партийный язык, вскрыть объективную сущность цифр. «Самое важное и интересное для нас — не общая сумма сборов, а *состав жертвователей*»²⁸, — писал В. И. Ленин. Мы прослеживаем весь ход его мысли, искавшей наиболее представительные показатели понятия *массовой* рабочей поддержки газеты. В. И. Ленин прежде всего отбрасывает общую сумму сборов как искомый показатель, так как один меценатствующий буржуа может дать больше, чем сотни рабочих. Но вместе с тем, интересуясь только рабочими взносами, он исключает взносы отдельных рабочих, которые, как он пишет, «может быть, случайно наткнулись на того или иного сборщика, не будучи связаны с ним идейно, т. е. по своим взглядам, убеждениям». Итак, остаются только *групповые* взносы. Но почему они вполне соответствуют ленинскому представлению об объективном показателе массовой поддержки? Потому что группа исключает элемент случайности, возможный при одиночном взносе. Коль скоро речь идет о группе рабочих, замечает В. И. Ленин, то несомненно, что они *обсуждали* «заранее, следует ли давать деньги, кому давать, на какую цель давать»²⁹. Так, казалось бы, сугубо будничным факт приобретает политическое звучание. Логичность, объективность и неопровержимость выбранного показателя для политического «прочтения» финансовых отчетов были бы недостаточны, если бы В. И. Ленин не уточнил, что он считает «групповым сбором». «Каждое сообщение..., в котором указано, что именно *группа* рабочих или служащих внесла деньги на ежедневную рабочую газету, принималось за *один групповой сбор* самих рабочих»³⁰, — формулирует В. И. Ленин.

Таким образом, строго следуя за источником, В. И. Ленин обеспечивает полную возможность проверки всего процесса его обработки. Этих принципов обработки финансовых отчетов он последовательно придерживался и в дальнейшем. Они и легли в основу известной разработки данных о сборах на правдистские и ликвидаторские газеты, предпринятой одним из сотрудников «Правды», В. А. Тихомирновым. В. И. Ленин в статье «Рабочий класс и рабочая печать» приводит развернутую таблицу В. А. Тихомирнова — итог разработки указанных данных за период с 1 января по 13 мая 1914 г. Эта статья завершает процесс накопления данных по групповым сборам и поисков наиболее выразительных форм и приемов их обработки. Она служит важнейшим звеном в синтезе всех привлеченных В. И. Лениным источников для изучения «объективных данных о силе разных течений в рабочем движении».

Нельзя не отметить очень характерную для исследовательских

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 428.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, стр. 429.

приемов В. И. Ленина деталь: когда его та или иная статья обращена к читателю, знающему первоисточник — финансовые отчеты, публиковавшиеся в газетах, он ограничивается их краткой характеристикой. Но обращаясь к немецким социал-демократам с брошюрой «К современному положению в РСДРП»³¹ и используя данные отчетов, он счел необходимым в первоначальном постскриптите к брошюре полностью привести один из отчетов, напечатанный в ликвидаторском «Невском голосе» № 7, чтобы читатель мог сам убедиться в полной объективности ленинских подсчетов³². Такое обнажение исследовательской лаборатории специально для людей, не знающих первоисточник, безусловно, усиливало доказательность тезиса В. И. Ленина о ликвидаторском *нуле* в русском рабочем движении³³.

Сами ликвидаторы в своем «Невском голосе» могли только браниться по поводу этих точных фактов, но оспаривать их даже не пытались³⁴.

Но было бы неверно полагать, что В. И. Ленин не видел или, видя, умолчал об ограниченности используемого им источника. Уже в статье «Итоги полугодовой работы» он отмечает ту характерную особенность «Отчетов», что они безусловно *единственный* источник, наиболее полно отражающий помощь масс рабочих в *создании* «Правды», но *после* создания «ежедневной рабочей газеты возникла и получила решающее значение *другая* форма помощи газете, именно: подписка на нее и распространение газеты среди товарищей, знакомых, земляков и т. д. ...К сожалению,— замечает В. И. Ленин,— мы не можем иметь полной статистики *такого* рода групповой помощи»³⁵. Этот диалектический подход к источнику, трезвая оценка его сильных и слабых (или слабейших в связи с развитием и усложнением самого явления, которое он отражает) сторон явились причиной того, что В. И. Ленин стремился преодолеть эту ограниченность путем сопоставления данного источника с другими.

В статье «О расколе в русской социал-демократической фракции Думы», напечатанной 24 декабря 1913 г. в газете «Leipziger Volkszeitung», В. И. Ленин разоблачает клеветническую статью

³¹ См. там же, стр. 441—465. Брошюра была послана делегатам съезда Германской социал-демократической партии, проходившего 15—21 сентября 1912 г. в г. Хемнице (см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 372, прим. 106).

³² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 463—464.

³³ См. там же, стр. 465.

³⁴ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 59.

³⁵ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 431. Ленин стремился наладить статистику и этой формы помощи. В письме в «Правду» 8 сентября 1912 г. он писал: «Не думаете ли, что была бы полезна ежемесячная статистика, хотя бы краткая (тираж, название города и района). Какое могут быть соображения за то, чтобы не печатать ее. Если нет особых соображений, то следовало бы, мне кажется, печатать» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 89).

о расколе в думской фракции РСДРП, появившуюся без подписи в той же газете 15 ноября 1913 г. В данном случае нас интересуют ленинские возражения против утверждений автора статьи о существовании лишь «косвенных» доказательств в пользу того, что шестеро депутатов-марксистов представляют большинство рабочего класса России. В. И. Ленин приводит «прямые доказательства», «несколько точных цифр», привлекая наряду с данными финансовых отчетов и сведения из иных источников. Шесть депутатов-большевиков были избраны в тех губерниях, в которых, по данным фабричной инспекции, насчитывалось 1 008 тыс. рабочих, а меньшевистская «семерка» имела за собой только 214 тыс. рабочих, т. е. в 5 раз меньше. Такое же соотношение дают и итоговые данные за 1912—1913 гг. о числе рабочих групп, поддерживавших марксистскую и ликвидаторскую печать: 2576 и 556³⁶. Таким образом, сведения из «Отчетов» проверяются другими объективными данными. Ленин в данном случае реализовал высказанную им раньше мысль о том, что «в России, при теперешнем политическом положении ее, нет и быть не может иного *объективного* мерпла., как рабочая пресса п рабочей курия Думы»³⁷. В статье «Рабочий класс и рабочая печать» В. И. Ленин проверяет данные «Отчетов» о рабочих группах, поддерживающих правдистскую и ликвидаторскую печать, материалом «совсем из другого источника, именно: о составе уполномоченных от рабочих по выборам в страховые учреждения»³⁸. Выясняется, что в Петербурге из 100 рабочих групп 86 правдистских и 14 ликвидаторских, а соотношение правдистских и ликвидаторских уполномоченных равно соответственно 84 и 16%³⁹. Почти идентичные данные, полученные из разных источников, не только подтверждают достоверность «Отчетов», но и позволяют судить о явлениях, которые сами по себе не поддаются статистическому анализу, в частности, степени сознательности рабочих, выяснению которой и посвящена разбираемая статья.

Очень поучительно отношение к данным о тираже газет и количестве выпущенных номеров. Первый раз В. И. Ленин касается этих данных в брошюре «К современному положению в РСДРП», обращенной, как мы уже знаем, делегатам Хемницкого съезда Германской социал-демократической партии. Прежде всего он приводит данные о количестве номеров ликвидаторских и марксистских газет в России, выпущенных за первое полугодие 1912 г. Ликвидаторы сумели выпустить 21 номер, большевики — 100. «Таково соотношение сил между ликвидаторами и партией в России. Данные о газетах — открытые данные, — заключает В. И. Ленин, — всякий может их проверить и обосновать». Слож-

³⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 156—157.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 342—343.

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 230.

³⁹ Там же.

нее обстоит дело со сведениями о тираже. Он приводит сведения ликвидаторов о тираже их газет (30 тыс.), допуская, что «это — не преувеличено» и сведения о тираже газет партии (60 тыс.). Но здесь же отмечает ненадежность этих сведений в качестве доказательного материала, во-первых, из-за того, что они «не опубликованы и потому могут показаться преувеличенными»⁴⁰, во-вторых, а это особенно для нас важно, «данные о числе выпущенных номеров газет и тираже не доказывают еще полностью превосходства партии над ликвидаторами. Газеты могут издавать также маленькие группы либеральных интеллигентов. Всякая «дружественная рабочим» или даже либеральная газета с радикальным оттенком всегда найдет в России много читателей. Кроме рабочих их будут читать либералы, а также мелкобуржуазные демократы»⁴¹. Казалось бы, эти данные, которые легко доказывали десятикратное превосходство партии над ликвидаторами (пятикратное превосходство в количестве номеров, помноженное на вдвое больший тираж), В. И. Ленин должен был бы «защищать», между тем он вскрывает не только их субъективное пропущенное, но и объективную недостаточность для выяснения степени влияния партии и ликвидаторов в массах рабочих. Этот трезвый взгляд В. И. Ленина «со стороны» на источник при всей его страстности и партийной убежденности (а, вернее, именно благодаря им) лишней раз подчеркивает необходимость тщательного взвешивания доказательной силы того или иного факта, почерпнутого из источника, особенно, если он лежит на поверхности и легко вписывается в построение историка.

Именно этой исследовательской щепетильностью мы объясняем то обстоятельство, что с момента написания названной брошюры и вплоть до июня 1914 г. в 18 статьях В. И. Ленина, где использованы данные о групповых сборах, нет упоминаний о тиражах. Между тем из писем за этот период видно, что он имел сведения о тиражах не только «Правды», но и «Луча». Так, 29 марта 1913 г. он сообщает своему адресату, что «Правда» выходит тиражом в «30—32 тыс. в будни и 40—42 тыс. в праздники», а далее пишет: «40 тыс. «Правда» contra 12 тыс. «Луча»»⁴². Заботясь о тираже, о количестве подписчиков «Правды», что видно из многих писем В. И. Ленина в ее редакцию, он продолжает настаивать на гласности этих сведений. В марте 1914 г. он пишет в редакцию «Путь правды»: «Нельзя также оставлять «безгласным» вопрос о подписчиках: надо опубликовывать их число, иначе нельзя подняться от кружковщины к организованности, от предприятия частного к коллективности»⁴³. Опубликованные

⁴⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 452.

⁴¹ Там же, стр. 452—453.

⁴² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 172. О 40-тысячном тираже «Правды» Ленин упоминает и в письме в июне 1914 г. (см. там же, стр. 297).

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 273.

данные становятся, по мысли В. И. Ленина, общественным явлением, сплачивающим массы. Здесь вновь и вновь подчеркнута значение объективных, гласных данных для просвещения масс. С каким сарказмом В. И. Ленин несколько позже писал о том, что ликвидаторы *«только раз»* (№ 101 «Луча») напечатали свой отчет, показывающий дефицит в 4000 руб., а потом перешли к общеполитическому обычаю: не публиковать отчетов». Отмечая, что «Правда» свои финансовые отчеты *«много раз»* публиковала, В. И. Ленин добавляет: «Приходится нам, подпольщикам, учить ликвидаторов-либералов пользе открытых отчетов...»⁴⁴

Почему же В. И. Ленин в июне 1914 г. вновь возвращается к данным о тиражах? В это время он сводит все собранные материалы в статье «Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении», над которой он особенно тщательно работал⁴⁵. Материал этой статьи лег в основу второго раздела доклада ЦК РСДРП на Брюссельском совещании⁴⁶. В. И. Ленин группирует все объективные данные в одну таблицу с 15 показателями, сформулированными сугубо нейтрально, нарочито бесстрастно, чисто «по-деловому», «практически», которые в совокупности и дают неопровержимые доказательства силы разных течений. Сравнение таблицы, приводимой в тексте статьи, с фотокопией ее наброска, помещенной в виде вклейки, раскрывает существенные детали подготовки В. И. Лениным окончательного варианта таблицы. Прежде всего выясняется, что при одном и том же числе показателей расстановка их в окончательном варианте заметно отличается (№ 3—13 в начальном варианте получили в окончательном соответственные номера 10, 7, 6, 13, 3, 4, 11, 12, 5, 8, 9)⁴⁷. На наш взгляд, это не случайно. Выдвиг-

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 232.

⁴⁵ См. там же, стр. 244—250. Сохранился первоначальный набросок конспекта и конспект этой статьи (см. там же, стр. 516, прил. 98).

⁴⁶ См. там же, стр. 371—381.

⁴⁷ Перечислим названия этих показателей с указанием их нумерации в начальном и окончательном вариантах (первая цифра — начальный вариант, цифра в скобках — окончательный). Формулировка показателей дана по окончательному варианту:

- 1 (1) Выборы в Государственную думу. Число депутатов рабочей курии.
- 2 (2) Число рабочих групп, делавших взносы: число взносов от рабочих групп в петербургские газеты.
- 3 (10) Денежные сборы на СПб. газеты (с 1 января по 13 мая 1914 г.). Процент сборов *не* от рабочих.
- 4 (7) Сколько печатается экземпляров (данные, собранные и опубликованные Э. Вандервельдом).
- 5 (6) Число обращений с разными взносами от рабочих групп в ту и другую фракцию (с окт. 1913 г. по 6 июня 1914 г.).
- 6 (13) Денежные суммы, прошедшие через ту и другую думскую фракцию (с октября 1913 г. по 6 июня 1914 г.). Процент сумм *не* от рабочих.
- 7 (3) Число уполномоченных при выборах во всеросс. страховое учрежд.

нув на первый план два важнейших показателя — данные о выборах в Государственную думу второго, третьего и четвертого созывов⁴⁸ и сведения о групповых взносах в поддержку газет, В. И. Ленин стремился в первую очередь осветить силу связи с рабочими массами различных течений. Именно поэтому третий пункт в начальном варианте («Денежные сборы на газеты. Процент сборов не от рабочих») оказывался не на месте, перебегая дорогу таким показателям, как данные о выборах от рабочих в страховые учреждения (п. 7 и 8 в начальном варианте). Естественно, что они в окончательном варианте заняли соответственно № 3 и 4. Все те показатели, которые отражали отрыв от масс, В. И. Ленин в окончательном варианте группирует под заголовком «Зависимость от буржуазии», отсутствовавшим в первом варианте. Сюда-то и были отнесены № 3, 6, 9, 10 первого варианта, получившие соответственно 10—13 места в окончательном.

Примечательно, что сведения о тиражах, вводимые в таблицу, были с четвертого места в начальном варианте отнесены на седьмое в окончательном. Здесь, безусловно, сказалось ленинское отношение к ним как к источнику. Характерно, что В. И. Ленин ставит эти данные на последнее место среди показателей силы связей с рабочим классом. Здесь к месту будет сказать, что обращение к данным о тиражах было вызвано неожиданным обстоятельством: летом 1914 г. Э. Вандервельде был в Петербурге и

- 8 (4) То же при выборах в столичное страховое учреждение.
- 9 (11) Число денежных отчетов, напечатанных газетами за все время.
- 10 (12) Из них процент отчетов с дефицитом, покрытым из неизвестных, т. е. буржуазных, источников.
- 11 (5) Подписи в обеих газетах за «шестерку» (правд.) и за «семерку» (ликвид.).
- 12 (8) Зарубежная печать: число номеров руководящей газеты, вышедших после августовской (1912 г.) конференции ликвидаторов по июнь 1914 г.
- 13 (9) Число указаний в этих номерах на не открытые организации (каждое место считается за одно указание).
- 14 (14) Число корреспонденций, выданных молчаливо за рабочие, а на деле взятых из буржуазных газет, без указания источника.
- 15 (15) Число проф. союзов в СПб., в которых большинство членов (суля по большинству членов правления) сочувствует такому-то направлению.

⁴⁸ Напомним ленинскую характеристику этих данных: «Избирательная кампания потому представляет выдающийся интерес для всякого сознательного политического деятеля, что она дает объективный материал по вопросу о взглядах, настроениях, а следовательно, и интересах различных классов общества..., выборы дают политическую статистику». Далее, отмечая отрицательные качества этого источника в условиях царской России и указывая на необходимость его сопоставлять со статистикой стачек, Ленин заключает: «Но за всеми этими оговорками остается несомненным, что выборы дают материал объективный. Проверка субъективных пожеланий, настроений, взглядов учетом голосования масс населения... всегда должна быть ценна для политика в сколько-нибудь серьезном значении этого слова» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22. стр. 331—332).

собрал данные о тиражах, опубликовав их затем в западной социалистической печати. Поскольку эти сведения были опубликованы, хотя самого Вандервельде трудно было заподозрить в симпатиях к «правдистам», В. И. Ленин считал возможным пользоваться ими, так как они были близки к истине. Тем не менее ликвидаторы скрывали эти данные. Приводя в таблице сведения Вандервельде, В. И. Ленин замечает: «Желательно собрать хотя бы за месяц более полные данные»⁴⁹.

Статистические приемы В. И. Ленина рельефно выступают при сравнении показателя 15 в первоначальном и окончательном вариантах. Подсчитывая число профессиональных союзов, в которых «большинство членов (судя по большинству членов правления) сочувствуют такому-то направлению», В. И. Ленин в первоначальном варианте хотел учитывать не только столичные профсоюзы, но и московские. Затем, однако, он вычеркнул Москву и данные по ней из таблицы, хотя соотношение между «правдистскими» и «ликвидаторскими» профсоюзами в этом случае было более выразительным. Если бы В. И. Ленин оставил эти данные, он бы нарушил выдержанный по всем остальным 14 показателям принцип брать данные только по столице и по стране в целом. Это разрушило бы логику таблицы и сделало бы ее уязвимой, «субъективной». Вместе с тем он вовсе не был склонен поступиться каким-либо показателем, свидетельствующим о завоевании партии в профсоюзах, поэтому он не только в тексте статьи подробно пишет о числе профсоюзов Москвы, руководимых партией, но в окончательном варианте таблицы учитывает в Петербурге не 14 «правдистских» союзов, как это было в первоначальном варианте, а 14,5, так как «в одном союзе число сторонников правдистов и ликвидаторов разделилось поровну». У ликвидаторов соответственно вместо 4 союзов указано 3,5. Поскольку качественное различие союзов в таблице не отражено, В. И. Ленин в тексте статьи называет союзы, находящиеся под влиянием ликвидаторов и левонародников — конторщиков, чертежников, фармацевтов, булочников и футлярщиков с общим числом членов около 22 тыс.⁵⁰, подчеркивая этим близость данных категорий трудящихся к мелкобуржуазным слоям.

Таким образом, таблица, во-первых, аккумуляровала все частные статистические наблюдения, разбросанные по отдельным статьям В. И. Ленина; во-вторых, синтезировала их, сгруппировав дополняющие друг друга сведения, сняв тем самым информационную ограниченность некоторых из них; в-третьих, выявила динамику объективных показателей процесса отчуждения ликвидаторов от рабочих и, наоборот, успления среди них партийного влияния. Текст статьи является своеобразным комментарием к

⁴⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 249.

⁵⁰ См. там же.

таблице, несущим двойную нагрузку: источниковедческую и общетеоретическую. Первая намечает пути дальнейшего совершенствования методики сбора и обработки данных, рекомендации были частично выполнены самим В. И. Лениным в статье «К итогам дня рабочей печати»⁵¹. Вторая содержит выводы, вытекающие из анализа объективных данных таблицы: «Только в правдизме мы имеем действительно независимое от буржуазии, марксистское, пролетарское течение, организующее, объединяющее *свыше* 4/5 рабочих... Ликвидаторство и народничество, несомненно, течения, но буржуазно-демократические, не рабочие»⁵². Этот конечный вывод, как видно из начала статьи, не был новым для В. И. Ленина. «Это много раз разъяснялось марксистами и признано в ряде решений марксистов»,— писал он. Но именно потому, что подобные решения могли быть квалифицированы как субъективные оценки, В. И. Ленин и предпринял это исследование объективных данных.

Отметим далее, что 15 групп сведений представляют не естественную «совокупность», не данный исследователю комплекс источников, а «искусственно» созданную «модель» фактов «в их связи, в их целом», не несущую, однако, следов субъективизма. Таким образом, перед нами не только итоговый, но безукоризненный с точки зрения методики его обработки материал. Тем более он поучителен.

Итак, мы рассмотрели различные случаи применения статистического метода при изучении политических явлений решающего порядка, и все они показывают повторяемость, устойчивость источниковедческих позиций В. И. Ленина, которые могут быть, правда, несколько схематично сформулированы так: поиск первичных или уже суммированных массовых данных, не содержащих ничего «оценочного», заранее не запрограммированных на исследовательскую гипотезу; осторожное отношение при прямой отказ от тех источников, которые по своему происхождению уже заключают в себе элемент субъективного отношения создателя источника к его содержанию; всесторонняя источниковедческая критика этих данных, чаще всего с позиций возможного оппонента и главным образом на предмет доступности проверки их достоверности; обработка и группировка данных в статистически выразительных и экономных формах, отражающих «совокупность», многоплановость явления.

Изучение конкретных случаев применения статистического метода вовсе не означает призыва к прямому копированию ленинских приемов. Нам представляется, что ленинский опыт дает основание для прояснения некоторых общих вопросов источниковедческой методики.

⁵¹ См. там же, стр. 418—426.

⁵² Там же, стр. 250.

Прежде всего мы можем проследить постепенную кристаллизацию тех идей, которые легли в основу статьи «Статистика и социология». В этой статье, как известно, В. И. Ленин противопоставляет изучение всей совокупности фактов «без единого исключения» несостоятельному приему «выхватывания отдельных фактиков»⁵³. Статистический метод и обеспечивал такое изучение, так как «всю совокупность» иными методами изучить невозможно. Отметим далее, что в ленинской формуле «вся совокупность» содержится критерий объективности, так как «при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения»⁵⁴. Далее, в ней содержится и критерий доказательности, так как факты, взятые «в их целом», — «безусловно доказательная вещь»⁵⁵. Все эти положения, не сформулированные еще с такой классической ясностью, как в статье «Статистика и социология», незримо присутствуют в ленинских приемах применения статистического метода при написании разобранных работ, посвященных изучению политических явлений. Сказанное выше, как нам кажется, позволяет определить понятие «объективные данные», которым В. И. Ленин часто оперирует.

В изученной нами статье «Объективные данные о силе разных течений в рабочем движении» В. И. Ленин писал: «В настоящее время все более скапливается уже *объективных* данных о силе разных течений в рабочем движении России. Надо всеми силами собирать, проверять и изучать эти объективные данные, касающиеся поведения и настроения не отдельных лиц и групп, а *масс*, данные, взятые из различных, *враждебных* газет, данные, допускающие *проверку* всяким грамотным человеком».

Только по таким данным можно учиться и изучать движение своего класса»⁵⁶. Мы видели, что информационная ценность всех 15 показателей, приводимых В. И. Лениным как «объективные данные», может быть проверена со всех точек зрения, и ее научная устойчивость не будет поколеблена. Мы далее отмечали, что все те источники, которые в какой-то мере содержат «свой желанья, свои «мнения», свои оценки, свои «виды»⁵⁷, отбрасывались. Это относится, как видно из самого факта написания статьи, не только к источникам, исходящим из антибольшевистского лагеря. «Много раз разъяснялось марксистами и признано в ряде решений марксистов» то, что народничество и ликвидаторство «выражают собой влияние буржуазии на пролетариат»⁵⁸, — пишет В. И. Ленин в начале статьи и приступает к

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350—351.

⁵⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 304.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 245.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. 244.

доказательству этого же тезиса на основании «объективных данных». Так же он действовал при выработке своего взгляда на периодизацию освободительного движения в России.

Объективность данных часто достигается тем, что В. И. Ленин не идет за источником, не берет генетически свойственную для данного источника информацию (например, сведения об установлении юридической нормы из законодательного акта, о влиянии большевиков и меньшевиков на рабочее движение из писем рабочих или документов самих деятелей движения), а «заставляет» источник выявить скрытую информацию, на которую меньше всего мог влиять создатель источника.

В глазах В. И. Ленина степень ценности «объективных данных» настолько велика, что только по ним он считает возможным изучать «движение своего класса».

Отметим далее, что во всех разобранных нами случаях В. И. Ленин оперировал всем известным или введенным им самим фактическим материалом для изучения интересовавших его политических явлений. Это приходится подчеркивать, так как еще не ушло в прошлое представление о том, что В. И. Ленину удавалось или он считал возможным изучать кардинальные вопросы на отдельных примерах или группах примеров, так называемых генерализирующих источниках.

Хотя мы рассмотрели работы Ленина-публициста, его оценка источников и приемы их обработки имеют прямое отношение к исследованию социально-политической истории.

В свое время В. И. Ленин писал, что марксизм предъявляет «всякой серьезной политике» требование, «чтобы в основе ее лежали, за основу ее брались *факты*, допускающие точную объективную проверку»⁵⁹. Это требование он относил не только к политике, он его прямо адресовал к историку политики вообще, а к марксисту в особенности⁶⁰.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 123.

⁶⁰ См. там же, стр. 129.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Л. В. Черепнин

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «МЕТОДОЛОГИИ» И «МЕТОДИКИ» ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Эти понятия не всегда разграничиваются достаточно четко. Напротив, часто они употребляются как равнозначные. В недавно вышедшем сборнике статей «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» С. О. Шмидт, исходя из правильной, по-моему, предпосылки, что эти понятия имеют разное содержание, попытался дать их определение и раскрыть соотношение между собой.

По Шмидту, методика источниковедения «это совокупность определенных приемов и правил их использования в работе источниковеда; следовательно, это нормативная деятельность»; методология источниковедения «это учение об этих методах, об основных принципах источниковедческого познания», т. е. «теория познания источника». И то, и другое взаимосвязано: «методика оплодотворяется методологией, а методологические положения опираются на опыт использования в научной работе тех или иных методических приемов»¹.

Мне представляется, что дефиниции Шмидта в основном приемлемы, но при определении понятия «методологии» источниковедения необходимо сделать особое ударение на том, что обобщение приемов познания источников она строит на общем понимании теории исторического процесса, на учении о законах общественного развития. Тем самым методология источниковедения органически связывается с методологией истории. Шмидт указывает на «теснейшее взаимодействие, точнее — даже взаимовлияние и взаимопроникновение собственно источниковедческого и собственно исторического исследований...»² В предисловии «От редколлегии» к сборнику «Источниковедение. Теоретические и

¹ С. О. Шмидт. *Современные проблемы источниковедения.* — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». Сборник. М., 1969, стр. 17—18.

² Там же, стр. 27.

методические проблемы» проводится мысль, что «методика неотделима от метода, а последний включает в себя весь процесс исторического познания, в том числе и теоретические аспекты отдельных его сторон и ступеней». Там же подчеркивается, что марксизм стремится «преодолеть разобщенность источниковедения и методологии истории, исходя из понимания историзма как формы общественного развития и общественного самопознания»³.

Но если в задачу методологии входит обоснование с позиций определенной теории общественного развития приемов анализа и синтеза источников, то естественно, что совокупность этих приемов (методику) неправильно было бы сводить целиком к профессиональной технике или технологии исследовательского процесса. Еще А. С. Лаппо-Данилевский указывал, что «методы исторического изучения нельзя отождествлять с техническими приемами исследования». Хотя «с генетической точки зрения методологические принципы развиваются вместе с техническими приемами исследования», рассуждал он, однако «принцип и техническое правило — не одно и то же». Техническое правило «формулируется ввиду той утилитарной цели, которая ставится исследователем...» Как «физик пользуется инструментами для производства своих работ», так и «историк стремится придумать наилучшие орудия для обработки данного рода источников или явлений и событий». В другом месте Лаппо-Данилевский писал, что существует «особый круг знаний, который можно было бы назвать исторической технологией или техникой исторических работ»⁴.

Следовательно, понятие методики источниковедения сложное.* Оно покрывает и сумму прикладных знаний, комплекс навыков чисто технического порядка, которые сами по себе нейтральны в отношении теории, и совокупность таких приемов, которые разработаны на основе определенных методологических представлений. Так, в области палеографии одно дело — датировка рукописи по бумажным водяным знакам, другое — раскрытие закономерностей развития письма. В дипломатике одно дело — перевод даты акта с византийского летосчисления на современное, другое — выявление его классовой сущности и т. д.

Итак, возникает вопрос о взаимоотношении методологии и методики источниковедения. На этот счет высказываются разные точки зрения. Шмидт пишет, что недопустимо при оценке научного творчества историков механически распространять на методику их исследовательской работы представления об их мировоззрении. Это означает забвение «марксистского положения о том, что наука и идеология — не тождественные явления» и что «техника исторического исследования» в отличие от методологии

³ «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 5.

⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. I. СПб., 1910, стр. 16—17; вып. II. СПб., 1913, стр. 341.

развивается не по законам идеологической преемственности, а по законам познавательной преемственности». Шмидт называет «многие методические приемы дореволюционного источниковедения» (приемы внутренней и внешней критики) «классическими» и уподобляет их механике Ньютона. Водораздел между марксистским и немарксистским подходами к исследованию, по его мнению, можно заметить отчетливо лишь в области отбора и интерпретации источников в целях получения соответствующих исторических выводов⁵.

Здесь многое сомнений не вызывает: и недопустимость механического подхода к сложному вопросу о связи мировоззрения и методики научной работы, и незакономерность отождествления идеологии и науки, и необходимость использования «классического» наследства. Но где же позитивное решение проблемы взаимоотношения методологии и методики? Ведь Шмидт же признает, что одна «оплодотворяет» другую. Стало быть, он должен признать и важность мировоззренческих вопросов при рассмотрении научной методики. Другими словами, проблема сама по себе остается. Допустим, что ряд попыток ее освещения содержит, как заявляет Шмидт, лишь «вульгарно-социологические искривления»⁶. Нельзя ограничиться только констатацией этого факта. Надо предложить свое решение, чего Шмидт не делает.

Еще больше вопросов вызывает позиция Литвака, который подчеркивает, что «в историческом познании, несмотря на безусловно классовый характер истории как науки, объективно существуют такие приемы изучения предмета, которые как бы равнодушны к классовой позиции исследователя». Поэтому Литваку представляются «неправомерными довольно часто употребляемые определения «буржуазное», «советское» или «марксистское», когда речь идет о конкретном источниковедении»: «ведь не существует буржуазной методики химического эксперимента». Хотя письменный источник, возникший в классовом обществе, и отражает определенные классовые интересы, развивает свою мысль Литвак, однако, став объектом исторического исследования, он «не настраивается автоматически на идеологическую волну ученого, а как бы продолжает излучать энергию, заряд которой нельзя определить заранее без тщательного изучения». Поэтому источниковедческий анализ «по своей природе сохраняет известную автономию по отношению к методологической позиции исследователя». В результате Литвак отмечает «сравнительную независимость конкретного источниковедения от методологии», заявляя, что «любой источниковедческий прием, серьезно обоснованный, помогающий раскрыть содержание и форму источника,

⁵ С. О. Шмидт. Указ. статья, стр. 54—55.

⁶ Там же, стр. 54. Шмидт называет ряд лиц, виновных в этих «искривлениях», в том числе и меня.

сохраняет свое значение даже тогда, когда общая концепция, в которой он возник, устаревает и опровергается»⁷.

Но где же границы «автономии» и предел «равнодушия» источниковедческого анализа по отношению к методологической позиции исследователя? И в какой все же мере ученый в состоянии настроиться на свою «идеологическую волну» заряд энергии, излучаемый источником?

Точку зрения, противоположную представлениям Литвака о взаимоотношении методики дореволюционного и марксистского источниковедения, высказывает В. И. Стрельский. Он выдвигает тезис, что «новая марксистско-ленинская методология исторического исследования породила и новую методику изучения социальных процессов, а в связи с этим и новую методику работы над историческими источниками — методику, которая наиболее полно удовлетворяет требованиям новой научной методологии». По мнению Стрельского, «вспомогательные исторические дисциплины, которые используются в исследовательской лаборатории ученых-историков, имели и имеют классовое содержание, видоизменяются в своем развитии под влиянием классовой борьбы в обществе и в зависимости от государственного строя»⁸.

Мысль здесь выражена несколько топорно, ибо ни классовая борьба, ни изменения государственного строя прямого и непосредственного влияния на состояние вспомогательных дисциплин не оказывают. Но общий тезис автора о том, что нужно учитывать идейно-классовую направленность источниковедения, представляется мне верным. Точно так же А. А. Введенский возражает против мнения, что «дипломатика как отрасль специального документоведения является чисто технической дисциплиной, лишенной классового содержания», и поэтому якобы «одинаково может обслуживать и реакционные, и прогрессивные направления в истории»⁹.

Если теперь еще раз обратиться к сборнику «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», с цитирования которого я начал свою статью, то можно сказать, что в нем наиболее ясно и определенно высказался по поводу взаимной обусловленности источниковедческих изысканий и концепциональных представлений ученого А. Я. Гуревич. По его словам, «методика работы, принципы отбора источников, обоснованность выводов так или иначе связаны с идейной и общественной позицией историков», поэтому «мировоззренческие и аксиологические моменты в той или иной мере вплетаются в творчество историка от нача-

⁷ Б. Г. Литвак. О путях развития источниковедения массовых источников.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 102—105.

⁸ В. И. Стрельский. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1963, стр. 10, 11, 57.

⁹ А. А. Введенский. Лекции по документальному источниковедению СССР (Дипломатика). Киев, 1963, стр. 4.

ла и до конца, на всем протяжении его исследования»¹⁰. Итак, существуют два взгляда. Согласно одному из них, можно говорить о классовом характере исторической науки, но неправомерно это делать в отношении конкретно-источниковедческих приемов. Есть буржуазная или советская историография, но нет буржуазного и советского конкретного источниковедения, ибо историки и марксисты и немарксисты разделяют разные концепции, но могут применять единую методику исследования источников. Согласно другому взгляду, исторические концепции и источниковедческие приемы нельзя рассматривать изолированно. Направление и характер источниковедческой работы, использование тех или иных методов зависят от идейных представлений, от мировоззрения историка. Поэтому советская историческая наука опирается на советское источниковедение, противоположное по своим теоретическим основам буржуазному.

Я придерживаюсь второй точки зрения и постараюсь обосновать ее материалом, взятым из разных вспомогательных исторических дисциплин и показывающим, что развитие каждой из них в советское время идет в направлении применения новой методики, вытекающей из марксистско-ленинской методологии источниковедения. Но при этом надо еще раз подчеркнуть, что уже говорилось выше: методика источниковедения состоит из двух компонентов: один — это комплекс приемов, направленных к решению задач, подсказанных непосредственно методологией: например, изучение общественных функций источников разного типа; другой (его, очевидно, в первую очередь имел в виду Литвак) — это то, что можно отнести к области техники и что в методологии прямого отношения не имеет: например, выявление календарных стилей в летописных сводах. Такого рода задачи — область профессионального мастерства, которым может владеть историк любого направления. Но методология вторгается и в эту область, как только встает вопрос о целенаправленности исследования: имеет ли оно чисто прикладную цель — прочтение летописных дат или выполняет более значительную исследовательскую функцию, являясь одним из средств (в цепи других) установления эволюции летописных сводов как явлений общественной жизни и борьбы. Следовательно, и здесь методология направляет методику.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Проблема эта важна для решения вопроса о методологии источниковедения, ибо речь идет о предмете и задачах последнего.

Что такое источниковедение? На этот вопрос дается несколь-

¹⁰ А. Я. Гуревич. Что такое исторический факт. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 79.

ко разных ответов: 1) источниковедение — «совокупность научно-вспомогательных дисциплин, относящихся к изучению и обработке исторических источников»¹¹; 2) «одна из вспомогательных дисциплин, разрабатывающая методы изучения и использования исторических источников»¹²; 3) «главная из вспомогательных исторических дисциплин», разрабатывающая «теорию и методику изучения и использования исторических источников»¹³; 4) «самостоятельная историческая дисциплина, изучающая, в частности, письменные исторические источники и проблематику теоретического источниковедения»¹⁴; 5) «сумма наук» или «самостоятельный комплекс научных дисциплин»¹⁵.

Вероятно, можно было бы привести и еще ряд определенных предмета и задач источниковедения. Но важнее, по-моему, попытаться найти то, что объединяет уже приведенные дефиниции, роднит их между собой, и из этого исходить в дальнейшем уточнении понятий. Это общее — представление о тесной связи источниковедения с рядом вспомогательных исторических дисциплин.

Однако вряд ли правильно считать источниковедение просто «совокупностью научно-вспомогательных дисциплин», так же как нельзя видеть в нем «самостоятельный комплекс научных дисциплин». Источниковедение стоит как бы над другими вспомогательными дисциплинами, на них опирается и на их основе, с привлечением их материала и выводов, строит теорию и методику изучения памятников прошлого, которую те же дисциплины в свою очередь используют. Если сохранить термин «вспомогательные исторические дисциплины» (об уместности его, как еще будет сказано, идет спор), то применительно к источниковедению его справедливо будет сопроводить эпитетом «главная» (как это иногда и делается). Но это отнюдь не означает, что «источниковедение становится как бы сверхнаукой, т. е. наукой, дублирующей содержание других дисциплин»¹⁶. Обобщение и систематизация не есть повторение.

Против отнесения источниковедения к числу вспомогательных исторических дисциплин высказывается соображение и такого

¹¹ «Большая Советская Энциклопедия», изд. 1, т. 30. М., 1937, стр. 96 (автор статьи В. В. Альтман).

¹² Там же, изд. 2, т. 19. М., 1953, стр. 44 (автор статьи Л. В. Черепниц).

¹³ «Советская историческая энциклопедия», т. 6. М., 1965, стр. 592 (авторы статьи И. А. Булыгин и Л. Н. Пушкарев); А. Введенский, В. Дядиченко, В. Стрельский. Допоміжні історичні дисципліни. Короткий курс. Київ, 1963, стр. 3.

¹⁴ С. О. Шмидт. Указ. статья, стр. 25.

¹⁵ В. В. Фарсобин. К определению предмета источниковедения (Историографические заметки). — «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1968, стр. 452—453.

¹⁶ В. В. Фарсобин. Отечественная историография о предмете и задачах источниковедения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969, стр. 9.

рода: «Источниковедение не может и не должно исполнять только подсобную роль по отношению к познанию исторического процесса. Как изучение исторического процесса по отношению к источниковедению может выполнять вспомогательные функции, так и изучение источников расширяет и во многом определяет познание исторического процесса. И та, и другая область науки являются по отношению друг к другу одновременно и самостоятельной, и вспомогательной»¹⁷. Это верно в том смысле, что существует взаимодействие источниковедческого и собственно исторического исследования (о чем уже говорилось). Но верно и то, что в целом задачи источниковедения подчинены познанию истории общества, а не наоборот. Источник интересен сам по себе, еще интереснее его общественное значение, но лишь вскрыв по источникам проявление закономерностей развития общества в конкретных исторических условиях, исследователь может считать выполненной свою роль историка.

Не вполне ясно, каково содержание понятий «общее», «теоретическое», «конкретное» источниковедение. Задачей источниковедения является разработка приемов изучения исторических источников. В этом смысле источниковедение — единая наука, ибо общетеоретические и методические принципы она формулирует на основе изучения конкретных источников и в целях дальнейшего применения к конкретно-историческому материалу. Поэтому нельзя противопоставлять «общее» или «теоретическое» источниковедение «конкретному» как разные научные отрасли¹⁸. Но есть разные *типы* работ в области источниковедения. Это и общетеоретические труды вроде «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского, и источниковедческие обзоры, и исследования, посвященные определенной группе исторических источников (статистическим материалам, законодательным памятникам, мемуарам и т. д.) и даже отдельным источникам. В одних трудах преобладает «общее», в других — «конкретное». Ведь так же обстоит дело и в области исторической науки. Она всегда конкретна, и всегда в ней присутствует (или должен присутствовать) необходимый элемент социологического обобщения. Характер сочетания того или другого элемента зависит от типа исследования. Наконец, в ряде монографий источниковедение сочетается с историческим построением.

От источниковедения перейдем к другим вспомогательным историческим дисциплинам. Они складывались исторически. Если

¹⁷ В. В. Фарсбин. К определению предмета источниковедения, стр. 450—451.

¹⁸ С. О. Шмидт полагает, что соотношение между теоретическим и конкретным источниковедением определяется соотношением методологии и методики: «Для конкретного источниковедения метод — это аппарат исследования, приемы субъективной деятельности; для теоретического же источниковедения метод — это и предмет исследования» (С. О. Шмидт. Указ. статья, стр. 19).

рассмотреть существующую в настоящее время их систему, то на первый взгляд трудно отыскать какой-то единый принцип разграничения сферы их деятельности. Одни изучают определенные признаки или элементы источников (палеография), другие — их разновидности (дипломатика), третьи — общие приемы анализа и синтеза (источниковедение). И все же такой принцип есть — это общий характер и особенности методических приемов. Можно исследовать вопросы источниковедческой методики в целом — это делает источниковедение. Можно разрабатывать ее специфику применительно к различным категориям источников (отсюда нумизматика, дипломатика, летописание и т. д.) или к каким-то специально выбранным признакам, присущим памятникам разных типов (палеография).

Предложение В. В. Фарсобина принять за основу размежевания вспомогательных исторических дисциплин только их функции в изучении источников (независимо от видов последних), по-моему, мало обосновано. Например, приемы дипломатики складывались на анализе одной разновидности памятников письменности — актах. И сделать ее предметом «изучение форм, стиля, идиоматических оборотов, характерных терминов, слов и сочетаний в источниках» *вообще* означает обезличить эту науку. В этой связи мне представляется не вполне ясным вопрос Фарсобина: Если дипломатика занимается актами, то «какая дисциплина исследует недипломатические памятники?»¹⁹ Все источники, в том числе и акты, — предмет рассмотрения источниковедения. Но специфика отдельных категорий памятников, порождающая в отношении их специальную методику, диктует и рождение специальных дисциплин (летописоведения, науки, изучающей мемуары как источник, и т. д.).

Конечно, развитие наук приводит к уточнению их предмета и содержания, к разграничению их функций. Сознательное, активное вмешательство исследователей в этот процесс размежевания сферы наук весьма важно и нужно. Но оно не должно носить искусственный характер и ломать закономерно сложившуюся систему во имя отвлеченно созданной логической схемы. Так, я не понимаю, например, почему Фарсобин считает прогрессом изъятие из сферы ведения палеографии материала и орудий письма, поскольку это — «предметы материальной культуры», «область техники»²⁰. Но как может палеограф исключиться из данной области и изучать в изоляции графику, эволюция которой в значительной мере определяется техническими возможностями? Это один из примеров ломки традиций, не оправданной потребностями самой науки.

Особенно неудачной представляется мне попытка Фарсобина растворить в комплексе ряда вспомогательных дисциплин источ-

¹⁹ В. В. Фарсобин. К определению предмета источниковедения, стр. 407.

²⁰ Там же, стр. 411.

ипковедение как главную из них. Часть вопросов исторической критики (критику «низшую» или «внешнюю»), а также интерпретацию источников он передает текстологии. Другую часть исторической критики («вышую» или «критику фактов») автор выделяет в отдельную вспомогательную дисциплину. Наконец, Фарсобин образует еще одну вспомогательную дисциплину — историческую эвристику или информатику, наделяя ее функциями поиска источников и составления научно-справочного аппарата²¹. Я не совсем понимаю, во имя чего производится это расчленение единого источниковедческого процесса, составные элементы которого как целого образуют определенную систему, на ряд раздельных наук. Если я правильно улавливаю логику Фарсобина, то он мотивирует свое предложение тем, что, рассматривая источниковедение как «сумму» или «ряд» наук, хочет, чтобы в этой «сумме» определенное место заняли в качестве слагаемых все вспомогательные дисциплины с четким делением «по элементам или функциям источников». Это, по мнению Фарсобина, даст двойной положительный результат: прекратится дублирование наук, и каждая из них обретет свою теорию²². Но то, что Фарсобин называет «дублированием» вспомогательных наук, в действительности представляет собой их перекрещивание и соприкосновение. А это совершенно необходимое явление, ибо дипломатика, скажем, не может обойтись без элементов палеографического или текстологического анализа. Что касается теории, то без нее вообще нельзя себе представить ни одной отрасли знания. Упразднение же источниковедения как отдельной науки и превращение ее в сумму дисциплин вряд ли будет способствовать подъему каждой из них.

Процессы, происходящие сейчас в области вспомогательных исторических дисциплин, отличаются сложностью. Появление новых источников вызывает к жизни и новые дисциплины. Так, находки берестяных грамот породили науку, за которой большое будущее, — «берестологию». Потребности комплексного источниковедческого анализа заставили отдельные науки, работающие в близких сферах, объединить свои усилия. Так общими силами палеографии, эпиграфики, берестологии все более раскрывается закономерность развития письма. Завоевывает признание вновь рожденная дисциплина — кодикология, всесторонне выясняющая методами палеографии, дипломатики, текстологии роль рукописной книги как исторического источника. Нумизматика действует в тесном контакте с весовой метрологией в деле исследования монетных кладов и т. д.

Развитие ряда вспомогательных дисциплин ознаменовано значительным техническим прогрессом. Он сказался, например, в об-

²¹ В. В. Фарсобин. К определению предмета источниковедения, стр. 420—421, 433; он же. Указ. автореферат дисс., стр. 12—15.

²² В. В. Фарсобин. Указ. автореферат дисс., стр. 15—16.

ласти нумизматики в применении нового метода анализа монет как продукта ремесленного производства²³. В палеографии и источниковедении успешно применяется новый метод фотоанализа, позволяющий прочесть загрязненные и выцветшие места рукописи²⁴. Работами Н. Г. Бережкова сильно облегчена расшифровка летописной хронологии²⁵.

Но самое главное — это углубление теоретических основ вспомогательных исторических дисциплин, связанное с проникновением в них марксизма. Они перестают быть носителями знаний чисто прикладного характера. Не ограничиваясь регистрацией тех или иных признаков («примет») исторических памятников (рукописи, печати, монеты и т. д.), они ставят своей задачей *объяснить* возникновение, развитие, исчезновение, замену этих признаков другими. Тем самым в сфере вспомогательных дисциплин все большее признание завоевывает принцип историзма²⁶. Все более актуальной становится задача выявления связи между внутренними закономерностями развития тех или иных явлений, изучаемых отдельными вспомогательными дисциплинами, и изменениями общих исторических условий. Значительно расширяется и углубляется сфера применения данных вспомогательных дисциплин к историческому исследованию. Возрастает его социологический аспект. Сфрагистика дает материал для изучения государственного аппарата, нумизматика — для освещения проблем товарного производства и пр.

В последнее время все более часто приходится слышать высказывания против употребления термина «вспомогательные исторические дисциплины» применительно к палеографии, дипломатике, нумизматике и т. д. «Какие же это вспомогательные дисциплины... — задавал вопрос М. Н. Тихомиров, — когда на основании их определяется основа основ исторической науки: даются датировка и определение подлинности источников?»²⁷ Призывы отказаться от этого наименования раздаются и в зарубежной литературе²⁸.

²³ В. Л. Янин пишет, что этот метод, предложенный И. Г. Спасским, «произвел переворот в датировании и классификации изученного им материала...» («Состояние и задачи вспомогательных исторических дисциплин. Научная конференция». М., 1969, стр. 3).

²⁴ Метод разработан Д. П. Эрастовым (В. С. Гольшенико, В. С. Люблинская, Д. П. Эрастов. Новейшие приемы фотоанализа на службе палеографии и источниковедения. — «Проблемы источниковедения», т. IX. М., 1961, стр. 408—432).

²⁵ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963.

²⁶ Д. С. Лихачев правильно говорит, что многие науки из технических превращаются в исторические, из прикладных — в самостоятельные со своей теорией (Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 338).

²⁷ М. Н. Тихомиров. Об охране и изучении письменных богатств нашей страны. — «Вопросы истории», 1961, № 4, стр. 66—67.

²⁸ L. Sanjifaller. Gedanken und Anregungen über technische Probleme der Historischen Grundwissenschaften. — Relazioni del X Congresso Internazio-

Имеются попытки и иного подхода к вопросу. Д. С. Лихачев высказался в том смысле, что все «гуманитарные дисциплины в той или иной мере вспомогательные по отношению друг к другу и все они одновременно в какой-то мере суверенны»²⁹. С этим согласился Фарсобин, не остановивший твердо свой выбор на каком-либо одном термине: «специальные» или «вспомогательные»³⁰.

Мне не представляется, что эта полемика по поводу терминологии имеет особо принципиальное значение. Важно не то, как называть дисциплины, до сих пор именовавшиеся «вспомогательными»³¹. Важно, как определить их предмет, содержание, задачи. Несомненно, возросло и углубилось их теоретическое значение, усовершенствовалась источниковедческая методика, и это дало им возможность более полноценно выполнять свою роль в оказании помощи историку, изучающему по памятникам прошлого разные стороны истории общества. Но эта вспомогательная функция сохранилась, только осложнилась и расширилась. Нужно ли менять старое название, которое укрепилось в науке, доводом, в пользу которого является давняя традиция? Да и сам термин «вспомогательные» вовсе не носит какого-либо оттенка, умаляющего значение этих наук. «Вспомогательные» значит такие, на которые можно опереться и без которых нельзя решить исторические задачи. Но осмысление слов всегда субъективно, и вряд ли его можно приводить как аргумент.

Однако, продолжая задумываться над смыслом термина, следует заметить, что слово «специальные» само по себе мало что говорит: каждая научная отрасль специальна, т. е. имеет свою специфику, содержит комплекс специальных знаний. Поэтому лучше уж сказать «специальные источниковедческие» дисциплины. Может быть, имеют право на существование оба выражения: «вспомогательные исторические» и (они же) «специальные источниковедческие» — «вспомогательные» по отношению к истории, «специальные» по отношению к источниковедению как науке обобщающей.

Коснемся теперь предмета и методики отдельных вспомогательных дисциплин.

nale de Scienze Storiche. Metodologia. Problemi generali. Scienze Ausiliarie della Storia, vol. I. Firenze, 1956, p. 445. Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., стр. 3.

²⁹ Д. С. Лихачев. По поводу статьи С. Н. Азбелева «Текстология как вспомогательная историческая дисциплина». — «История СССР», 1967, № 2, стр. 230.

³⁰ В. В. Фарсобин. К определению предмета источниковедения, стр. 452.

³¹ Совсем уж, по-моему, лишен принципиального значения спор о том, не лучше ли называть вспомогательные (или специальные) дисциплины науками. В конце концов это синонимы.

Я начну не со славяно-русской, а с латинской палеографии, ибо именно здесь раньше всего завоевала право на существование новая методика, нашел отражение принцип историзма. Не случайно Лихачев, анализируя пути развития палеографии, подчеркивает, что она, идя «от задач прочтения и определения времени рукописей, все больше превращается в науку об истории письма». Автор отмечает, что «приоритет в этом отношении принадлежит советской науке — О. А. Добиащ-Рождественской и ее школе»³².

А. Д. Люблинская намечает перед латинской палеографией две задачи: теоретическую и практическую. Первая состоит в исследовании истории письма, вторая — «в овладении суммой практических навыков, дающих возможность безошибочно читать древние и средневековые рукописи и правильно их датировать и локализовать»³³. Советские исследователи все более отказываются от взгляда на латинскую палеографию как чисто прикладную дисциплину³⁴ и проявляют интерес к ее теории, которая, по словам Люблинской, рассматривает палеографию в качестве части истории мировой письменности и мировой культуры. Прогресс в развитии палеографии Люблинская видит в расширении интереса к установлению закономерностей в эволюции письма, в изучении этой эволюции на широком общественном фоне, в усилении внимания к социологическим проблемам.

Ученица Люблинской Л. И. Киселева, рассматривающая готический курсив, развивает те же идеи. «Что касается палеографического аспекта исследования, имеющего целью изучение закономерностей в развитии письма..., необходимо отметить, что подобного рода исследования должны опираться не только на графический анализ форм букв, но и рассматривать историю письма в тесной связи с историей общества в целом, с историей культуры, языка, социально-экономической и политической жизни»³⁵.

«Социологический аспект исследования» письма особенно подчеркивает В. Л. Романова. Письмо «неизбежно в какой-то степени отражало отношение пишущего к воспроизводимому тексту, а это отношение в свою очередь определялось принадлежностью писца к той или иной социальной группе и его интел-

³² Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., стр. 538.

³³ А. Д. Люблинская. Латинская палеография. М., 1969, стр. 7, 10, 11.

³⁴ В. Н. Малов. Развитие французского письма XVI—XVIII вв. по каллиграфическим источникам. — «Средние века». Сборник, вып. 27. М., 1965, стр. 159.

³⁵ Л. И. Киселева. О происхождении готического курсива. — «Средние века». Сборник, вып. 26. М., 1954, стр. 28.

лектуальным и социальным развитием»³⁶. Отсюда связь палеографии с проблемами социальной психологии.

Прогресс методики в области латинской палеографии заключается как в совершенствовании технических приемов изучения письма (здесь особенно следует отметить школу Ж. Маллона), так и в новом методологическом подходе к его истории. Не всегда, пишет Романова, изменения в технике письма (способе держания пера или калама, положения материала, на котором пишут) являются единственными и даже главными причинами трансформации форм букв. И советские исследователи называют другие факторы: природа текста, его содержание, целевое назначение рукописи, степень распространенности письма в обществе, вкусы писца и т. д.³⁷

Представители советской школы латинской палеографии: О. Л. Добиаш-Рождественская, А. Д. Люблинская и их ученики-историки. Поэтому началам историзма подчиняются и их палеографические изыскания, а методика анализа явлений из области развития письма определяется широкими задачами изучения истории общества. Иначе обстоит дело с исследованием палеографии славяно-русской. Наиболее выдающиеся труды в этой области принадлежат филологам. Особенно выделяется недавно переизданная книга В. Н. Щепкина³⁸. Это ценное исследование, но исторические задачи применительно к палеографическому материалу в нем не ставятся.

Но уже в 20-х годах зародилось новое направление в области палеографии, которое можно определить как попытку подчинить ее принципам историзма, усилить в ней социологический элемент. Так, в 1925 г. Н. М. Каринский, желая расширить функции палеографии, выведя ее за пределы датировки и локализации рукописей, указывал, что «данные о внешней стороне памятника (особенно о характере письма) позволяют судить о характере работы писцов, орнаментаторов, резчиков и т. п., об их отношении к заказчикам, об отношении писцов одного памятника друг к другу и пр.» «Социологический элемент палеографии с развитием этой молодой науки все более расширяется», — писал Каринский³⁹. В 1938 г. М. Д. Приселков определил палеографию как «накопленную совокупность наблюдений над внешним видом рукописей», которая оказывает разнообразную помощь историку в области не только датировки, но и выяснения истории создания

³⁶ В. Л. Романова. Книжное готическое письмо во Франции в XIII — начале XIV в. (По материалам рукописного собрания ГПБ). — «Средние века». Сборник, вып. 29. М., 1966, стр. 229.

³⁷ Там же, стр. 230; она же. Некоторые вопросы организации производства рукописной книги во Франции XIII—XV вв. — «Средние века». Сборник, вып. 19. М., 1961, стр. 106.

³⁸ В. Н. Щепкин. Русская палеография. М., 1967 (1-е изд. — 1918).

³⁹ Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, стр. 5.

рукописных текстов⁴⁰. По-новому строил в 30-х годах курс палеографии в Московском историко-архивном институте А. Н. Сперанский⁴¹. По словам Н. В. Устюгова, «развитие письменности в курсе А. Н. Сперанского было органически связано с экономическим, социальным, политическим развитием Русского государства»⁴². Это же направление в разработке русской палеографии отражает и моя книга⁴³.

Попытка историков расширить и углубить функции палеографии как вспомогательной исторической науки, сделать более действенной ее роль в историческом исследовании вызвала резкую отповедь Л. П. Жуковской. Палеограф-лингвист Жуковская выступила в защиту традиционного понимания задач этой дисциплины (датировка и локализация рукописей). Она критикует Карипского, Приселкова и больше всего меня. Полемизирует Жуковская в необычайно раздраженном тоне, а некоторые ее упреки, вроде того, что историками руководит лишь желание «во что бы то ни стало критиковать крупных ученых прошлого»⁴⁴, звучат попросту наивно. Поэтому, может быть, и не стоило бы вступать в ответную полемику, если бы речь не шла о серьезных принципиальных вопросах.

Жуковская упрекает меня в «ошибочном определении задач палеографии» и превращении этой науки из истории русского письма в историю письменности⁴⁵. Она насчитала, в моем понимании, семь пунктов: 1) безошибочное чтение рукописных текстов; 2) установление времени и места возникновения письменных памятников; 3) выявление по почеркам авторов, писцов, переписчиков изучаемых рукописей; 4) решение вопроса о подлинности рукописных памятников; 5) выявление составных частей источников и выяснение процесса их сложения; 6) реконструкция тек-

⁴⁰ М. Д. Приселков. Курс русской палеографии. Л. 1938, стр. 4.

⁴¹ М. В. Кукушкина в своем обзоре развития русской палеографии за 50 лет приписывает этот курс М. Н. Сперанскому, явно путая двух Сперанских (М. В. Кукушкина. Советская палеография.— «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I. Л., 1968, стр. 77—78).

⁴² Н. В. Устюгов. Рецензия на книгу: Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. Л., 1947.— «Вопросы истории», 1947, № 12, стр. 111.

⁴³ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, см. также вышеуказанную книгу, написанную мною вместе с Н. С. Чаевым и вызвавшую критический отзыв Н. В. Устюгова.

⁴⁴ Л. П. Жуковская. Развитие славяно-русской палеографии (В дореволюционной России и в СССР). М., 1963, стр. 98.

⁴⁵ Н. Н. Розов вообще отказывает палеографии в праве называться «вспомогательной исторической» дисциплиной, т. к. она тесно связана происхождением и предметом изучения с историей русского языкознания (Н. Н. Розов. Рецензия на книгу Л. П. Жуковской.— «Известия Академии наук СССР». Серия литературы и языка, т. XXIV, 1965, стр. 553). М. В. Кукушкина справедливо говорит о «неосновательности» подобного замечания (М. В. Кукушкина. Советская палеография, стр. 76). В самом деле, почему связь с языкознанием мешает использованию палеографии в целях исторического исследования? Палеография нужна и филологам, и историкам.

ста памятников, сохранившихся в поздних списках; 7) определение внешних данных утраченных списков ⁴⁶.

Хотя Жуковская в целях точности изложения чужих мыслей, сопровождает формулировку каждого пункта ссылкой на страницы критикуемой ею книги, передача ею моего текста оказалась весьма вольной. Я говорю о том, что палеографические наблюдения *помогают* решению ряда выше отмеченных задач, но отнюдь не являются *единственным* или даже главным средством источниковедческого анализа. Напротив, я подчеркиваю *недостаточность* для источниковеда чисто палеографических данных и необходимость для него исходить *прежде всего* из анализа содержания рукописей (т. е. не из палеографии). Но надо отрешиться от хода рассуждений автора, чтобы приписать ему противоположное утверждение, что якобы именно палеография должна *прежде всего* изучать содержание рукописей, а изучение их «внешних признаков» является для нее «дополнительной задачей» ⁴⁷.

В своей книге «Русская палеография» я попытался рассмотреть историю развития русского письма в рамках общеисторической периодизации. Мне кажется, это дало возможность наглядно показать, что внешние признаки памятников письменности определенного времени (знаки письменности, писчий материал, чернила, водяные знаки и штемпеля на бумаге, формат и форма рукописей, орнамент и миниатюра) связаны друг с другом и в своей совокупности в какой-то мере отражают исторические особенности того периода, к которому рукопись относится ⁴⁸. Конечно, эта периодизация весьма условна, она является лишь основой, на которой рельефнее выступают внутренние закономерности развития самой письменности. Поэтому здесь всегда можно найти известные «натяжки» (что отмечает Жуковская). Но это не дает основания вообще ставить вопрос о «назакономерности» общеисторической периодизации, ибо пользование ею отнюдь не означает механического объяснения всех существенных изменений в области письма соответствующими сдвигами в истории общества. Здесь нет и не может быть не только полного совпадения, но иногда и непосредственной обусловленности. Общеисторическая периодизация — лишь известный ориентир для исследователя. Бесспорно, например, что наиболее типичным письмом для Киевской Руси является устав, для времени феодальной раздробленности — полуустав, для периода единого Русского государства —

⁴⁶ Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 123—124.

⁴⁷ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 4, 12, 17, 18. К подобным же аргументам прибегает Жуковская, критикуя Приселкова. Она предъявляет ему два возражения: «Во-первых, изучение текста не является привилегией одних историков; во-вторых, привлечение с этой целью палеографии не может быть основным методом исследования» (Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 98). Но ведь Приселков не утверждал ни того, ни другого из оспариваемых Жуковской положений.

⁴⁸ Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 571.

скорпись. Но с появлением каждого нового типа отнюдь не исчезают, но сохраняются и развиваются ему предшествовавшие. И задачей палеографа является, конечно, объяснить все мельчайшие изменения графики, исходя уже не из общих условий исторического процесса, а из специфических факторов, воздействующих на эволюцию письменности. Поэтому бьют мимо цели замечания Жуковской о том, что специальные таблицы развития русской графики, данные в книге Черепнина, не всегда подчиняются «хронологическим граням общей истории». Иначе и не может быть при детализации палеографического материала. Но палеографические данные нельзя рассматривать и сами по себе. Они — не просто «довесок» к истории письменности, а ее составной элемент. Письменность же — органическая часть истории общества⁴⁹.

Критикуя мою попытку рассмотреть историю письма на фоне общих явлений социально-экономического и политического развития, Жуковская пишет, что «рецензенты неоднократно отмечали вульгарно-социологический подход к некоторым вопросам в книге Черепнина», и в качестве аргумента приводит ряд выдержек из рецензий, появившихся на эту книгу⁵⁰. Но дело в том, что в собранных Жуковской цитатах вовсе не сказано о «вульгарно-социологическом подходе». Напротив, рецензенты называют «правильным» метод изучения истории письма в тесной связи с историей общества. Речь идет лишь о том, что метод этот применяется «иногда» (или «подчас») «излишне» (или «несколько») упрощенно и «прямолинейно», что сообщает работе «налет социологизма». Отсюда правильные и доброжелательные советы не ставить те или иные явления из истории письма в непосредственную и прямую зависимость от каких-либо изменений в общественном строе, ибо зависимость эта более сложная⁵¹. Не знаю, зачем надо было Жуковской столь неточно передавать вполне ясные и отчетливо выраженные высказывания рецензентов.

Л. П. Жуковская упрекнула меня за фразу, имеющуюся в моей книге «Русская палеография»: «...по комплексу признаков, характеризующих рукописные тексты..., можно в какой-то мере судить о состоянии общества и различных сторонах общественной жизни»; «таким образом, палеография как одна из дисциплин в системе источниковедения должна своими конкретными наблюдениями способствовать достижению конечной цели всякого исторического исследования — раскрытию на конкретном материале объективных закономерностей развития общества»⁵². Жуковская

⁴⁹ Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 123.

⁵⁰ Там же, стр. 124.

⁵¹ В. П. Назарова и Р. Г. Осипова. О книге Л. В. Черепнина «Русская палеография». — Информационный бюллетень Главного архивного управления МВД СССР, № 6. М., 1957, стр. 73; Е. Э. Гранстрем. Рецензия на книгу Л. В. Черепнина «Русская палеография». — «История СССР», 1958, № 2, стр. 160.

⁵² Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 571—572.

считает, что Л. В. Черепнин «неправомерно преувеличивает значение фактов палеографии среди данных других исторических исследований»⁵³. Но я ведь имею в виду не *непосредственную задачу палеографии, а конечную цель изучения общественных процессов*, преследуя которую историк находит опору в данных, добытых из источников разными вспомогательными дисциплинами, в том числе и палеографией.

Следя за развитием методики палеографии, можно легко убедиться, что методология проникает даже в область, казалось бы, чисто технических процессов. Ведь можно было бы подумать, что вопросы филиграноведения — датировки рукописей по бумажным водяным знакам — относятся целиком к области техники или технологии источниковедения. Однако, как показали исследования, особенно последнего времени, это далеко не так. С. А. Клепиков убедительно доказал, что «без изучения истории производства бумаги в отдельных районах, на отдельных фабриках и мельницах, без связи истории промышленных предприятий и их знаков невозможно эффективное использование филигранны для установления даты написания документа или напечатания книги»⁵⁴. Метод, применяемый Клепиковым, фиксирует внимание исследователей не на эмблематической части филиграней, а на буквенных обозначениях, под которыми могли скрываться фамилии владельцев промышленных предприятий, названия фабрик, местности и т. д. Подобный метод, требовавший изучения истории производства, способствовал уточнению датировки филиграней, а следовательно, совершенствованию техники источниковедческой работы.

Не менее показательны труды по филиграноведению З. В. Учаскиной, привлеченной материалами Мануфактур-коллегии и показавшей, насколько они важны для изучения филиграней⁵⁵.

В настоящее время ученые все более задумываются над проблемой исследования письма и других внешних признаков документов XIX и XX вв. Значительный материал по этой проблеме собран в большой статье С. А. Рейсера «Некоторые вопросы палеографии нового времени». Жуковская заявляет по поводу этого труда, что, по ее мнению, он не имеет никакого отношения к палеографии⁵⁶. Да, не имеет, если исходить из традиционного определения палеографии. Но ведь Рейсер как раз и отмечает «ненормальность такого положения, когда наука о письме «ограничивается давно прошедшими временами»⁵⁷. Автор стре-

⁵³ Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 125. И в данном случае приведенные Жуковской цитаты из моей книги вырваны из контекста.

⁵⁴ С. А. Клепиков. Новые работы в области филигранологии. — «Проблемы источниковедения», IX. М., 1961, стр. 434.

⁵⁵ З. В. Учаскина. Водяные знаки русской бумаги. — «Труды Института естествознания и техники», т. 12. М.—Л., 1956, стр. 312—337.

⁵⁶ Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 134.

⁵⁷ С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии нового времени. — «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962, стр. 393.

мится преодолеть это положение, наметив пути изучения графики, а также технических средств письма XIX—XX вв. с учетом и новых способов записи (стенограмма, машинопись), и новых приемов воспроизведения документов (микрофильмирование, фото-, фоно- и микрография, диктофон, магнитофон). Можно, конечно, сказать, что речь должна идти просто о вновь рождающейся вспомогательной исторической дисциплине. Но это уже будет спор о терминологии, а не о существе дела, ибо Рейсер и не предлагал «механически переносить предмет и метод древнерусской палеографии на новое время». И если выражение «некоторые вопросы палеографии нового времени» звучит противоречиво, то ведь Рейсер достаточно ясно говорит, что слово «палеография» он употребляет «не в своем этимологическом значении, а в качестве определения вспомогательной исторической дисциплины об особенностях письма и его материале»⁵⁸. На каком же основании отметить, как это делает Жуковская, попытки расширить рамки «палеографического» (условно) исследования и хронологически, и тематически? Рейсер предупреждает, что свою статью он рассматривает лишь в качестве «первой попытки наметить пути развития нового русского письма...», но уже ценно его стремление вскрыть закономерность этого развития с тем, чтобы, «не переходя на зыбкую почву графологии, характеризовать почерки с точки зрения их национальных, психологических и иных качеств». Работа Рейсера привлекает тем методом, применения которого больше всего избегает Жуковская и который стремится связать эволюцию письма с изменением общенсторических условий: с ускорением и усложнением темпов жизни, усилением международных, торговых, культурных отношений, охватом грамотностью огромного круга лиц⁶⁰ и т. д.

В полемике со мной Жуковская пишет, что палеография «по своему смыслу есть учение о древнем письме» и поэтому незаконмерно раздвигать ее рамки, «рассматривая в ней почерки отдельных авторов, классиков литературы, общественных деятелей и т. п. до середины XIX в.»⁶¹ Но рамки явлений, изучаемых наукой об обществе, раздвигает само историческое развитие, сама история, ибо то, что вчера было настоящим, сегодня уже

⁵⁸ С. А. Рейсер. Некоторые вопросы палеографии нового времени.— «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962, стр. 393—394.

⁵⁹ Разбирая статью Рейсера, Жуковская дает набор вырванных из контекста цитат, сопровождаемых ею от себя восклицательными знаками и ремарками типа следующих: «Рейсер не вникает в существо...», он «без достаточных оснований цитирует...», «для научной статьи это по крайней мере странно», «...собственные замечания автора подчас удивляют...» (Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 134—135).

⁶⁰ С. А. Рейсер. Указ. статья, стр. 437, 428, 431.

⁶¹ Л. П. Жуковская. Указ. соч., стр. 123. В формулировках Жуковской есть что-то директивное: палеография «надлежит быть» наукой о древнем письме (там же, стр. 103). Но почему «надлежит»?

прошлое. Расширение границ науки идет непосредственно вслед за самим историческим процессом⁶². Меняется и «смысл» научной терминологии. То, что сейчас является «новым», с течением времени становится «древним»⁶³. Конечно, вполне закономерно, чтобы палеография ограничила сферу своего действия каким-то определенным, обоснованно выделенным этапом. Но все равно ее функции для дальнейшей эпохи должны перейти в силу исторической преемственности к другой дисциплине — назовем ли мы ее «неография» или «неотерография» (как предлагает П. Н. Берков)⁶⁴. И вполне права М. В. Кукушкина, заявляющая в своих возражениях Жуковской, что «проблема содержания «палеографии» памятников письменности нового времени и терминологические поиски вполне своевременны»⁶⁵.

ДИПЛОМАТИКА

Становление марксистско-ленинской дипломатики наиболее интенсивно проходило с 40-х годов. Это было в значительной мере связано с назревшими потребностями развивающейся исторической науки: систематическая публикация большого количества новых актов выдвинула перед исследователями задачу разработки методики их изучения. Обоснование новых принципов актового источниковедения делалось в связи с критикой методических приемов буржуазной дипломатики: составления «сводных текстов» и «типических формуляров». Сущность последнего приема была сформулирована А. С. Лаппо-Данилевским. По словам этого исследователя, типический формуляр, «представляя из себя как бы средний вывод из известного числа наблюдений» над «формулярами отдельных актов», «может быть представлен одним из них, но может не совпасть ни с одним из них в его совокупности». «Клаузулы,— писал Лаппо-Данилевский,— явно преобладающие в составе данной группы, получают значение типич-

⁶² В области западноевропейской палеографии также ставится вопрос об изучении более позднего письма (*В. Н. Малов*. Указ. статья, стр. 159).

⁶³ По мнению С. М. Каштанова, «критерий древности, выдвинутый Жуковской, носит искусственный, неисторический характер. Он несостоятелен с теоретической точки зрения, поскольку вводит априорное деление непрерывного процесса развития письма на «древний» и «современный» этапы, граница между которыми находится в состоянии постоянного движения» (*С. М. Каштанов*. Предмет, задачи и методы дипломатики.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 144).

⁶⁴ *П. Н. Берков*. О переходе скорописи XVIII в. в современное русское письмо.— «Исследования по отечественному источниковедению». Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.— Л., 1964, стр. 37.

⁶⁵ *М. В. Кукушкина*. Советская палеография, стр. 85. Предложение Жуковской принять «крайней границей палеографии» первую четверть XIX в. Кукушкина считает «искусственным и мало обоснованным» (там же, стр. 84).

ческих, т. е. средних, в отношении которых можно рассматривать и наблюдаемые от них отклонения»⁶⁶. Понятие «актовый типический формуляр» органически входило в общую систему источниковедения Лаппо-Данилевского, теоретической основой которой служило неокантианство.

Внедрение марксистской методологии в советское источниковедение потребовало изучения акта как явления конкретной общественной жизни, выяснения его классового содержания и политической направленности. Встал вопрос об отражении в актовых формулярах и их эволюции реальной действительности со всеми ее противоречиями и происходившими в ней изменениями. Одной из центральных проблем дипломатики сделалась проблема соотношения формы и содержания актов.

Новые методологические задачи не могли быть решены старыми методическими приемами. Отсюда критика Лаппо-Данилевского⁶⁷. Ее недостатком является односторонне негативный характер. Это объясняется двумя моментами. Во-первых, основной задачей тогда было размежевание методологических позиций. Во-вторых, наложили отпечаток на характер критики и общее направление, в котором иногда происходили научные дискуссии, и формы, которые они принимали. Тем не менее критический пересмотр взглядов Лаппо-Данилевского имел позитивные результаты, содействовал дальнейшему становлению советского источниковедения. И вряд ли правильно сводить всю критическую работу 40-х годов к «недопониманию и недооценке роли выдающихся отечественных ученых в развитии отечественного и мирового источниковедения»⁶⁸.

Конечно, не было бы просто перечеркнуть всю методику Лаппо-Данилевского. Конечно, следует отличать «идеалистическую чепуху» от реальных достижений этого исследователя в его источниковедческих работах». Но мне не представляется правильным утверждение, что в методике актового источниковедения, предложенной Лаппо-Данилевским, нет «таких черт, которые неприемлемы для марксистской методологии истории», ибо, «вырабатывая наиболее рациональные приемы изучения частного акта, Лаппо-Данилевский невольно предавал забвению свои идеалистические представления об источнике»⁶⁹.

Советские исследователи показали, в чем слабость методики Лаппо-Данилевского. Каштанов видит «ограниченность этого метода» «в тенденции рассматривать самодвижение отдельный клаузулы в отрыве от всей истории текста актов данной разновидности».

⁶⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920, стр. 124, 143, 146.

⁶⁷ Л. В. Черепнин. А. С. Лаппо-Данилевский — буржуазный историк-источниковед. — «Вопросы истории», 1949, № 8, стр. 30—51 и др.

⁶⁸ С. О. Шмидт. Указ. статья, стр. 55.

⁶⁹ Б. Г. Литвак. Указ. статья, стр. 104—105. Я думаю, было бы лучше, если бы автор персонифицировал термин «некоторые источниковеды».

ности в целом»⁷⁰. По словам А. А. Зимина, «для Лаппо-Данилевского первостепенное значение имела форма документа, которую он отрывал от содержания акта... При помощи «графически-статистических таблиц» он предлагал изучать типический формуляр той или иной разновидности акта...» «Лаппо-Данилевского интересовало развитие этих формуляров во времени, но конкретно-историческая действительность очень часто оставалась за пределами исследования этого ученого»⁷¹.

С. О. Шмидт видит силу Лаппо-Данилевского в поисках модели формуляра актового источника. В этом смысле он хотел бы, как выяснет из хода его рассуждений, считать его «предшественником современного источниковедения», пользовавшегося стихийно «теми исследовательскими приемами, которые в наши дни утверждаются в науке...»⁷² Я думаю, что к Лаппо-Данилевскому менее чем к кому-либо другому подходит определение «стихийно». Он был теоретик и систематик по природе своего мышления и обосновал стройную и продуманную методологию истории и источниковедения. Что касается «поисков» исследователя, то в них были рациональные моменты, но оценивать их мы должны по результату, причем критерий оценки может быть один: что дает «типический формуляр» историку в качестве орудия изучения общественных процессов.

Все то здоровое, что можно извлечь из методик Лаппо-Данилевского, использовано Каштановым, книга которого «Очерки русской дипломатики» является последним словом в области этой дисциплины.

По мысли Каштанова, дипломатика есть актовое источниковедение. На актовом материале она выполняет «задачи общего источниковедения», выясняет роль актов в эволюции общественных отношений и добывает из них факты, которые можно было бы использовать в целях исторического построения. Каштанов полагает, что, «будучи частью источниковедения, дипломатика не является вспомогательной к нему дисциплиной». «Дипломатику и источниковедение,— по Каштанову,— отличают друг от друга не задачи и цели исследования, а лишь предмет (источники разных видов в источниковедении и источники особого вида — акты — в дипломатике)». В то же время «специфика предмета порождает специфические методы дипломатики», хотя «в главном методы дипломатики и источниковедения идентичны»⁷³ (выяснение классовой сущности источника, условий его происхождения и т. д.).

⁷⁰ С. М. Каштанов. Предмет, задачи и методы дипломатики, стр. 165.

⁷¹ А. А. Зимин. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1965, стр. 435.

⁷² С. О. Шмидт. Указ. статья, стр. 56.

⁷³ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, стр. 10, 13.

В эти соображения Каштанова я внес бы некоторые коррективы. Поскольку дипломатика имеет свои специфические особенности с точки зрения как объекта, так и методики изучения, ее, очевидно, следует рассматривать не просто как раздел источниковедения, а как отдельную («специальную») дисциплину источниковедческого цикла.

«Специфическим методом и одновременно главным отличительным признаком дипломатики как науки, — пишет Каштанов, — является формулярный анализ, в котором широкое применение находит дипломатическая текстология и дипломатическая статистика»⁷⁴. Построение актовых формуляров исследователем основано на анализе реальных источников, но предполагает известное большее или меньшее отвлечение от каждого из них в сторону схематизации и создания своего рода моделей. Каштанов называет четыре типа формуляров: 1) «условный» — наиболее общая схема построения документов в целом; 2) «абстрактный» — общая схема построения документов определенной разновидности; 3) «конкретный» — схема построения определенных небольших групп документов внутри разновидности; 4) «индивидуальный» — схема построения отдельно взятого текста⁷⁵.

Главной задачей дипломатического анализа автор считает воссоздание истории конкретных формуляров определенных групп актов, индивидуальные формуляры которых совпадают либо целиком, либо частями⁷⁶. Что касается абстрактного формуляра, то, рассматривая его как «средство дипломатического анализа», Каштанов подчеркивает, что «по природе своей он на практике редко может быть идеальным инструментом исследования»⁷⁷. Наконец, условный формуляр, который «служит цели прежде всего сравнительного исследования внутренней формы документов различных разновидностей и разных стран»⁷⁸, по словам Каштанова, «у нас не оценен и совершенно не используется». В своей книге, положив в основу исследования тарханские грамоты, автор и подверг анализу конкретные формуляры. Условный и абстрактный формуляры по существу им не затрагиваются, и степень их эффективности как орудий источниковедческого анализа остается непоказанной.

Давая общую характеристику формуляра, Каштанов говорит, что «это не непосредственное отражение действительности, не рассказ о ней, а сложное «шифрованное» сообщение, нуждающееся в разносторонней расшифровке»⁷⁹. Расшифровке помогает сравнение «знаковых систем» источников разных видов. Имеет

⁷⁴ Там же, стр. 14.

⁷⁵ Там же, стр. 31, 45, 53.

⁷⁶ Там же, стр. 31.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 45.

⁷⁹ Там же, стр. 485.

при этом значение статистика клаузул (количество старых и новых, их хронологическое и территориальное распределение и т. д.)⁸⁰. Все это должно содействовать воссозданию истории актов как явлений общественной жизни и раскрытию социально-экономических и политических процессов, нашедших отражение в актовом материале.

Книга Каштанова дает много нового в области дипломатического анализа. Правда, многое еще не проверено на практике. Еще не вполне ясно, *в какой мере* методика этого анализа расширяет возможности исторического исследования. Интересно сравнить с «Очерками русской дипломатии» книгу Каштанова, вышедшую несколько раньше: «Социально-политическая история России XV — первой половины XVI в.» (М., 1967). В обоих трудах объект исследования один — тарханские грамоты, сходна и конечная историческая задача: выяснение судеб феодального иммунитета, существа правительственной иммунитетной политики. Но в ранней работе Каштанова изучение типов актового формуляра не велось, в последней — оно находится в центре внимания. Очевидно, вопрос о характере и мере применимости к жалованным грамотам методики формулярного анализа требует дальнейшего продумывания.

Но как бы то ни было методика, разработанная Каштановым, далеко ушла от построения типического формуляра, предложенного Лаппо-Данилевским. Она подчинена марксистской методологии. В центре — изучение конкретных формуляров и явлений. Познанию конкретного содействуют абстрактные конструкции, возводимые на основе реального материала источников.

Мне кажется, Каштанов правильно оценивает становление советского актового источниковедения как «новый этап» в развитии русской дипломатии.

ТЕКСТОЛОГИЯ. ЛЕТОПИСАНИЕ

Вопросы текстологии нашли обоснование в фундаментальном труде Д. С. Лихачева, который, по его собственным словам, должен «способствовать кристаллизации текстологии как самостоятельной, а не «вспомогательной» науки». Текстология, по мысли автора, «ставит себе целью изучить историю текста памятника на всех этапах его существования, в руках у автора и в руках его переписчиков, редакторов, компиляторов, т. е. на всем его протяжении, пока только изменялся текст памятников»⁸¹. Примерно то же определение дает и С. Н. Азбелев: текстология устанавливает «генетические взаимоотношения текстов путем

⁸⁰ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатии, стр. 51—52.

⁸¹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., стр. 3, 23.

сравнительного исторического изучения их...». Но он рассматривает эту дисциплину как вспомогательную⁸². Думаю, что с Азбелевым вполне можно согласиться с учетом того понимания вспомогательных дисциплин, которое дано выше. Специфика текстологии как вспомогательной дисциплины определяется не типом источников, ибо ими могут быть и акты, и летописи, и другие юридические или литературные памятники, а потому мы и говорим о текстологии «актовой», «летописной», «литературной» и т. д. Дело, очевидно, в методике текстологического изучения рукописей: совокупность соответствующих приемов и определяет профиль текстологии. При этом она пользуется данными и наблюдениями других дисциплин, например палеографии. А общие текстологические приемы, варьируясь, в свою очередь находят применение в дипломатике, летописеведении и пр.

Текстология является одной из дисциплин источниковедческого цикла⁸³. Но это обстоятельство не дает права выносить вслед за Фарсобиным за пределы источниковедения как главной дисциплины, суммирующей общие методические вопросы, все, связанное с текстологическим исследованием.

Каковы же основные принципы советской текстологии? Это прежде всего принцип историзма в подходе к изучению рукописей, требующий, чтобы история текста рассматривалась не в отрыве от исторической действительности, от общественно-политической жизни эпохи, от мировоззрения авторов, редакторов, переписчиков. «На первое место в текстологии выступили человек и общество в том их новом понимании, которое дает исторический материализм», — пишет Лихачев. Необходимо выяснить цели автора — творца рукописи «с учетом влияния классовой идеологии...»⁸⁴

Теоретическая направленность текстологического исследования выдвигает задачу не простой регистрации изменений текста в процессе его развития, а объяснения этого, ибо «факты без объяснения не факты»⁸⁵. При этом факт должен быть оценен «под определенным углом зрения», т. е. с позиций определенной методологии. «Рассеянного зрения не существует», — указывает Лихачев. Например, «факт отражения в памятнике классовой борьбы может быть вскрыт только тогда, когда исследователь знаком с тем, что представляет собой классовая борьба на данном этапе исторического развития»⁸⁶.

⁸² С. Н. Азбелев. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина. — «История СССР», 1966, № 4, стр. 91.

⁸³ Как пишет Каштанов, «текстология отличается от источниковедения не объектом изучения, а объемом своих функций. Текстологические приемы исследования могут рассматриваться как часть общей методики источниковедения» (С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики, стр. 14).

⁸⁴ Д. С. Лихачев. Указ. соч., стр. 24—25, 35.

⁸⁵ Там же, стр. 36.

⁸⁶ Там же, стр. 36—37.

Важным принципом текстологического анализа является также стремление раскрыть всю сложность тех факторов, которые воздействуют на процесс развития рукописей. Лихачев указывает, что даваемые при этом объяснения «могут быть историческими, литературоведческими, психологическими, могут быть связанными с историей общественных идей и историей техники (техники письма, переплета, книгопечатания, распространения книг и пр., и пр.), с историей общественных формаций и историей искусств и т. д.»

Еще в дореволюционное время значительные успехи текстологического исследования были достигнуты в области русского летописания. Успехами этими наука обязана А. А. Шахматову. Его источниковедческие приемы отличаются большой разносторонностью и широтой. Наиболее полно они охарактеризованы Лихачевым. Шахматов стремился привлечь по возможности все известные летописные списки и изучал текст каждого из них полностью. Синтетический охват громадного числа списков дал ему возможность раскрыть их генеалогию и восстановить историю русского летописания на протяжении ряда столетий. По словам Лихачева, Шахматов «мыслил широкими обобщениями, в которые, как в сложную систему, входило множество отдельных фактов»⁸⁷. Развитие летописного дела он рассматривал как историю создания ряда летописных сводов, каждый из которых представлял собой целостное литературное произведение, вобравшее в себя и переработавшее материал предшественников. Такой источниковедческий подход позволял Шахматову на основе более поздних сводов реконструировать предположительно тексты не дошедших до нас древнейших летописных памятников. Лихачев прав, говоря, что это было «одним из высших достижений русской науки».

Не следует преувеличивать историзм Шахматова. Он действительно, «начав с чисто текстологических наблюдений», «постепенно пришел к выводу» о «связи летописания с политической жизнью русского народа», но вряд ли можно согласиться с утверждением, что Шахматов улавливал связь идей, вложенных в летописные своды, «с политическими концепциями отдельных феодальных центров». Понятие «феодальные центры» было ему вообще чуждо. Вызывает сомнение и тезис, согласно которому «в работах последних лет Шахматов заявляет себя первоклассным историком и не только пользуется историческими фактами для своих построений, но дает новое, подчас разрушающее старое, представление о политической жизни Руси...»⁸⁸

В своей «Текстологии» Лихачев очень четко поставил вопрос о принципиально разном методологическом подходе к изучению

⁸⁷ Д. С. Лихачев. Шахматов как исследователь русского летописания.— «А. А. Шахматов. 1864—1920». Сборник статей и материалов. М.—Л., 1947, стр. 253.

⁸⁸ Там же, стр. 258—259, 262, 270, 271.

летописей со стороны Шахматова и советских исследователей. По словам Лихачева, шахматовская методика отличается существенно от текстологической методики советских текстологов-медиевистов, ибо он «не видел классовых противоречий, не видел в летописцах выразителей определенных социальных идей»⁸⁹. «Вся история летописания была для него в основном историей сводов, созданных в отдельных государственных и церковных центрах», «история же общества предстает для исследователя-марксиста как история классовой борьбы». В другом месте той же книги Лихачев выражается еще более определенно: Шахматов и его последователь М. Д. Приселков «не придавали особого значения борьбе различных слоев населения и совсем не видели классовой борьбы, постоянно отражающейся в летописании. Их исторический подход к истории текста летописей был поэтому ограничен. Только советские историки летописания стали учитывать в своих исследованиях социальную борьбу»⁹⁰.

Причина различий в текстологической методике кроется в разной методологии. Методология шахматовских исследований, как исторических, так и источниковедческих, была подробно разобрана В. Т. Пашуто в статье, опубликованной в 1952 г.⁹¹ Сейчас эта статья часто или замалчивается, или квалифицируется как дающая неверное представление об ученом мировом значении⁹². Думается, однако, что при этом не учитывается достаточно сложное положение на историческом фронте в те времена. Попытка разобраться в теоретических основах источниковедения и провести четкий водораздел между буржуазной и марксистско-ленинской методологиями возникла закономерно, была продиктована всем развитием исторической науки и затронула разные ее участки. В обстановке острой идейно-теоретической борьбы критический пересмотр наследия дореволюционной историографии принимал излишне заостренный, иногда односторонний характер, что приводило к недооценке роли этого наследия в развитии советской науки. Имели здесь значение и некоторые нездоровые черты научных дискуссий, тогда проходивших. При всем том критическая работа, проведенная в 40—50-х годах, содействовала внедрению марксизма в источниковедение, и, мне думается, нельзя расценивать ее лишь как отрицательное явление. Содействовали дискуссии того времени и переосмысливанию существа теоретических основ шахматовского источниковедения.

Роль Шахматова в развитии летописной текстологии часто

⁸⁹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., стр. 52.

⁹⁰ Там же, стр. 380.

⁹¹ В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. — «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 47—73.

⁹² Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. — «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I. Л., 1968, стр. 13.

сопоставляют с ролью Лаппо-Данилевского в разработке актового источниковедения. Я думаю, она все же неодинакова. Сам облик этих ученых был, как мне представляется, разный. Лаппо-Данилевский был склонен к систематике, к философскому осмыслению исследуемых явлений и в то же время к мышлению формальными категориями. Отсюда и характерные для его методологии черты: отрыв формы источника от содержания, стремление к построению типических актов формуляров и т. д. Шахматовской методологии в большей мере присущи динамизм и стремление охватить изучаемые явления во всей их сложности и противоречивости. Поэтому его схематические построения ближе к живой действительности. И использование шахматовского наследия советским источниковедением поэтому происходит, мне думается, значительно легче, чем того, что создано Лаппо-Данилевским.

Недавно поднят большой вопрос о том, как применить результаты шахматовских текстологических изысканий к исследованиям исторического процесса, т. е. из области источниковедения перейти в область истории. А. Г. Кузьмин поставил этот вопрос в такой форме: как связать «абстрактную генеалогическую схему сводов с конкретным историческим материалом летописей по тем или иным вопросам»⁹³. На настоящем уровне источниковедения нельзя просто брать из летописей те или иные известия, считая их сообщениями об исторических фактах. Любое известие надо оценивать в общем контексте того летописного свода, в котором оно помещено и соответствующим образом препарировано. А для оценки целого комплекса известий надо исходить из ясного представления обо всем летописном «генеалогическом древе». Речь идет именно о «древе», созданном Шахматовым, ибо каждый исследователь не может повторять проведенную им грандиозную работу. Но это «древо» — все же плод реконструкции, поэтому среди его ветвей наряду с реально дошедшими до нас текстами имеются и такие, которые сам Шахматов называл «фикциями»⁹⁴, своды, восстановленные гипотетически, плоды «конъектуральной критики». Отсюда, очевидно, происходят сетования Кузьмина, который пишет: «...изучение истории летописания оторвалось от практических задач исторической науки. В то время как исследователи летописей работают над созданием общей схемы истории летописания, оперируя, как правило, только понятием «свода», историки пользуются летописным материалом, мало считаясь с этой схемой»⁹⁵.

⁹³ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965, стр. 4.

⁹⁴ А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, стр. 22.

⁹⁵ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание, стр. 4. По поводу этого С. Н. Валк пишет: «Отметим, однако, что такие выдающиеся историки, как А. Е. Пресвяков и М. Д. Приселков, явились первыми, кто в своих трудах всецело исходил из развитых Шахматовым критических приемов изуче-

Как же преодолеть разрыв между текстологами-летописеводами и историками? Кузьмин видит путь к такому преодолению в отказе от «абсолютизации шахматовского метода» и «канонизации его системы» и целей исследования. Он предлагает «хотя бы отчасти реабилитировать методы исторической критики летописного материала», применявшиеся до Шахматова: К. Н. Бестужевым-Рюминым и др. «Историков, как правило, интересует не летопись в целом, а какая-то конкретная летописная статья или определенная группа известий»⁹⁶.

Мне кажется, на любом участке источниковедения и исторической науки надо идти не назад, а вперед. Так же и в области летописеведения. Конечно, ни в какой «реабилитации» Бестужев-Рюми не нуждается. И у него, и у других предшественников Шахматова было много полезного. Сам Шахматов на это указывал и этим пользовался, и мы должны так поступать. Но работы Шахматова открыли новый этап в изучении истории летописания. И двигаться дальше надо, отрываясь от него.

Важной задачей, мне думается, является обоснование методики изучения летописи как памятника двуединого по своему характеру — литературного произведения и исторического источника. Осуществление этой задачи возможно лишь путем внедрения в летописеведение историзма. Ограниченность метода Шахматова состояла именно в том, что в его исследованиях превалировал формально-текстологический анализ. Созданная им генеалогическая схема летописных сводов — это громадное научное достижение. И ни один историк, занимающийся конкретными сюжетами древней или средневековой Руси, не имеет права от нее отрешиться. Но он вправе и даже обязан рассматривать шахматовское построение именно как схему, а не как реальную во всем картину летописания. Для историка это ориентир, который поможет ему разобраться в гуще летописного материала, а отнюдь не общеобязательная источниковедческая основа. Я бы сравнил (конечно, учитывая всю условность такого сопоставления) шахматовское «генеалогическое древо» с «абстрактным формуляром», о котором говорит в своих «Очерках русской дипломатики» Капитанов. Будучи основан на вполне *конкретных* формулярах, он во многом представляет отвлечение от них. Так же и шахматовская летописная генеалогия, построенная на вполне реальных текстах, в ряде своих звеньев конкретна, в ряде — фиктивна. А в целом (если ставить вопрос в чисто источниковедческом плане) и абстрактный формуляр и летописное генеалогическое «древо» —

ния летописей» (С. И. Валк. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии в книге: «В. Н. Татищев. История Российская», т. 7. Л., 1966, стр. 26, прим. 64). Зависимость от Шахматова определила и достоинства, и недостатки названных трудов.

⁹⁶ А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси, стр. 29, 35, 36.

это *средство* познания исторической действительности, но еще не сама действительность.

Для историка шахматовская схема может служить лишь орудием исследования, облегчающим критический разбор *конкретных летописных известий*, извлекаемых из разных летописных списков и сопоставляемых между собой и с другими источниками (актами, грамотами и пр.) в целях использования в качестве материала для исторических построений. Таким образом, хотя объектом источниковедческого анализа являются *исторические сведения летописей*, а не летописные своды, но это отнюдь не означает «потребительское отношение» к источнику⁹⁷, ибо в поле своего зрения историк все время обязан держать общую схему взаимоотношений сводов, которая постоянно уточняется и совершенствуется в результате специальных исследовательских изысканий на основе вновь привлекаемых списков.

Несколько слов надо сказать о так называемом методе «логически-смыслового анализа», широко применяемом Шахматовым при исследовании памятников летописания: снимая позднейшие наслоения, разрывавшие первоначальный текст, ученый шел от более поздних летописных сводов к более ранним. Этот метод в ряде случаев дал блестящие результаты и в то же время был чреват некоторыми отрицательными последствиями. А. А. Зимин коротко определил их так: модернизация древнерусского писателя и субъективизм исследователя⁹⁸. Реальной становилась опасность подхода текстолога XX в. к письменному памятнику древней или средневековой Руси со «своей» логикой и «своей» психологией без достаточного учета логики и психологии автора того времени. Д. С. Лихачев очень тонко отметил (хотя и не остановился на этом подробно), что указанная опасность захватила не только область летописной текстологии, но и область «исторической науки в целом». Последователи Шахматова стали применять логически-смысловой анализ не только к памятникам письменности, но и к политической истории Руси. Стали рассматривать ее историю как борьбу «различных политических концепций», а государственных деятелей — как «неизменно последовательных проводников» этих концепций — «строго определенных сложных...» программ⁹⁹. Вместо восстановления реальной действительности давалось субъективное о ней представление. Сам Шахматов часто прибегал к гипотезам. Но громадный талант

⁹⁷ «Выборочное исследование отдельных известий, подтверждающих общую концепцию исследования, получило в источниковедческой практике 30-х годов даже особое наименование — «потребительское отношение» к источнику (Я. С. Лурье. Критика источника и вероятность известия. — «Культура Древней Руси». Сборник. М., 1966, стр. 122).

⁹⁸ А. А. Зимин. Указ. статья, стр. 433.

⁹⁹ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 18—19.

ученого и необычайная способность к интуитивному проникновению в прошлое являлись известной гарантией от превращения гипотезы в простой вымысел. Зато некоторых историков, считавших себя его последователями, субъективизм заводил так далеко, что их гипотетические построения стали отдавать чистой фантазией.

КОДИКОЛОГИЯ

На стыке ряда вспомогательных дисциплин (палеографии, дипломатики, текстологии) возникла новая дисциплина — кодикология, изучающая рукописные книги в плане многообразной проблематики (как памятники литературы, материальной культуры, искусства), выясняющая социальный и профессиональный состав писцов, общественный резонанс появления памятников письменности, ареал и степень их распространения, функции, выполняемые в обществе, связь с определенными библиотеками, исторические судьбы и т. д. Такой комплексный источниковедческий и исторический подход требует широкого и всестороннего знания эпохи и страны, характера материального производства, художественных вкусов и т. д.

Проблемы кодикологии серьезно разрабатываются на материале латинской и византийской письменности¹⁰⁰.

В области источниковедения русской истории большое значение имеет проблема дипломатической кодикологии, целью которой является изучение сборников копий с актов (копийных книг) как целостных источников. Копийным книгам посвящен ряд работ. Последней из них является книга Каштанова. В ней показано, насколько важно для понимания истории создания таких сборников, их целевого назначения, социально-политической направленности, комплексное обследование внешних и внутренних признаков. Взятые во взаимосвязи, эти признаки, как внешние (место хранения, количество листов, формат, переплет, степень сохранности, водяные знаки, расположение текстов, количество столбцов и строк в странице, тип письма и почерки), так и внутренние (состав, особенности копий актов сравнительно с подлинниками, заголовки при списках, скрепы, нумерация тетрадей, листов и актов, дополнительные записи и пометы), проливают свет на процесс формирования рукописей, на их отношение к другим подобным книгам, на функции, им предназначавшиеся.

¹⁰⁰ А. Д. Люблинская. Указ. соч., стр. 7; В. Л. Романова. Некоторые вопросы организации производства во Франции XIII—XV вв., стр. 80—82; Е. Э. Гранстрем. Греческие средневековые рукописи ленинградских хранилищ и проблемы истории письма и книги в Византии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1969, стр. 18.

А рассмотрение копийных книг в контексте социально-экономических и политических взаимоотношений своего времени раскрывает их роль как памятников феодального общества, отражающих его противоречия, происходившую в нем классовую и внутриклассовую борьбу¹⁰¹.

По поводу методики изучения копийных книг возникает ряд вопросов. Лихачев, принявший данную в моей книге «Русские феодальные архивы» рекомендацию выяснять, в какой мере политически целенаправлен тот или иной сборник по подбору и систематизации в нем документов, в то же время подчеркивает, что целеустремленность здесь наличествует далеко не всегда, что состав того или иного сборника мог зависеть и от ряда случайностей¹⁰². Это замечание, конечно, справедливо. Но ведь и в общенсторическом процессе случайные обстоятельства играют роль. Однако главное внимание исследователя всегда будет направлено на изучение обусловленности явлений. То же надо сказать и относительно причин появления копийных книг. Проблема эта должна стоять. Но ответ на нее, естественно, не может быть однозначным. Не всегда удается вскрыть политические мотивы, не всегда они и были, но практика показывает, что очень часто такие мотивы имели место и их учет весьма помогает в оценке того или иного сборника как источника.

Сходное замечание делает Н. Е. Носов. Касаясь моего предложения применить к сборникам актового материала приемы изучения, которыми пользуются советские исследователи летописных сводов, он указывает, что эта рекомендация может быть принята лишь в отношении сборников, составленных для определенных политических целей, но ее нельзя использовать при анализе обычных монастырских книг с копиями земельных документов¹⁰³. Но сближение методики исследования летописных сводов и сборников актовых копий носит условный характер. Его смысл заключается в двойственном подходе и к летописному своду, и к копийной книге. Летописный свод интересует нас и как целостный исторический источник, и как собрание ряда известий, за каждым из которых кроется какой-то факт. Копийная книга — это и единый источник, и собрание источников в виде отдельных документов. Если при рассмотрении летописного свода мы должны вскрыть его идейную направленность, то, обследуя копийную книгу, ставим вопрос о мотивах ее составления (будь то мотивы политические или хозяйственные, или простая случайность — таких случаев, кстати, пока я не знаю). Обследование летописных сводов и актовых сборников в целом проливает

¹⁰¹ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатии, стр. 218.

¹⁰² Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., стр. 263—264.

¹⁰³ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 179, прим. 193.

(или может пролить) свет и на характер отдельных летописных известий в одном случае, отдельных документов — в другом.

Наконец, последнее замечание по поводу кодикологии, которого я коснусь, принадлежит А. И. Копаневу. Он упрекает меня в том, что я делаю «не совсем обоснованную обязательную рекомендацию изучать акт, дошедший в копийной книге, лишь в контексте копийной книги, не вырывая акт из окружения». А затем пишет: «Однако эти акты надо понимать, исходя из конкретных исторических условий XIV—XV вв., судить о них по тому значению, которое они имели тогда, а не по тому, какое значение этим документам придавалось людьми или государственными учреждениями XVI—XVIII вв., причастными к составлению копийных книг»¹⁰⁴.

То, что пишет А. И. Копанев, по-моему, результат какого-то недоразумения. Что же убеждать меня в том, что акты XIV—XV вв. надо изучать в контексте исторических условий того времени, если весь мой объемистый двухтомный труд о русских феодальных архивах посвящен доказательству на конкретном материале именно этого тезиса. «Контекст копийной книги» важен совсем в другом отношении. Он проливает свет на вторую жизнь акта, который уже через какой-то (иногда большой) промежуток времени после своего возникновения вновь оживает на страницах того или иного сборника и приобретает новое значение, выполняет новые общественные функции (в соответствии с замыслом составителя сборника).

Итак, взаимосвязь между методологией и методикой наблюдается в ряде вспомогательных дисциплин. Выводы, которые сделаны в отношении палеографии, дипломатики, текстологии, можно было бы дополнить материалом из области сфрагистики, нумизматики и пр. Но лучше это сделать в специальной статье.

¹⁰⁴ А. И. Копанев. Советская дипломатика.— «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I, стр. 62.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛЕТОПИСНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В. Т. Пашуго

Опыт нашей историографии побуждает меня поделиться некоторыми соображениями и сомнениями, касающимися источниковедения. Речь идет о вопросах сложных, нуждающихся в коллективном обсуждении.

Мы являемся свидетелями интересного процесса кристаллизации, самоопределения и систематизации источниковедческих дисциплин; он сопровождается стремлением уточнить их отношение к методологии, методике, партийности источниковедения. Это закономерный этап в историографии, и, видимо, нам, его современникам, нужно оценить происходящий процесс, чтобы не допустить в своих исследованиях смешения методологии с методикой или отрыва методики от методологии, ибо эти крайности могут нанести ущерб партийности нашей науки.

Ввиду отсутствия единой общепринятой терминологии я буду исходить из следующих определений. Метод как мировоззренческая категория — теория исторического познания (методология) — есть основа исторического источниковедения; методика — подчиненная ей совокупность приемов, способов или правил исследования исторического источника; партийность — определяемый методологией принцип исторического источниковедения.

Историографически «методология» и особенно лежащий в ее основе «метод» стали широкими размытыми понятиями¹ и их экспликация зачастую отождествляется со «способом» и «приемом» исследования проблем и связанных (например, «художественный

¹ О положении в международной историографии и говорить нечего — там царит хаос. См., например, доклад Т. Шидера «Различия между историческим методом и методом социальных наук» на XIII МКИИ (М., 1970). Еще на Венском XII МКИИ выдвинутое М. В. Нечкиной, Е. Б. Черняком и мною предложение о создании международной комиссии по терминологии («Rapports», IV, Wien, 1965, p. 66) приобретает возрастающую актуальность. Видимо, целесообразно вынести эту проблему на всесоюзное обсуждение, так, как предложил Б. А. Рыбаков при обсуждении этой статьи (в Секторе истории древнейших государств на территории СССР Института истории СССР), опубликовав развернутый терминологический вопросник в новом источниковедческом органе. Ведь у филологов есть Комиссия по терминологии. Ниже я позволю себе, с разрешения коллег, сослаться на некоторые их выступления, содержащие интересные мысли по затронутому в статье вопросу.

метод»), и не связанных с методологией. То же относится и к термину «методика», которая, если говорить об историческом источниковедении, бывает, на мой взгляд, двух видов: одна, зависящая от методологии, — историческая, а другая, от нее не зависящая, — техническая. Объем, содержание, пределы этих понятий и границы, их разделяющие, еще подлежат уточняющему определению. Опыт побуждает отнести к технической методике летописного источниковедения: использование дублировок известий, переходных формул, хронологических ошибок, смену летописных стилей и т. и. Вообще говоря (как отметила Н. В. Синицына), техническая методика относится к форме источника, историческая — к его содержанию².

Методики взаимодействуют между собой и с методом, и степень этого взаимопроникновения для каждого вида, рода и типа источников — особая тема исследования. Нужна пластичность анализа, в котором немалая роль принадлежит опыту и интуиции ученого³. Когда речь заходит о летописях, дело особенно осложняется из-за отсутствия четкого разграничения функций литературного и исторического источниковедения как двух различных форм познания.

*Об исторической методике*⁴. Меня тревожит покой, который царит в нашем летописном источниковедении. Последним опытам его историографии присущи и фактическая неполнота, и отсутствие анализа борьбы направлений⁵. Методология у нас одна, но определяемых ею методик много; их не меньше, чем видов, родов и типов источников. Их много и в летописном источниковедении. Чтобы в этом убедиться, достаточно сопоставить отношение к летописному источнику историков А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, В. А. Кучкина и, скажем, В. Б. Вилинбахова, литературоведов — Д. С. Лихачева, С. Н. Азбелева, Я. С. Лурье и, скажем, А. К. Генсборского или А. Г. Кузьмина и, скажем, А. М. Членова... Спектр очень широкий, авторы

² Самопознание источниковедения как науки требует разработки вопроса об уровнях и методах и методик.

³ И. П. Старостина спрашивает, если строго считать, что терминологический метод лишь один, мировоззренческий, то не лишим ли мы источниковедение присущих ему частных методов, которые сверх этого, универсального, философского есть у всех наук, скажем: ретроспективного, сравнительно-исторического и иных. Я затрудняюсь окончательно ответить на этот вопрос. Его надо обсудить. Замечу лишь, что летописное источниковедение страдает от смешения общефилософского метода именно с частными методиками. Не рациональнее ли называть неуниверсальные, частные, методы методиками? Обогащать науку можно и на основе методик — от перемены названия дело не пострадает.

⁴ О технической методике я не говорю, ибо сама по себе она дискуссий не вызывает.

⁵ В. И. Буганов. Русское летописание в советской историографии. — «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 143—155; Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. — «Вспомогательные исторические дисциплины», т. I. Л., 1968, стр. 4—32.

настаивают каждый на своем подходе к летописи, но открытой дискуссии нет. Не пришла ли пора научно осмыслить особенности, достоинства и недостатки всех основных методик, дать полемике выход и тем ускорить развитие самой дисциплины?

Тут оценке методик должен помочь испытанный научный критерий — практика. Ленинская теория отражения учит нас проверять качество познания источников практикой исторического творчества и соответствием вытекающих из него выводов, рекомендаций и лозунгов целям нашего общества. Такая проверка — дело непростое, имея в виду, что проверять придется и непосредственно (сопоставлением источников), и опосредствованно (через выводы).

Приемы такой проверки еще ждут своей разработки, но уже ясно, что самодовлеющее источниковедение, не имеющее выходов в историческое творчество, само подписывает себе приговор. Ясно и то, что нарушение норм социального анализа источника ведет к потерям. Два-три примера. Смещение социального и этнического в содержании нарочности памятников письменных и устных (в летописи они подчас сочетаются⁶) может породить, если брать историю, идеализацию общественного строя Руси, а если иметь в виду литературоведение — недооценку действительного соотношения реализма и условности древнерусской литературы. Недостаточное внимание к генезису структуры памятника, рассмотрение его потребительски «в целом» лишает историка возможности вскрыть отражение в нем эволюции общественной мысли, а историка права (как это случилось с В. И. Горемыкиной) приводит к конфликту с «Русской Правдой».

Я. С. Лурье опубликовал статьи, в которых выступает против «потребительского отношения» к источнику⁷. Дело это нужное, при соблюдении, однако, некоторых условий, прежде всего совокупной, последовательно исторической, а не выборочной оценки работ данного ученого по разбираемой проблеме. Мне кажется, что наша историография достигла уже такого уровня, когда от критика можно требовать знания главных работ критикуемого автора, элементарного историзма в подходе к ним. Пренебрегая этим подходом (в частности, при оценке трудов Б. Д. Грекова), Я. С. Лурье-историограф нарушает те принципы, за которые ратует Я. С. Лурье-источниковед.

Кроме того, из опыта науки явствует, что в каждой большой (тем более популярной) работе неизбежен «потребительский остаток», который позднее как таковой выявляется и преодолевается.

Не зря еще А. А. Шахматов писал, что можно «мног раз безнаказанно почерпать сведения из источника неизученного»,

⁶ О классовой природе фольклора см.: В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор.— ТОДРЛ. т. VII М.— Л., 1949, стр. 10.

⁷ См., например, Я. С. Лурье. Критика источника и вероятность повествования — «Культура Древней Руси». Сборник. М., 1966, стр. 121—126.

но возражал против попыток «исправлять его или пренебрегать им без предварительного критического его исследования»⁸.

Возвращаясь к основной теме, замечу, что крен в сторону абстрактных схем в ущерб конкретно-историческому анализу источников может, например, привести к тому, что на смену норманну в скандинавском корзне придет варяг в славяно-поморской опоне; может он и затемнить различия между самостоятельными антифеодальными действиями грудящихся масс и их традиционным в России использованием соперничающими за власть группами господствующего класса. В. Д. Назаров отметил, что интересная задача исторической критики — вскрытие механизма реализации принципа партийности источниковедения в историческом исследовании.

Проверкой методики латонисного источниковедения может служить и практика издания летописных текстов. И от наших, и от зарубежных коллег, и от студентов не раз приходилось слышать сожаления о том, что до сих пор нет достаточно ясного представления о соотношении состава ныне имеющегося рукописного корпуса Полного собрания русских летописей с опубликованными томами, а также о соотношении этих томов со сводами и принятой в науке схемой возникновения и развития летописания. Надо поскорее снабдить такой схемой каждый новый том полного собрания, тогда будет правомерно и издание их не в строгой хронологической последовательности.

Идущий спор о том, как вести работу — сначала изучать, а потом публиковать или наоборот, кажется мне надуманным⁹; история науки свидетельствует о том, что это неразрывный процесс и едва ли стоит наперед отдавать предпочтение той или другой тенденции. Текстология не может тормозить развитие истории.

Опыт историографии подтверждает возможность обоих подходов к летописи — и текстологического, лишь бы без смыслового нигилизма, и смыслового, лишь бы без нигилизма текстологического. Надобно, конечно, совпадение этих двух подходов — именно историки были в свое время инициаторами соединения анализа источника с историческими выводами. Они руководствовались той мыслью, что «не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным»¹⁰ и что для науки полезно совпадение логического познания с историческим раскрытием исследуемого явления¹¹.

⁸ А. А. Шахматов. Рецензия на книгу В. Пархоменко. Начало христианства на Руси.— ИМНП, 1914, № 8, стр. 336.

⁹ Ср. верные наблюдения В. В. Фарсобина «К определению предмета источниковедения (Историографические заметки)». — «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1968.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 7.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 499.

Занимаясь историей Древней Руси, я предпочитаю не выходить за летописные источники XIII в. и беру известия, руководствуясь хронологией сводов¹², но полагаю, что настороженное отношение к тусклым источникам, вроде Никоновской летописи, хроник Я. Длугоша, А. Быховца, М. Стрыйковского, данных Ф. А. Эмина, В. Н. Татищева и т. п., не может заменить источниковедения. Поэтому достойны поддержки усилия изучающих этот сложный материал: Б. А. Рыбакова, С. Н. Валка, С. Л. Пештича, Н. Н. Улащика, А. И. Рогова, Р. Шалуги, Б. Н. Флори, М. Юаса и др.

Исследование этой проблемы поможет всесторонне понять истоки научной историографии России. Факты свидетельствуют о том, что и среди самых строгих текстологов нет излишнего пурризма: ведь переиздали же они труды И. П. Еремина, не приемлющего идею летописного «свода»¹³. Да и сам Д. С. Лихачев порой допускает возможность анализа летописи в целом, конструируя сводный образ летописца, который едва ли найдет признание среди историков¹⁴. Вообще если любая домосковская летопись в полном ее объеме — историческая хроника, то литературным памятником она, строго говоря, является в составных частях. Притом справедливо, что именно историкам нужно помнить об отсутствии жестких граней между литературным и историческим источниковедением: пренебрежение к литературным формам и цитатам в летописи мешает раскрытию ее достоверности.

Жизнь — лучший критик, она отберет то, что достоверно. Состязание методик ускорит этот отбор. Оно будет содействовать обогащению, развитию методологии, укреплению партийности источниковедения.

О методе. Немало неясного и в вопросе о «методе» летописного источниковедения. Мне представляется, что летопись должна прежде всего анализироваться на основе марксистско-ленинской теории познания как историческая хроника. Это и есть метод ее изучения. Он качественно новый и создан советским летописным источниковедением.

Но историографически дело сложилось так, что долгое время в летописном источниковедении под методом понималась только разработанная выдающимся буржуазным ученым А. А. Шахмато-

¹² Говоря о выделении из летописи исторической хроники «как таковой», я, понятно, имел в виду не отрицание текстологии, выделяющей свод (ср. А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, стр. 21), а историзм подхода к его содержанию, так как свод — прежде всего памятник исторический, а уж потом литературный (В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. — «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 60, стр. 72 — об ошибочности отрицания сводного характера летописей).

¹³ И. П. Еремин. Литература Древней Руси. М., 1966.

¹⁴ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 261—280, 357, 359.

вым сравнительно-текстологическая методика, применявшаяся к памятникам и литературным, и историческим (летописи). В таком понимании метода легко убедиться, просмотрев относящиеся к нему высказывания источниковедов, и принимавших его: С. Ф. Платонова, Н. К. Никольского, А. Н. Насонова, В. П. Адриановой-Перетц, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева¹⁵, и его отвергавших: В. М. Истрина, Н. Л. Рубинштейна, И. П. Еремина¹⁶.

Это теоретическое отставание летописного источниковедения имело объективные причины — они коренятся в темпах развития историографии: по мере того как формировалось и крепло марксистское направление в отечественной медиевистике, складывалось оно и в летописном источниковедении. Его оформление приходится на послевоенные годы. Метод в качестве марксистско-ленинской теории познания впервые упоминается в летописном источниковедении 50-х годов. Об этом стоит напомнить хотя бы потому, что некоторые авторы, справедливо ратуя за исторический подход к источникам, утрачивают его, касаясь истории источниковедения. Между тем споры наших дней являются продолжением послевоенных дискуссий.

Из сказанного следует, что нужно яснее очертить сравнительно-текстологическую (с присущим ей буржуазным историзмом) методiku Шахматова, более четко отграничить ее от метода познания советского летописного источниковедения и полнее определить соотношение между шахматовской и советской методикой изучения летописи.

Из того, что по этому вопросу написано, не все кажется мне достаточно бесспорным.

В нашем летописном источниковедении существует тезис, что Шахматов — «основатель современной текстологии»¹⁷. Раз современной, то значит и советской. Но, во-первых, Шахматов, строго говоря, текстологии — учения о тексте — не оставил. Такое уче-

¹⁵ С. Ф. Платонов. А. А. Шахматов как историк.— ИОРЯС, т. XXV. Пг., 1922, стр. 138, 132; Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры.— «Сборник ОРЯС АН», т. II, вып. 1. Л., 1930, стр. 23, 29, 103; А. Н. Насонов. Летописные своды Тверского княжества.— «Доклады АН СССР, серия «В», ноябрь — декабрь. Л., 1926, стр. 125—128; «История русской литературы», т. I. М.—Л., 1941, стр. 258—259; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 5, 13; Д. С. Лихачев. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова.— «Известия ОЛЯ АН СССР», т. V. вып. 6. 1946, стр. 418.

¹⁶ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания.— ИОРЯС, т. XXVI. Пг., 1923, стр. 48; Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 495—496, 21—22; он же. Летописный период русской историографии.— «Ученые записки МГУ», вып. 93, кн. I. М., 1946, стр. 6; И. П. Еремин. Повесть временных лет (Проблемы ее историко-литературного изучения). Л., 1947.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Шахматов-текстолог.— «Известия АН СССР ОЛЯ», т. XXIII, вып. 6, 1964, стр. 482

пие еще только создается в нашей науке. Этапными на пути его создания стали труды Черепнина об актовом и Лихачева о летописном и литературном текстоведении. Это учение о тексте-источнике в свете ленинской теории отражения.

Шахматов прозрел генетическую сеть русского летописания, но он не видел истинного пути от изучения памятника к породившей его общественной среде, ибо придерживался превратного мнения о самом строе общества. Поэтому его труды наследуются нами в «снятом» виде. В чистом виде его текстология служила практике буржуазной историографии эпохи империализма.

В посвященном текстологии фундаментальном труде Лихачев прежде всего справедливо подчеркивает, что в советской науке «история текста памятника стала рассматриваться в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией авторов, составителей тех или иных редакций памятников и их переписчиков. История текста являлась в известной мере *историей их создателей* и отчасти... их читателей. На первое место в текстологии выступили *человек и общество* в том их новом понимании, которое дает исторический материализм»¹⁸. Из этих слов ясно, что советская текстология вдвойне исторична: это качественно новая наука.

Но, когда заходит речь об определениях, Д. С. Лихачев, думается, предлагает недостаточно четкие решения: текстология не совокупность методических приемов, а или «самостоятельная наука», или «вспомогательная филологическая дисциплина»¹⁹. Ее предмет — «история текста», а «метод» (т. е., видимо, методика) — «критика текста»²⁰. Оппоненты справедливо не согласились с Лихачевым. Из них лучшее определение текстологии, на наш взгляд, дал С. Н. Азбелев: «Текстология — вспомогательная историческая дисциплина, устанавливающая генетические взаимоотношения текстов путем сравнительно-исторического изучения их»²¹.

Следовательно, текстология (даже если принять поправку об ее историко-филологическом характере²²) насквозь исторична, неразрывно связана с методом познания, она партийна. Азбелев верно подчеркивает, что «окончательной является группировка

¹⁸ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 24.

¹⁹ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., стр. 538; *он же*. Текстология. Краткий очерк. М.—Л., 1964, стр. 7.

²⁰ Д. С. Лихачев. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв., стр. 23; *он же*. Текстология. Краткий очерк, стр. 7; *он же*. По поводу статьи Б. Я. Бухштаба.— «Вопросы литературы», 1965, № 1, стр. 84.

²¹ С. Н. Азбелев. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина.— «История СССР», 1966, № 4, стр. 91.

²² В. В. Фарсоби. Указ. статья, стр. 420—422.

текстов по историческому признаку (на основе установления их реальных взаимоотношений), при которой тексты каждой группы генетически восходят к одному тексту (дошедшему или утраченному)»²³.

Текстология — очень важная сфера идеологии. Неправильное использование текстологии летописания лишило бы нас возможности понять нашу средневековую историю, историю общественно-политической мысли, философии. Текст нельзя оторвать от того, что в тексте, от его социального смысла. А значит, и анализ взглядов текстолога также нельзя отделить от его классово-политической позиции, независимо от того, «стихийный» он историк или сознательный, ибо в любом случае эта позиция определяла социальный смысл его текстологии.

Верно, что творчество Шахматова — вершина международной буржуазной науки в области текстоведения, но верно и другое — что лишь марксизм-ленинизм поднял текстологию до уровня подлинной науки, дал ей возможность осуществить изучение текстов не механически (или стихийно-исторически), а в полном смысле слова сравнительно-исторически.

В этой связи возникает другой вопрос: если методика служит методологии, то как относиться к текстологическому наследству Шахматова? Мне думается, что было бы неверно говорить об «уточнении» текстологии Шахматова: приходится отсекал от нее коренное, качественное ее свойство — методологию, включая и представление о сравнительно-текстологических «сводах».

В. А. Кучкин обратил внимание на то, что сравнительно-текстологическую методику Шахматова не следует понимать упрощенно: он допускал и историческое движение сводов и понял, что свод — плод создания многих. Но притом он и механистичен (вспомним взгляд на некоторые летописи как сборники), критерии текстовой зависимости разработаны им недостаточно (различия между генетичными и негенетичными совпадениями текстов), что, кстати говоря, и дало почву для неоправданной критики С. А. Бугославскому.

Да, сравнение текстов — материальная основа нашей науки о летописях, и здесь Шахматов оставил нам драгоценное наследие. Но нельзя сравнивать тексты вслепую, искать в них в лучшем случае «личные» симпатии и антипатии. Советские историки вскрывают их классовый смысл и этому подчиняют текстологический поиск.

Поэтому, наследуя методику текстологии Шахматова и используя результаты проделанной им гигантской сравнительно-текстологической работы, мы отвергаем его методологию. Критически же освоенная методика входит составным элементом в советскую текстологию. Техническая методика Шахматова наследуется нами полностью. Текстология партийна лишь в ее историче-

²³ С. Н. Азбелев. Указ. статья, стр. 94—95.

кой части, а не в технической. Это в свою очередь позволяет видеть в Шахматове не основоположника современной текстологии (она — плод коллективных усилий), а лишь ее буржуазного предтечу. Справедливо пишет О. М. Медушевская, что «генетический подход к источнику как методологический принцип существует только в марксистско-ленинском источниковедении, и он связывает воедино теорию исторического процесса и теорию исторического познания»²⁴.

Наконец, если в пору первоначального критического осмысления шахматовского наследства были допущены издержки, связанные с условиями культа личности, то, преодолевая их, вряд ли стоит обращаться к другой крайности и писать, что Шахматов был такой буржуазный ученый, который стремился «к объективной истине, свободной от ограниченности рамками мировоззренческих или общеметодологических деклараций своего времени»²⁵.

Лихачев прав, что Шахматов впервые встал «на почву историко-критического изучения летописания», но, когда он, подчеркивая эту верную мысль, цитирует шахматовский отзыв на книгу С. К. Шамбинаго, где последний критикуется за то, что упустил в исследовании текста «самое важное — изучение условий, при которых появлялся тот или иной текст»²⁶, он, мне кажется, грешит и против текстологии, беря изолированную цитату, и против духа и смысла «условий». Мне приходилось однажды цитировать этот текст, но, видимо, полезно привести его вновь и полностью: «Я упрекаю автора и за то, что он совсем не касается литературной среды, в которой возникали и вращались остановившие на себе внимание повести». И здесь А. А. Шахматов делает знаменательную оговорку: «Под литературной средой разумею не людей, не общественные круги, отдаленные от нас веками и недоступные нашему исследованию, мы разумею под ней тот состав сборников и сводов, где обретаются эти повести»²⁷. Как видим, А. А. Шахматов оказался бессилем проложить путь от изучения памятника к познанию породившей его среды. Он остался на уровне стихийного неопозитивизма²⁸. Отсюда и актуальность разработки методологии источниковедения для борьбы против современного позитивизма.

Думаю, наша наука может считать достаточно прочным вывод о том, что метод (теория познания) советского летописного

²⁴ О. М. Медушевская. Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография.— «Труды МГИАИ», т. 25. М., 1967, стр. 117.

²⁵ Д. С. Лихачев. Шахматов-текстолог, стр. 482.

²⁶ Там же, стр. 485.

²⁷ См. отчет о XII присуждении по ОРЯС АН премии митрополита Макария. СПб., 1910, стр. 84—85.

²⁸ И. С. Кон. Позитивизм в социологии. Л., 1964, стр. 92—94, 112, 146.

и актового источниковедения в корне отличен от метода и А. С. Лаппо-Данилевского и А. А. Шахматова.

О партийности. Эта важная тема применительно к летописному источниковедению историографически еще не изучена. Не вошла она и в число «современных проблем источниковедения», которым недавно посвятил свою статью С. О. Шмидт. Могут сказать, что в его статье речь идет о «спорных и недостаточно разработанных проблемах источниковедения»²⁹, вопрос же о партийности не является спорным. Это мнение само спорно по крайней мере в двух отношениях.

Прежде всего вопрос о принципе коммунистической партийности в науке имеет в нашей историографии разное толкование.

Например, Н. А. Бурмистров³⁰ вообще не считает возможным выделять партийность как современный принцип познания, а распространяет ее и на субъект, и на объект познания со времен образования классового общества. Мне думается, что автор рассматривает партийность слишком статично, тогда как это — историческая, развивающаяся категория, и «строгая партийность» есть «результат и политическое выражение высокоразвитых классовых противоположностей», «спутник и результат высокоразвитой классовой борьбы»³¹. В свое время группа авторов, основываясь на своем понимании ленинского взгляда на партийность, предложила определение, которое можно сформулировать так: принцип марксистско-ленинской партийности един для всех наук, в нем совпадают строгая научность и высшая классовая, пролетарская объективность, в нем соединяются народность, патриотизм и интернационализм, ему присуща публицистичность в отстаивании коммунистического идеала³².

Из сказанного вытекает второе обстоятельство, которое позволяет считать проблему разработки партийности источниковедения историографически актуальной: ныне положение таково, что летописное источниковедение — некогда кабинетная наука немногих высококвалифицированных специалистов — стало важным элементом идеологической борьбы, и советские источниковеды призваны не только разрабатывать ее основы, но и утверждать их в международной историографии.

Летопись находится на стыке интересов историков и литературоведов: на этом стыке наук ведется весьма плодотворная

²⁹ С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». Сборник. М., 1969, стр. 10.

³⁰ Н. А. Бурмистров. К проблеме партийности исторической науки. — «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 3. Казань, 1968.

³¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 274; т. 12, стр. 133.

³² В. Т. Пашуго, В. И. Салов, Л. В. Черепнин. Марксистско-ленинский принцип партийности в историческом исследовании и его современные критики. — «Актуальные проблемы истории России периода феодализма». Сборник. М., 1970; более ранний вариант см. «Коммунист», 1966, № 4, стр. 72—79.

разработка партийного подхода к источниковедению. Обобщение этой разработки — дело неотложное. Отмечу лишь несколько его черт.

И историки, и литературоведы много сделали для развития такого важного элемента партийности источниковедения, как классовый анализ. Для историков классовая, партийная трактовка летописи как феодальной хроники очевидна сама собой, и они разработали достаточно разнообразную (хотя, к сожалению, еще не обобщенную) методику, чтобы раскрывать социальную природу — «социальное лицемерие»³³ этого источника, отнюдь не умаляя его значения как памятника русской национальной культуры. От ошибок этого рода нас гарантирует ленинский принцип двух культур. Это позволило существенно углубить периодизацию и всю трактовку истории средневековой России — достаточно, например, сравнить вузовские учебники 1939, 1956 и 1964 гг.

Литературоведение в свою очередь шло по пути постижения этого источника и как памятника классовой общественной мысли³⁴, и как памятника литературы, т. е. формы общественного сознания, имеющей свои специфические особенности. Это позволило литературоведам особенно много достичь в раскрытии национального своеобразия и великого духовного богатства русской средневековой письменности, ее народности, патриотизма — достаточно, например, сравнить общие курсы истории русской литературы 1941 и 1958 гг. Огромный успех наших литературоведов — проникновение в изменяющуюся социальную и духовную жизнь древнерусского и средневекового человека.

В сфере теории литературы эти поиски продолжаются. Теоретики видят в литературе «одну из высших форм общественного сознания, имеющую свои специфические особенности. Но (!) отрицая исторический объективизм, они исследуют литературу не только в ее классовом генезисе, но (!) и в ее идейной направленности (партийности) (чьей? — В. П.) и могущем вытекать отсюда (откуда? — В. П.) ее общенационально-прогрессивном (народном) значении»³⁵, — так сказано в итоговом, этапном методологическом сборнике по литературоведению. Формулировка свидетельствует о том, что разработка вопроса о партийности лите-

³³ Поставленный Н. Н. Улащиком вопрос о применимости этого понятия к более поздним городским и крестьянским хроникам (Кучинскы, Баркулаб, Панцыр) заслуживает особого изучения.

³⁴ Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы классового характера русской литературы XI—XVII вв.— «Известия ОЛЯ АН СССР», т. X, вып. 5, 1951; Я. С. Лурье. К изучению классового характера древнерусской литературы.— ТОДРЛ, т. XX. М.— Л., 1964, стр. 100—119.

³⁵ Г. Н. Поспелов. Методологическое развитие советского литературоведения.— «Советское литературоведение за пятьдесят лет». Сборник. М., 1967, стр. 124.

ратуроведения еще не завершена, и, прочитав эту цитату, легко согласиться с мнением другого теоретика литературы, А. Мясникова: «Мы еще не выработали методiku анализа художественного произведения, когда проблема партийности явилась бы необходимым, обязательным звеном такого анализа»³⁶.

Однако мне кажется, что к летописному источниковедению и вообще к литературоведению феодального периода такой вывод не относится, а если и относится, то лишь в той мере, что воплощение им партийности еще теоретически не обобщено.

Интернационализм как элемент партийности источниковедения здесь также неуклонно развивается. Это достигается благодаря выявлению классовой природы памятника (в частности, и летописного), скрытой в его народности, изучению его как источника по истории социальной и освободительной борьбы народов нашей страны; наконец, в результате раскрытия его значения в рамках славянской и вообще международной истории хронографии и литературы. Причем в этой области литературоведы, несомненно, идут впереди историков: сравнительно-историческое изучение русской летописи в международном аспекте (сопоставление ее как источника с хронографией других стран Европы) еще только начинается.

И историки, и литературоведы считают с тем фактом, что обостряющаяся с каждым годом борьба между коммунизмом и антикоммунизмом все энергичнее вторгается в область источниковедения. Это отмечалось в работах, посвященных современной зарубежной историографии и всеобщей истории³⁷, и истории СССР³⁸, и специально средневековой истории России³⁹. Подход к летописным и актовым источникам медиевистов-антикоммунистов являет собой разительный пример практики буржуазного источниковедения, основанной на современной реакционной философии истории с ее прагматической «теорией ценностей», с ее потребительским отбором «экзистенциальных истин», с ее креном в теологию и эсхатологию. «Праздник фактов», направленный против социологии, вызвал новую волну позитивизма⁴⁰, под шум обличенной вульгарной социологии в науку внедряется социально безликий релятивизм.

В этих условиях не должно быть места в советском источниковедении ни теоретической беззаботности, ни терминологиче-

³⁶ А. Мясников. Эстетика борьбы и правды.— «Вопросы литературы», 1969, № 1, стр. 14.

³⁷ Б. П. Марушкин. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969, стр. 35—63.

³⁸ В. П. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, стр. 133—150.

³⁹ В. Т. Пашуто. Профессор Г. Штекль размышляет об уроках истории.— «Вопросы истории», 1968, № 8, стр. 32—41.

⁴⁰ А. Дюбюк. История на перекрестке гуманитарных наук. М., 1970, стр. 7.

скої неоприятності (да простят мені це слово). Нужно укріпляти єдність між істориками і літературознавцями в їх спільній критиці буржуазних концепцій історикознавства. Радянські історикознавці ведуть боротьбу во всеозброєнні аргументів, отстаивая и как историки, и как публицисты теоретические основы нашей науки. Благодаря их изысканиям, завоевавшим международное признание, поблек былой авторитет апологетов концепции «европеизации» литературы России А. Стендер-Петерсена, В. Филиппа, В. Леттенбауэра и др. Досадно, однако, что сейчас мы борьбу ведем одновременно, но врозь. Хорошо бы посвятить один из томов «Историкознавства отечественной истории» критике основ современного буржуазного историкознавства.

Недавно вопрос о партийности историкознавства затронул Л. Н. Пушкарев, который справедливо пишет, что отличие советского историкознавства от буржуазного надо искать в сфере методологии, к которой относятся «определение понятия исторического источника, вопросы классификации и систематизации, достоверности в ее гносеологическом аспекте...»⁴¹

Мне думается, что марксистски разработанная классификация — огромный резерв углубления партийности историкознавства. Советская историческая наука располагает многовариантной классификацией, но лишенной теоретического обоснования, а элементы ее разнокалиберны, не имеют единого *principium divisionis* и практически несопоставимы. Царит смешение понятий, их нечеткое употребление, к тому же они плохо связаны с классификациями, имеющимися в области естествознания и философии. Это, понятно, тормозит развитие историкознавства, тем более, что оно позднее других разделов нашей науки перешло на позиции марксизма-ленинизма: история недостаточно сопрягалась с историкознавством, которое в 20—30-е годы зачастую носило самодовлеющий характер. Контакты с философами позволили бы прийти к единому взгляду и на роль практики⁴² и значение классификации для историкознавства. Вообще нужен союз историкознавцев с философами, ибо теория познания кровно заинтересована в углублении методики историкознавства как средства исторического познания, а историкознавство в свою очередь нуждается в оценке всех видов методики в свете теории отражения.

За последние годы Л. Н. Пушкареву удалось создать систему классификации источников⁴³, признание которой — вопрос време-

⁴¹ Л. М. Пушкирьов. Про деякі теоретичні проблеми радянського джерелознавства. — «Український історичний журнал», 1970, № 10, стр. 24

⁴² Ср. А. В. Гулыга. История как наука. — «Философские проблемы исторической науки». Сборник. М., 1969, стр. 12—13.

⁴³ Л. Н. Пушкарев. Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории. Автореферат докторской диссертации. М., 1969.

ни. Это большое научное достижение — достаточно вспомнить поиски такой классификации, которые давно идут во всех странах⁴⁴. Новая классификация ускорит кристаллизацию типов, родов и видов источников и облегчит стыковку исторической науки с другими отраслями знания.

Антикоммунистическая историография пытается подорвать марксистско-ленинский взгляд на познавательную возможность исторической науки именно в сфере источниковедения, трактуя эту первооснову исторического познания как продукт субъективного творчества исследователя, лишенный объективного содержания; здесь фальсификация труда историка распространяется на сам источник. Если обсуждение покажет, что основные элементы принципа партийности летописного источниковедения намечены правильно, то дальнейшая разработка их может стать более целеустремленной.

* * *

Наше источниковедение накопило огромный опыт, самым драгоценным достоянием которого является идейность, партийность текстологии, развитие учения об источнике как средстве объективного отражения жизни общества. Заглядывая в будущее, можно предвидеть появление трудов, обосновывающих методики источниковедения и прежде всего определяющих социальные функции источников, в том числе летописных⁴⁵; с повышением уровня теоретического обобщения опыта источниковедения яснее станет социальная функция этой дисциплины; напишут работы о развитии летописного источниковедения в союзных республиках — пока что результаты изысканий белорусских, литовских, грузинских и других источниковедов не нашли оценки в трудах их русских коллег; будут и исследования, посвященные источниковедческому опыту наших коллег из стран социалистического содружества, а этот опыт многообразен и драгоценен: достаточно назвать штудии о польских хрониках Б. Кюрбусовны, о венгерских источниках Д. Дьерффи, о румынских Д. Миока и Л. Демени, о немецких Э. Доинерта... Наконец, широким фронтом будет вестись критика современного реакционного буржуазного источниковедения.

⁴⁴ См., например, материалы дискуссии по статье Г. Лябуды. «Опыт новой систематизации и интерпретации исторических источников». — «Studia zrodloznawcze», t. 1. Warszawa, 1957, str. 3—52; ср. J. Matuszewski. O próbie nowej systematyki źródeł historycznych. — «Studie metodologiczne», zesz. 4. Poznań, 1968, str. 17; B. Miskiewicz. W sprawie prób wyjaśnienia i klasyfikacji źródeł historycznych. — Ibid., str. 51—62.

⁴⁵ Это связано и с более четким определением летописи как исторической хроники. См. соображения по этому поводу в кн.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, стр. 127, 155—156.

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ КРИТИКИ ИСТОЧНИКОВ

Я. С. Лурье

Вопрос о принципах критики источников за последние годы не раз вставал в исторической науке. Споры о конкретных вопросах (будь то идеологическая борьба в XV—XVI вв., первые земские соборы или обстоятельства восстания Болотникова) постепенно перерастают в более широкие дискуссии о логике научного доказательства в исторической науке, характере источников, путях их критики и т. д.

К сходным проблемам обращаются и авторы, занимающиеся общими вопросами методологии исторического исследования. Авторы эти справедливо подчеркивают роль источника и факта в историческом исследовании, «инвариантность», независимость фактов, сообщаемых источником, от общих построений историков¹. Однако вопрос о путях и принципах аналитической критики источника в этих работах не ставится. Исторический источник постоянно вызывает те или иные сомнения у исследователя: не всегда он бывает вполне современен описываемым событиям, достаточно осведомлен; письменный источник (особенно источник повествовательный, с которым мы будем иметь дело в дальнейшем изложении) не только постоянно обнаруживает пристрастие к тем или иным социальным и политическим силам, но часто имеет остро тенденциозный, пропагандистский характер. Каковы же критерии, позволяющие или не позволяющие исследователю использовать конкретный источник? Может ли он, признав источник в целом недостоверным, привлекать его отдельные показания и в каких случаях? Ответы на эти вопросы историк обычно получает в своей исследовательской практике.

Как решался этот вопрос в русской исторической науке? Не пытаясь в пределах настоящей статьи поставить обширную тему роли источника в историографии XVIII—XX вв., мы хотели бы проследить отношение русских историков к проблеме оценки источника в целом и его отдельных показаний.

Для Н. М. Карамзина основным критерием в такой оценке

¹ В. А. Косолапов. Факти та їх роль в історичному дослідженні.— «Український історичний журнал», 1963, № 2; М. А. Варшавчик. Вопросы логики исторического исследования и исторический источник.— «Вопросы истории», 1968, № 10.

была внешняя критика источника: его подлинность, древность и близость к описываемому времени.

Постановка вопросов внутренней критики источника часто связывается в историографии с так называемой скептической школой первой половины XIX в.² Именно этому направлению и его наиболее известному представителю М. Т. Каченовскому официальный идеолог «православия, самодержавия и народности» министр С. С. Уваров ставил в вину «потрясение наших летописцев», предосудительное «для нашего народного чувства»; «скептицизм» Каченовского был причиной его отстранения от профессорской кафедры в 1835 г.³ С. М. Соловьев вспоминал в своих «Записках» о «начальническом выговоре», полученном им от другого министра просвещения, Ширинского-Шихматова, за «скептическое направление» и следование Каченовскому: «Правительство этого не хочет! Правительство этого не хочет!» — кричал Шихматов молодому профессору. Тогда же, по словам Соловьева, «запрещено было подвергать критике вопрос о годе основания Русского государства, ибо-де 862 г. назначен *преподобным* Нестором»⁴.

Однако следует иметь в виду, что критицизм «скептической школы», столь смущавший носителей николаевской реакции, был по существу весьма ограниченным. Внешней критике «свидетельств» и «манускриптов» сподвижники Каченовского не придавали главного значения и были в этом вопросе менее «скептически», чем Карамзин. В центре их интересов была «высшая критика», понимаемая не как установление «достоверности свидетельств» (т. е. источников), а как сопоставление показаний источника с «характером времени», т. е. с некоей общей, установленной а priori системой исторического развития. «Всякие открытия в рукописях старины, слишком иногда простодушной, зато уж иногда и чрезвычайно затейливой, надобно испытывать в горниле *высшей* критики, т. е. соображать с историческим ходом происшествий, с духом времени, с обстоятельствами»⁵, — писал М. Т. Каченовский. Еще дальше развил эту мысль Н. И. Надеждин, настаивавший на том, что из «внутренних условий жизни» можно выводить не только «отрицательную», но и «положительную возможность факта» (например, возможность призвания варягов). Соответствие с «законами исторического условия жизни» «внушает доверие к факту, хотя бы он опирался

² К. Н. Бестужев-Рюмин. Современное состояние истории как науки. — «Московское обозрение», 1859, № 1, стр. 35; В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. I. Киев, 1891, стр. 78—81; П. Н. Миллюков. Главные течения русской исторической мысли, т. I. М., 1898, стр. 271—283; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 334—338.

³ П. Н. Миллюков. Указ. соч., т. I, стр. 285.

⁴ «Записки С. М. Соловьева». Пг., 1915, стр. 139 (курсив С. М. Соловьева).

⁵ М. Т. Каченовский. Исторические справки об Иоанне Екзархе Болгарском. — «Вестник Европы», 1826, № 13, стр. 199.

на предания, не удовлетворяющие требованиям пынешней критики»⁶.

Такой взгляд на внутреннюю критику источника был усвоен и виднейшим русским историком XIX в., во многом находившимся под влиянием «скептической школы», С. М. Соловьевым⁷. Особенно ясно обнаруживается сходство источниковедческих принципов С. М. Соловьева со взглядами М. Т. Каченовского и Н. И. Надеждина из его высказываний в полемике с Н. И. Костомаровым о Смутном времени. Упрекая своего оппонента в «приемах мелкой исторической критики» при решении вопросов русской истории XVII в., Соловьев показывал, что при описании войны Богдана Хмельницкого Костомаров вовсе не обнаруживал такого гиперкритицизма: он с доверием повествовал о таком событии (подвиг Галагана), о котором «знает только источник мутный и ничего не знает источник первостепенный». На первый взгляд, перед нами простое указание на непоследовательность оппонента, нередкий в полемике *argumentum ad hominem*. Однако для Соловьева это замечание имело принципиальное значение. Он осуждал Костомарова не за излишнее доверие к украинским источникам, а за его непоследовательность в этом вопросе русской истории XVII в. При решении вопроса о больших исторических событиях, заявлял Соловьев, недопустимы «приемы мелкой исторической критики»: «для подобных явлений есть высшая критика. Встречаясь с подобными явлениями, историк углубляется в состояние духа народного...»; если описываемое явление соответствует состоянию «народного духа», то оно не подлежит сомнению, даже если о нем сообщает недостоверный источник⁸. К сходной аргументации прибег Соловьев и в споре о признании варягов. Д. И. Иловайский сомневался в достоверности летописного рассказа о признании: возражая ему, Соловьев указывал, что в этом рассказе «существуют внутренние условия силы, обязательности», вытекающие из «хода народной жизни»⁹.

Легко понять опасность такого априорного подхода к критике источников. Он легко может завести историка в порочный круг, когда исследователь заранее устанавливает некую систему представлений, соответствующих «ходу народной жизни» или «духу времени», а затем отыскивает соответствующие факты в источниках (хотя бы и «мутных»), отвергая остальные как противо-

⁶ Н. Надеждин. Об исторической истине и достоверности.— «Библиотека для чтения», т. XX. СПб., 1837, стр. 153—154, 162.

⁷ Сочувственная характеристика Каченовского была дана Соловьевым в статье «Каченовский» в кн.: «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета», т. I. М., 1855, стр. 401—402.

⁸ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. V (т. IX—X). М., 1961, стр. 361—362.

⁹ С. М. Соловьев. Начала русской земли, II.— «Сборник государственных спаний», т. VII. СПб., 1879, стр. 7.

речащие этому «духу». Невольно вспоминаются слова Фауста у Гете:

А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа нектати
За подлинную древность выдают...¹⁰

В начале XX в. в русской исторической науке возникла оппозиция против «чересчур теоретичного подхода к материалу», характерного для «соловьевского периода русской историографии»; в предисловии к своей книге «Образование Великорусского государства» А. Е. Пресняков писал, что такой подход к материалу «обратил данные первоисточников в ряд иллюстраций готовой, не из них выведенной схемы»¹¹.

Выступая за «восстановление по мере сил и возможности прав источника и факта» в русской истории (А. Е. Пресняков), историки начала XX в. не просто возвращались к карамзинскому принципу использования наиболее ранних источников, но поднимали важнейшие вопросы их внутренней критики. Большую роль в постановке этих вопросов сыграли исследования по истории летописания крупнейшего русского филолога А. А. Шахматова, который не только обратил внимание на отражение в летописях «политических страстей и мирских интересов» их составителей (в общей форме мысль о пристрастности летописцев высказывалась и раньше), но сделал из этого наблюдения важнейший историко-ведческий вывод о необходимости комплексного изучения летописных сводов как литературных источников о том, что «выделению исторических фактов должна предшествовать работа над литературным составом источников»¹².

Вопрос о путях источниковедческого исследования летописей имеет особое значение для исторической науки потому, что летописи служат важнейшими источниками по политической истории России с древнейших времен до XVI в. Не случайно ближайшими последователями А. А. Шахматова в изучении летописей стали историки А. Е. Пресняков и М. Д. Приселков¹³.

Тезис о пристрастности летописцев получил в советской историографии новое и значительно более глубокое осмысление. Шахматову, как и ряду других источниковедов его времени

¹⁰ Гете. Фауст. М., 1960, стр. 64 (перевод Б. Пастернака).

¹¹ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пг., 1918, стр. V—VI; он же. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1918, стр. 3—7. Обе работы Преснякова были помещены в «Летописи занятий Археографической комиссии за 1917 г.» (вып. XXX. Пг., 1920).

¹² Письмо А. А. Шахматова В. А. Пархоменко.— В. Пархоменко. 3 листованья з акад. О. О. Шахматовим. Україна, кн. 6. Київ, 1925, стр. 127.

¹³ Ср. М. Д. Приселков. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова; А. Е. Пресняков. А. А. Шахматов в изучении русских летописей.— ИОРЯС, т. XXII. Пг., 1922.

(и даже лучшим из них), зависимость источника от «мирских интересов» казалась досадным и необязательным недостатком: то были, по их представлению, «чуждые исторической истине влияния, от которых страдает простота и правдивость показаний памятника»¹⁴. Старое источниковедение почти совершенно не учитывало того обстоятельства, что, помимо внешних «веяний и давлений», существует еще классовое самосознание источника, его склонность смотреть на мир глазами своей социальной группы: «В то время, как в обыденной жизни любой shopkeeper (лавочник. — Я. Л.) отлично умеет различать между тем, за что выдает себя тот или иной человек, и тем, что он представляет собой в действительности, наша историография еще не дошла до этого банального познания. Она верит на слово каждой эпохе, что бы та ни говорила и ни воображала о себе»¹⁵. Советское источниковедение видит в тенденциозности источника не исключительное, а типичное явление: всякий письменный источник в классовом обществе отражает определенную классовую и политическую идеологию эпохи; и в этом отношении оно несравненно «скептическое» и критичнее старого источниковедения.

* * *

Принцип предварительного исследования всякого памятника, привлекаемого в качестве исторического источника, несомненно связан с многими трудностями. Он требует от историка обращения к текстологическим приемам работы, заставляет ставить вопрос о политических и социальных тенденциях каждого используемого памятника. Установив острую пристрастность источника, его относительно поздний или легендарный характер, исследователь иногда оказывается вынужденным ставить под сомнение выводы, прежде казавшиеся ему вполне вероятными. Оппозиция такому обременительному методу не раз высказывалась в теории и, еще чаще, в практике работы над источником.

Прямые возражения против тезиса о тенденциозности летописцев высказывались в советской науке сравнительно редко (обычно не историками, а литературоведами). Но принцип предварительного комплексного исследования летописного памятника передко отвергается историками на том основании, что это сугубо филологическая задача, далекая от конкретных целей исторической науки. Подобный взгляд был, например, высказан недавно А. Г. Кузьминым. Он указывал, что если предшественники Шахматова (К. Н. Бестужев-Рюмин и др.) «подходили к летописям как к историческому источнику», то Шахматов «рассматривал их как литературные памятники» — «в результате изучение истории летописания оторвалось от практических задач исторической

¹⁴ Ср., например, замечания С. Ф. Платонова по поводу памятников Смутного времени: *С. Ф. Платонов. Сочинения*, т. II. СПб., 1913, стр. 455–456.

¹⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 3, стр. 49.

науки»¹⁶. В подкрепление своей мысли Кузьмин ссылался на двух авторов: на В. Завитиевича, отвергавшего «критический метод г. Шахматова» как «формально литературную критику» и противопоставлявшего ей «внутреннюю критику», основанную на соответствии известия «духу эпохи»¹⁷, и на В. Т. Пашуто, писавшего, что «для «постижения» исторических фактов, содержащихся в летописи — исторической хронике, вовсе нет нужды в первоочередном изучении ее как литературного произведения; напротив, только изучая историческую хронику как таковую, можно правильно понять ее основной исторический смысл»¹⁸. Для того чтобы приблизить изучение летописей к практическим задачам исторической науки, Кузьмин предлагает наряду с «традиционным» шахматовским методом применить иной метод — «проверку достоверности отдельных известий»¹⁹. Конкретно этот метод выражается в привлечении отдельных известий из разных (частью поздних) источников и определении их достоверности и соответствия «действительности» «по существу», т. е. самих по себе, независимо от оценки источника в целом²⁰.

Выборочное использование отдельных «вероятных» известий источника со ссылкой на их соответствие «действительности» — нередкое явление в историографии. В «Истории русского летописания» М. Д. Приселков специально выступал против такого метода (в применении к летописи), когда историк, «не углубляясь

¹⁶ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965, стр. 4; *он же*. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, стр. 21.

¹⁷ «Такой осторожный историк, как С. М. Соловьев, даже Иоакимовской летописью пользовался, когда находил, что сообщаемые ею данные гармонируют с духом эпохи», — писал В. Завитиевич в рецензии на книгу Приселкова («Труды Киевской духовной академии», кн. IV. Киев, 1914, стр. 635).

¹⁸ В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. — «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 60. Пашуто, к сожалению, не объяснил в своей статье, в каком смысле он противопоставляет использование «исторической хроники как таковой» ее изучению «как литературного произведения»; читатель, естественно, может понять его замечание как защиту «постижения» отдельных исторических фактов на основе их «внутренней критики» в противовес комплексному предварительному изучению сводов (так и понял его Кузьмин). Если Пашуто полагал, что, говоря о работе над «литературным составом» летописи, Шахматов сводил ее к анализу художественных приемов летописца, то он ошибался: литературоведческим анализом в этом смысле Шахматов не занимался (такая задача была поставлена только в советской науке). Подчеркивая, что летописи были «литературными произведениями», Шахматов имел в виду именно субъективность, пристрастность летописца и необходимость в связи с этим рассмотрения летописей как единичных памятников (ср. уже его ранний отзыв на работу И. А. Тихомирова «Отчет о сороковом присуждении награды графа Уварова». СПб., 1899, стр. 108).

¹⁹ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание, стр. 5; ср. А. Г. Кузьмин. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей. — «Вопросы истории», 1973, № 2, стр. 44.

²⁰ Ср. А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание, стр. 61—62, 221—222, 256—257 и др.

в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные ему записи как бы из нарочно для него заготовленного фонда...»²¹ Подобный подход к источнику получил в 30-х годах наименование «потребительского отношения» к источнику²². Такой подход обнаруживается в историографии весьма часто²³.

В советской исторической науке не было, насколько нам известно, попыток развернутого обоснования «потребительского отношения к источнику», подобных рассуждениям Каченовского и Надеждина о преимуществах «высшей критики», основанной на «духе времени», над проверкой «достоверности свидетельств». Но теоретической предпосылкой такого метода служат, очевидно, два соображения: 1) необходимость сочетания индукции с дедукцией²⁴ — право исследователя идти иногда в критике источника от общего (от логики развития исторических событий) к частному (к конкретным фактам, сообщаемым в источнике); 2) связь аналитической работы историка с его синтетическим построением и учет данных синтеза при анализе..

Возможны ли выводы от общего к частному, косвенные и обратные умозаключения при конкретном исследовании источника? О таких выводах речь может, очевидно, идти при рассмотрении своего рода «узких систем», когда одно явление логически вытекает из другого или других, засвидетельствованных в источнике (оценка отдельного показания, связанная с общей характеристикой памятника²⁵, восстановление пропущенных, но ло-

²¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 6.

²² Термин этот был употреблен С. Н. Черновым в его замечаниях на работу Б. Д. Грекова («Известия Государственной академии материальной культуры», вып. 86. М.—Л., 1934, стр. 111—112). В этом смысле термин «потребительское отношение к источнику» постоянно употреблялся на исторических семинарах (в Ленинградском университете) таких ученых, как М. Д. Приселков, Н. Ф. Лавров, Б. А. Романов.

²³ См. ниже, стр. 87—92.

²⁴ Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. М., 1970, стр. 6, 51, 332, 345.

²⁵ В этом смысле использование общей характеристики свода при оценке отдельных показаний летописи может рассматриваться как дедуктивный путь. Но совершенно не прав Кузьмин, когда самый метод сравнительно-текстологического изучения летописей, разработанный Шахматовым, он определяет как дедуктивный (ср. А. Г. Кузьмин. Две концепции начала Руси в «Повести временных лет». — «История СССР», 1969, № 6, стр. 83) и предлагает «критически оценить его «большие скобки», особенно в тех разделах, в которых недостаток материала заставлял ученого идти дедуктивным путем» (А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси, стр. 161). Но «большие скобки» у Шахматова (т. е. определение протографов второй степени, источников «прямо до нас не сохранившихся летописных сводов» — термин Приселкова) это как раз характерный пример предварительного заключения от частных текстологических наблюдений к общему, т. е. индукция. Закончив свою книгу специальным рассуждением об индукции и дедукции (со ссылками на Фрэнсиса Бэкона), Кузьмин явно смешал оба эти понятия.

гически необходимых звеньев в системе связанных между собой известных и т. п.). Общие соображения допускают отрицательные заключения при исследовании источника. Встретив в источнике сообщение, находящееся в явном противоречии с логикой или законами естествознания, мы вправе в нем усомниться, даже если источник в целом, употребляя выражение Н. Надеждина, выдерживает «всю пытку обыкновенной критики».

Но допустимы ли в исторической науке *положительные* дедуктивные построения широкого характера, не подкрепленные данными достоверных источников? Имеем ли мы основание, например, исходя из анализа общего положения Украины середины XVII в., сделать вывод о реальности подвига Галагана или, основываясь на общей картине русской истории IX в., признать достоверность рассказа о приглашении норманнских князей? Теоретические посылки указывают на *возможность* тех или иных фактов, но такая возможность не означает еще, что определенные конкретные факты *действительно происходили*. Закономерность в истории — не математическая закономерность; индукция здесь настолько неполна, что и обратные дедуктивные выводы имеют лишь очень ограниченный и приблизительный характер.

Опираясь на одни лишь общие данные, мы едва ли способны вывести из них конкретные факты. Имея в источниках сведения об имущественном неравенстве и социальных противоречиях в каком-либо государстве, мы вправе предположить, что в какой-то момент в этом государстве должны были возникнуть открытые столкновения между угнетателями и угнетенными или даже прозойти революция. Но когда именно произошли эти столкновения, при каких обстоятельствах, каков был их масштаб, кто в них участвовал и т. д., этого мы (при отсутствии конкретных сведений в источниках) сказать не можем. «Прусское государство возникло и развивалось также благодаря историческим и в конечном счете экономическим причинам», — писал Ф. Энгельс. «Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы...»²⁶

Еще более яркий пример невозможности выведения конкретных фактов из общей теории приводил В. И. Ленин. Он говорил в апреле 1917 г., что конкретно революционные события сложились в результате Февральской революции «иначе, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее», и напоминал, что «всякая теория в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к охватыванию сложности жизни»²⁷. Но если в живой исторической действительности поли-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, стр. 395.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 133—134.

тический мыслитель, знающий направление исторического процесса, не может предугадать конкретных фактов, то может ли претендовать на аналогичные «предсказания» задним числом историк, «отгадывающий» неизвестные факты давно прошедших эпох?

Конкретные факты в исторической науке могут быть извлечены только из источника. А из этого следует, что при оценке показаний источника решающее значение имеет его общая характеристика — датировка памятника, определение его происхождения, состава, назначения, степени тенденциозности и осведомленности и т. д. Но не означает ли такое утверждение недооценки конкретного анализа отдельных показаний памятника? Именно такие опасения высказал недавно А. А. Зимин, заявивший (в полемике с автором этой статьи), что в оценке известий, содержащихся в памятнике, нельзя идти «только от общей характеристики источника»: «В недостоверном в целом источнике могут сохраниться и вполне доброкачественные известия. Для проверки степени правдоподобия конкретного известия недостаточно общей характеристики источника. Нужно учитывать целую совокупность явлений, в которую входят и разбор исторической обстановки самого события, и его характер, и наличие аналогичных событий в сходной ситуации, чтобы сделать окончательный вывод о достоверности сообщения о нем источника»²⁸.

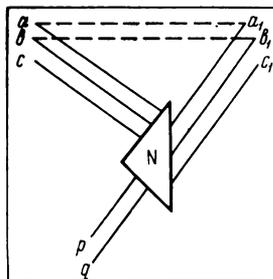
Едва ли можно возразить против этих положений. Разбор отдельных показаний источника, проверка их возможности, сопоставление с показаниями других памятников — важнейшие операции при анализе источника²⁹. Более того, общая характеристика памятника вообще невозможна без анализа отдельных известий: на основе внешних данных мы можем в лучшем случае судить о подлинности памятника и о времени его написания (и то не всегда), но уже для решения вопроса об осведомленности и степени пристрастия мы обязательно должны обратиться к его содержанию, т. е. к конкретным известиям. Чаще всего анализ известий и исследование памятника идут параллельно и объединяются в окончательном выводе. Но иногда выводы, полученные из этих аналитических операций, приходят в противоречие друг с другом. В этих-то спорных случаях перед исследователем и встает вопрос о соотношении отдельных этапов источниковедческой критики — о том, что именно служит основой для окончательного вывода: анализ конкретного известия или общая характеристика источника. Намечающиеся при этом два пути

²⁸ А. А. Зимин. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 448.

²⁹ Это обстоятельство отмечалось и в статье, с которой спорит А. А. Зимин: Я. С. Лурье. Критика источника и вероятность известия.— «Культура Древней Руси». М., 1960, стр. 126.

критики источника могут быть изображены в виде следующей простой схемы:

Схема возможных путей
критики источника

Общая характеристика источника (N) складывается из двух групп элементов: из данных, относящихся к самому памятнику — его структуре, истории текста и т. д. ($p, q \dots$), и из наблюдений над его отдельными показаниями ($a, b, c \dots$). Суммируя обе группы наблюдений, исследователь может на этом основании строить общую характеристику источника (N), а уже от нее переходить к выводам о достоверности отдельных фактов (a_1, b_1, c_1 и т. д.). Но он может идти и по иному, гораздо более легкому пути: от анализа отдельных известных прямо переходить к заключению о вероятности факта (aa_1, bb_1 и т. д.).

Опасность такого «короткого замыкания» особенно бросается в глаза в тех случаях, когда авторы извлекают «вероятные» и «закономерные» известия из источников, сама подлинность которых вызывает серьезные сомнения. Так, защищая рассказ известного фальсификатора начала XIX в. А. И. Сулакадзева об изобретении воздушного шара «подъячим перехтцем Крякутным»³⁰, В. В. Данилевский писал, что «самый полет в 1731 г. Крякутного на воздушном шаре вполне закономерен для народа, в истории которого в XVIII веке записаны такие выдающиеся дела, как впервые осуществленные Ломоносовым и его современниками»³¹. К такой же аргументации прибег и А. Югов, защищая вывод К. С. Бадигина об открытии Шпицбергена русскими в XII в. (и о других полярных открытиях XII—XIII вв.), основанный на сомнительном по подлинности памятнике — «Хождении Ивана Олельковича»³² (памятник этот известен только по списку XX в.,

³⁰ Сулакадзев сперва назвал этого изобретателя «немцем крещеным», а затем переправил в рукописи «немца» на «перехтца» и «крещеного» — на «крякутного» (*В. Ф. Покровская*. Еще об одной рукописи А. М. Сулакадзева (К вопросу о поправках в старинных текстах). — ТОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1958, стр. 634—636.

³¹ В. В. Данилевский. Русская техника, изд. 2. Л., 1948, стр. 405; ср. В. Губарев. Почерк криминалиста. — «Комсомольская правда», 10 марта 1968 г.

³² «Недобросовестный труд» (письмо в редакцию В. П. Адриановой-Перетц, А. П. Андреева и др.). — «Литературная газета», 15 декабря 1956 г., Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.— Л., 1962, стр. 339.

который многие специалисты считают подделкой). Возражая «скептикам», А. Югов ссылается на то, что древняя «лоция», включенная в «Хождение», «содержит достовернейшие, однако совсем недавно подтвержденные сведения по зимнему плаванию по Белому морю»³³.

Недопустимость такого извлечения «достовернейших» сведений из подозрительных источников очевидна для профессионального историка (споры здесь ведутся обычно с представителями иных профессий — писателями и журналистами), приведенные примеры могут показаться поэтому банальными и излишними. Но легко заметить, что метод рассуждения, применяемый защитниками этих источников, совершенно идентичен с тем, к которому прибегают историки при использовании хотя и не поддельных, но поздних и малодостоверных источников. Ссылка на вероятность факта служит, например, аргументом в пользу привлечения известий по истории древнейшей Руси, содержащихся в источниках XVI—XVIII вв.³⁴ Та же ссылка постоянно возникает в спорах о так называемых татищевских известиях — сведениях, встречающихся только в трудах историка XVIII в. В. Н. Татищева и не известных по другим источникам. «История Российская» В. Н. Татищева может рассматриваться историками с двух точек зрения: как историографический памятник и как исторический источник. Историографическое значение труда Татищева очевидно, и критика его с этой точки зрения принципиально не отличается от критики любого памятника историографии. Но «татищевские известия» постоянно привлекаются в ином качестве — как исторический источник.

Такое исследование требует, однако, как уже отметил Шахматов³⁵, специальной предварительной источниковедческой работы — сопоставления различных этапов труда Татищева, разыскания летописных источников «Истории» и т. д.³⁶ Однако обычно исследователи, привлекающие «татищевские известия», этого не делают; они просто ссылаются (как, например, Кузьмин в упомянутой выше работе), что эти известия «по существу весьма вероятны», «согласуются с другими данными» и т. д.³⁷

³³ А. Югов. Покорители студеных морей.— «Литература и жизнь», 13 июля 1958 г.

³⁴ В. В. Данилевский. Русская техника, стр. 403—405; Е. Л. Нелировский и Б. С. Горбачевский. С книгой через века и страны. М., 1964, стр. 43.

³⁵ А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» Татищева.— «Дела и дни», кн. 1. Пг., 1920, стр. 94—95.

³⁶ Подробнее см.: Е. М. Добрушкин и Я. С. Лурье. Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева).— «Русская литература», 1970, № 2; Д. С. Лихачев. Можно ли включать «Историю Российскую» В. Н. Татищева в историю русской литературы?— «Русская литература», 1971, № 1.

³⁷ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание, стр. 65—66, 74 и др.; ср. об этом: С. Н. Валк. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии.— В. Н. Татищев. История Российская, т. VII. М., 1968, стр. 27.

Рассмотрение многочисленных примеров «потребительского отношения» к источнику в самых различных работах³⁸ свидетельствует о том, что это не случайное явление, а историографическая тенденция, которая встречается не так уж редко. Эта тенденция постоянно проявляется при использовании древнейших сказаний начального летописания, основанных на фольклорно-эпическом материале, в частности знаменитого сказания о призвании новгородскими славянами варяжских князей. Рассказ этот, весьма типичный для династических легенд средневековья, как известно, читается в развернутом виде в «Повести временных лет» под 862 г. и в более краткой форме — в Новгородской I летописи под 859 г. Шахматов считал, что краткая версия сказания о варягах, сохранившаяся в Новгородской I летописи, восходит к летописанию XI в.; в «Повести временных лет» этот рассказ несколько дополнен и расширен³⁹. Это текстологическое построение было принято большинством исследователей⁴⁰. Но несколько лет назад Кузьмин решительно отрицал эту датировку, настаивая на том, что сказание о призвании варягов возникло не ранее XII в.: «огстоящее на два с половиной столетия от описываемых событий сказание не могло быть чем-либо иным, кроме как легендой». Такой датировке варяжской легенды явно противоречило то обстоятельство, что сказание о призвании читается в Новгородской I летописи, отражающей, согласно исследованию Шахматова, Начальный свод конца XI в., предшествующий «Повести временных лет». Но Кузьмин довольно просто вышел из этого затруднения: он отверг гипотезу Шахматова о Начальном своде как недостаточно обоснованную и объявил рассказ Новгородской I летописи переделкой XIII в.⁴¹ Однако прошло несколько лет, и Кузьмин изменил свой взгляд на варягов: если раньше он видел в них норманнов, то теперь вслед за ленинградским историком В. Б. Вилинбаховым он принял старую идею С. А. Гедеонова о том, что варяги — это западные славяне. Кузьмин пришел поэтому к заключению, что «эту легенду нельзя считать совершенно беспочвенной. Она отражает факт реального передвижения славяноязычного в своей массе населения с южных берегов Балтики на восток». Не разбирая

³⁸ Я. С. Лурье. Указ. статья, стр. 123—124. Аналогичные примеры на материале американской историографии даны в работе: J. Luria. Problems of Source Criticism (With Reference to Medieval Russian Documents). — «Slavic Review», vol. XXVIII. № 1. March, 1968, p. 6—9.

³⁹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908, стр. 294—315.

⁴⁰ Ср., например, Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летопись. М., 1963, стр. 289—299. Версия, читающаяся в Новгородской I летописи, сложилась, по мнению Рыбакова, еще в Новгородском своде середины XI в. (там же, стр. 193).

⁴¹ А. Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды. — «Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова». Сборник. М., 1967, стр. 43—53.

здесь по существу теорию славянского происхождения варягов (давно отвергнутую в науке, ибо она противоречит достаточно определенным показаниям греческих и скандинавских памятников), мы отметим только своеобразный подход исследователя к источникам. Как объясняет сам Кузьмин, лишь его прежний взгляд на варягов как норманнов вынуждал «автора настоящей статьи акцентировать внимание на недостоверности и позднем происхождении сказания. Такой подход логичен, если исходить из представления о варягах как о скандинавах. Но пересмотр этого положения существенно меняет оценку всего сказания»; в связи с этим автор не настаивает теперь и на вторичном характере версии, сохранявшейся в Новгородской I летописи⁴². Таким образом, вывод о достоверности известия не вытекает здесь из исследования и характеристики источника, а, наоборот, вся история древнейшего летописания ставится в зависимость от того или иного решения вопроса — кем были варяги.

Сходная тенденция обнаруживается и в исследованиях, основанных на материале древнерусских житий святых. Жития — чрезвычайно опасный источник: излагая биографию определенного лица (чаще всего реально существовавшего), авторы житий уснащают ее конкретными деталями, нередко вполне правдоподобными: они выдают себя (или своих информаторов) за «самовидцев» описываемых событий, однако детали эти часто оказываются сюжетными «общими местами», переходящими из одного жития в другое, а ссылки на «самовидцев» подкрепляются как раз «чудеса»⁴³.

Особенно опасными оказываются житийно-легендарные рассказы в тех случаях, когда они вводятся внутрь исторического повествования. Привлекая такие рассказы, историки тщательно

⁴² А. Г. Кузьмин. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море. — «Вопросы истории», 1970, № 10, стр. 30; он же. Начальные этапы древнерусского летописания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1971, стр. 30.

⁴³ Весьма скептическая источниковедческая оценка житий дана в классической работе В. О. Ключевского (*В. Ключевский*. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871). В своем посмертно опубликованном труде И. У. Будовниц предложил «реабилитировать жития святых в качестве исторического источника и пересмотреть установившийся в историографической критике взгляд В. О. Ключевского на жития как на литературные произведения, бедные по содержанию» (*И. У. Будовниц*. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. (По житиям святых). М., 1966, стр. 45). И. У. Будовниц был, несомненно, прав в том, что характерные для житий традиционные описания «скорбей», понесенных основателями монастырей вследствие «пакостей» местных жителей (чаще всего крестьян), мешавших строительству новой обители, заслуживают внимания историков — речь идет, очевидно, о типичной и хорошо знакомой ситуации. Но доверие исследователя к конкретным данным житий (в том числе и очень поздних, дошедших в традиции XIX—XX вв.) со ссылкой на то, что, «несмотря на позднее происхождение», они могут быть основаны «на ранних документах» и «вну-

изгоняют из них все то, что противоречит естествознанию и логике и оставляют остальное⁴⁴. Между тем сюжетное построение этих рассказов, органическое включение в них «чудесных» элементов чрезвычайно важны для общей характеристики источника: эти особенности говорят о том, что перед нами уже сложившееся сказание об определенном событии, его отражение в фольклоре. В этом качестве исторические легенды могут быть привлечены историками, но не как «хроникальные» сообщения «самовидцев» событий, а как свидетельства о его широкой популярности.

Работа историка не ограничивается анализом отдельных источников; от такого анализа он переходит к синтетическому построению, основанному на целой совокупности источников (для такого построения очень важно наличие не одного, а ряда памятников). Не оказывает ли этот синтез обратного влияния на анализ — не предопределяет ли он решение вопроса о достоверности отдельных показаний конкретного источника? Едва ли это так. Сопоставление ряда источников вовсе не отменяет той схемы анализа отдельного источника, о которой мы говорили. Прямое совпадение между разбираемым источником и другими памятниками (текстологическая связь) должно учитываться в числе данных, относящихся к характеристике самого источника (*p, q...*); при оценке его отдельных показаний (*a, b, c...*) учитывается, естественно, их соответствие (при независимости текстов) показаниям других источников. Но синтетическое построение не должно предрешать выводов, вытекающих из анализа отдельного памятника (*N*); напротив, оно имеет ценность только тогда, когда

шают к себе полное доверие» (ср., например, там же, стр. 314, прим. 175), представляется необоснованным.

⁴⁴ Частым объектом такого «редактирования» оказывается рассказ о Невской битве 1240 г. Наиболее древним и достоверным источником о «великой сечи» и победе над шведами в 1240 г. является рассказ Новгородской I летописи старшего извода («Новгородская I летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 47). Остальные летописные рассказы о битве относятся к более позднему времени и отражают влияние жития Александра Невского, которое, как и подобает памятнику этого жанра, включает множество «чудесных» известий: здесь рассказывается о «видении» старейшины Пелгусия (Пелгуя), которому явились святые Борис и Глеб, готовые помочь «сроднику своему Александру», о том, что «муж храбрый» Гаврило Олеспич, сброшенный вместе с конем с корабля в реку, «божею милостию изыде оттуда неврежен» и снова вскочил на корабль, о том, что шведы, павшие на другом берегу реки, погибли не от русских войск, а от «аггела божня» и т. д. (текст жития.— Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в.— «Слово о погибели русской земли». М.—Л., 1965, стр. 188—190. Ср. «Новгородская летопись старшего и младшего изводов», стр. 289—294; «Летопись по Лаврентьевскому списку». СПб., 1872, стр. 453—457 и др.). Опираясь при описании битвы на житие и его летописные отражения (а не на Новгородскую I летопись старшего извода), историки обычно удаляют из них «чудеса», опуская или «рационалистически» перетолковывая все легендарные рассказы («разведка» Пелгусия без упоминания о Борисе и Глебе, уничтожение

опирается на такой анализ⁴⁵. Наличие доброкачественных известий внутри сомнительного источника должно быть обосновано, а не прокламировано; оно должно быть подтверждено специальным исследованием памятника.

Шахматов недаром с необычной для него резкостью называл историков, принимающих без предварительного исследования отдельные «татищевские известия», «исследователями, основывающимися на вероятиях»⁴⁶. Конечно, история не «точная наука», доказательства в ней не могут быть такими строгими, как в математике или в науках, опирающихся на эксперимент. Но если историк будет вводить в науку все возможные или вероятные факты, то исчезнет всякое различие между историческим повествованием и повествованием художественным. История устанавливает не то, что могло произойти в прошлом, а то, что с достаточной (хотя, возможно, и неоднозначной) достоверностью вытекает из исторических источников.

* * *

Каким образом может быть обосновано наличие заслуживающих доверия известий в сомнительном источнике — остро тенденциозном и относительно позднем? Вопрос этот особенно важен для историков Древней Руси, как и вообще для историков средневековья. Многие разделы истории средних веков известны нам именно по такого рода источникам; других в распоряжении историка часто не имеется. При каких обстоятельствах исследователь имеет право обращаться к сомнительному источнику и какие именно показания он может из него извлечь?

Решение этого вопроса, как мы уже отметили, зависит прежде всего от исследования источника в целом. Сравнительно-историческое исследование дошедших до нас летописей XIV—XVI вв. позволяет установить существование лежащих в их основе более древних сводов, относящихся к XIV, XIII, XII и XI вв.⁴⁷

Выделение в летописных текстах более ранних временных

шведов на другом берегу реки не ангелами, а союзниками русских — ижорцами и т. д.). Ср. С. Г. Гадзяцкий. Вотская и Ижорская земля Новгородского государства. — «Исторические записки», т. 6, стр. 132—134; В. Т. Пашуто. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессивней немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XIV вв. — «Вопросы истории», 1969, № 7, стр. 10—12.

⁴⁵ Интересные соображения об опасности такого предвосхищения анализа синтезом (на совсем ином, археологическом материале) см. в статье: А. А. Формозов. Всемирно-исторический масштаб или анализ отдельных источников? — «Советская этнография», 1969, № 4, стр. 100—101.

⁴⁶ А. А. Шахматов. К вопросу о критическом издании «Истории Российской» В. Н. Татищева, стр. 95.

⁴⁷ Это обстоятельство делает особенно странным утверждение Кузьмина, что сравнение летописей XV—XVI вв. не позволяет «выйти за пределы XV в.», ибо «их протографы застревают где-то в XV в.» (А. Г. Кузьмин. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей, стр. 46—7).

слоев имеет особое значение для исследователя истории древнерусского Киевского государства. Наблюдения Шахматова позволяют говорить о летописных сводах, предшествовавших наиболее ранней из известных нам летописей — «Повести временных лет»: о так называемом Начальном своде (общем источнике «Повести» и Новгородской I летописи) и более ранних сводах XI в. Однако наблюдения Шахматова над гипотетическими источниками «Повести» налагают и серьезные ограничения на исследователей, использующих летописные известия для построения истории древнейшего периода — IX—X вв. Исследуя «Повесть временных лет», Шахматов сделал наблюдение, значение которого для русских историков трудно переоценить: только с 60-х годов XI в. в киевской летописи появляются точные даты (число, месяц, год); очевидно, лишь с этого времени запись событий стала вестись систематически. Таким образом, на основе современных записей были построены лишь ближайшие летописные источники «Повести»; отсюда *различная достоверность разных частей летописного рассказа*. Древнейший свод, лежащий в основе русского летописания за период до середины XI в., не был, очевидно, *летописью* в точном смысле этого слова: он опирался не на систематические «погодные записи», а на случайную, в значительной степени устную традицию. Исходя из этого наблюдения, Приселков пришел к выводу, который другим историкам казался парадоксальным, но вытекал именно из трезвой оценки источниковедческой базы: для истории IX—X вв. «Повесть временных лет» является недостаточно надежным источником; учитывая легендарный характер летописного рассказа, историк при исследовании IX—X вв. должен в первую очередь опираться на договоры с греками (включенные в летопись) и на показания современных иностранных (в основном византийских) источников⁴⁸.

Определение разновременных слоев внутри дошедших до нас памятников — один из возможных путей частичного использования источника⁴⁹. Весьма важен и другой путь — определение

⁴⁸ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 398—399; *он же*. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 362; М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 24; *он же*. Киевское государство второй половины X в. по ви антийским источникам. — «Ученые записки ЛГУ», 1940, № 73, стр. 215—216.

⁴⁹ Важность текстологического исследования памятника для его привлечения в качестве источника, естественно, не означает, что текстология может заменить критику источника. Непонятно поэтому, на чем основывается А. Г. Кузьмин, когда утверждает, что автор этих строк «задачи источниковедения... по существу ограничивает текстологическими сопоставлениями», предлагая «отказаться... от многих памятников древнерусской письменности, для которых нет текстологических параллелей» (А. Г. Кузьмин. Был ли В. Н. Татищев историком? — «Русская литература», 1971, № 1, стр. 59). Я не только не высказывал приписанной мне А. Г. Кузьминым (и отвергаемой им) идеи об «отказе» от памятников,

основной тенденции источника и сопоставление его конкретных показаний с этой тенденцией.

С крайне тенденциозными, пропагандистскими источниками историк средних веков постоянно имеет дело при исследовании общественных движений, особенно таких, которые были направлены против господствующей феодально-религиозной идеологии. О таких движениях мы знаем, как правило, из сочинений их противников — идеологов церкви. Учтем при этом, что в условиях феодального общества идеологическая борьба очень редко имела легальные формы; когда те или иные лица подвергались осуждению за свои «скверные» идеи и дела, то они уже не имели права голоса, и утверждения их обличителей не подлежали ни проверке, ни опровержению. Какой отпечаток это налагает на источник такого характера, показывают многочисленные средневековые памятники, направленные против людей, осужденных за религиозные преступления. В западных инквизиционных процессах (где делопроизводство в XV—XVIII вв. велось очень тщательно и его подробности благодаря этому хорошо известны) мы находим многочисленные показания, исходившие от прямых свидетелей или даже от самих осужденных, о непосредственном участии дьявола в их деяниях, о сверхъестественных событиях. Секрет проявления таких показаний был раскрыт уже современниками — противниками ведовских процессов. Люди, обвиненные в преступлениях такого рода, уже с начала следствия фактически были осуждены; они не имели возможности спорить с обвинителями; обычной формой воздействия на обвиняемых была пытка⁵⁰. Как и в разобранных выше примерах, перед исследователем в таких случаях открываются два пути. Он может подходить к каждому из таких сообщений с точки зрения его индивидуальной вероятности, отбрасывая или рационалистически переосмысляя (со ссылками на галлюцинации, нервное расстройство свидетелей и подсудимых и т. д.) все то, что противоречит нормам естествознания и логики, и принимая остальное. Но он может попытаться выработать и некие общие принципы подхода к тенденциозным источникам, созданным в обстановке нетерпимости и неравенства сторон.

Несомненно, что определенная информация может быть извлечена из любого, даже и из крайне тенденциозного источника.

не имеющих «текстологических параллелей», но и нахожу эту идею неверной.

⁵⁰ На процессах против русских еретиков (как и вообще в следственном процессе) применение пытки рассматривалось как нечто само собой разумеющееся — требовалось только, чтобы при этом была соблюдена вся формальная процедура, «чтоб посула никто не взял» (ср. *Н. А. Казакова и Я. С. Лурье*. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XV в. М.—Л., 1955, стр. 380). О ведовских процессах средневековья см.: *Я. А. Канторович*. Средневековые процессы о ведьмах. СПб., 1896.

Дела о людях, обвиненных в религиозных преступлениях, свидетельствуют, например, об общественной психологии своего времени, об устройстве инквизиционных процессов, о характере обвинений, предъявляемых к жертвам нетерпимости. Но нас интересует в данном случае иное: что же в действительности думали и проповедовали эти жертвы? В этом отношении «обличительные» источники вызывают очень большое сомнение — обращение к ним вызывается обычно недостаточностью или полным отсутствием полноценных (не вынужденных насильем) показаний противоположной стороны. Общий принцип критики тенденциозных источников может быть, по-видимому, сформулирован следующим образом: имея дело с таким источником, исследователь не вправе извлекать из него то, что непосредственно отражает основную тенденцию (ибо в этом случае он не имеет никакой гарантии достоверности сообщения и основывается только на «вероятиях»), а должен искать такие случаи, когда источник *проговаривается* — говорит нечто такое, что необязательно или даже прямо излишне с точки зрения его тенденции.

Какие обстоятельства могут заставить заведомо тенденциозный источник проговориться о подлинных воззрениях осуждаемых лиц? В исследовании, посвященном русским еретическим движениям конца XV — начала XVI в., автор настоящей статьи предлагал различать два типа противоеретических сочинений того времени: памятники реальной полемики с еще не разгромленными еретиками и сочинения чисто обличительного характера, в которых никакого спора уже нет. Независимо от того, как называть эти два типа памятников⁵¹, различие между ними с точки зрения критики источника очень существенно. Пока еретики еще не были официально объявлены еретиками, пока они могли отвечать своим противникам, их обвинители вынуждены были излагать доводы еретиков: умолчание привело бы к тому, что эти доводы остались бы непровергнутыми. В результате они проговаривались о подлинных воззрениях своих противников и сообщали факты, противоречащие общей тенденции своих сочинений. Например, обвиняя еретиков в иудаизме, они упоминали об их уважении к авторитету Христа и ссылках на «евангельские и апостольские писания» и т. д. Но после осуждения еретиков у «обличителей» уже не было необходимости в таких «проговорах»: чисто обвинительные источники *могли* иногда сообщить правду об осужденных, но столь же свободно *могли* приписывать им любые фантастические взгляды или деяния. Там, где мы читаем в приговоре еретикам или в поучениях по поводу уже разгромленной ереси данные, *соответствующие* основной тенденции этих источников (например, обвинение в «отступничестве», «жидовстве»), мы не имеем никакой гарантии, что перед нами

⁵¹ Ср. А. А. Зимин. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, стр. 445.

действительные мнения осужденных лиц, а не обычный обвинительный материал инквизиционного процесса.

Те же принципы критики источников могут быть, на наш взгляд, применены и при изучении еретических движений XVI в. Источники, содержащие сведения по делу Матвея Башкина (изложение приговора Башкину, содержащееся в официальной летописи, в послании царя и в приговоре Артемию, обвиненному в сношениях с Башкиным), были подвергнуты обстоятельному исследованию в работе А. А. Зимина. Он обратил внимание на то, что «следствие по делу Матвея Башкина было поручено видным посылыянам (старцам Иосифова Волоколамского монастыря Герасиму Ленкову и Ффлофею Полеву.— *Я. Л.*), решительным врагам малейшего вольномыслия, которые всеми средствами старались добиться от обвиняемого «нужных» показаний». Показания Башкина, по основательному предположению исследователя, были даны под пыткой. Сведения, полученные в процессе Башкина, как отметил Зимин, противоречат показаниям, данным (в ходе так называемого «розыска» по жалобе И. Висковатого) царским духовником Сильвестром и попом Симеоном (в беседе, которую вел Матвей со своим духовником, он говорил, например, что верит в троицу и почитает иконы, а во время процесса ему приписывались антиринитаризм и иконоборство)⁵².

Все это, казалось бы, достаточно ясно свидетельствует о недостоверности тенденциозного источника — приговора по делу Башкина. Зимин, однако, не делает этого вывода. Он считает, что лишь «некоторые» обвинения против Башкина (антиринитаризм) «были неосновательны», а остальные (отрицание официальной церкви, иконопочитания, монастырского землевладения и т. д.) принимает. Почему? Потому, что эти обвинения, по словам исследователя, «весьма правдоподобны и рисуют нам типичные реформационные воззрения, характерные для представителей бюргерской оппозиции средних веков»⁵³.

Перед нами опять вывод, основанный на «вероятностях», заключение по типу *aa*₁. Конечно, для выяснения взглядов еретиков важно выяснить, «как те представления, которые им приписываются, соотносятся с общим уровнем общественно-политической мысли изучаемого времени, с предшествующим и последующим этапом антицерковных движений»⁵⁴.

Но ведь обвинители Башкина тоже были знакомы с предшествующими антицерковными движениями (начиная с древнего «месальянства» — богомилства) и с реформационными движе-

⁵² А. А. Зимин. Пересветов и его современники.— «Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.». М., 1958, стр. 173—176.

⁵³ Там же, стр. 179—180.

⁵⁴ А. А. Зимин. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, стр. 446.

ниями своего времени. Как и подобало инквизиторам, они стремились отождествить взгляды вновь уличенного еретика со взглядами прежних еретиков или появившихся на Западе «люторей». Во время следствия и «мучения» Башкин дал даже показания, что он принял свое «злое учение» от «литвы, Матюшки обтекаря, да Ондрушки Хотеева латынников»⁵⁵. «У нас нет оснований доверять этому вынужденному показанию»⁵⁶, — справедливо замечает Зимин. Но почему мы должны доверять остальным вынужденным показаниям? Где гарантия, что заведомо тенденциозный источник в остальных случаях проговаривается о подлинных взглядах Башкина, а не измышляет в полном соответствии со своей тенденцией?

Аналогичные вопросы возникают и при исследовании другого заведомо тенденциозного источника — приписок на лицевых летописных сводах XVI в. Исследователи уже обратили внимание на своеобразные особенности этих приписок, содержащихся в Синодальном списке свода и в параллельной этому списку (по издаваемому материалу) Царственной книге; приписки эти посвящены важным событиям царствования Ивана Грозного и, в частности, политическому кризису во время болезни царя в 1553 г. Д. Н. Альшиц обратил внимание на то, что, хотя автором приписок в обоих памятниках был один и тот же человек, текст их противоречит друг другу: в Синодальном списке говорится только о тайном заговоре князя Лобанова-Ростовского в 1553 г., в Царственной книге — об открытом «мятеже» во время болезни царя, причем активная роль в этом мятеже приписывается лицам, которые в Синодальном списке выступали в роли лояльных государственных деятелей (и даже вели следствие по делу князя Ростовского). Противоречия эти объясняются, по мнению Альшица, тем, что редактор Царственной книги (по мнению исследователя, сам царь) вымыслил «мятеж» 1553 г. с целью очернения деятелей «избранной рады», попавших к тому времени в опалу⁵⁷. Справедливо отмечая, что при разработке принципов методики источниковедческого анализа важно «выяснить, при каких условиях следует пользоваться позднейшими источниками», Зимин указывает, что отсутствие известий о «мятеже» во время болезни царя «в ранних и более объективных летописных записях может быть объяснено не тем, что составитель приписки все выдумал, а тем, что в новой исторической обстановке можно было написать о тех фактах, о которых ранее предпочитали умалчивать»⁵⁸.

⁵⁵ ПСРЛ, XIII, ч. 1. СПб., 1904, стр. 232—233.

⁵⁶ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 170, ср. стр. 175.

⁵⁷ Д. Н. Альшиц. Происхождение источников о боярском мятеже 1553 г. — «Исторические записки», т. 25, стр. 266—292; *он же*. Крестоделовальные записки Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание И. Грозного. — «История СССР», 1959, № 4, стр. 147—155.

⁵⁸ А. А. Зимин. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси, стр. 449.

Но это только указание на *возможность* появления в позднем и тенденциозном источнике достоверных фактов. Более существенным с источниковедческой точки зрения представляется другое наблюдение Зимина. Исследователь отметил, что в приписке к Царственной книге содержится ряд подробностей, противоречащих публицистической линии Грозного в те годы. По-разному, в частности, выступают, согласно приписке, вожди «избранной рады» Сильвестр и Адашев, хотя царь к ним относился в то время одинаково враждебно (судя по посланиям, где оба всегда упоминаются вместе): Адашев без споров присягает малолетнему царевичу (как требовал Иван IV), Сильвестр выступает в пользу его соперника Владимира Старицкого.

«Если б весь рассказ представлял сплошной вымысел, то его автор должен был бы очернить в первую очередь самого Алексея Адашева и боярина Ивана Федорова (Челяднина) как наиболее колоритные фигуры противников царя (для 1567/1568 гг.), а этого он не сделал»⁵⁹, — пишет Зимин. Не разбирая этой аргументации по существу, отметим, что в данном случае исследователь как раз обращается к таким показаниям, которые противоречат основной тенденции источника.

Необходимость подобной специальной аргументации определяется общим характером разобранных выше источников, в целом сомнительных и не внушающих доверия. Путь исследования всякого источника начинается с изучения его отдельных показаний и свойств и идет через общую характеристику к установлению отдельных фактов. Но *после того*, как выяснилось, что источник недоброкачествен (составлен через ряд поколений или даже несколько веков после описываемых событий, носит заведомо пропагандистский характер и т. д.), историк, желающий вопреки этому привлечь то или иное известие такого источника, *обязан доказать*, почему в данном случае тенденциозный автор вынужден был говорить правду, а поздний собиратель преданий сообщил подлинный факт. Принцип доказательства через общую характеристику источника сохраняет свою силу и не может быть заменен «коротким замыканием» *аа*₁.

* * *

Существуют ли вообще единые принципы критики источника, обязательные для историков, изучающих любые эпохи? Источниковедческая база, на которую опирается исследователь разных периодов истории человечества, далеко не одинакова: историки средних веков, как мы уже отмечали, постоянно встречаются с таким положением, когда тот или иной факт засвидетельствован небольшим числом памятников, а иногда и единственным памятником. Предварительное исследование всякого памятника, соблю-

⁵⁹ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 408.

дение единых принципов при оценке источников любых эпох — все это, несомненно, может привести к сокращению традиционного «источниковедческого фонда», используемого историками русского средневековья, к исключению из исторического повествования (во всяком случае из повествования, претендующего на научную достоверность) некоторых, иногда весьма ярких рассказов. Особенно огорчительно это может показаться для исследователей, занимающихся древнейшим периодом нашей истории. Не следует ли при изучении таких отдаленных эпох видоизменять принципы исторической критики и исходить из иных, менее строгих критериев?

Мысль о необходимости разграничивать требования исторической критики по отношению к источникам разных эпох (в зависимости от количества сохранившихся источников) недавно была высказана несколькими западными историками (М. Р. Ван Кенегемом, Ш. Перельманом) во время дискуссии в Брюссельском институте социологии о методике исторического исследования. Мы не будем разбирать эту дискуссию (и общие источниковедческие воззрения ее участников) подробно⁶⁰, отметим только, что в ходе ее идея относительности источниковедческой критики вызвала и серьезные возражения. Признавая, что в исследовательской практике требования критики оказываются иными для эпох, бедных источниками, чем для других периодов, Ж. Стенжер отметил, что нарушение единства источниковедческих принципов приводит к построению «сомнительной истории». «Мне кажется, — писал Стенжер, — что наилучшая манера писать историю заключается в том, чтобы подчеркнуть пробелы в наших знаниях и подчеркнуть решительно». «Это приведет, конечно, к «созданию пустоты», той пустоты, которой так боится историк. Но существует поразительный прецедент: уже в XVIII в. ученые стали оставлять белые пятна в географических картах — в этих прекрасных произведениях искусства, которые картографы прежде так стремились украсить, считая делом чести заполнить их на всем протяжении, от края до края. Из картографии убрали не только все воображаемое, но и все сомнительное. И это было огромным прогрессом. Я верю в такой же прогресс в исторической науке. Он заслуживает, как мне кажется, названия прогресса, ибо соответствует самому высокому и строгому требованию — требованию истины. Не является ли это требование в конечном счете тем великим и единственным делом, для которого существует историческая наука?»⁶¹

⁶⁰ Критический разбор этой дискуссии в методологическом плане см.: *О. М. Медушевская. Теоретико-методологические проблемы источниковедения и современная буржуазная историография.* — «Труды МГИИАИ», т. 25. М., 1967.

⁶¹ «Raisonnement et demarches de l'historien». — «Revue de l'Institut de Sociologie, 1963/4». Bruxelles, p. 750, 762—764.

Отказ от единых принципов критики источника приводит не только к созданию «сомнительной истории», но и к резкой диспропорции во всей системе наших исторических знаний. Такая диспропорция не может не сказаться на общих исторических построениях: факты, установленные с определенной степенью точности, историк вынужден ставить в одну систему с малодостоверными и просто легендарными известиями.

Легко заметить, что установление тех или иных принципов критики источника в значительной степени зависит от общих взглядов на смысл и назначение исторической науки. Выступая против «высокомерной и сварливой критики» источника, предлагая заменить эту критику «смирением и симпатией» к нему, историк церкви А. И. Марру связывал это выступление с отрицанием «позитивистского объективизма» и с утверждением, что всякая история есть «творчество историка»⁶². Из такого же субъективистского взгляда на историческую науку в той или иной мере исходят и другие авторы, отрицающие единство источниковедческой критики. И даже Стенжер, заявивший о бесполезности «сомнительной истории», сделал в своей статье специальную оговорку о невозможности ответить на «великий вопрос», для чего вообще нужна историческая наука⁶³.

Совсем иное значение имеет точное установление исторических фактов для исследователя, видящего в истории науку, имеющую целью выяснить закономерности развития человеческого общества. «Требование истины» приобретает в этом случае такое же значение, какое оно имеет в точных и естественных науках: речь идет об установлении реальных фактов, знание которых насущно необходимо человечеству.

Именно поэтому всякое «потребительское» использование источника, всякая «подгонка» под заранее данный результат так же недопустимы в нашей науке, как неточность и «нечистота» эксперимента в естественных науках. Источник — единственная эмпирическая основа наших исторических знаний⁶⁴, и разработка единых последовательно продуманных принципов источниковедческой критики — важнейшая задача исторической науки.

⁶² *H.-J. Marrou. De la connaissance historique*, 1966, p. 60—61.

⁶³ «*Raisonnement et demarches de l'historien*», p. 764.

⁶⁴ Это положение игнорирует Кузьмин, настойчиво противопоставляющий комплексному исследованию источника предварительное установление того, «как обстояло дело в действительности» (ср. выше, прим. 19). Но, если исходить, как предлагает автор, из «общей историко-материалистической теории познания», то устанавливая такую «действительность» можно только из источников (конечно, не одних лишь летописных).

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКАЯ» В. Н. ТАТИЩЕВА В ПОЛЕМИКЕ И. Н. БОЛТИНА И М. М. ЩЕРБАТОВА

Е. М. Добрушкин

XVIII век — период становления научного источниковедения в России. Уже в то время исследователями выработывались важнейшие принципы работы историка с историческим источником. Заложенные в трудах первого русского историка В. Н. Татищева приемы исторической критики были развиты двумя крупнейшими представителями русской исторической науки XVIII в.: Иваном Никитичем Болтиным и Михаилом Михайловичем Щербатовым.

К 80-м годам XVIII в. значительно обогатилась источниковедческая база (собирались и издавались русские летописи и другие памятники), были опубликованы труды по русской истории Татищева и Щербатова. Появилась возможность сравнить описание прошлого по этим сочинениям, проанализировать их и сопоставить с источниками. Расширение круга источников и накопление некоторого опыта в работе с ними отирывало возможность для более глубокого и всестороннего изучения истории России. В связи с этим перед исторической наукой вставали насущные задачи разработки приемов критики источника и принципов создания исторических сочинений. Эти вопросы и были поставлены в ходе полемики между Болтиным и Щербатовым, полемики, которая, по словам В. О. Ключевского, представляет «во многих отношениях один из самых занимательных эпизодов в ходе русской историографии»¹.

Историографические взгляды Щербатова и Болтина неоднократно привлекали внимание исследователей². В последние годы предметом изучения стали и источниковедческие принципы двух историков (особенно Болтина)³. Однако сама полемика Болтина

¹ В. О. Ключевский. Соч., т. VIII. М., 1959, стр. 166.

² Подробную библиографию см. в кн.: «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография». М., 1965, стр. 194—195, 208—209.

³ А. Т. Николаева. Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960, стр. 161—186; она же. Русское источниковедение XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических на-

с Щербатовым, в которой в основном и были поставлены многие источниковедческие вопросы, еще не стала предметом специального исследования. Между тем анализ полемических трудов историографов дает возможность проследить за тем, как *вырабатывалась* методика исторической критики источника, и определить тот вклад, который внесли *оба* ученых в дело становления новой, рационалистической критики источников⁴.

Среди специальных источниковедческих вопросов, поднятых в полемике (методы критики источника, роль хронологии, терминологии, топонимики, исторической географии и т. д.), особое место в споре Щербатова с Болтиным заняла проблема «Истории Российской» В. Н. Татищева. Обычно в литературе принято считать, что вопрос о характере сочинения Татищева и о достоверности «татищевских известий» возник лишь в начале XIX в.: постановку этих проблем, как правило, связывают с именами А. Л. Шлецера и Н. М. Карамзина⁵. Однако вопросы, связанные с татищевским сочинением, были поставлены уже в полемических трудах Болтина и Щербатова. Эти два историографа первыми пытались решить и проблему происхождения «татищевских известий».

Напомним, что «История Российская» была написана Татищевым во второй четверти XVIII в. Отсутствие в то время в России опыта в создании исторических трудов, стремление воспроизвести тексты источников — летописей⁶ и целый ряд других причин привели к тому, что первая история России была создана в еще традиционной форме предшествующего времени, в форме

ук. М., 1968; В. В. Фарсоби. Отечественная историография о предмете и задачах источниковедения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969.

⁴ О самой полемике в литературе, как правило, упоминается лишь вскользь, причем почти всегда при изложении взглядов И. Н. Болтина (см., например, С. М. Соловьев. Писатели русской истории XVIII века. — С. М. Соловьев. Собр. соч., СПб. [б. г.], слб. 1359—1371, 1378—1381; И. Сенигов. Историко-критические исследования о Новгородских летописях и о «Российской Истории» В. Н. Татищева. М., 1887, стр. 152—154; Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 136—137; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 208—214 и т. д.). Взгляды Болтина вообще изучены лучше, чем взгляды Щербатова на те же вопросы, изложенные им в полемических трудах. Касаясь иногда историографических и источниковедческих представлений Щербатова, исследователи проходят мимо его трудов, родившихся в споре с Болтиным. Даже в специальной работе А. Т. Николаевой при справедливом указании на недостаточную изученность взглядов Щербатова говорится лишь о необходимости исследования «источниковедческой практики» историографа, «заключенной в его «Истории Российской» (А. Т. Николаева. Русское источниковедение XVIII века, стр. 17).

⁵ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской». — В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 39; А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. М., 1965, стр. 33; А. Т. Николаева. Некоторые вопросы источниковедения в «Истории Российской» В. Н. Татищева. — «Труды МГИИАИ», т. 17. М., 1963, стр. 338—339.

⁶ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 90, 91.

летописного свода. Предпослав своему сочинению целый том, в котором описываются его источники, выясняются задачи, стоящие перед «писателем истории», рассматриваются вопросы истории страны в древнейший («долетописный») период, непосредственное изложение истории России Татищев дает в погодных статьях, снабдив этот текст многочисленными примечаниями. Именно в этой части татищевского труда, в изложении конкретных событий прошлого находится огромное количество сведений, которые отсутствуют (и отсутствовали уже в XVIII в.) во всех известных источниках. Это и породило проблему происхождения (или достоверности) не подтвержденных источниками сведений «Истории». До сего дня вопрос об источниках «татищевских известий» остается открытым: одни исследователи относят все оригинальные сообщения Татищева к источникам, имевшимся у первого русского историка, но впоследствии исчезнувшим; другие считают, что «татищевские известия» принадлежат перу самого Татищева⁷.

Изучение примерно 200-летней историографии «татищевской» проблемы, несомненно, важно для выработки научной методики анализа «Истории». С этой точки зрения особый интерес представляет исследование приемов решения вопроса о происхождении известий Татищева в сочинениях Болтина и Щербатова как первых представителей противоположных взглядов. Анализ полемики двух историографов по этим важным источниковедческому и историографическому вопросам необходим и потому, что взгляды Щербатова и Болтина, несомненно, оказали влияние на всю последующую историографию проблемы.

Спор двух историографов об «Истории» Татищева, являющийся предметом настоящей статьи, проходит через полемические сочинения Болтина и Щербатова; именно в связи с ним историографами был поднят вопрос о разграничении литературы и источника. На примере этого спора можно также проследить за тем, как прилагались высказываемые Щербатовым и Болтиным источниковедческие принципы к конкретному решению того или иного вопроса.

Поводом к полемике послужили, как известно, «Примечания» Болтина на «*Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne et moderne*» Леклерка, вышедшие в свет в 1788 г. Щербатов, усмотревший в «Примечаниях» (и не без основания) критику своей «Истории», опубликовал в 1789 г. «Письмо», в котором защищал свой труд. В том же году Болтин выпустил новое сочинение — «Ответ на письмо князя Щербатова». Щербатов, обещавший читателям не вступать более в полемику и не «учинять ученой ссоры», написал «Примечания на ответ» Болти-

⁷ См., например, М. Н. Тихомиров. Указ. соч.; С. Л. Пештич. Русская историографии XVIII века, ч. 1. Л., 1961, стр. 222—262; ч. 2. Л., 1965, стр. 155—163.

на, которые были изданы анонимно лишь после смерти автора, в 1792 г. Последним сочинением, родившимся в полемике, был двухтомник Болтина «Критические примечания на I и II тома Истории князя Щербатова». Эти два тома были опубликованы после смерти их автора, в 1793 и 1794 гг.

В «Примечаниях» на «Историю» Леклерка Болтин использовал «Историю» Татищева как полноценный исторический источник. Историограф не подвергал сомнению ее сведения и использовал «татищевские известия» без всякой критики. Более того, выступая против труда французского писателя, Болтин зачастую ограничивался простым противопоставлением его сообщениям сведений Татищева⁸.

Щербатов, задетый, видимо, не только критическими замечаниями Болтина в адрес его сочинения, но и противопоставлением своей «Истории» труду Татищева, чуть ли ни с первых страниц «Письма» сосредоточивает свою критику на главном источнике Болтина — «Истории» Татищева. Такова внешняя сторона начала спора двух историографов о происхождении «татищевских известий» и о характере сочинения первого русского историка.

Критический подход Щербатова к татищевскому труду был основан на том, что он считал «Историю Российскую» историческим сочинением. Сам же Татищев, по мнению Щербатова, историк, а не летописец, не «древний писатель»⁹. Поэтому историограф возражал против использования «Истории Российской» наравне с летописными источниками. Поэтому уже в первом полемическом труде Щербатов высказал свое отношение и к «татищевским известиям»: он считал, что в тексте «Истории» имеются «вничения» (вставки), принадлежащие самому Татищеву¹⁰. Однако на этом этапе спора высказывания Щербатова относительно происхождения сообщений «Истории», не подтвержденных известными памятниками, еще непоследовательны: говоря о собственном творчестве Татищева в создании этих сообщений, историк не высказывал сомнений в том, что они также могли быть основаны на каких-то не известных ему источниках Татищева¹¹.

В «Ответе на письмо Щербатова» Болтин прежде всего обосновал использование «Истории» Татищева в качестве источника в своем труде против Леклерка. Болтин высказал противополож-

⁸ «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиним», т. I. СПб., 1788, стр. 83, 88, 93; 269 и др. (далее — *Болтин*. Примечания на историю Леклерка).

⁹ «Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской Истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторыя сокрытыя и явныя охуления, учиненныя его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца примечаний на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка». М., 1789, стр. 29—30, 38, 85 (далее — *Щербатов*. Письмо).

¹⁰ Там же, стр. 28—37.

¹¹ Там же, стр. 41, 46—47, 136.

ный Щербатову взгляд на характер татищевского труда: «История» Татищева, писал Болтин, «не иное что есть, как летопись Несторова и продолжителей его без всякой перемены, но токмо исправленная, пополненная из разных списков и примечаниями обогащенная. Он сам (Татищев.— *Е. Д.*) не назвал ее Историею, но летописью Нестора-черноризца, и, следуя во всем ему из слова в слово, не исключил даже и тех мест, где Нестор и Сильвестр о себе говорили...»¹² Это основа отношения Болтина к татищевскому сочинению. Таким образом, по мнению Болтина, «История Российская» Татищева — даже не татищевский вариант летописи, а летописный свод, переданный историком слово в слово. В ответ на высказывания Щербатова о недопустимости использования татищевского труда как источника Болтин приводит следующие доводы: «Касательно ссылки моей на Татищева сего отнюдь ни за охуление, ни за порок себе не вменяю и не приемлю. Доверенность моя к нему основывается на том, первое, что я не приметил в его Истории ничего ни легковерного, ни сумнительного, а все с рассуждением, с точностию и с доводами писанное; второе, что все то, что он писал, находил я согласным и с нашими летописями, и с обстоятельствами времен и происшествий»¹³.

В «Критических примечаниях» на «Историю» Щербатова Болтин повторяет изложенные ранее аргументы в пользу достоверности «татищевских известий», более подробно раскрывая содержание своего высказывания в «Ответе на письмо Щербатова» о том, что Татищев в точности следовал русским летописям: «Татищев без сомнения не из головы своей сказанное написал,— говорил Болтин об одном из татищевских сообщений,— ибо не примечено, чтоб он единое слово, не только речь или целое бытие, от себя к тексту повествования где прибавил, но токмо исправлял погрешности и пополнял упущения из других летописей; свои же мнения и рассуждения писал в примечаниях, а потому и повествование его достойно есть совершенных доверенности»¹⁴. Одним из самых важных пунктов в доказательстве достоверности «татищевских известий», по Болтину, является факт согласованности их с сообщениями летописей¹⁵. В большинстве случаев при решении вопроса о происхождении того или иного конкретного сообщения Татищева Болтин ограничивался лишь указанием на

¹² «Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской Истории». СПб., 1789, стр. 148 (далее — *Болтин. Ответ на письмо Щербатова*), см. также: *Болтин. Примечания на историю Леклера*, стр. 70.

¹³ *Болтин. Ответ на письмо Щербатова*, стр. 62.

¹⁴ «Критические примечания генерал-майора Болтина на II том Истории князя Щербатова». СПб., 1794, стр. 128 (далее — *Болтин. Критические примечания на II том*). К сожалению, что подразумевается под «исправлением погрешностей» Татищевым, Болтин не разъясняет.

¹⁵ Там же, стр. 123, 159, 187, 326 и др.

его «вероятность»¹⁶, иногда даже отдавая предпочтение сообщению «Истории» перед древнерусской летописью¹⁷.

Но во взгляде на происхождение «лишних» относительно летописей сообщений Татищева в продолжение всей полемики у Болтина наблюдается противоречие. Несмотря на утверждение, что «История» — лишь летописный свод, свободный от собственных рассуждений и вставок Татищева, Болтин сам же признавал, что в «Истории Российской» есть «догадки» ее автора. «Правда, что Нестор, отправляя Владимира в поход к Корсуни, не сказал того, что идет он туда для испрошения у царей греческих сестры их в жену себе, но равным образом не сказал же и того, что предпринял он сей поход для доставления себе оружием священников и крещения,— писал историограф о дополнениях летописного рассказа в сочинениях Татищева и Щербатова.— То и другое есть догадка...»¹⁸

Это серьезное противоречие Болтина не осталось незамеченным его оппонентом. Продолжая доказывать, что татищевские дополнения летописи суть авторские «догадки»¹⁹, Щербатов прежде всего выступал против общей оценки «Истории» Болтиным: Болтин «ошибся,— писал Щербатов,— чтобы сие («История» Татищева.— *Е. Д.*) не иное что было, как летопись Несторова и продолжителей его без всякой перемены. Ибо сие уже обстоятельство («догадки».— *Е. Д.*) перемену свидетельствует, кроме, что множество взятых из польских историков деяний в нее вместил»²⁰. Далее Щербатов обосновывает свой тезис о недостоверности «татищевских известий» и объясняет появление их в «Истории» Татищева. Первым и основным пунктом в доказательстве недостоверности сообщений Татищева являются противоречия между этими сообщениями и летописными известиями, наличие в «Истории» ошибок²¹. Кроме того, Щербатов обнаруживает несоответ-

¹⁶ См., например, «Критические примечания генерал-майора Болтина на I том Истории князя Щербатова». СПб., 1793, стр. 310 (далее — *Болтин*. Критические примечания на I том).

¹⁷ *Болтин*. Критические примечания на II том, стр. 308.

¹⁸ *Болтин*. Ответ на письмо Щербатова, стр. 19—20. Речь идет о походе князя Владимира на Корсунь 988 г. (*В. Н. Татищев*. История Российская, т. II. М.—Л., 1963, стр. 60. По первому изданию, бывшему в распоряжении Болтина и Щербатова: *В. Н. Татищев*. История Российская с самых древнейших времен, кн. II. М., 1773, стр. 70); *М. М. Щербатов*. История Российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1770, стр. 258—259. См. также о «догадках» Татищева у Болтина: «Примечания на историю Леклерка», стр. 70; «Критические примечания на I том», стр. 21—22, и «Критические примечания на II том», стр. 308).

¹⁹ «Примечания на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской Истории, содержащая в себе любопытныя и полезныя сведения для любителей российской истории, також истинныя оправдания и прямые доказательства против его возражений, критики и охулений». М., 1792, стр. 87, 104, 160, 501 (далее — *Щербатов*. Примечания на ответ Болтина).

²⁰ Там же, стр. 88 (курсив Щербатова); см. также стр. 510, 511.

²¹ Там же, стр. 88, 118—119, 148, 175, 501, 527.

ствии некоторых татищевских текстов летописной повествовательной манере. Так, о татищевском описании киевского вече историограф писал, что «толь пространное повествование является не весьма сходственно с обыкновенно кратким повествованием наших летописцов»²². В-третьих, само отсутствие «татищевских известий» в известных в то время источниках Щербатов считал признаком их недостоверности, доказательством принадлежности перу самого Татищева²³.

Развивая мысль о том, что в «Истории Российской» имеются авторские вставки, Щербатов в «Примечаниях на ответ Болтина» определенно формулирует свое отношение к проблеме происхождения «татищевских известий» и ставит задачу решения ее: «...Толь строгой судья, как его превосходительство, лучше бы сделал», — писал Щербатов, если он «вошел бы в рассмотрение писателя, которому он последует, проник бы и время, и обстоятельство его писаний, и изыскал бы источники, откуда он что почерпнул»²⁴.

Защищая свою позицию в вопросе о возможности использования труда Татищева в качестве источника, Болтин не ограничился приведенными выше доводами («История» — всего лишь летописный свод; Татищев ничего не менял, переписывая летопись, и т. д.), а усмотрел в критике Щербатовым «Истории» Татищева непочтение к памяти покойного историографа, стремление «оухлитель» его труд. «Приведенное мною бытие из Татищевой Истории, — писал, например, Болтин, — в котором между прочим описуется о вече, бывшей в Киеве, князь Щербатов находит странным и смешным... Описание оныя вечи не я сделал, а Татищев, и ежели кажется оно князю Щербатову забавным, то за сии минуты увеселения не мне он обязан, а ему; однако ж не уповаю, чтоб кто другой на счет сего почтеннаго мужа, читая сие его описание, стал издеваться, ибо ничего в нем нет ни смеху, ни оухления заслуживающаго»²⁵. Постоянные ссылки Болтина на авторитет Татищева и обвинения в «оухлении» первого русского историка возымели свое действие. Щербатов, боясь, видимо, прослыть перед согражданами «республики наук» (выражаясь его языком) непочтительным к труду Татищева и к самому историографу, чуть ли не каждое критическое замечание в адрес «Истории» сопровождал уверениями в почтении к ее автору²⁶. Щербатову пришлось отстаивать право историка подвергать труд Татищева критическому анализу. Оппонент Болтина писал, что «нет такого писателя, которому бы без разбору слепо во всем должно было

²² Щербатов. Примечания на ответ Болтина, стр. 509.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 159—160.

²⁵ Болтин. Ответ на письмо Щербатова, стр. 143—144. Здесь имеется в виду киевское вече 1146 г. (В. Н. Татищев. История Российская, т. II, стр. 162.— В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен, кн. II, стр. 282).

²⁶ Щербатов. Примечания на ответ Болтина, стр. 88, 118, 158, 411 и др.

последовать... Тако я мню и о господине Татищеве»²⁷. «Пускай его г. Татищев написал,— продолжал Щербатов,— но должно ли слепо сему последовать? должно ли без рассмотрения принимать все, что Татищев написал? и должно ль его вещания почитать толь истинны и нерушими, яко некоторые римские католики считают папския на кафедре? Не нарушим мы нашего почтения к сему достойному мужу, но паче оно лестнее ему будет, есть ли не с слепым повиновением, но направляемы благоразумием, ему будем последовать, а не так как арифметическия махины, духом Татищева оживленные, без чувства и знания, по его вдыхаю будем двигаться»²⁸.

При объяснении же появления в «Истории» Татищева недоверных, ошибочных положений Щербатов все же склонялся к тому, что Татищев был в этих случаях введен в заблуждение неисправными и недоверными источниками. Этим он объяснял и отсутствие ссылок на подавляющее большинство сообщений в труде Татищева: историк, считал Щербатов, понимал этот недостаток (недоброкачественность) ряда своих источников и не упомянул их, «оставляя впредь с вернейшими справиться»²⁹. Но, таким образом, Щербатов допускал наличие у Татищева неизвестных источников, из которых последний и черпал свои неизвестные по летописи сведения, что как раз и утверждал его оппонент Болтин. Болтин справедливо писал: «Что ж подало причину признать князю Щербатову описание сие (татищевское.— *Е. Д.*) нестаточным? Что в имеющихся у него летописях онаго нет; однако ж чтоб не могло оно быть в других, того не отрицает...»³⁰

Однако в последнем своем труде Щербатов так ответил Болтину на этот справедливый упрек: «Что же касается яко уличение князю Щербатову, что он сам признается, что не сомневается, чтобы г. Татищев не имел какого древняго повествующаго о сем летописца, сие ни за что иное должно принять, как за почтение, которое к [князь] Щ[ербатов] оказывает к памяти сего писателя (Татищева.— *Е. Д.*), а не за точное уверение»³¹. Для Щербатова к тому же была важна не сама возможность наличия у Татищева дополнительных источников, а степень доказанности этого факта.

Постановка вопроса об отношении к историографическому наследию в полемике между Щербатовым и Болтиным знаменовала собой важный шаг вперед в становлении научного источниковедения: появляется критерий достоверности самого источни-

²⁷ Щербатов. Примечания на ответ Болтина, стр. 175.

²⁸ Там же, стр. 411—412.

²⁹ Там же, стр. 159; см. также стр. 148, 175.

³⁰ Болтин. Ответ на письмо Щербатова, стр. 144.

³¹ Щербатов. Примечания на ответ Болтина, стр. 511; см. также стр. 22.

ка, объектом изучения становится источник в целом, а не только отдельные его известия.

В решении сложных вопросов о происхождении «татищевских известий» и о характере «Истории Российской» противоположные точки зрения Болтина и Щербатова опирались еще на общие историографические представления, а не были основаны на непосредственном изучении татищевского труда. Болтин, доказывая то, что «История» Татищева — летописный свод, исходил из татищевского же наименования своего труда летописью и, конечно, из формы рассматриваемого сочинения³². Утверждение же об отсутствии в «Истории Российской» авторских вставок не подкреплено Болтиным никакими доказательствами. Этот вопрос и необходимо было выяснить, от него до некоторой степени зависит решение проблемы о характере татищевского сочинения: если будет доказано, что «татищевские известия» не принадлежат перу Татищева, то одновременно будет доказано, что «История» (в той ее части, где последовательно излагается история России) — летописный свод. Болтин же, как видим, решал эти вопросы в обратном порядке: опираясь на недоказанный тезис о том, что «История» Татищева — летопись, он утверждал, что татищевские сообщения основаны на летописных источниках.

Тезис Болтина о достоверности известий Татищева ввиду их «вероятности», согласованности с показаниями летописных памятников, с фактами истории Древней Руси также не может считаться убедительным³³. Историограф в полной мере не учитывал того, что Татищев был таким же исследователем летописей (а не простым переписчиком), как и он сам. Об этом свидетельствует уже наличие в «Истории» примечаний, в которых Татищев анализирует сообщения своих источников. Болтин делал вывод о «вероятности» сообщений Татищева на основании источников, известных и первому русскому историку, на основании общих представлений об истории России, почерпнутых Болтиным

³² Взгляд на «Историю» Татищева как на летопись был распространен в XVIII в. Г.-Ф. Миллер, например, писал в 1755 г.: «Он (Татищев.— *Е. Д.*) имел пред собою восемь списков Несторовой летописи с продолжениями, кой слышал он один с другим и изо всех выбирал, что казалось ему быть обстоятельнейшее и справедливейшее. Из сего зделалась новая летопись...» (*Г.-Ф. Миллер.*) О первом летописателе российского преподавом Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя.— «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащая». СПб., 1755, январь — июнь, стр. 277). Ф. Эмин же не только считал «Историю Российскую» летописью, но и утверждал, что Татищев воспроизвел лишь текст летописей, «не смея ничего к оным прибавить» (*Ф. Эмин.* Российская история, т. 3. СПб., 1769, стр. X—XI; см. также т. 1. СПб., 1767, стр. XIII).

³³ В последнем своем труде Болтин уже обнаруживает и в сочинении Татищева ошибки, противоречия между некоторыми показаниями «Истории» и летописями («Критические примечания на II том», стр. 50, 51—55, 298 и др.). Однако Болтин не считал, что этот факт противоречит одному из его аргументов в пользу достоверности «татищевских известий» — «вероятности» их.

в основном, кстати, из татищевского сочинения. Но ведь Татищев вполне мог, опираясь на текст известных летописей, вводить в свою «Историю» собственные рассуждения, вполне согласуя их с источниками. Как мы видели, Болтин и не отрицает наличия в «Истории Российской» «догадок» Татищева, что по сути дела и сводило на нет его доказательство. Такие же аргументы историографа, как серьезность и рассудительность Татищева, характеризуют лишь оценку труда первого русского историка, а не являются доказательством достоверности сведений «Истории».

Щербатов пытался решить вопрос о характере «Истории» прежде всего на основании того, что ее творец — «новый писатель», т. е. историк. Для Щербатова было само собой разумеющимся, что из-под пера его современника могло выйти только историческое сочинение, а никак не летопись. Доказательством того, что «История Российская» — исторический труд, для историографа служило и наличие в нем «догадок» автора. Но тезис о принадлежности «известий» перу самого Татищева, что они — плод творчества историка, также необходимо было доказать. Таким образом, Щербатов, как и Болтин, допускал ошибку: в доказательстве того, что «История» не есть летопись, он исходил из принадлежности «татищевских известий» перу автора сочинения (фактически недоказанный тезис), а в доказательстве недостоверности сообщений «Истории» опирался и на то, что «История» — не исторический источник, не летопись.

Остальные аргументы Щербатова о недостоверности сообщений Татищева также не могут считаться достаточно убедительными. Если то или иное известие «Истории» отсутствует в известных источниках, это еще само по себе не значит, что его автором являлся сам Татищев. То, что Татищев работал в первой половине XVIII столетия, еще не обуславливает наличия в «Истории» авторского текста: логически совершенно допустимо, что Татищев мог просто свести воедино фрагменты нескольких летописей, как он сам заявлял. Татищев также мог располагать какими-то только ему известными источниками, но, конечно, сторонники точки зрения о достоверности известий Татищева также должны доказать, что у него не только имелись неизвестные источники, но и что именно эти источники и лежат в основе «татищевских известий». И, наконец, противоречие между сообщениями «Истории» и летописями также само по себе не может свидетельствовать об авторстве Татищева: даже две разные летописи иногда сообщают противоположное об одном событии.

В споре двух историографов об «Истории Российской» Татищева возникла и другая, не менее важная проблема: допустимо ли для историка при создании исторического сочинения, основанного на источниках, вставлять в свой труд гипотезы («догадки»)? Фактически в полемике Болтина с Щербатовым был поднят вопрос об отношении историка к источнику, о принципах использования источника. Постановка этого вопроса также связана с

общим состоянием исторической науки того времени, со стремлением углубить историческое исследование, предоставить читателю не только полное и легкодоступное по форме, но и достоверное описание прошлого.

В «Примечаниях на историю Леклерка» Болтин выступил против права автора критикуемого им сочинения на домысел, на дополнение источников своими рассуждениями. «...Надлежало бы (Леклерку.— *Е. Д.*) поболее наблюдать точности,— писал Болтин,— а паче не прибавлять от себя чего в подлиннике нет»³⁴. Но одновременно с этим Болтин признавал такое право за Татищевым. Сам историограф не считал это противоречием. В «Ответе на письмо Щербатова» Болтин писал, разбирая уже упоминавшийся выше вопрос о причине похода Владимира на Корсунь по Татищеву и Щербатову: «То и другое (объяснения причин у Татищева и Щербатова.— *Е. Д.*) есть догадка, но догадка Татищева основывается на смысле речей предъидущих и последующих повествования Несторова, подтверждается обстоятельствами тогдашних времен и здравым разсудком, а догадка тех, коим князь Щербатов, Левек и Леклерк последовали, всему тому противоречит. Перемены в повествованиях писателей Татищев тем не сделал, что предложил свою догадку, основанную на обстоятельствах вероятных, что не только историку дозволительно, но и должно»³⁵. В «Критических примечаниях на I том Истории Щербатова» Болтин также писал: «Относительно до лета от Христа 790, которое приходит за 72 года до пришествия Рурикова, хотя б и можно было почестъ за вероподобное, что руссы в сие время знали писмена, но, по неимению никаких на то свидетельств за достоверное предлагать, как к. Щербатов учинил, историку недозволительно. Представить свое мнение или догадку, основываясь на сходстве обстоятельств или вероятности видов, есть иное нежели точность произшествия летами приурочить»³⁶. Как видим, у Болтина был своеобразный подход к этому вопросу: он разделял «догадки, основанные на обстоятельствах вероятных», и «перемену в повествованиях» (т. е. в источниках). «Догадки» историк вправе делать, «перемену» же — нет.

Для Щербатова не было разницы между этими двумя понятиями: как видно из уже приводившейся выше цитаты, Щербатов считал, что наличие «догадок» в «Истории» Татищева как раз «перемену свидетельствует». Излагая свой взгляд, Щербатов писал: «Не состоит должность историка самому повествования писателей, из которых выбирает деяния историческия, переменять. Может он учинить некоторыя размышления, по случаям обстоятельств бывших дел, но никогда до самых дел для того, что они

³⁴ Болтин. Примечания на историю Леклерка, стр. 95.

³⁵ Болтин. Ответ на письмо Щербатова, стр. 20.

³⁶ Болтин. Критические примечания на I том, стр. 21—22; см. также «Критические примечания на II том», стр. 224.

благопристойнее и сходственнее были б с обстоятельствами, касаться не может, ибо сие было бы писать роман, а не историю»³⁷.

Щербатов, как и Болтин, выступает против искажения содержания источника. Но если Болтин считает возможным делать «догадки», то его оппонент допускает лишь наличие «размышлений», которые не влияют на описание событий прошлого по источнику, не изменяют его, так как уже сама форма этих «размышлений» дает понять читателю, что он имеет дело с авторским текстом.

Разница между этими двумя принципами довольно существенна. Если разобратся в том, чем же отличаются «догадки» от «перемены в повествованиях» (по Болтину), то мы увидим, что последнее — та же «догадка», но или «необоснованная», или просто «неудачная». Критерием для разделения этих двух понятий у Болтина служит «вероятность» авторского дополнения, согласованность его с показаниями источников. Болтин протестует против догадок Леклерка и Щербатова, поскольку они, по его мнению, неверны, плохого качества. «Приметил я,— писал Болтин,— не на одном месте («Истории» Щербатова.— *Е. Д.*), что где скажет наш историк *уповательно*, или *естьли позволено догадки упогреблять*, или *мню възможч осмелиться сказать*, то всегда выдет вздор...»³⁸. А в другом месте Болтин замечал: «Нигде не обретаю догадок историка нашего удачными»³⁹.

Но Болтин не видел, что в данном споре о правомерности авторских вставок в текст исторического сочинения разницы между «догадкой» и «переменной в повествованиях» по сути дела нет, если эта «догадка», гипотеза историка никак не выделена им из текста передаваемого или переписываемого источника. Взгляды двух историографов второй половины XVIII в. на проблему «догадок» отражают два различных подхода к источнику, к проблеме «источник и историк». Болтин, защищая татищевскую манеру вставлять «догадки» в текст источника, отстаивает фактически еще летописный принцип подхода к источнику, когда переписчик не отделял себя от источника, считал совершенно естественным свободно интерпретировать его текст. Болтин считает, что историк ничего не изменяет, если вставляет в текст источника свою гипотезу, т. е. поясняет события, «восстанавливает» причину события или связывает несколько фактов, сообщаемых источником. Ему кажется, что историк просто «договаривает» за источник, раскрывает в нем скобки, восстанавливает очевидное, но пропущенное в источнике, подразумевающееся им. Ведь основа

³⁷ Щербатов. Письмо, стр. 29—30; см. также «Примечания на ответ Болтина», стр. 88.

³⁸ Болтин. Критические примечания на II том, стр. 377. Курсив Болтина.

³⁹ Там же, стр. 449. Болтин также едко замечал: «Все догадки, употребленные Щербатовым к объяснению мест темных, похожи одна на другую, как сорока на сороку» (там же, стр. 352).

для таких догадок (по Болтину) — хорошее знание источника и истории. Вникая в текст летописи, многое в ней кажется совершенно очевидным, связать события, называемые летописцем, иногда не представляет труда. Если, например, летопись сообщает, что весной на русскую землю напали половцы и пограбили ее, а в начале лета русские князья предприняли поход против половцев, не говоря при этом о причине похода, то, казалось бы, куда как проще вставить в текст повествования, что русские князья пошли на половцев из-за того, что те весной напали на них. Но все же это будет предположением, гипотезой историка. Это, кстати, хорошо понимал уже историк Г.-Ф. Миллер, писавший в свое время: «...однако легко видно, что из приключений, в одно время случайным образом оказаться могущих, еще не следует, чтобы одно от другого произошло»⁴⁰. Действительно, два события, которые могут быть легко связаны между собой, вполне возможно, оказались не только во времени, но и в источнике рядом случайно, в силу, может быть, того, что переписчик летописи выпустил имевшиеся между ними другие факты, которые могли иметь к этим событиям более непосредственное отношение. Таким образом, любая догадка историка, если она вставлена в текст повествования, основанного на источниках, равнозначна «перемене», против чего выступал и сам Болтин. И, конечно, делая собственные вставки, историк до известной степени вводил читателя в заблуждение. Поэтому-то точка зрения Щербатова на эту проблему значительно отличается от болтинской: выделение авторского текста («догадки», «рассуждения») из текста источника устраняло опасность искажения источника, читатель мог различить источник и текст историка. Болтин иронизировал над тем, что всякий раз, когда Щербатов в своей «Истории» объявляет, что собирается сделать «догадку», получается вздор. Но именно эти предупреждения читателю, отделение своего текста от текста источников (на которые регулярно ссылался Щербатов) и позволило Болтину обсуждать уровень щербатовских догадок и толкований источника, а не биться над проблемой их происхождения, т. е. решать вопрос, имел ли Щербатов дополнительные источники сравнительно с известными. Не потому ли и возникла проблема происхождения «татищевских известий», что и Татищев рассуждал точно так, как его последователь Болтин? Справедливо, вероятно, писал по поводу спора о происхождении сведений Татищева М. Н. Тихомиров: «Гораздо худшей ошибкой Татищева было то, что он все свои дополнения и замечания вставлял непосредственно в свой свод, лишая будущих историков возможности отделить правду от небылицы и позднейших выдумок»⁴¹.

⁴⁰ Щербатов. Примечания на ответ Болтина, стр. 84.

⁴¹ М. Н. Тихомиров. Василий Никитич Татищев.—«Историк-марксист», 1940, № 6, стр. 54.

Различие во взглядах Щербатова и Болтина на вопрос о правомерности делать «догадки» выявляется в их мнениях о возможности использования исторических сочинений в качестве источника. Для Болтина удачная, правильная «догадка» историка (в данном случае Татищева) сливается с показаниями источника, превращается в реальное сообщение летописи; «догадка» как бы «отчуждается» от ее автора — историка, интерпретатора источника. Поэтому Болтин, используя татищевское сочинение как источник, не различает в нем места, «не подтвержденные» и «подтвержденные» самим автором «Истории» ссылкой на источник.

Щербатов вообще отвергал возможность ссылаться на исторические труды как на источник⁴². Он уже, как видим, четко разграничивал источник и написанный на его основании труд. Поэтому в последнем труде Щербатов, уточняя свои взгляды, критикует Болтина не вообще за использование «Истории» Татищева, а за использование тех мест ее, которые «не подкреплены» ссылкой на источник, откуда оно почерпнуто. «Да в сем его (Болтина.— Е. Д.) никто и не винит,— писал Щербатов,— что он на Татищева ссылается в тех местах, где Татищев поминает о источниках, откуда он почерпнул, хотя и в сем случае приличнее бы было толь преученому мужу, каковым себя считает г. Болтин, не эхом другаго быть, но самому в древние памятники заглянуть. Но виноват он, что он Татищевыми словами отзывался и там, где Татищев ни на кого не шлетя, а инде и противуречит достовернейшим памятникам...»⁴³ Одновременно историограф выдвигал и доводы за использование татищевских мест, подкрепленных ссылками на источники, и против использования неподтвержденных известий, исходя при этом из манеры самого Татищева делать примечания и ссылаться в них на свои источники. «Есть пословица французская: *недоверенность есть мать безопасности*. А потому, не отвергая всю должную иметь вероятность к трудолюбивому писателю Василью Никитичу Татищеву, когда он во многих местах ссылается на писателей, убо он находит нужду подтвердить свои писания свидетельством тех. Он довольно был осторожен и разумен, дабы в едином сочинении два вида не представлять, то есть в иных местах чтобы ему верили, поелику он на древних ссылается, а в других бы верили для того, что угодно ему было так сказать»⁴⁴.

⁴² Щербатов. Письмо, стр. 85, 87.

⁴³ Щербатов. Примечания на ответ Болтина, стр. 527; см. также стр. 20—21, 22, 161, 508—509, 511, 512.

⁴⁴ Там же, стр. 158—159. Еще в «Письме» Щербатов выступал против использования «Истории» на том основании, что «Татищев весьма мало в течении своей Истории делает точных ссылок на летописцы, и примечания его более наполнены объяснениями некоторых трудностей в Истории, нежели ссылками. Ежели где и ссылается, то ссылается на Разкольниковый летописец, или на Еропкина, или на какие другие, в руках приватных людей находящиеся» (стр. 86).

Но все же и у Щербатова имелась некоторая непоследовательность. Оправдывая справедливость «догадок» в своей «Истории», он также сводил вопрос к «вероятию» известия. Доказывая правомерность своей вставки сообщения о смерти князя Владимира «на дороге, идущим с войском против сына», Щербатов писал: «...и самое сие изъяснение преподобнаго Нестора (т. е. связанные с этим событием сообщения летописи.— *Е. Д.*) не подает ли причину новейшим писателям сие обстоятельство, не говорю дополнить, но яснее учинить?..»⁴⁵ То же самое и о причине «ненависти» киевлян к князю Игорю: «...сии причины мне показались толь вероятны, что я осмелился их вместиť в самую историю, и за неимением ничего другаго, что бы мог причиною отвращения киевлян к Игорю показать»⁴⁶.

Противоречия во взглядах Болтина и Щербатова обусловливались не только переплетением новых и старых принципов подхода к источнику, но и некоторыми другими причинами. Необходимо учитывать те обстоятельства, в которых историографы высказывали свои взгляды: шла живая полемика, в которой ни Болтин, ни Щербатов не скупилсь на всевозможные «охуления» трудов противника, пуская в ход зачастую и прямые оскорбления. Поэтому оба историографа были озабочены не только установлением истины, но и стремлением оправдать себя в глазах публики и опорочить противника. Основными объектами критики стали труды, созданные не в ходе полемики, а задолго до ее начала. Щербатов, защищая «свою честь», вынужден был оправдывать два первых тома своей «Истории», написанные... за 20 лет до дискуссии! (том I был опубликован в 1770 г., а II — в 1771 г.), так как именно они были подвергнуты критике Болтиным⁴⁷. Хотя в ходе полемики взгляды Щербатова и Болтина существенно менялись, «защита» требовала не признавать свои ошибки до конца. Этим во многом объясняется, в частности, тот факт, что Щербатов, уже «отчуждавший» себя от источника, смотревший на него как исследователь, который лишь вправе обсуждать его сообщения, одновременно отстаивает свои догадки:

⁴⁵ Щербатов. Письмо, стр. 45.

⁴⁶ Там же, стр. 138.

⁴⁷ Критикуя Леклерка, Болтин, вероятно, не ожидал, что его «Примечания» на труд французского сочинителя также станут объектом не менее придирчивой критики со стороны своего же соотечественника, что ослабляло позиции Болтина в этом споре. Доказывая несправедливость одного из сообщений Леклерка, историограф привел описание вече, взятое у Татищева. Щербатов указал Болтину на то, что он использовал «не подтвержденное» источником известие «Истории». Болтин на это ответил, что его не интересует достоверность этого «татищевского известия» и что ему необходимо было «историческими бытиями уличить Леклерка» (*Болтин*. Ответ на письмо Щербатова, стр. 144, 145). Щербатов же заметил: «Что верными доводами из древних писателей не утверждено, то историческое бытие не учиняет, естли бы и надлежало уличить Леклерка...» (*Щербатов*. Примечания на ответ Болтина, стр. 512).

ведь в его «Истории» наряду с постоянным указанием на источники допущены и догадки, не выделенные никак из текста источников⁴⁸.

Выше уже говорилось, что Болтин обвинил М. М. Щербатова в непочтении к трудам В. Н. Татищева. Сам же Болтин относился с глубоким почтением к первому русскому историку и зачастую только на этом основании пытался решить вопрос о достоверности «татищевских известий»: не случайно среди аргументов Болтина мы встречаем и такой, как добросовестность, серьезность автора «Истории Российской». Критику татищевского труда Болтин воспринимал как выпады против самого Татищева. Немаловажно и то, что для первых веков русской истории сочинение Татищева служило Болтину одним из главных источников.

Щербатов, несмотря на то что он довольно резко выступал против использования «Истории» в качестве источника, не переносил свою критику на Татищева. «Никто более почтения меня к сочинениям господина Татищева не имеет,— писал Щербатов,— но почтения не обожительного, и не такого, чтоб, избегая труда, самому справливаться и изыскивать, являть, последя слепо ему, не к нему почтение, но почтение к своей лености и безпечию»⁴⁹. Щербатов уверял своего оппонента в том, что имеющиеся в его критике колкости относятся отнюдь не к автору «Истории», а к самому Болтину — «списывателю Татищева ошибок»⁵⁰.

Об этом, казалось бы, частном моменте полемики можно было и не упоминать, если бы он не отразился в последующем развитии историографии вопроса о происхождении «татищевских известий». Хотя в задачу настоящей статьи не входит изучение этой проблемы, отметим все же, что, следуя за Болтиным, приверженцы мнения о достоверности его сообщений стали выступать с позиций «защитников чести» Татищева, а своих оппонентов объявили «охулителями» имени первого русского историка, стремящимися подорвать его авторитет. Но это не главное, хотя уже сама по себе такая позиция мешала научному исследованию проблемы. Воспринимая мнения о принадлежности «татищевских известий» самому автору «Истории» как выпады против Татищева и чуть ли не всей отечественной исторической науки, сторонники точки зрения о достоверности сделали главным аргументом в доказательстве своего взгляда добросовестность Татищева. Желая оградить историка от «несправедливых нападок» и «безосновательных обвинений» и доказывая тезис о его добросовестности, некоторые исследователи отождествили вопрос о научной честности историка с вопросом о достоверности сообщаемых им сведе-

⁴⁸ Например, вставленная «догадка» о причине похода Владимира на Корсунь, так живо обсуждаемая историографами, никак не оговорена Щербатовым, что это именно его творчество, а не сообщение источника.

⁴⁹ Щербатов. Примечания на ответ Болтина, стр. 119.

⁵⁰ Там же, стр. 501.

ний. А. Т. Николаева совершенно справедливо отмечала, что проблеме «научной добросовестности В. Н. Татищева» «в дореволюционной историографии было уделено главное внимание»⁵¹. Доказав добросовестность историка, исследователи считали, что тем самым уже обоснован и тезис о достоверности «татищевских известий», о непринадлежности их перу историка⁵². Вот, например, что писал С. М. Соловьев, солидаризируясь с Болтиным и доказывая достоверность оригинальных сообщений «Истории»: «Но если сам Татищев откровенно говорит, какие книги у него были и какие он знает только по имени, подробно рассказывая, какие из них находились у кого из известных людей, то, видя такую добросовестность, имеем ли мы право обвинять его в искажениях, подлогах и т. п.? Если б он был писатель недобросовестный, то он написал бы, что все имел в руках, все читал, все знает»⁵³.

Следует, однако, заметить, что такому переносу проблемы, так сказать, в этическую плоскость, возможно, в некоторой степени способствовали и сами сторонники мнения о недостоверности сообщений Татищева, в частности Н. М. Карамзин. Подвергая в довольно резкой форме «татищевские известия» систематической критике, Карамзин как бы упрекал самого Татищева. В многочисленных примечаниях историографа к «Истории государства Российского» мы найдем такие высказывания: «Татищев, по своему обыкновению, вымышляет здесь...», «Татищев от себя написал», «Татищев все переиначил», «историк наш изобретает речи», «см. у Татищева вымышленную речь Ростислава» и т. п.⁵⁴ Карамзин говорил о «вымыслах» Татищева, фактически следуя за Щербатовым, не проводя специального исследования «Истории Российской» и не представляя ни одного серьезного аргумента. И если в устах Болтина и Щербатова «догадка» и «размышление» обозначали гипотезы (как сказали бы мы), то в словах Карамзина «вымысел», «изобретение» имелся уже и оценочный момент, критические выпады против самого Татищева.

Сами полемисты — Болтин и Щербатов — не решили сложную источниковедческую проблему происхождения «татищевских известий» и вопрос о характере труда Татищева. Но окончательное решение ее специально и не входило в задачу историографов. К тому же в то время не было и необходимых материалов для анализа «Истории»: Щербатову и Болтину была известна лишь так называемая вторая редакция татищевского труда, более далекая от источников, чем первая. Но, несмотря на то что в

⁵¹ А. Т. Николаева. Указ. статья, стр. 344.

⁵² См., например, П. Г. Бугков. Оборона летописи русской Несторовой от навета скептиков. СПб., 1840, стр. 226—227; И. Сенигов. Указ. соч.

⁵³ С. М. Соловьев. Писатели русской истории XVIII века, стлб. 1333.

⁵⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского. Примечания, изд. 5. СПб., 1842, примечания ко II тому, стлб. 67, 105, 110—111, 151; примечания к III тому, стлб. 23, 32, 56 и др.

вопросах, связанных с татищевским сочинением, историографам так и не удалось прийти к единому мнению, сама попытка решить их имела в то время большое значение. Задумавшись над проблемой происхождения «татищевских известий», Болтин и Щербатов постепенно дополняли свои первоначальные мысли более серьезными аргументами, многими из которых пользуются исследователи и в наши дни. И характерно, например, что в последнем своем труде Болтин, критически разбирая «Историю» Щербатова, одновременно начинает основательно сравнивать ее с «Историей» Татищева, подходя к последней более критически, чем прежде, и в некоторых случаях даже отдавая предпочтение трактовке событий и источника своему оппоненту⁵⁵. В свою очередь Щербатов под влиянием критики Болтина пересмотрел некоторые места своего сочинения. К IV части V тома «Истории» он приложил «Уведомление о критике г. генерал-майора Болтина на разные места сей Истории», в котором признает некоторые свои ошибки и здесь же «поправляет» их⁵⁶. Примерно за полгода до смерти Щербатов даже предпринял специальную работу по систематическому исправлению имеющихся в его труде ошибок: он начал писать «Поправление Российской Истории князя Михайло Щербатова». Из этой черновой малоизвестной рукописи историографа также узнаем, что он предполагал «сочинить особливую книгу о происшествии народов и о многом, касающемся до обычаев», в которой также намеревался поправить допущенные им в «Истории» ошибки, в том числе и те, на которые указывал Болтин⁵⁷.

Для нас важна не только сама постановка вопросов, связанных с татищевским сочинением, но и конкретные приемы решения их в трудах Болтина и Щербатова, т. е. возможность извлечь опыт из спора этих двух историографов. До настоящего времени при доказательстве достоверности «татищевских известий» часто используется такой аргумент, как их «вероятность»⁵⁸. Но прекрасный пример бесплодности этого критерия «вероятности» при решении данной проблемы дали, на наш взгляд, сами историографы. Во всех полемических трудах Болтина и Щербатова разбирается вопрос о причинах похода князя Владимира на Корсунь. Болтин привел большое число самых разумных доводов в пользу доказательства вероятности татищевской «догадки». Щербатов, отвергая предположение Татищева — Болтина, выставил значительное число не менее остроумных аргументов в пользу вероятности своей «догадки». И тем не менее этот спор, идущий

⁵⁵ Болтин. Критические примечания на II том, стр. 298.

⁵⁶ М. М. Щербатов. История, т. V, ч. IV. СПб., 1789, стр. I—XII.

⁵⁷ Архив ЛОИИ, ф. 203 (Екатерина II), № 73, лл. 1—2 об.

⁵⁸ Это уже отмечалось Я. С. Лурье в статьях «Критика источника и вероятность известия» («Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 125—126) и «Problems of Source Criticism (with Reference to Medieval Russian Documents)» («Slavic Review», vol. XXVIII, № 1, March 1968, p. 7—9).

через всю полемику, так и не привел оппонентов к единому мнению даже о вероятности противоположных гипотез, не говоря уже о том, что он не мог никоим образом повлиять на решение вопроса о достоверности сообщений «Истории Российской» Татищева. Ведь вероятность существования факта не тождественна его существованию.

Вместе с тем разбор приемов решения проблемы Щербатовым показывает, что только на основании отсутствия «татищевских известий» в дошедших до нас источниках нельзя доказать тезис о принадлежности их перу самого Татищева. Высказывания Карамзина о том, что «Татищев вымыслил некоторые обстоятельства», не являются достаточно убедительными, так как они сделаны лишь на указанном основании. Выяснить источники сообщений Татищева можно только лишь непосредственным изучением текста обеих редакций «Истории» и ее известных в настоящее время источников. Для решения этой проблемы необходим анализ самих «татищевских известий», методики работы автора «Истории Российской» и т. д.⁵⁹

Всесторонняя оценка полемики между Болтиным и Щербатовым в целом — дело будущего. Но уже сейчас можно сказать, что спор об «Истории Российской» Татищева между двумя крупнейшими историками второй половины XVIII в. имел большое значение. Он важен был прежде всего потому, что в его ходе стало постепенно утверждаться мнение о необходимости строго отличать достоверные источники от исторических трудов и отдавать предпочтение первым. Обои оппонентами была выяснена необходимость различения в трудах историков сведений, основанных на источниках, и догадок, или гипотез.

⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Е. М. Добрушкин, Я. С. Лурье. Историк-писатель или издатель источников? (К выходу в свет академического издания «Истории Российской» В. Н. Татищева).* — «Русская литература», 1970, № 2, стр. 222—223.

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР
И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ
20—30-х ГОДОВ**

В. С. Лельчук

История превращения СССР в индустриальную державу давно уже привлекает внимание исследователей. С каждым годом увеличивается количество книг и статей по данной проблематике. Началось и историографическое осмысление вышедших работ. Совсем иначе обстоит дело с источниковедческим аспектом этой большой и важной темы. По существу ее разработка еще не началась. Разумеется, ликвидация образовавшегося пробела требует времени и коллективных усилий. Цель настоящей статьи — показать, как в 20—30-е годы непосредственно в условиях подготовки и осуществления социалистической индустриализации вводились в научный оборот и использовались статистические материалы, характеризующие ряд важнейших черт этого исторического процесса. Речь пойдет главным образом об источниках, характеризующих начальные рубежи социалистической индустриализации, а также темпы и отраслевые пропорции промышленного развития страны. Такое ограничение вызвано, во-первых, рамками сравнительно небольшой статьи, во-вторых, преобладанием публикаций именно по этим вопросам.

Великий Октябрь положил начало созданию фундамента социалистической экономики в СССР. Особо важное значение в этих условиях приобрела деятельность учреждений и ведомств, занятых сбором и обработкой статистических материалов, необходимых для государственного планирования и руководства народным хозяйством. Уже в июле 1918 г. Советское правительство приняло решение о создании Центрального статистического управления. В том же году была проведена Всероссийская промышленная и профессиональная перепись, предварительные итоги которой удалось опубликовать через два года. В 1920 г. была осуществлена Всероссийская перепись (учет) промышленных заведений Советской России. Материалы, собранные в 1920 г., в отличие от сведений, полученных в 1918 г., должны были охватить не только фабрично-заводскую промышленность, но и все мелкие предприятия страны¹. Одновременно развернулась огромная работа по сбору текущей информации. В 1921 г. вышел изданный

¹ «Труды ЦСУ», т. III, VIII, вып. 1, 3; т. XXVI, вып. 1—3.

ЦСУ статистический ежегодник, характеризующий экономическую и политическую жизнь государства за 1918—1920 гг. Значительная часть его была посвящена ценовой промышленности².

Однако собранные (и частично опубликованные) материалы страдали рядом существенных недостатков. Упомянутые переписи проводились в условиях гражданской войны и интервенции. В результате многие районы, на территории которых находилась значительная часть индустрии, переписью не были охвачены. К тому же в дореволюционный период промышленные предприятия не имели единого первичного учета и отчетности, следствием чего являлась скудость данных об индустриальном развитии России до 1917 г. Опыт разработки государственного плана электрификации в полной мере подтвердил это положение.

Составителям первых отраслевых планов, как и авторам программы ГОЭЛРО, приходилось пользоваться устаревшими, заведомо неполными сведениями: в одних случаях исходной базой всех расчетов служили материалы 1908 г., в других — 1912 г., в третьих — данные за 1913, 1916 гг. и т. д.³ Все это меняло общее представление об индустриальном потенциале, который диктатура пролетариата получила в наследство от буржуазно-помещичьей России, мешало всесторонне понять перемены, происшедшие в производительных силах страны сначала за период первой мировой войны, а потом за годы гражданской войны, интервенции и блокады. Именно поэтому ряд заданий плана ГОЭЛРО был сугубо приблизителен, от некоторых подсчетов пришлось совсем отказаться.

Когда создавались органы советской статистики, В. И. Ленин настоятельно требовал, чтобы текущие данные обязательно сопоставлялись с довоенными цифрами⁴. В 1922 г., знакомясь с графиками ЦСУ о работе промышленности, он вновь указал на необходимость дополнить их величинами за 1913, 1914 и последующие годы⁵. Как ни важны были эти указания, реализация их поначалу осуществлялась медленно. Сказывалась не только нехватка сведений за дореволюционный период, но и противоречивость материалов, полученных на заводах и фабриках в начале 20-х годов органами ВСНХ, ЦСУ, Наркомфина, ВЦСПС. Многочисленные цифры, попадавшие в печать, собирались по разным программам и, что было хуже всего, публиковались нередко без всяких ссылок на источник, без каких бы то ни было пояснений, касающихся их происхождения, методики получения и т. п.

² «Статистический ежегодник. 1918—1920 гг.», вып. 1. М., 1921.

³ «План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов государственной комиссии по электрификации России», изд. 2. М., 1955, стр. 39, 40, 45, 76, 166, 170—172 и др.

⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 53, стр. 123; «Ленинский сборник», XXXV, стр. 318.

⁵ См. об этом: М. Н. Черноморский. В. И. Ленин и организация текущей статистики промышленности в первые годы впа.— «История СССР», 1970, № 2, стр. 124.

В наиболее сложном положении находились те исследователи и практики, которые пытались анализировать состояние основных фондов промышленности, выявить реальные возможности их возрождения и развития, определить динамику производительности труда. В плане ГОЭЛРО эти задачи решались в самом общем виде, что объяснялось опять-таки крайней нехваткой исходных данных.

Практически первая попытка подсчитать размеры основного капитала советской промышленности была сделана в 1922 г. Специальные комиссии провели на предприятиях оценку сохранившегося имущества. Однако подлинной картины выявить не удалось. В одних случаях стоимость оборудования, зданий, товаров исчислялась в довоенных рублях, в других — в текущих ценах. Только часть трестов учитывала физический износ имущества. Многие заводы не имели нужных материалов для отчетности. При перепроверке цифровые показатели, например, Резинотреста и Донугля пришлось почти вдвое уменьшить⁶.

Разительные противоречия обнаружились между цифрами Наркомфина и ВЦСПС, с одной стороны, и ВСНХ — с другой, при анализе роста производительности труда в промышленности СССР. Работники финансовых ведомств и профсоюзов считали, что в 1924 г. валовая продукция, приходящаяся в среднем на одного занятого в производстве, достигла 75% довоенного уровня, тогда как заработная плата составила всего 65%. По заданию руководителей ВСНХ в Москве, Ленинграде и некоторых других центрах было проведено обследование, материалы которого (в отличие от наркомфиновских и профсоюзных) были опубликованы вместе с изложением методики подсчетов⁷. Оказалось, что в действительности заработная плата увеличивается гораздо быстрее производительности труда, причем последняя не превышала по отношению к 1913 г. на железных дорогах 39%, в Донугле — 53,3%, на заводах металлопромышленности колебалась от 19 до 39% и т. д.

Разъясняя столь большие расхождения, Ф. Э. Дзержинский упрекал некоторых хозяйственников и статистиков не только за поверхностное отношение к цифровым материалам, но и за грубейшие ошибки, когда, например, суммировались такие разнородные величины, как рубли, доллары и марки. Критикуя подсчеты Наркомфина и ВЦСПС, он отмечал: «Происходит учет в довоенных рублях, по разным каталогам, по разным прейскурантам, по разным методам. Все это складывалось и делилось — и получались пресловутые «средние» для всех отраслей промышленности, для всех изделий, имеющих сотни тысяч номенклатур»⁸.

⁶ А. М. Гинзбург. Проблемы капитала в советской промышленности. М., 1925, стр. 147.

⁷ «Большевик», 1924, № 7—8.

⁸ Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. 2. М., 1967, стр. 55.

Сказывались и другие обстоятельства. Исчисления Центрального статистического управления проводились медленно (в начале 1924 г. были опубликованы данные о производстве индустриальной продукции лишь за 1921 г.), а Госплан и ВСНХ нуждались в срочных сведениях. Последние учитывались весьма оперативно, но только по промышленности, подведомственной ВСНХ, к тому же в рамках хозяйственного года, начинавшегося тогда с 1 октября. ЦСУ же вело учет, охватывающий все предприятия страны, и подводило итоги за весь календарный год (начинавшийся 1 января). Следствием этого были разные исчисления. Так, по данным ВСНХ, промышленность выросла в 1925/26 г. на 40,1%, а по сообщению ЦСУ, валовое производство за тот же год увеличилось на 47,4%⁹.

Разумеется, руководители соответствующих организаций хорошо знали об этом. Заведующий Центральным отделом статистики ВСНХ Л. Б. Кафенгауз отмечал, что даже в рамках ВСНХ фактически учитываются не все предприятия, а лишь наиболее крупные, дающие примерно 85% выпускаемой продукции¹⁰. В ежегодных публикациях ВСНХ, начало которым положила книга, изданная в 1921 г. как отчет к IX съезду Советов¹¹, мы также можем найти указания на неполноту собранных сведений по отдельным отраслям. Помимо таких помех, порой сказывались узковедомственные интересы. Например, некоторые хозяйственники, стремясь в минимальный срок преодолеть разруху, не стеснялись «сгущать краски» и в крайне мрачных тонах обрисовывали положение промышленности; делалось это в надежде на максимальное увеличение государственных дотаций для восстановления производственных фондов. Один из них, как говорится, с цифрами в руках утверждал, будто и в 1926 г. еще продолжалась «растрата» основного капитала индустрии¹².

Обилию разноречивых сведений способствовали расхождения в мотивировках и методах подсчета, применявшихся различными учреждениями в повседневной практике. Так, если сравним официальные материалы ВСНХ и Госплана о нормах амортизации, то увидим, что в документах ВСНХ они в 2—3 раза выше, чем в материалах Госплана, что, конечно, накладывало отпечаток, в частности, на всю корреляцию при определении стоимости фабрично-заводского имущества за минувшие годы¹³.

⁹ «Промышленность СССР в 1925/26 году. Ежегодник ВСНХ». М.—Л., 1927, стр. 22.

¹⁰ «Промышленность СССР в 1925 г. Ежегодник ВСНХ». М.—Л., 1926, стр. 44.

¹¹ «Русская промышленность в 1921 году и ее перспективы». ВСНХ [6. г.].

¹² А. Колмановский. Динамика основного капитала промышленности СССР.— «Плановое хозяйство», 1926, № 4.

¹³ «Сводные балансы общесоюзной промышленности на 1 января и 1 октября 1923 г.». М.—Л., 1925; «Торгово-промышленная газета», 10 октября 1924 г.

В начале 1924 г. ВСНХ принял новый метод оценки валовой продукции, который совпадал с методом ее оценки в дореволюционной промышленной статистике. В результате общие исчисления стоимости выпущенной продукции возросли на 17% по сравнению с прежними подсчетами, появившимися в печати ранее¹⁴.

Осуществлялись и другие перемены в работе ЦСУ и ВСНХ, однако далеко не все они в должной мере увязывались между собой и уж отнюдь не всегда были известны широкой общественности. Газеты и массовые журналы нередко помещали цифры, которые при научном подходе не выдерживали критики. В аналогичном положении не раз оказывались издания ВСНХ, Наркомфина, ЦСУ. В октябре 1924 г. на пленуме ЦК РКП(б) приводился пример такого издания: речь шла о сборнике, официально выпущенном ЦСУ, где данные, помещенные на первой же странице, противоречили тому, что говорилось на последующих, и т. д.¹⁵ В сложившейся обстановке возник спор о том, как закончить со «статистической разногосицей»¹⁶.

Было бы, однако, неверно ставить знак минус перед всей многообразной деятельностью различных органов, занимавшихся промышленной статистикой в начале 20-х годов. Постепенно накапливался опыт, складывалась новая система сбора и обработки материалов, их систематизации и анализа. В целом удивляться надо не количеству допущенных тогда ошибок, а тому, что вопреки им в условиях необычайных трудностей становления социалистической экономики в полуразрушенной крестьянской стране удалось провести ряд переписей и собрать множество исключительно важных сведений о численности городского населения, о состоянии фабрично-заводской и мелкой промышленности, о запасах сырья, топлива и т. д. Задача заключалась, в частности, в том, чтобы, невзирая на их определенную неполноту, найти способы и приемы научного осмысления этих источников и с их помощью воссоздать подлинную картину хозяйственного положения страны. Эта задача была особенно актуальна в связи с переходом к развернутой реконструкции промышленности и разработкой курса на социалистическую индустриализацию, когда возросла необходимость в статистических сводках, призванных показывать подлинные размеры и динамику основных фондов дореволюционной промышленности, степень их сохранности и использования, наличие ресурсов, объем выпускавшейся продукции.

Надо воздать должное работникам советской статистики. В целом они с выпавшей на их долю задачей справились. С помощью

¹⁴ «Промышленность СССР в 1924 году. Ежегодник ВСНХ». М.—Л., 1925, стр. X.

¹⁵ Ф. Э. Дзержинский. Избранные проповедения, т. 2, стр. 55.

¹⁶ «Экономическая жизнь», 14 и 20 марта 1924 г.

сведений, собранных в ходе переписей 1918 и 1920 гг., на предприятиях складывалась единая система учета и отчетности. Переписи позволили создать исходную базу статистических материалов по основным отраслям промышленности. Впервые была научно разработана классификация отраслей, четко установлен ценз крупных предприятий, в соответствии с марксистской методологией выделено производство средств производства (тяжелая индустрия) и производство предметов потребления (легкая индустрия), определены такие показатели учета, как валовой оборот, валовая продукция, чистая продукция и ряд других. В 1924 г. ЦСУ выпустило юбилейный сборник, где оно подводило итоги работ за первое пятилетие своего существования. В сборнике впервые были обнародованы материалы, раскрывающие масштабы и динамику развития фабрично-заводской промышленности за ряд лет начиная с 1913 г.¹⁷ Отсюда они перешли и в другие издания.

Подсчеты, о которых пойдет речь, были сделаны Н. Я. Воробьевым, возглавлявшим отдел основной промышленной статистики ЦСУ. Ценность их заключалась не просто в том, что они содержали сведения о численности рабочих цензовой промышленности, валовой продукции и стоимости фабрично-заводского имущества за 1913 и последующие годы, а в том, что эти подсчеты были выполнены вполне научно и не вызывали принципиальных возражений. Посмотрим теперь, на базе каких источников и с помощью каких исследовательских приемов удалось получить такой результат.

За основу Воробьев взял материалы промышленной переписи, проведенной в 1918 г. Эта перепись, проводившаяся в обстановке гражданской войны и интервенции, охватила территорию только 31 губернии европейской части страны. Переписные документы заполнялись непосредственно на предприятиях специально подготовленными статистическими регистраторами. Единицей наблюдения считалось промышленное заведение, отвечающее установленному цензу (не менее 16 рабочих при наличии двигателя либо не менее 30 человек при отсутствии такового). Сведения собирались таким образом, чтобы одновременно зафиксировать как численность предприятий, существовавших в 1918 г., так и тех, которые значились в стране на 1913 и последующие годы. Аналогично выяснялось и число рабочих.

Каждая цифра уточнялась и по возможности перепроверялась. Для этого применительно к дореволюционному периоду использовались не только документы 1918 г., но и своды отчетов фабричной инспекции бывшего Министерства торговли и промышленности, данные бывшего Горного департамента, показания фи-

¹⁷ «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1913—1923. За пять лет работы Центрального статистического управления». М., 1924; «Труды ЦСУ», т. XVIII.

нансовых ведомств и ряд других. Непосредственно на 1918 г. сведения были собраны по 4341 заведению, в которых значилось 1160 тыс. рабочих, что соответственно составляло около четвертой части всех фабрично-заводских предприятий и почти половину рабочих, учтенных на 1913 г. Дополнительно по каждому заведению, а также по всем губерниям и отраслям промышленности были получены материалы о стоимости недвижимого имущества фабрик и заводов, а также о выпуске валовой продукции в 1913—1918 гг.

В итоге ЦСУ имело достаточно достоверные данные о стоимости основного капитала предприятий (которые, напомним, охватывали около 45% всей промышленности по числу рабочих и примерно 24% по числу заведений)¹⁸. Как же удалось их использовать для дальнейших исчислений?

Воробьев предложил следующую экстраполяцию: установив стоимость имущества, в среднем приходящуюся на одного рабочего каждой отрасли в 1918 г., он распространил полученный показатель на всю массу рабочих тех же отраслей, но уже с учетом их численности на 1913 г. Тем самым он исчислил сначала стоимость основного капитала отдельных отраслей, а затем получил общую сумму стоимости имущества довоенной фабрично-заводской (цензовой) промышленности. За вычетом стоимости земли она равнялась 3538 млн. руб. (в ценах 1913 г.)¹⁹.

Чтобы убедиться в правильности своих подсчетов, работники ЦСУ провели дополнительные скрупулезные исследования. Они, например, знали, что, по данным 1913 г., в границах Российской империи на долю мелких заведений (с числом рабочих до 30 человек) приходилось 49,3% всех промышленных предприятий. В 1918 г. их удельный вес составил 51,2%; исчисления, сделанные на основе этих материалов применительно к 1913 г., показали 48,4%. А в 1922 г., по данным органов текущей статистики, их величина составила 48,1%. Сравнение численности рабочих, занятых в мелкой промышленности, также показало незначительность расхождений, вполне допустимых при такого рода экстраполяциях²⁰.

Контрольной проверке подвергались и исчисления выработки валовой продукции. Они облегчались тем, что за отдельные годы сохранились точные сведения. Следовательно, существовала возможность с помощью этих данных высчитать правомерность экстраполяции, допущенной Воробьевым. Метод, применявшийся им по отношению к отраслям, где статистика не располагала обобщающими материалами, был использован и при проведении под-

¹⁸ «Труды ЦСУ», т. XVIII, стр. 198.

¹⁹ Там же, стр. 200.

²⁰ Н. Я. Воробьев. Очерки по истории промышленной статистики в дореволюционной России и в СССР. Методы наблюдения и разработки. М., 1961, стр. 115; «Труды ЦСУ», т. XXVI, вып. 1—2, стр. 68.

счетов в отраслях, в которых подобные сведения сохранились; итоговые результаты совпадали. Именно поэтому выводы Воробьева сразу привлекли к себе всеобщее внимание и быстро вошли в научный оборот.

Для нас они интересны еще и тем, что дают возможность ознакомиться с методикой их получения и проверки. Мы имеем в виду подсчеты основных производственных фондов, численности рабочих и валовой продукции фабрик и заводов в 1918 г., а также обобщающие группировки сведений по всей крупной промышленности за 1913—1918 гг. Важное значение имеют и его четкие комментарии к статистическим таблицам, помещенные в справочниках «Народное хозяйство Союза ССР в цифрах», изданных в 1924—1925 гг.; по существу эти пояснения являют собой миниатюрные исследования, касающиеся источниковедческой базы данных справочников. Только здесь, в частности, можно найти основу для ответа на вопрос, почему в разных статистических публикациях 20-х годов содержатся не совпадающие между собой сведения о размерах валовой продукции, относящейся, например, к 1913 г. и соответственно к тем годам, которые измерялись с 1913 г. как базовым²¹.

Любопытно, что в предисловии к статистическому ежегоднику, где помещались весьма разрозненные сведения за 1918—1920 гг., в том числе отдельные материалы промышленной переписи 1918 г., говорилось: «Состояние статистики отражает бурную эпоху, нами пережитую, и лучшего материала, к сожалению, дать нельзя по той простой причине, что его нет и он не может быть создан, так как река времени стерла уже те следы и грани, по которым строит свои цифры статистика»²².

Через три года исчисления Воробьева, построенные на аналитическом подходе к первичным материалам промышленной переписи 1918 г. (взятые сами по себе, они и поныне остаются ценным историческим источником), вошли составной частью в официальные издания ЦСУ и практически превратились в сводный источник, многократно используемый в научной литературе.

Почти тогда же (в 1925 г.) была сделана еще одна попытка определить размеры основного капитала дореволюционной промышленности (и тем самым уровень капиталистической индустриализации России). Предпринял ее С. Г. Струмилин²³. Исходя из того, что в прошлом лучше всего учитывались акционерные предприятия, ежегодно публиковавшие свои балансы, он проследил движение акционерных капиталов в промышленности за

²¹ «Народное хозяйство СССР в цифрах». М., 1925, стр. 465—471; *Н. Я. Воробьев*. Указ. соч., стр. 122—123.

²² «Статистический ежегодник. 1918—1920 гг.», вып. 1, стр. III.

²³ *С. Г. Струмилин*. Проблема промышленного капитала в СССР. М., 1925.

1890—1914 гг. Предполагать, что русские и иностранные акционерные общества оглашали в печати завышенные данные, не приходилось, ибо пайщики, заботившиеся о своих дивидендах, заметили бы несоответствие между официальными отчетами и действительным положением дел с распределением прибылей. Отдельные расхождения, вызванные отсутствием или неточностью некоторых сведений, не искажали, по мнению Струмилина, общей картины; во всяком случае для динамических сопоставлений существенного значения не имели.

Сложнее обстояло дело с определением основного капитала той части промышленности, которая в печати свои отчеты не помещала. Более или менее полно можно было учесть (по данным о промысловом обложении) общий объем продукции, проданной этими предприятиями. Но, зная существовавшее в отдельные годы соотношение между оборотом предприятий различного размера и их капиталом, Струмилин установил коэффициент оборачиваемости основного капитала и распространил его на весь изучаемый период.

Так, разумеется, приближенно удалось подсчитать стоимость имущества неакционерных фабрик и заводов. В сумме с предыдущими исчислениями (гораздо более обоснованными и к тому же легко проверяемыми)²⁴ был получен результат, характеризующий рост основных капиталов российской промышленности в конце XIX — начале XX в., в том числе и за 1913 г., когда они достигли 4460 млн. руб.²⁵ Понимая определенную условность проделанного исчисления, автор снабдил их существенной оговоркой: «И все же вероятный недоучет по общим итогам капиталов... оценивается нами грубо, в соответствии с недоучетом оборотов, процентов в 10—15 или около того»²⁶.

Работа Струмилина вышла уже после того, как появились выводы Воробьева. Читатели легко могли заметить расхождения между их исчислениями, которые обнаружились не только в определении стоимости фабрично-заводского имущества дореволюционной промышленности, но и при выяснении масштабов роста российской индустрии в годы первой мировой войны, а затем урона, понесенного ею в условиях гражданской войны, интервенции, экономической блокады. Из работ первого следовало, что в 1914—1917 гг. основной капитал цензовых предприятий вырос на 14,3%; по мнению второго — на 18,7%. По Струмилину, уже в 1918—1922 гг. в промышленность было вложено 274 млн. руб. (в довоенной оценке). Воробьев называл цифру значительно

²⁴ Первое издание названной работы Струмилина снабжено приложением, где помещено 25 таблиц, составленных по балансам русских акционерных обществ за 1890—1914 гг., которые ранее публиковались в «Ежегоднике Министерства финансов».

²⁵ С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 46.

²⁶ Там же, стр. 9.

меньшую. Расходились они и при оценке сокращения стоимости основного капитала к 1923/24 г. по сравнению с 1920 г.

В плане данной статьи нельзя не отметить стремление Воробьева к более полному изложению методики своих наблюдений и отсутствие должных методических выкладок у Струмилина, но сейчас важно подчеркнуть другое. Оба автора пользовались первичными статистическими материалами, полученными либо в ходе специальных переписей, либо в результате сбора конкретных данных о работе отдельных предприятий. При этом каждый старался найти свой путь обобщения и критического осмысления имеющихся у них материалов о прошлом и настоящем советской промышленности. Оба считали своим долгом прежде всего обосновать достоверность и репрезентативность сведений, взятых за основу дальнейших расчетов. Учитывая общее состояние документальной базы, ее несовершенство, они главную задачу видели не в нахождении незыблемых показателей индустриального развития страны, а в изучении ведущих тенденций этого процесса, в освещении его динамики.

Такой подход к материалам промышленной статистики имел большое научное и практическое значение. Он был реальным вкладом в общее дело разработки курса на ускоренное превращение СССР в могучую индустриальную державу²⁷. Введенные в оборот материалы обогатили исследователей, стремившихся раскрыть и описать переход страны к социалистической индустриализации, начальные шаги этого процесса, его соотношение с до-революционным развитием экономики. Историки и экономисты, интересовавшиеся этой тематикой, получили в свое распоряжение и ряд новых приемов обработки статистических источников, стимулировавших дальнейшие научные изыскания.

Вторая половина 20-х годов ознаменовалась выходом большого количества статистических справочников и публикаций. В октябре 1925 г. прошла переинвентаризация основных фондов, подведомственных ВСНХ, затем изучалось состояние имущества всех фабрик и заводов СССР, была проведена перепись оборудования и т. д. В сочетании с ранее изданными материалами и исследованиями это повлекло за собой появление новых трудов. В 1930 г. вышла обширная монография М. А. Баруна, фактически подытоживавшая накопленный к тому времени опыт изучения закономерностей восстановления и реконструкции отечественной промышленности²⁸.

Предваряя собственные подсчеты, Барун подробно прокоммен-

²⁷ Напомним, что приведенные выше подсчеты появились до XIV съезда ВКП(б). Более того, именно после публикации ЦСУ, подготовленной под руководством Воробьева, данные о размерах основных фондов стали обсуждаться на заседаниях съездов Советов, на конференциях и съездах Коммунистической партии.

²⁸ М. А. Барун. Основной капитал промышленности СССР (Очерки его состояния, восстановления и реконструкции). М.— Л., 1930.

тировал исчисления своих предшественников и там, где материалы позволяли, внес немало поправок. В частности, он предложил коррективы к методике, разработанной Воробьевым для обработки переписи 1918 г. Оказалось, что не учтенная в 1918 г. промышленность заметно отличается от подвергшейся переписи: предприятия последней в среднем были в 2,5 раза больше тех заведений, которые перепись не охватила. Как известно, на крупных заводах и фабриках доля имущества в расчете на одного рабочего больше, чем на средних и мелких. В 1925 г., например, в общесоюзной металлопромышленности на одного рабочего приходилось 6,7 тыс. руб. основного капитала, а в местной, где преобладали маленькие заведения, — 2,2 тыс. руб. Подобная связь наблюдалась в текстильном производстве (4,1 тыс. и 3,3 тыс. руб.), химическом (6,8 тыс. и 4,9 тыс. руб.) и т. д.²⁹ Воробьев прошел мимо таких различий, игнорирование которых частично искажало представление об отдельных отраслях и картину по всей промышленности в целом.

Значительно более существенные возражения вызвали у Баруна исчисления Струмилина. По его мнению, они были явно завышены. Пользуясь индексами цен, опубликованными в 1928 г.³⁰, он иначе определил расходы на амортизацию за 1890—1913 гг. Струмилин взял за основу цены примерно конца 90-х годов и распространил их на весь интересующий его период. Стоимость фабрично-заводского имущества сразу возросла на 20%³¹. Барун сделал подсчеты за каждый год в отдельности; прирост стоимости основного капитала составил всего 7—8%. По этим подсчетам Баруна, конечная сумма, определенная Струмилиным для 1913 г. в 4460 млн. руб., уменьшилась на 420—460 млн. руб.³²

Собственный вариант аналогичных исчислений Барун делал, базируясь на опубликованных сводках ЦСУ, материалах Госплана и ВСНХ СССР. Применяя изданные к тому времени индексы цен и норм амортизации, он проследил, как изменялась стоимость имущества фабрично-заводской промышленности, полученной в наследство от дореволюционной России, вплоть до 1929/30 г. Достоинство его расчетов (сделанных в ценах 1928/29 г.) было связано с привлечением новых источников, расширением хронологических границ исследования, подробным изложением всех методов исчисления, а также тем, что эти расчеты давались в нескольких видах: 1) по так называемой полной восстановительной стоимости основного капитала крупной промышленности; 2) с учетом технического износа оборудования; 3) с учетом его коммерческого, т. е. морального, износа.

²⁹ М. А. Барун. Указ. соч., стр. 29—30.

³⁰ См. статью: М. Подтягин. Довоенные индексы цен.— «Статистическое обозрение», 1928, № 4, стр. 77—86.

¹ С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 47.

³² М. А. Барун. Указ. соч., стр. 31.

Т а б л и ц а 1

Год	По полной восстановительной стоимости	По стоимости с учетом технического износа	По стоимости с учетом коммерческого износа	Год	По полной восстановительной стоимости	По стоимости с учетом технического износа	По стоимости с учетом коммерческого износа
1918	8396	6281	5038	1924/25	8141	5342	3674
1919	8204	6012	4705	1925/26	8479	5558	3763
1920	8012	5729	4359	1926/27	9239	6219	4301
1921	7820	5429	3998	1927/28	10316	7152	5100
1921/22	7820	5320	3828	1928/29	11801	8433	6229
1922/23	7820	5229	3676	1929/30	13709	10130	7744
1923/24	7949	5273	3658				

Данные Баруна о динамике основного капитала фабрично-заводской промышленности СССР, сведенные в табл. 1, выглядят следующим образом (в млн. руб. к началу года) ³³.

Если оперировать полной восстановительной стоимостью, то основной капитал крупной промышленности, включающей в себя после национализации стоимость производственных помещений, машин и оборудования, уменьшался до 1923 г. включительно и превзошел доставшийся нам в наследство уровень непосредственно в 1925 г. Когда же во внимание принимается техническая изношенность основных фондов, начало перелома приходится опять-таки на 1923 г., а завершение восстановительного процесса — на конец 1926 г. А с учетом и моральной устарелости фабрично-заводского имущества спад удалось преодолеть лишь к исходу 1924 г., пробел, образовавшийся до этого, удалось восполнить не ранее середины 1927 г. Следовательно, даже в условиях мирного времени после окончания гражданской войны и интервенции возрождение промышленности началось не сразу. Кривая выпуска валовой продукции пошла на диаграммах вверх уже в 1921 г., но «проедание» основных капиталов затянулось еще на несколько лет.

Барун не первым подошел к анализу явлений, но выполнил его для своего времени наиболее полно. Он обстоятельнее других описал и методику своих исчислений. Поэтому опубликованные им расчеты дают ключ к правильному пониманию цифровых расхождений, имевших место в 20-е годы, при оценке стоимости основных фондов промышленности.

В целом исчисления Баруна, если брать сопоставимые отрезки времени, мало отличались от таблиц Воробьева. Данные Струмилина оба автора считали завышенными. Но все три исследователя — и это следует подчеркнуть — в главном сходились: статисти-

³³ Там же, стр. 34.

ческие материалы, которыми можно было располагать в 20-е годы, по их мнению, давали достаточное основание для научного изучения главных тенденций индустриального развития страны. Более того, несмотря на отдельные расхождения, все они в принципе одинаково характеризовали общее состояние отечественной промышленности как в предреволюционные годы, так и в советское время.

Выполненная ими работа прочно вошла в арсенал советской науки. Не потеряла она своего значения и по сей день. Во-первых, названные ученые показали образец того, как нужно использовать статистические источники и как с помощью неполных переписей и ведомственных материалов, порой разрозненных и, казалось, несопоставимых, можно получать обобщающие сведения первостепенной важности. Во-вторых, работы Воробьева, Струмилина и Баруна изобилуют не только самостоятельными исчислениями, характеризующими динамику индустриального развития СССР, но и множеством оригинальных сведений такого же рода, взятых непосредственно из документов ЦСУ, ВСНХ, Госплана, однако в силу разных причин больше нигде не сохранившихся. Все это вместе взятое и привело к тому, что, хотя работы Воробьева, Струмилина и Баруна, строго говоря, относятся к жанру историко-экономических исследований, практически они воспринимались в 20—30-е годы (равно как и позднее) в качестве источника.

Учитывая это обстоятельство, следует еще раз напомнить, что перечисленные авторы относились к своим подсчетам осторожно, они считали необходимым предостеречь читателя от абсолютизации вводимых в оборот цифр. К сожалению, многие из тех, кто освещал историю индустриализации, далеко не всегда прислушивались к этим советам. Не будем гадать, что действовало на них больше: авторитет таких государственных учреждений, как ЦСУ, Госплан или ВСНХ, в работе которых участвовали Воробьев, Струмилин и Барун и в изданиях которых печатались их исследования, или личная известность названных ученых, но их труды стали сплошь и рядом восприниматься в качестве официальных. Положение усугублялось тем, что некоторые из историков, экономистов не просто отказались от самостоятельных исчислений, но и не считались с комментариями к ним.

В определенном смысле такая «канонизация» названных трудов (как и вообще справочных изданий ЦСУ и ВСНХ) означала безраздельное утверждение в науке положений, в пользу которых выступали их авторы и составители. Но, как мы видели, эти авторы и составители, единые в главном — в выяснении и общей трактовке тенденций индустриального развития страны накануне Великой Октябрьской революции и после ее победы, расходились при распределении темпов и масштабов развития в отдельные периоды. На практике безоговорочное воспроизведение тех или иных цифр привело к разнобою в датировании и объяснении

хронологических рамок восстановительного периода, а также начального рубежа социалистической индустриализации.

В. Сарабьянов объединял в единый этап возрождения экономики 1921—1927 гг. Пятикратное увеличение промышленного производства за этот срок он связывал с использованием дореволюционного наследства: «Мы почти не строили новых фабрик и заводов, мы разворачивались на основе уже имеющегося технического оборудования, корпусов, пролетарских кадров. Указанный нами темп промышленного развития оказался возможным только потому, что основной «капитал» уже имелся в наличии и его оставалось лишь использовать»³⁴. Э. Ю. Локшин считал, что в 1921—1926 гг. шло не только восстановление довоенного уровня, но и «подготавливалась база, создавались предпосылки и закладывались основы для вступления нашей социалистической промышленности и всего народного хозяйства с 1927 г. в реконструктивный период их развития»³⁵. В представлении Г. Точильникова восстановительный период завершился в 1927/28 г.³⁶ З. С. Каценеленбаум и некоторые другие экономисты относили истоки советской индустриализации к началу 20-х годов, в частности к 1923/24 г.³⁷

Повторяем, ни один из только что названных авторов самостоятельных расчетов не делал. Все они (часто без всяких отсылок) употребляли уже вошедшие в оборот сведения, но одни имели в виду рост валовой продукции, другие — динамику основных капиталов по довоенным ценам, третьи — ту же динамику, но в текущих ценах, четвертые либо учитывали технический износ оборудования, либо нет и т. д.

Приведем еще один типичный пример того, какие упущения имели место в отборе источников и их использовании. В 1931 г. вторым изданием вышли очерки о реконструкции промышленности СССР. В них справедливо говорилось о сложностях осмысления общего хода социалистической индустриализации, об отсутствии сводных статистических данных, о разрозненности опубликованных материалов; упоминались и расхождения между Воробьевым и Струмилиным. После такой преамбулы впряме было ожидать по крайней мере оригинальных выкладок, тем более что раздел о динамике основных фондов промышленности писал один из работников ВСНХ, а редактировал книгу руководитель отдела статистики. Однако все свелось к попытке распространить на индустриальное развитие СССР выводы, относящиеся к предприятиям ВСНХ. Причем и в рамках ВСНХ, объединявшего отнюдь не всю ценовую промышленность страны, не учитывались капи-

³⁴ В. Сарабьянов. Итоги восстановительного периода. М.— Л., 1927, стр. 3—4.

³⁵ Э. Ю. Локшин. Промышленность СССР за XV лет. М., 1932, стр. 48.

³⁶ Г. Точильников. Финансы и индустриализация. М., 1929, стр. 21.

³⁷ З. С. Каценеленбаум. Индустриализация хозяйства и задач кредита в СССР. М.— Л., 1928, стр. 52.

тальные вложения в электростроительство и в часть трестов. Без каких-либо серьезных мотивировок делались и другие ограничения. Резюмируя столь странно урезанные материалы, автор годом решительного перелома в организации работ по восстановлению и расширению основных фондов советской промышленности сначала называет 1924/25 г., потом разворот капитального строительства относит к 1925/26 г., наконец, исходный рубеж реконструкции датирует 1927/28 г.³⁸

И это не удивительно, ибо статистической обработке подверглась отнюдь не вся совокупность фактов, необходимая для получения выводов обобщающего порядка. Во всяком случае без сведений об электростроительстве, которое находилось в центре внимания Советского государства даже в самую трудную пору восстановления народного хозяйства и получало большие ассигнования, суждения о капиталовложениях и ходе реконструктивных работ неизбежно становились неполными и неточными.

В целом, однако, исходный уровень социалистической индустриализации современники освещали разносторонне, можно даже сказать, намного шире, чем последующие поколения исследователей. Сказывалась злободневность вопроса: анализ этого вопроса раскрывал экономическую мощь диктатуры пролетариата и всю сложность создания материально-технической базы социализма в СССР.

Изучая трудности индустриального развития страны, исследователи обращали внимание, в частности, на изменение ее территориальных рамок, связанное с отделением Финляндии, Прибалтики, Польши и некоторых других районов, в промышленном отношении весьма развитых. По мнению Струмилина, стоимость производственных фондов горной и фабрично-заводской индустрии уменьшилась в Советской России не менее чем на 17,6%³⁹. Воробьев увеличивал этот показатель на 0,5%⁴⁰. Более развернутые подсчеты дал начальник ЦСУ СССР П. И. Попов. Вот некоторые из опубликованных им показателей, характеризующих удельный вес валовой продукции и долю рабочих предприятий, расположенных на территории вышеназванных районов страны (табл. 2)⁴¹.

Основываясь на материалах П. И. Попова, Е. С. Горфинкель суммировал порознь отрасли, вырабатывающие средства производства, и отрасли, производящие предметы потребления. При такой группировке тяжелая индустрия СССР (в границах до 17 сентября 1939 г.) уменьшалась на 16,1% общей численности рабочих и на 16,5% всей валовой продукции 1913 г.; легкая

³⁸ *П. Горелик*. Динамика основных фондов промышленности. Основные моменты реконструкции промышленности СССР («Очерки» под ред. С. В. Миннаева), изд. 2. М., 1934, стр. 49—54.

³⁹ *С. Г. Струмилин*. Указ. соч.

⁴⁰ «Труды ЦСУ», т. XVIII, стр. 198.

⁴¹ «На новых путях», вып. III. М.—Л., 1924, стр. 11, 162.

Таблица 2

Группа производств	%		Группа производств	%	
	рабочих	продукции		рабочих	продукции
Металлическая	19,3	18,5	Шелковая	7,5	10,0
Горная	5,9	4,8	Пеньковая и джутовая	40,0	33,4
Химическая	22,2	22,5	Кожевенная	23,4	36,9
Добыча и обработка минералов	20,8	20,3	Бумажная	24,7	35,0
Обработка дерева	22,7	24,4	Пищевая	15,9	9,2
Хлопчатобумажная	16,5	20,3			
Шерстяная	44,4	46,2	Всего	17,3	18,6

индустрия сократилась еще больше — на 19,2% рабочих и 20% валовой продукции⁴². Но было бы неверно сводить потери в экономике лишь к отходу значительной части промышленности. Нарушились многие традиционные связи; требовались дополнительные усилия и средства для налаживания новых принципов кооперирования и специализации взамен прежних. Горфинкель обратил внимание и на другое: к тому времени, когда валовая продукция народного хозяйства лишь достигла довоенных размеров, численность населения страны заметно превзошла уровень 1913 г., что, естественно, влияло на рыночный спрос, сдерживало возможности удовлетворения возросших потребностей трудящихся⁴³.

Учитывая замысел данной статьи, уместно еще раз подчеркнуть, что ни в одном из позднее вышедших статистических справочников подобных расчетов и показателей нет. А забвение работ, содержащих такого рода информации, постепенно сузило круг источников, что в свою очередь обеднило изучение проблемы в целом.

Большое место в исследованиях 20—30-х годов занял вопрос о темпах превращения СССР в индустриальную державу. Важнейшими показателями этого процесса во всех работах считались данные об изменении народнохозяйственных пропорций: о первоочередном росте промышленности по отношению к сельскому хозяйству, об ускоренном развитии тяжелой индустрии по сравнению с легкой, о форсированном подъеме машиностроения. Соответствующим образом анализировались источники, находившиеся в распоряжении авторов (в массе своей это были официальные статистические издания ЦСУ, ВСНХ, различных ведомств, пар-

⁴² *Ф. С. Горфинкель. СССР в системе мирового хозяйства. М., 1929, стр. 146.*

⁴³ Там же, стр. 145.

тийно-правительственные документы, частично материалы, полученные исследователями непосредственно в государственных учреждениях).

Проведенное под таким углом зрения сопоставление цифровых данных о развитии в 20-е годы советской и зарубежной экономики позволило Е. С. Горфинкелю и В. Е. Мотылеву хорошо проиллюстрировать преимущества планового централизованного руководства индустриализацией над стихийным ходом такого же процесса в капиталистических странах ⁴⁴.

Струмилин едва ли не первым попытался сравнить темпы накопления капиталов в отечественной промышленности за дореволюционный период с советским временем. По его подсчетам ⁴⁵, крупная (акционерная) промышленность увеличила свои капиталы в 1885—1913 гг. в 11,1 раза, средняя и мелкая — всего в 3,9 раза, вследствие чего общий прирост составил 596%, или 7,2% за год. По отдельным отрезкам картина выглядела так (в %):

Годы	Общий прирост	В среднем за год
1885—1895	104	7,4
1895—1905	107	7,4
1905—1913	107	6,4
1885—1913	596	7,2

Полученные результаты свидетельствовали о том, что на рубеже XIX и XX вв. Россия в промышленном отношении не уступала по темпам развития крупнейшим державам мира, наоборот, даже несколько опережала их. В то же время к середине 20-х годов было ясно, что советская индустрия располагает ресурсами для гораздо более высокого темпа роста.

Строя свои выводы на анализе уже упоминавшихся балансовых отчетов акционерных предприятий, Струмилин по обыкновению не ограничился обработкой первичных материалов и их обобщением. От интерпретации источника он шел к истолкованию фактов. Конечно, такое деление условно и не всегда легко прослеживается. Но, не вдаваясь в историографическую оценку данной работы Струмилина, следует признать, что в источниковедческом плане его исчисления были новым словом для 20-х годов, да и теперь используются неоднократно.

О. Куперман, пользуясь данными ЦСУ, проследил, как в 20-е годы в СССР складывались взаимоотношения между различными социально-экономическими формами промышленности, как поистине стремительно утверждался государственный сектор,

⁴⁴ В. Е. Мотылев. Проблема темпа развития СССР. М., 1929; Е. С. Горфинкель. Указ. соч.

⁴⁵ С. Г. Струмилин. Указ. соч., стр. 6.

а социалистическая индустрия приобретала решающее значение для подъема всех сфер экономики⁴⁶.

В 1929 г. Э. И. Квиринг, выявляя динамику роста первого и второго подразделений промышленного производства, первым привел цифры, показывающие факт более быстрого развития легкой индустрии не только в условиях восстановительного периода (в 1921, 1924, 1925 гг.), но и в обстановке развернувшейся индустриализации, в 1928 г. (в 1927 г. тяжелая и легкая отрасли промышленности росли практически одинаково). В сочетании с другими явлениями это свидетельствовало, по его мнению, не о случайных отклонениях, а о возможности в рамках обязательного преимущественного роста производства средств производства временами такого ускорения темпов прироста легкой индустрии, которое даже обгоняло бы подъем тяжелой промышленности⁴⁷.

Количество подобных примеров, отражающих творческий подход исследователей к характеристике изучаемых процессов на основе правильного отбора, введения в оборот и использования достоверных источников, можно увеличить. Но обнаруживались и другие явления, также требующие объяснения.

В 1927 г. вышла интересная книга В. Сарабьянова об итогах восстановительного периода. В ней подчеркивалась мысль о безостановочном увеличении удельного веса промышленности по сравнению с сельским хозяйством. Чтобы оттенить эту тенденцию, автор приводил данные за 1923/24—1926/27 гг., но не по всему кругу произведенной продукции, а лишь по ее товарной массе. Естественно, когда из расчетов была исключена продукция, осевшая внутри сельского хозяйства (т. е. в основном та ее часть, которую единоличное крестьянство выработало и само же потребило), оказалось, что уже в 1924/25 г. промышленность играла доминирующую роль (на ее долю приходилось 55% всей товарной массы). Развивая свою мысль, но никак не оговаривая ее, автор утверждал следующее: уже в 1923/24 г. производство средств производства внутри промышленности превосходило производство предметов потребления (соотношение между ними было 51,7% и 48,3%)⁴⁸.

Получается так, что еще до XIV съезда ВКП(б), провозгласившего курс на социалистическую индустриализацию в качестве генеральной линии партии и до завершения восстановительного периода, структура народного хозяйства в целом, промышленности в том числе, уже отвечала требованиям, предъявляемым к экономике индустриального государства. Однако до такого результата в середине 20-х годов было еще далеко. Приведенные

⁴⁶ О. Куперман. Социально-экономические формы промышленности СССР. М., 1929.

⁴⁷ Э. И. Квиринг. Очерки развития промышленности СССР. 1917—1927. М., 1929.

⁴⁸ В. Сарабьянов. Указ. соч., стр. 43—44.

выше цифры Сарабянова относились не ко всей промышленности, а лишь к ценовым предприятиям ее государственного сектора. Не сделав соответствующего пояснения, автор распространил на всю промышленность выводы, не отражавшие положение дел в кооперативной промышленности, частной, мелкой и кустарно-ремесленной, в сумме дававших примерно треть продукции. Так, нечеткость, допущенная в отборе и обработке статистических источников, приводила к неправильным выводам.

Сходную ошибку допустил М. Цагурия. В очерке о развитии тяжелой индустрии СССР он счел нужным показать возрастание темпов промышленного производства в период социалистической индустриализации по сравнению с годами промышленного подъема царской России. Для этого он рассмотрел сначала данные об увеличении валовой продукции в 1896—1915 гг. (с 1,7 млрд. довоенных руб. до 5,1 млрд.), затем о выпуске средств производства в 1926—1932 гг. Заключение его гласило: «В течение 20 лучших лет капиталистическая Россия с помощью иностранного капитала увеличила валовую продукцию всей промышленности на 210%. Советская власть на протяжении 6 лет реконструктивного периода только по тяжелой промышленности довела валовую продукцию с 3303,5 млн. руб. до 11 452,6 млн. руб., увеличив ее на 240%»⁴⁹.

Налицо сопоставление двух совершенно разных отрезков времени и двух рядов цифр, выражающих стоимость валовой продукции в разных ценах. Нельзя признать правомерным и сравнение *всей* дореволюционной промышленности России *только с тяжелой* индустрией СССР. Тем не менее точно таким же образом Цагурия сопоставил динамику роста тяжелой индустрии СССР со всей промышленностью США. На самом деле сравнивать надо было тяжелую индустрию СССР с аналогичным кругом предприятий России или США, тем более что на рубеже XIX—XX вв. и в России и в США производство средств производства по темпам роста шло впереди производства предметов потребления.

К сожалению, подобное отношение к статистическим материалам не было случайностью. Чтобы не быть голословным, рассмотрим две работы одного и того же автора, написанные с интервалом всего в два года. Речь пойдет о книгах известного экономиста Э. Ю. Локшина, посвященных по существу одной теме: истории промышленного развития СССР. Формально первая охватывала 1917—1932 гг., а вторая — период с 1928 по 1932 г., но фактически они построены одинаково, с привлечением, как правило, тех же самых материалов. Строго говоря, вторая работа может рассматриваться как расширенное и дополненное издание первой. Тем примечательнее трансформация ряда положений

⁴⁹ М. Цагурия. 15 лет тяжелой промышленности СССР. М., 1932, стр. 32.

ний, призванных показать степень индустриального развития страны. Для наглядности мы расположим данные Локшина в двух столбцах: в одном — из книги 1932 г., в другом — из работы, изданной в 1934 г. Картина примет такой вид (в %):

В книге 1932 г. ⁵⁰	В книге 1934 г. ⁵¹
Удельный вес промышленности в валовой продукции индустрии и сельского хозяйства	Удельный вес промышленности в валовой продукции индустрии и сельского хозяйства
в 1913 г. — 42,1	в 1913 г. — 35,5
в 1927/28 г. — 45,2	в 1928 г. — 51,0
в 1929/30 г. — 53,0	в 1930 г. — 63,4
Удельный вес тяжелой индустрии	Удельный вес тяжелой индустрии
в 1931 г. — 50,3	в 1930 г. — свыше 50
Удельный вес машиностроения	Удельный вес машиностроения
в 1931 г. — 12	в 1932 г. — более 21

Напрасно читатель будет искать причины столь разительных перемен в использовании автором новых, более полных или более достоверных источников. Ссылок во второй книге чаще всего нет, нет и никаких примечаний, даже намеков на отличие данных, приведенных в работе 1934 г., от ранее опубликованных. Не подлежит сомнению одно: в 1934 г. автор явно занижает уровень промышленного развития России в 1913 г. и проявляет чрезмерную поспешность в фиксации рубежей, достигнутых в процессе социалистической индустриализации. По его данным, уже в 1928 г. промышленность превалировала над сельским хозяйством (а не в 1929/30 г., как говорилось раньше), тяжелая индустрия превзошла по объему легкую в 1930 г., а не в 1931 г. и т. д.

Неизвестно, где брал такие «коррективы» Локшин, но мы знаем, откуда он черпал сведения о довоенной России. Источником была книга буржуазного экономиста В. И. Гриневецкого⁵². В ней автор рассматривает официальную статистику по пяти основным группам производств (горное дело, металлургическая промышленность, текстильная, пищевая, разные производства). Очевидная неполнота сведений не пугала Гриневецкого. Он поставил перед собой цель показать зависимость российской промышленности от зарубежного мира и возможность ее восстановления в советское время только с максимальной помощью иностранного капитала. Отсюда и тенденциозность автора, его отношение к статистике. Локшин социальную направленность подсчетов Гриневецкого отбросил, но его «цифры» взял без всяких

⁵⁰ Э. Ю. Локшин. Промышленность СССР за XV лет, стр. 80—83.

⁵¹ Э. Ю. Локшин. Промышленность СССР в первой пятилетке. М., 1934, стр. 17—19.

⁵² В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919.

оговорок. Конечно, можно было бы использовать подсчеты Воробьева, Струмилина, Баруна, сугубо официальные материалы, в том числе «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», дважды изданный в трех томах (в 1929 и 1930 гг.), но в них недвусмысленно освещалось развитие российской промышленности по восходящей линии до 1916 г. включительно, да и сведения за 1913 г. давались по более полному кругу производств. Для концепции, развиваемой Локшиным, больше подошли иные источники.

Что же побудило Локшина встать именно на такой путь? В начале 30-х годов в ряде работ прочно утвердился тезис о полукOLONIALном положении России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Обычным явлением стало всяческое подчеркивание технико-экономической отсталости страны, господства иностранного капитала в ее экономике.

Ныне, когда тезис о полукOLONIALной зависимости России стал уделом историографов, а социалистическая индустриализация освещается как этап, охвативший все довоенные пятилетки, нет нужды специально говорить об ошибочности позиций, на которых оказались авторы, преувеличивавшие слабость российского капитализма и искусственно ограничивавшие хронологические рамки индустриализации СССР.

А в начале 30-х годов положение было иным. Охарактеризованные просчеты немедленно сказались на общей методике отбора документов и их интерпретации.

Б. Блинков, например, в очерке по истории химической промышленности (изданном в 1932 г.) умолчал о развитии ее передовых отраслей — содовой, резиновой, коксобензолной, а крупное промышленное строительство и освоение производств в 1914—1916 гг. свел к «военной лихорадке». Произвольно сбросив со счетов большую группу наиболее современных заводов, не включая в подсчеты прирост, имевший место после 1913 г., он писал о «резко выраженном колониальном характере» химической индустрии России, уверял, будто к 1921 г. она совсем «выпала из промышленного организма страны»⁵³. Когда же дело дошло до подведения итогов первой пятилетки, автор в общую сумму продукции включил и ту, что приходилась на соду, резину и ряд других товаров, выпускавшихся крупными предприятиями, доставшимися нам в наследство от старой России⁵⁴.

Те же приемы и оценки находим мы в книге П. Н. Иванова о советской электротехнической промышленности: последняя-де до 1917 г. влачила жалкое существование, целиком зависела от западных монополий, по указке которых в районах Петер-

⁵³ Б. Блинков. Химическая промышленность СССР. Экономический очерк. М.—Л., 1932, стр. 55, 61.

⁵⁴ Там же, стр. 106.

бурга, Москвы и Прибалтики строились всего лишь цехи соответствующих иностранных предприятий без технической базы⁵⁵. В 1921 г. работники Главэлектро, обзревая прошлое и намечая ближайшие задачи, писали: «Период военного времени (1914—1917 гг.) являлся для электротехнической промышленности периодом наивысшего расцвета». Через 12 лет Иванов потребовал пересмотреть такую оценку. Он, правда, не отрицал увеличения производства в 1916 г. на 40% по отношению к 1913 г., но базисом во всех своих сравнениях оставлял довоенный уровень, восстановительный период считал реконструктивным; лейтмотив был один: «Советскую электропромышленность приходилось строить от начала и до конца заново»⁵⁶.

В 1940 г. вышел коллективный труд «Развитие советской экономики», давший самое обстоятельное для того времени освещение индустриального скачка, совершенного нашей страной в переходный период от капитализма к социализму. Авторы сумели привлечь для характеристики этого процесса большой статистический материал, касающийся всех отраслей промышленности, как тяжелой, так и легкой, как крупной, так и мелкой в сочетании с кустарно-ремесленным производством. Однако даже в этой работе индустриализация СССР сводилась (по времени) в одной главе к 1926—1929 гг., в другой — к 1929—1932 гг. Понимая, что подведение новой технической базы под все отрасли народного хозяйства нельзя отрывать от индустриализации, авторы и этот процесс подавали как в основном осуществившийся в годы первой пятилетки⁵⁷.

И в этой книге множество цифр приводилось без всяких ссылок на источник и без всяких указаний на их происхождение⁵⁸. Сведения сплошь и рядом не совпадали с данными официальной статистики⁵⁹. Такая же картина наблюдалась во многих работах.

Последнее не было случайностью, и объяснить его следует не общим состоянием статистических источников того времени, а самим подходом отдельных историков и экономистов к использованию цифровых материалов: им мешал не только метод иллюстративного употребления цифр, сказывалось также отсутствие должного опыта сопоставления статистических рядов; некоторые просто не видели различия между тяжелой и крупной промышленностью,

⁵⁵ П. Н. Иванов. Советская электротехническая промышленность (Очерк развития). М.—Л., 1933, стр. 7—9.

⁵⁶ «Русская электротехническая промышленность к началу 1921 г.». М., 1921, стр. 14; П. Н. Иванов. Указ. соч., стр. 27.

⁵⁷ «Развитие советской экономики». М., 1940, стр. 353.

⁵⁸ Там же, стр. 249, 250.

⁵⁹ «Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М., 1935, стр. 3; «Этапы экономической политики СССР». М., 1934, стр. 219; «Развитие советской экономики», стр. 279, 353; «Народное хозяйство СССР в 1958 г.». Статистический сборник. М., 1959, стр. 136—138.

забывали про разницу в календарном и хозяйственном годе, не учитывали индексы цен и т. п.

Сопоставимость данных нередко осложнялась изменениями в справочных изданиях. Так, до первой пятилетки статистика объединяла в одно целое лишь ценовые предприятия крупной промышленности дореволюционного состава. В первой пятилетке сюда включили и новые отрасли труда рыбной и лесной промышленности с предприятиями значительно меньшего масштаба. Менялся и круг учтенных категорий рабочей силы. До 1925 г. рабочие учитывались вместе с учениками и младшим обслуживающим персоналом, с 1926 г. в подсчет входили рабочие и ученики, с 1932 г. — только рабочие.

Вот, например, как уточнялись цифры, характеризующие рост валовой продукции фабрично-заводской промышленности в 1913—1928 гг. Если 1913 год принять за 100%, то, по данным «Пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР», 1927/28 год дал прирост на 26,6—27,4%⁶⁰. В книге «Итоги выполнения первого пятилетнего плана...» этот прирост, переведенный в цены 1926/27 г., составил уже 35,6%, а с учетом дополнительных данных — 43,8%⁶¹. Из этой же книги при самостоятельном пересчете мы получим еще один показатель — 53,1%⁶². Но и его придется несколько увеличить, если мы возьмем сведения, опубликованные в ежегоднике «Социалистическое строительство СССР»⁶³. Для сравнения скажем, что впоследствии в статистическом сборнике «Промышленность СССР» (изданном в 1957 г.) прирост валовой продукции крупной (т. е. фабрично-заводской) промышленности в 1913—1928 гг. определен в 52%⁶⁴.

Изменения претерпевало и деление производств на тяжелую и легкую индустрию (группы А и Б). Пока, например, резиновые заводы выпускали преимущественно галоши и другие предметы ширпотреба, они входили в группу Б. С начала 30-х годов при дальнейшем увеличении выпуска продукции для населения основной массой товаров на этих заводах стали изделия для народного хозяйства (автопокрышки, камеры, резиновые прокладки, рукава и т. д.), и вся отрасль перешла в группу А.

Однако в публикациях такие перемены не всегда улавливались; для их установления требовалась дополнительная обработка материалов ЦСУ. Сравним два сборника — «СССР за 15 лет» и «Промышленность СССР». В первом продукция группы А за 1928 г. оценена в 6,9 млрд. руб., во втором — в 7,7 млрд. руб.;

⁶⁰ «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. I. М., 1929, стр. 144—145.

⁶¹ «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». М., 1933, стр. 57.

⁶² Там же, стр. 255; подсчитано по данным табл. 5.

⁶³ «Социалистическое строительство СССР». Статистический ежегодник. М., 1935, стр. XX—XXI.

⁶⁴ «Промышленность СССР». Статистический сборник. М., 1957, стр. 31.

большая разница и по отраслям группы Б, хотя в обоих сборниках цены взяты одни и те же. По-разному даются и численность рабочих, и выработка продукции в расчете на одного человека. Струмилин, пытавшийся впоследствии определить по этим сборникам рост производительности труда в 1928—1932 гг. по группе А, вынужден был назвать три величины: 153,1% — цифра, опубликованная в сборниках; 148,6% — результат, получившийся с учетом изменения цен, индекс которого был известен; 134,7% — самостоятельный вывод Струмилина, сделанный на материалах этих же книг⁶⁵.

Естественно, те ученые, которые подобно С. Г. Струмилину, в полной мере овладели всей совокупностью статистических источников, известных в то время, выпустили исследования, в основе своей свободные от указанных выше недостатков. Изданные во второй половине 30-х годов монографии А. Аракеяна, М. В. Колганова, И. И. Кузьмина, Д. Д. Мишустина, Ш. Турецкого и ряд других работ содержали интересный цифровой материал, извлеченный из опубликованных справочников ЦСУ и архивных документов, об индустриальном развитии СССР не только в период первой, но и в период второй пятилеток⁶⁶. Перечисленные авторы первыми показали, как в 1933—1937 гг. завершалась техническая реконструкция народного хозяйства, проходившая под знаком борьбы за освоение новой техники, созданной главным образом на советских предприятиях, которые были построены в ходе социалистической индустриализации. Сравнивая отдельные этапы этого процесса, они отметили, что в годы первой пятилетки одновременно практически произошло удвоение основных производственных фондов, числа рабочих и служащих в промышленности и объема валовой продукции, а в 1933—1937 гг. общее увеличение продукции в 2,2 раза было достигнуто в результате резкого увеличения энерговооруженности и производительности труда при расширении числа занятых примерно лишь на четверть. Вытеснение экстенсивных методов ведения хозяйства было оценено в качестве отличительной черты достигнутой степени индустриализации.

Введенные в оборот данные свидетельствовали о значительном сближении темпов роста тяжелой и легкой промышленности, а также о заметном улучшении качественных показателей работы всех ведущих отраслей группы «А» и группы «Б». В результате промышленности в целом не просто стала рентабельной, но и начала производить свыше половины национального дохода страны⁶⁷.

⁶⁵ Первый сборник вышел в Москве в 1932 г., второй — в 1936 г.

⁶⁶ А. Аракеян. Основные фонды промышленности СССР. М., 1938; М. В. Колганов. Национальный доход. М., 1940; И. И. Кузьмин. Стахановское движение — высший этап социалистического соревнования. М., 1940; Д. Д. Мишустин. Внешняя торговля и индустриализация СССР. М., 1938; Ш. Турецкий. Себестоимость и вопросы ценообразования. М., 1940.

⁶⁷ Подробнее об этом см. нашу статью «Индустриализация СССР в годы второй пятилетки (1933—1937 гг.)». — «Вопросы истории», 1973, № 3.

Такой анализ статистических материалов был важным шагом вперед в освещении интересующей нас темы, он обогащал прежнее представление о сроках, темпах и масштабах промышленного преобразования нашей страны, о политике социалистической индустриализации, развернувшейся после XIV съезда ВКП (б) и претворенной в жизнь в результате героического осуществления довоенных пятилеток. И именно поэтому перечисленные труды не утратили научного значения по сей день.

Ныне опыт превращения СССР в мощную промышленную державу изучается как никогда глубоко и разносторонне. Особым вниманием пользуются вопросы, характеризующие начало этого процесса, его исходные рубежи и основные этапы, само существо первой в истории человечества социалистической индустриализации.

Вполне понятно, что всесторонний анализ таких проблем невозможен без привлечения работ, в которых эти проблемы ставились и решались впервые. За последние 10—15 лет написано немало статей и книг, где во вводной части воздается должное трудам Струмилина, Баруна и др. Нельзя, однако, не заметить, что лишь в виде исключения выходят исследования, в которых интересные подсчеты этих авторов, отсутствующие в официальных справочниках, используются для изучения исторических явлений, для обобщающих выводов.

Это следует учитывать при дальнейшем изучении истории социалистической индустриализации, особенно ее начального этапа. Подобно тому как историографы считают своим долгом анализировать историко-экономические труды, изданные в 20—30-е годы, источниковеды могут и должны высказать свое отношение не только к официальным изданиям ЦСУ того времени, но и к работам историко-экономического плана, в которых содержатся многочисленные сведения, статистические материалы, и тогда, и теперь рассматриваемые в качестве источника. Именно источниковеды должны показать, что есть ценного в такого рода исследованиях, какие конкретно сведения могут быть из них взяты в настоящее время. Появление таких источниковедческих работ позволит расширить круг ныне известных источников, необходимых для создания новых трудов по истории социалистической индустриализации СССР.

К ВОПРОСУ О ПОДБОРЕ И ОБРАБОТКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Н. М. Дружинин

Проблемы источниковедения привлекают к себе все большее внимание советских историков. Как подбирать источники для изучения намеченной исследовательской темы? Как анализировать и обобщать источники для получения достоверных и точных выводов? Каким методическим предложениям о подборе и изучении источников отдавать предпочтение перед всеми другими? Все эти вопросы составляют содержание специальных учебных пособий, лекционных курсов, журнальных статей и крупных монографий. Разрешению выдвинутой задачи должны помочь обмен исследовательским опытом, проверка теории практикой, сопоставление разных применявшихся методических приемов. Поэтому следует приветствовать инициативу Сектора источниковедения Института истории СССР, который обратился к различным ученым с просьбой поделиться своими наблюдениями над собственной источниковедческой работой.

Занимаясь преимущественно историей XIX в., я ограничусь опытом своей работы над источниками, относящимися именно к этому, более близкому к нам периоду.

* * *

Наши исторические исследования можно разделить на две основные категории: в первую входят работы на темы, предложенные научным институтом или кафедрой (таковы разделы и главы коллективных трудов, записки на специально заданные темы и пр.); ко второй категории принадлежат статьи и монографии, написанные на темы, предложенные самими авторами или добровольно написанные и опубликованные ими сверх плана. В обоих случаях главными, определяющими критериями для выбора темы служит степень ее научной актуальности и изученности. Когда в 1925 г. я выбирал тему своей первой диссертации «Декабрист Никита Муравьев», мною руководили три основных мотива: 1) повышенный интерес к движению первых русских революционеров, широко распространенный в связи со

столетней годовщиной восстания декабристов; 2) отсутствие какого-либо исследования о жизни и деятельности одного из руководителей Северного общества; 3) желание в форме политической биографии достигнуть максимальной конкретизации в освещении революционных течений начала XIX в. Позднее, в 1933 г., выбирая тему докторской диссертации «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», я исходил из аналогичных мотивов: 1) важнейшей задачей советского историка является изучение жизни трудящихся масс, 2) о государственных крестьянах нет ни одного крупного исследования, а многие читатели исторических трудов даже не знают о существовании в условиях крепостного права многочисленной категории «свободных сельских обывателей». Когда в 1959 г. я приступил к изучению пореформенной деревни 1860—1870-х годов, я учитывал не только важность этого неизученного периода в жизни русского крестьянства, но также необходимость поставить и разрешить проблему отсталости сельского хозяйства в переходные годы от феодального строя к капиталистическому.

Конечно, намечая тему для будущего исследования, необходимо предварительно проверить, имеются ли в наличии соответствующие источники, каков их объем и, следовательно, сроки выполнения предстоящей работы. Поэтому, приступая к своему труду, историк должен произвести предварительную разведку — ознакомиться с литературой данного вопроса и установить, имеются ли печатные издания нужных источников и дополняющие их архивные фонды. Предварительное изучение научной литературы я считаю необходимым с двух точек зрения: как правило, оно знакомит исследователя с ранее использованными источниками и, с другой стороны, помогает уяснить себе проблематику темы. Только при этих условиях ученый в состоянии дать себе отчет, какие проблемы были поставлены, разрешены и не требуют пересмотра, какие были поставлены и разрешены, но не соответствуют современному уровню исторической науки и, наконец, какие выпали из поля зрения предшествующих историков. В настоящее время в распоряжении историков имеются разнообразные библиографические указатели, которые помогают ученому на этой первой стадии исследовательской работы: изданы общие и специальные справочники, ежемесячно выходят бюллетени Института научной информации Академии наук СССР, при библиотеках общесоюзного значения созданы справочно-библиографические бюро и т. д. Тем не менее и 60 лет назад, когда я впервые приступал к научно-исследовательской работе, существовали хорошие справочники, которые не потеряли и до сих пор своего подсобного значения (в виде примера укажу «Русскую историческую библиографию» В. И. Межова и «Библиографию финансов, промышленности и торговли со времен Петра Великого по настоящее время (с 1714 по 1879 г. включительно)» С. И. Каратаева). Я лично предпочитал в дополнение к этим изданиям производить

самостоятельные розыски в общих каталогах крупных библиотек, особенно Московского университета и Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, где хранится немало ценных изданий первой половины XIX в.

Только овладев научной литературой по избранной теме, имеет смысл приступать к поискам архивных источников. И здесь, в области архивоведения, в советское время достигнуты большие успехи: изданы путеводители центральных архивов, систематические обзоры архивных фондов, а частично и подробные описания документов по многим темам (в этом отношении следует отметить важную инициативу рукописных отделений Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и ленинградской Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Однако ученому, разрабатывающему крупную тему, нельзя ограничиться этими изданиями. Когда я приступал к работе над монографией «Декабрист Никита Муравьев», я предварительно изучил все машинописные указатели архивных дел в разных хранилищах, сосредоточенные в специальной Комиссии по празднованию 100-летия восстания декабристов; когда я разрабатывал тему о государственных крестьянах, мне удалось ознакомиться не только с печатной описью V Отделения с. е. и. в. канцелярии, но также с неизданными описями различных фондов Министерства государственных имуществ. Во всяком случае ни один исследователь не может написать удовлетворительной работы по архивным материалам, если предварительно не изучит архивных описей соответствующих учреждений, не обследует возможно полнее архивные фонды крупнейших библиотек и музеев. Кроме того, мне всегда помогали устные консультации знатоков архивных фондов, таких как С. Н. Валк, А. А. Шилов, М. Ахун и др.

Таким образом, не состояние источников определяло выбор моих тем, а, наоборот, намеченная тема определяла поиски необходимых источников.

Особую категорию исторических работ составляют специальные исследования об отдельных источниках. Классическим примером такой источниковедческой темы является «Русская Правда» — памятник древнерусского права, о котором накопилась огромная научная литература. Историкам СССР нового времени тоже приходится обращаться к подобным темам; они играют крупную роль в экскурсионной и музейной работе, а иногда становятся предметом специальных монографий при разработке более широких проблем. В 1920-х годах, когда я работал экскурсоводом, широким распространением пользовались образовательные экскурсии в подмосковные усадьбы, превращенные в художественные и бытовые музеи, — Кусково, Архангельское, Коломенское, Царицыно и др. Для того чтобы сделать экскурсию не только популярной, но и научной, обогащающей туристов общими историческими знаниями, надо было предварительно изучить избранный

объект, историю его происхождения и развития, условия жизни его владельцев, ценность сохранившихся памятников, их связь с исторической эпохой и т. д.¹ Иногда такая работа перерастала в большое научное исследование и приводила к самостоятельным ценным выводам. В числе таких объектов, которые я показывал экскурсантам, была подмосковная усадьба Никольское-Урюпино, расположенная в 5 километрах от Архангельского князей Юсуповых. Раньше владельцами обеих усадеб были потомки знаменитого «верховника» Дмитрия Михайловича Голицына, который в 1730 г. во главе группы влиятельной знати ограничил «кондициями» власть императрицы Анны Иоанновны. В начале XIX в. богатство князей Голицыных значительно сократилось, Архангельское пришлось продать Н. Б. Юсупову и переселиться в соседнее Никольское-Урюпино вместе со всей обстановкой покинутого имения. Как объект экскурсий Никольское-Урюпино имело важное преимущество перед другими усадьбами: наряду с сохранившимся ансамблем барских домов, художественным убранством, портретной галереей XVIII—XIX вв. здесь сохранилась Bibliotheka Archangelina (Архангельская библиотека) Д. М. Голицына с ценными изданиями XVIII в. Сохранились «версальский» и «английский» парки и, что особенно важно, другой ансамбль — дворовые здания крепостной эпохи, начиная с вотчинной конторы и кончая амбарами, кухнями, прачечными, «людскими» и т. д. Открывалась возможность развернуть перед экскурсантами широкую картину крепостного хозяйства и быта. Подбирая литературу, я особенно заинтересовался «Записками» историка С. М. Соловьева, который в студенческие годы жил в Никольском-Урюпине в качестве преподавателя детей М. Н. Голицына (другим преподавателем был немецкий поэт и путешественник Ф. Боденштедт, известный своими переводами на немецкий язык произведений Пушкина, Лермонтова и Тургенева). Соловьев характеризовал Голицыных как офрануженную, внешне культурную семью, что подтверждалось всей обстановкой и художественными ценностями усадьбы. Я узнал, что в Никольском-Урюпине сохранился фамильный архив, и в течение летних месяцев 1924 г. с интересом разбирался в уцелевших бумагах: межевых описях, приходо-расходных книгах, переписке с родными и знакомыми и т. д. Передо мной развернулась история постепенно скудеющей дворянской фамилии, которая пыталась спасти свое обеспеченное положение в условиях возникающего буржуазного строя. То, что писал Пушкин о переменах в Москве 1830-х годов, переживали и дворянские усадьбы: князь Голицын открыл в своем имении суконную мануфактуру, но она не дала ему большой прибыли и была ликвидирована. Помещичье хозяйство тоже не обеспечивало растущего расходного бюджета.

¹ Так возникло ценное издание «Культурно-исторические экскурсии» под ред. Н. А. Гейнике [М.], 1923.

Привычки старого барства мешали приспособлению к выросшим потребностям жизни: переселившись в Никольское-Урюпино, владелец запустил значительную часть пашни под лесные заросли, подражая шотландским графам, которые превращали пахотные поля в охотничьи заповедники. Таким образом, данные усадебного архива помогали расширить и углубить социологические комментарии в моей экскурсии. Яркое впечатление от золотого зала Белого дома, где танцевали знатные гости, не исключая членов царской фамилии, перемежалось с реалистической картиной прозаических будней угасающего дворянского рода.

Не менее важное значение имеет научное исследование и описание музейных экспонатов. В 1925 г., когда отмечалось столетие восстания декабристов, в Музей Революции СССР поступила из Архива Октябрьской революции коллекция масонских знаков декабриста П. И. Пестеля: «запоны» (передники), нашейные ленты, перевязи, нагрудные знаки и пр. Возникал вопрос, имеют ли эти предметы какую-нибудь связь с революционной историей тайного общества? Могут ли они быть использованы в качестве наглядной вещественной реликвии революционной борьбы? В качестве ученого секретаря музея, я поставил своей задачей разрешить эти вопросы. В бумагах Следственной комиссии, хранившихся в АОРе, я нашел патенты и обрядники масонских лож «соединенных друзей» и «сфинкса», врученные Пестелю, а коллекция письменных документов о масонстве в рукописном отделении Ленинской библиотеки ввела меня в историю русского масонства начала XIX в. Сопоставляя масонские знаки Пестеля с этими данными и с показаниями декабристов на следствии, я получил возможность прийти к определенным научно обоснованным выводам. Передо мной раскрылся обдуманый план Пестеля и его ближайших сторонников облечь боевую строго замкнутую организацию в полулегальные формы «иоанновского» и «шотландского» масонства. Этот план дал определенные результаты, но был отброшен вследствие внутренних разногласий в тайном обществе и сопротивления со стороны консервативно настроенных масонов. Анализ вещественного источника и в данном случае помог расширить и углубить сведения о масонстве декабристов, опубликованные В. И. Семевским и Тпрой Соколовской². Впоследствии мне приходилось давать подобные же описания разнообразных экспонатов, переданные мною в копиях в Институт краеведения и музееведения³.

Источниковедческому анализу мне приходилось подвергать и письменные документы, выясняя их происхождение, степень их достоверности и социально-политическое значение. В 20-е

² Н. Дружинин. Масонские знаки П. И. Пестеля.— «Музей Революции СССР». Сборник статей, 2. М., 1929.

³ О значении таких описаний см.: А. М. Разгон. Научное описание музейных предметов. М., 1955.

годы, состоя секретарем секции декабристов при Обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, я нередко бывал у Евгения Евгеньевича Якушкина, внука известного декабриста. В его фамильном архиве хранились неопубликованные записи С. П. Трубецкого, избранного диктатором восстания 14 декабря 1825 г. Сопоставляя их с другими уже изданными воспоминаниями того же декабриста и с показаниями членов тайного общества и самого автора, данными на следствии, я пришел к выводу, что перед нами обдуманная попытка самооправдания, явно недостоверная и в то же время дающая искаженное умеренно-либеральное освещение всей истории революционного заговора⁴.

В практике моей исследовательской работы я никогда не испытывал недостатка в источниках для изучения намеченной темы. Наоборот, материалов было так много, что приходилось производить отбор наиболее ценных и выразительных документов. Я считал и считаю, что существует два основных критерия подобного отбора: с одной стороны, принципы марксистско-ленинской методологии, с другой — сложившаяся в моем сознании проблематика темы. Писал ли я биографию Н. М. Муравьева или прослеживал историю государственного крестьянства, мне всегда было ясно, что изучаемое явление необходимо раскрыть в процессе его непрерывного закономерного развития, что надо рассматривать его не изолированно, а в опосредствовании других важнейших фактов эпохи, что коренными, конечными причинами событий и отношений являются базисные экономические процессы и что сами эти процессы в известной степени подвергаются обратному воздействию политических, правовых и идейных сдвигов. Мне было также ясно, что нельзя ограничиваться установлением взаимосвязанных фактов, а необходимо дать им определенную историческую оценку. Такая оценка должна была вытекать из общего понимания исторического процесса, из той характеристики прогрессивного движения человечества, которая дана в произведениях классиков марксизма. По моему убеждению, не предвзятая точка зрения, под которую подгоняются произвольно вырванные факты, а обобщающие выводы из конкретного материала должны быть основой принципа партийности в науке.

Надежной основой партийной политики служат достоверные научные выводы, — именно этим научный социализм отличается от социализма утопического. Непрерывные и целеустремленные поиски объективной научной истины, максимально приближающейся к реальной действительности и непрерывно проверяемой практикой, — единственное орудие для сознательного руководства общественной жизнью.

⁴ Н. Дружинин. С. П. Трубецкой как мемуарист. — «Декабристы и их время», т. II. М., 1932.

Соответственно этим методологическим нормам должна быть очерчена проблематика каждой темы. Когда я писал свою первую диссертацию, я стремился показать социально-экономические предпосылки движения декабристов, процесс формирования их идей и в первую очередь общественных взглядов Никиты Муравьева, их классовый характер, процесс их изменений и воплощение этих взглядов в главном произведении декабриста — проекте его конституции. Этот проект должен был занять центральное место в монографии: его источники — жизненные наблюдения и политическая литература, этапы его развития, борьба вокруг его вариантов, их постепенная модификация — должны были найти объяснения не только в фактах русской действительности, но и в международной обстановке эпохи. Историческая оценка деятельности Н. М. Муравьева должна была опираться на всю совокупность собранных фактов, но руководящим критерием этой оценки должны были служить политические результаты его жизни и деятельности. Тем самым определялся угол зрения исследователя: Никита Муравьев должен был раскрыться перед читателем прежде всего как политический деятель, как представитель революционного течения, как выразитель интересов определенной прослойки дворянского сословия. Вот почему из большого фамильного архива Муравьевых и Бибиковых я отбирал и анализировал те документы, которые отвечали на поставленные мною вопросы, оставляя в стороне все постороннее и второстепенное. Согласно моему замыслу, я писал не просто биографию живого лица, гвардейского офицера, любящего семьянина со всеми подробностями его быта и взаимных отношений с людьми; я писал научное исследование о крупнейшем деятеле революционной декабристской организации. Поэтому на моем столе лежали хозяйственные акты его семьи, литературно-политические наставления отца Н. М. Муравьева, учебные тетради его отроческих и юношеских лет, его размышления о русской истории, его напечатанная статья о Суворове, его переписка с матерью, где отразились политические взгляды различных периодов его жизни. Я сопоставлял проект его конституции с действующими конституциями Западной Европы и Америки и критическими замечаниями других декабристов. Следственные дела о деятельности тайного общества были важнейшим источником для характеристики мировоззрения и действий руководителя Северного общества. Из документов сибирского периода меня интересовали не описания личной жизни, а письма к матери, посылавшиеся с нарочным, тайком от правительственных чиновников; они отражали отношение Никиты Муравьева к политике Николая I, так же как его записка по истории тайного общества и его проекты радикальной революции русского транспорта с использованием многочисленных рек и озер. Именно эти систематически отобранные источники помогли мне сделать обобщающий вывод о буржуазной основе социальных и политических взглядов изучаемого декабриста.

Таковыми же критериями я руководился при исследовании реформы П. Д. Киселева. Меня мало интересовали повторяющиеся бумаги бюрократической делопроизводственной переписки. Передо мной стояла задача выяснить хозяйственные и политические предпосылки задуманного преобразования, экономическое и правовое положение государственной деревни, предшествующие дворянские правительственные проекты ее переустройства, классовая и фракционно-дворянская борьба, связанная с кризисом феодальной формации. Под этим углом зрения я старался анализировать содержание изданных законов и дополнительных новелл П. Д. Киселева. Не в меньшей степени, с моей точки зрения, требовал подробного изучения вопрос о реализации реформы, ее практических результатах и влиянии на последующие проекты отмены крепостного права. Такая проблематика темы требовала от меня не только детального использования Полного собрания законов и министерских циркуляров, но также архивных материалов об их подготовке и проведении в жизнь; в равной мере для меня были важны сведения о реакциях крестьянства, помещиков и правительственных верхов на проводимую реформу. Особенно крупное значение приобретали в моих глазах хозяйственно-статистические материалы оценочных комиссий, отчеты о многочисленных ревизиях и донесения с мест о массовых волнениях государственных крестьян 30—50-х годов XIX в.

По мере накопления и пристального изучения источников исследователь всесторонне ориентируется в теме, мало-помалу у него складываются концепция будущей монографии и одновременно намечается последовательность и взаимные пропорции ее плана. Составление такого плана, сначала краткого, затем развернутого, я всегда считал предварительным условием систематизации собранного материала. Органическое сочетание конкретных фактов и вытекающих из них выводов дает возможность еще раз проверить, какие стороны изученного явления необходимо выдвинуть на первый план, а какими пожертвовать. Систематизация материала, соответствующая выношенной концепции и составленному плану,— решающий этап исследовательской работы. Когда изученные и проверенные источники последовательно подобраны по главам и параграфам, взаимно связаны основной руководящей мыслью — создана прочная опора для литературного оформления всей монографии.

Я считаю нецелесообразным начинать работу над текстом монографии раньше, чем завершён сбор материалов, другими словами, раньше, чем подобраны и продуманы все источники, раньше, чем сознание исследователя созрело в ясное и всестороннее представление о целой работе. Такое писание монографии или статьи отрывочно, по частям, было бы равноценно постройке здания без архитектурного плана, без учета взаимного соотношения отдельных частей будущего сооружения. Однако отсюда не следует, что автор должен воздерживаться от письменного за-

крепления и общих выводов по мере изучения наиболее важных источников. Такие черновые наброски — прекрасный вспомогательный материал при выработке концепции и составлении плана. Больше того, некоторые стороны изучаемой темы могут составить предмет предварительных эскизов в форме статей и докладов (крупные полотна художников не могут быть созданы без таких эскизов). Работая над первой и второй диссертациями, я читал такие доклады и печатал предварительные статьи (например, о происхождении и вариантах конституции Н. Муравьева, о государственной деревне центрального промышленного района 40—50-х годов XIX в.)⁵. Выслушать мнение специалистов, задуматься над их критическими замечаниями, проверить собственные выводы бывает важно в ходе исследовательской работы.

Я думаю, что выработанная мною методика собирания источников и установление последовательных этапов этого процесса имеет большие преимущества: она обеспечивает более сосредоточенное и вдумчивое изучение материала и освобождает время от составления неудачных бракуемых вариантов. Соблюдение данной методики помогает быстрее и легче работать над текстом монографии или статьи: автор хорошо представляет себе, что он должен писать и как он должен писать.

Если исходить из указанных критериев собирания материалов, то в сущности каждый момент этой работы будет «целенаправленным» поиском. Правда, бывают случаи особенно настойчивого и трудного восполнения имеющихся пробелов, когда намеченные и исследованные фонды не могут удовлетворить стремления разрешить ту или иную проблему. Исследователю приходится применять необычные приемы, изобретать особые способы, непривычные при собирании письменных памятников. Я мог бы привести два подобных примера. Выясняя мировоззрение Никиты Муравьева, я убедился в недостатке данных о формировании его политических взглядов. Мне было важно узнать, какие книги он читал и как он воспринимал их содержание. Семейный фонд почти не давал на это ответа. К счастью, я нашел в этом фонде справку о том, что после смерти Никиты Муравьева его мать Екатерина Федоровна пожертвовала библиотеку своего мужа и сына Московскому университету. Я заказал себе отчеты университета за 1840-е годы и в одном из них нашел точное указание на пожертвование Е. Ф. Муравьевой; в нем содержалась подробная характеристика старинных рукописей и изданных книг разных столетий на различных древних и новых языках. Как известно, позднее пожертвования подобного рода (И. И. Янжу-

⁵ *Н. Дружинин*. Конституция Никиты Муравьева. (Происхождение и различия вариантов). — «Декабристы и их время», т. I. М. [1928]; *Н. М. Дружинин*. Государственная деревня Центрального промышленного района в 40—50-х годах XIX в. — «Доклады и сообщения Института истории», вып. II. М., 1956.

ла, В. Ф. Лугинина и пр.) завершались созданием в университетской библиотеке особых именных фондов, но в данном случае этого не было сделано. Администрация библиотеки ответила мне, что фонда Муравьевых не существует и о подобном пожертвовании ей ничего не известно. Тогда я прибегнул к целенаправленным поискам недостающего источника. Нетрудно было предположить, что Никита Муравьев был воспитан на французской просветительной литературе XVIII в.; нужно было разыскать книги этого направления, которые могли сохранить на себе отметки о принадлежности их Муравьевым. Я начал выписывать из общего университетского каталога заглавия наиболее крупных сочинений эпохи европейского Просвещения. Мой стол был завален огромным количеством книг издания XVIII — начала XIX в., иногда в нескольких экземплярах. Здесь были не только французские сочинения (Монтескье, Руссо, Детю-де-Траси, Бенжамена Констан, Ланджюине и др.), но и английские (Бентама, Блекстона, Адама Смита) и итальянские (Альфиери, Беккария, Филянджиери), и немецкие, и в меньшей степени русские, например, шесть томов сочинений Радищева. Рядом лежали разнообразные сборники западноевропейских и американских конституций. Большая часть этих книг была издана после смерти отца Никиты Муравьева, т. е. приобретена самим декабристом. Перебирая извлеченные экземпляры, я вполне достиг поставленной цели: на оборотной стороне переплета некоторых из них красовался экслибрис с изображением фамильного герба Муравьевых и надписью «Из книг М. Н. и Н. М. Муравьевых, пожертвованных К. Ф. Муравьевой». Перелистывая эти сочинения, я находил на полях знакомый почерк Никиты Муравьева, отразивший работу его политической мысли. Передо мной раскрывалась внутренняя лаборатория его систематического и настойчивого труда, направленного на осмысление революционных событий конца XVIII — начала XIX в. Я мог воспользоваться найденным материалом, дать более полное и точное освещение формирования его взглядов⁶. О своих находках я сообщил администрации университетской библиотеки и указал на желательность выделить найденные 154 книги в специальный фонд, посвященный памяти декабриста. Библиотека последовала моему совету, а ее научные сотрудники продолжили начатую мною работу. Несколько лет назад в Доме ученых был прочитан доклад одной из сотрудниц о дополнительно найденных книгах Н. М. Муравьева и его личных заметках политического содержания.

Другой формой успешного «целенаправленного поиска» является устный опрос участников или очевидцев тех или иных событий. В Музее Революции СССР, где я работал в 1924—1934 гг., такой метод особенно широко применялся старшей научной

⁶ Н. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев, стр. 78—83, 297—302.

сотрудницей О. А. Ивановой. Заранее, на основе данных литературы, архивных источников, личных впечатлений и воспоминаний выработывалась тщательно продуманная анкета, составлялись списки опрашиваемых лиц, которые в определенные дни приглашались на заседания; каждый участник революционного события или подпольного начинания излагал свои воспоминания, остальные участники дополняли его показания или исправляли его ошибки. Другими словами, здесь применялся наиболее эффективный прием собирания и проверки необходимых сведений, который впервые применил в конце 1870-х годов пионер земской статистики В. И. Орлов. Так в течение многих заседаний были собраны ценные сведения о декабрьском вооруженном восстании 1905 г. на Пресне и о Военно-техническом бюро Московского комитета РСДРП, подготовлявшем под руководством известного профессора-астронома П. К. Штернберга новое боевое выступление. Особенно ценными были результаты второго анкетного опроса: деятельность Военно-технического бюро была строго законспирирована, царские власти ее не раскрыли, и о ней не сохранилось почти никаких источников, кроме личных воспоминаний. Результаты опросов участников бюро были настолько важными, что они послужили темой не только печатных статей, но и кандидатской диссертации О. А. Ивановой, защищенной в 1945 г. в Академии наук СССР⁷.

Мне лично приходилось применять метод устных опросов, когда я работал в Музее Революции СССР. Предприняв изучение истории механического завода Носенковых в революции 1905—1907 гг., я одновременно извлекал сведения из приходо-расходных книг этого предприятия, хранившихся в Московском областном архиве, и опрашивал рабочих завода, участвовавших в революционном движении. Сочетая данные об экономическом положении завода и сведения о классовой борьбе, я отразил итоги проведенной работы в тезисах, представленных музею. В 1930 г. Истпарт Пролетарского района г. Москвы предложил мне написать историю бывшей Рогожско-Симоновской большевистской организации 1906—1916 гг. Личные воспоминания я соединил со сведениями Рогожско-Симоновского истпарта и прочел свою работу на двух заседаниях уцелевших участников этой подпольной организации. Я просил собравшихся, преимущественно рабочих, внести дополнения и поправки, которые помогли мне полнее и достовернее довести до читателя сведения по намеченной теме. Так родилась моя книжка, изданная в 1931 г.⁸. Несколько раньше по предложению Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев я написал научно-популярную брошюру о чле-

⁷ О. А. Иванова. Очерки из истории боевых организаций большевиков в первой русской революции 1905—1907 гг. (рукопись).

⁸ Н. Дружинин. История Пролетарской (бывш. Рогожско-Симоновской) большевистской организации. 1906—1916 гг. М.—Л., 1931.

не исполнительного комитета «Народной воли» А. В. Якимовой. В основу этой биографии были положены не только правительственные документы и воспоминания народников, но и личный опрос А. В. Якимовой и отчасти В. Н. Фигнер⁹.

* * *

Для того чтобы собранные источники послужили надежной основой исследования, необходимо предварительно подвергнуть их критической обработке. Историк должен проверить подлинность и достоверность собранных данных, установить хронологические и топографические даты приведенных документов, извлечь из источников необходимые сведения, соответствующие задачам и проблематике темы. Одним из важных средств для достижения этих целей служит сопоставление накопленного материала с другими источниками, не только историческими, но и принадлежащими к сфере смежных общественных и естественных наук. Ни одна крупная работа не может стать убедительной, если она не содержит в себе наряду с историческими знаниями факты из области политической экономии, правоведения, географии. Подготавливая свои монографии и статьи, я старался использовать достижения смежных наук, чтобы расширить общий фон исследования и углубить его концепцию. Я не мог бы дать характеристики конституции Никиты Муравьева, если бы не знал истории политических идей и не владел методом юридического анализа; я не мог бы дать хозяйственного описания государственной деревни, если бы не знал географии различных районов и не умел оперировать категориями экономических наук. То же самое можно сказать об использовании данных вспомогательных исторических дисциплин. Разработка темы обычно предвзвешивается историографическим очерком и критическим обзором источников, этому правилу я и следовал в своих крупных работах; по ходу изложения мне приходилось прибегать к помощи генеалогии; составляя родословную Муравьевых, применять требования палеографии, разбираясь в почерках различных читателей и критиков конституции Н. Муравьева, наводить справки в метрологии; при анализе межевых актов, справляться с хронологическими таблицами и т. д.

Первым шагом при анализе отобранного документа является вопрос об его подлинности. Правда, при изучении истории XIX в., которой я преимущественно занимался, поддельных документов встречается меньше, чем в фондах предшествующих периодов; однако и здесь бывают случаи фальсификации, выдаваемой за находку подлинных источников. Мне уже приходилось останавливаться в печати на одной из таких подделок, предложенной

⁹ Н. М. Дружинин. Член исполнительного комитета партии «Народная воля» Анна Васильевна Якимова. М., 1926.

для напечатания издательству Сабашниковых. Это были увлекательные мемуары, приписанные культурной девушке дворянского круга Лаврентьевой, жившей в семье Никиты Муравьева. В ее воспоминаниях перед читателем проходили выдающиеся люди начала XIX в.—декабристы, писатели, музыканты, давалась характеристика их интересов, настроений, идей; сама мемуаристка оказывалась посвященной в планы революционного общества, сочувствовала их идеям, описывала различные сцены из жизни Муравьевых. Воспоминания были доложены на заседании секции декабристов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев; они произвели большое впечатление своей содержательностью и яркостью изложения. Редактор издательства готов был рекомендовать их к напечатанию. Я не был на этом заседании, но, когда ознакомился с текстом, сразу заметил, с одной стороны, модернизацию стиля, с другой — смешение в одном лице характерных черт другого персонажа (духовному облику Александра Муравьева, брата Никиты, были присвоены черты поэта Одоевского). Само происхождение рукописи вызывало сомнение в ее подлинности: нельзя было точно установить, каким образом этот оригинал попал в руки той старой дамы, которая передала его докладчице. Подробнее разбираясь в содержании документа, я заметил одну ошибку, которая окончательно убедила меня в произведенной подделке: в фамильном фонде Муравьевых хранилась собственноручная справка матери декабриста об его детях, родившихся до ссылки; кроме дочерей, у него был единственный сын Михаил, между тем в рукописи Лаврентьевой малолетний сын назывался Александром. Каким образом произошла эта ошибка? Я развернул I том следственного дела «Восстания декабристов» и посмотрел в послужной список; там значился по ошибке не Михаил, а Александр. Очевидно, автор рукописи опирался на печатные источники и, компоуя материалы следственного дела и мемуаров современников, дополнял их собственными вымыслами. После некоторых возражений и колебаний обладательница рукописи согласилась с моим выводом.

Гораздо чаще приходится проверять достоверность подобранных источников. Каждому известно, насколько субъективны издаваемые воспоминания, письма и дневники, насколько описание событий и лиц зависит от мировоззрения, характера, привычек и даже намерений автора, но известная степень субъективизма наблюдается и в правительственных документах, и особенно в публицистических сочинениях. Историкун необходимо учитывать эти приводящие влияния и степень достоверности сообщаемых фактов. Какими же критериями и приемами должен руководиться исследователь, производя эту предварительную работу? Я считаю, что исходным пунктом такого критического анализа должно быть выяснение вопросов, при каких условиях появился на свет разбираемый документ, кто его автор и насколько можно ему доверять, при каких обстоятельствах и в каких целях воз-

ник изучаемый источник? Здесь необходимо обследование и внешних сторон документа (бумаги, стиля, характера изложения), и его внутреннего содержания. Необходимо ответить на вопросы, насколько убедительны доводы в пользу достоверности факта, насколько вероятна возможность такого факта в данное время и в данной обстановке? При этом решающее значение имеет сопоставление критикуемого документа с другими, уже проверенными и принятыми исследователем. Приведу два примера из собственного опыта. Когда я работал над реформой Киселева и прослеживал ее применение на практике, наряду с официальными отчетами министерства я располагал материалами 183 ревизий, произведенных в различных губерниях. В донесениях командированных ревизоров 1830—1850-х годов раскрывалась вакханалия произвола, насилий, вымогательства, взяток, откровенного казнокрадства. Передо мной возникал вопрос, достоверны ли описанные факты и можно ли опираться на них в своих обобщениях? Некоторые историки утверждали, что я «слишком сгустил черные краски». Однако, вдумываясь в условия происхождения и последующей оценки изучаемых фактов, я все более убеждался в своем выводе о достоверности донесений ревизоров. Обыкновенно ревизии производились в результате неблагоприятных отзывов с мест, извлеченных из отчетов губернаторов, жандармских офицеров, анонимных доносов и многочисленных крестьянских жалоб. Ревизоры предварительно получали внимательно составленные инструкции и должны были не только проверять делопроизводство, но также объезжать губернию, знакомиться с деятельностью местной администрации и разбирать заявленные жалобы, иногда на сельских сходах. Многие ревизоры месяцами бывали в командировках, собирали многочисленные материалы и, обличая недобросовестных управляющих и окружных начальников, не боялись вступать в конфликты с местным начальством. Отчеты вернувшихся ревизоров составлялись конкретно и нередко приводили к смещению и даже преданию суду насильников, взяточников и казнокрадов. Сопоставление этих документов с воспоминаниями современников, в том числе чиновников Министерства государственных имуществ — и мелких, и крупных (например, В. А. Инсарского, академика К. С. Веселовского, товарища министра Д. П. Хрущова), еще более подтверждало достоверность развернувшейся передо мною картины. Министерство Киселева, созданное с благой целью улучшить экономическое и правовое положение государственной деревни, оказывалось неразрывной частью николаевской России в кризисный период разложения крепостного строя. Об этом говорили не только революционно настроенные деятели А. И. Герцен и Н. П. Огарев, но и консервативные лидеры славянофильского течения во главе с А. С. Хомяковым, отстаивавшие самобытность древних устоев. Но, может быть, самым разительным доказательством достоверности собранного материала были откровенные резолюции

самого П. Д. Киселева, который трезво смотрел на положение вещей и только утешал себя мыслью, что в конце концов время исцелит это вопиющее зло.

Бывают случаи обратного порядка: несмотря на субъективно безупречные мотивы авторов, приводимые ими факты оказываются недостоверными и требуют опровержения. Такие явления особенно часто повторяются в мемуарной литературе: ошибки памяти, неточность сообщенных сведений, а иногда намеренное преувеличение или принижение событий и лиц требуют от исследователя самой внимательной проверки. В связи с 20-летием революции 1905 г. Саратовский истпарт издал книгу, составленную активными участниками местной социал-демократической организации. Авторы пользовались не только личными воспоминаниями, но и материалами местных правительственных учреждений. В числе описанных фактов был один эпизод, в котором я принимал непосредственное участие и который хорошо сохранился в моей памяти. 25 июля 1905 г. на Зеленом острове, расположенном на Волге в стороне от города, накануне предполагавшегося черносотенного погрома состоялось собрание заводских организаторов и дружинников Саратовского комитета РСДРП. Здесь был разработан план организованной самообороны, все присутствовавшие разбиты на десятки, причем я был назначен руководителем одного такого десятка и получил задание дежурить с утра в городском сквере около собора и в случае попытки погрома собрать десяток и перейти в вооруженное контрнаступление. В книге этот эпизод был описан иначе: на собрании, которое проводили Дружинин и Самсонов, «было принято решение с помощью толпы произвести вооруженную демонстрацию, пытаясь разгромить прежде всего полицейское управление, а затем и правительственные учреждения»¹⁰. Ничего подобного не было. Сообщенный факт был явно недостоверным: боевая дружина была в это время слабой; без предварительного постановления комитета мы не могли принять такого решения; атаковать полицейское управление и другие учреждения с помощью безоружной толпы было бы бессмысленным. Очевидно, провокатор, втершийся в партийную организацию, намеренно сгустил краски, а, может быть, какой-нибудь молодой горячий партиец выдал свое желание за постановление собрания. О недостоверности факта я тогда же сообщил в Саратовский истпарт, а в 1968 г. сделал соответствующую оговорку в своих неопубликованных воспоминаниях, написанных по предложению саратовских историков.

Указанные критерии, достаточные для установления исторического факта, могут быть применяемы ко всем видам источников, но каждая категория сохраняет свои особенности и требует особых приемов. Когда мы критически анализируем прави-

¹⁰ «1905 год в Саратовской губернии (По материалам жандармского управления)». Сборник статей, вып. 1. Саратов, 1925.

тельствственные документы, чрезвычайно важно подвергнуть анализу их подготовку, выяснить мотивы, руководившие составителями законов и циркуляров, отделить субъективно окрашенную мотивировку от юридического содержания и практического значения изданного акта. Старые законы, особенно в XVIII в., уделяли немало места изложению событий и отношений, вызвавших данную правительственную меру. Если достоверен факт издания закона и циркуляра, то могут быть неверно изложены исторические факты, которые дали толчок к принятию закона или административного распоряжения. Публицистика и художественная литература, если они становятся объектом исторического исследования, требуют еще большего внимания к социально-политической позиции автора, к раскрытию его симпатий и антипатий, к степени его добросовестности в изложении фактов. Здесь многое может передаваться по слухам, тут нередко встречается намеренная ложь с целью скомпрометировать противника или возбудить читателя к желаемым действиям (такие приемы особенно широко практиковала реакционная пресса). Как правило, дневники, которые ведутся под свежим впечатлением событий, чаще всего для самих себя, а следовательно, более искренно и откровенно, субъективно достовернее, чем переписка. Письма тоже пишутся под свежим впечатлением пережитого, но они могут нести в себе черты невольного или намеренного искажения событий; надо хорошо знать, что представлял собой адресат переписки, какие взаимоотношения существовали между автором письма и его читателем, какими мыслями и чувствами руководился автор письма в своем обращении к другому лицу — желанием откровенно излить свою душу или стремлением воздействовать на психологию адресата, добиться от него определенной волевой реакции. Воспоминания заключают в себе еще более поводов для произвольного или сознательного искажения истины; они имеют преимущества перед правительственными и частными документами, дополняя их живыми красками, нередко увлекающая читателя своим изложением, но они требуют строгого анализа личности автора, его характера, привычек, намерений, душевного состояния в момент записи и т. д.

Вещественные памятники, найденные при раскопках археологами, так же как сохранившиеся предметы культуры и быта (здания, оружие, утварь, и пр.), как будто сами говорят за себя, но они требуют предварительной внешней обработки — реставрации, очищения от чуждых напластований и т. д. Однако для оценки достоверности этой категории источников необходимо их сопоставление с письменными документами. Только при этих условиях можно твердо установить обстоятельства и время их происхождения, их политическое и культурное значение, их взаимную связь с другими историческими явлениями. То же самое можно сказать об изобразительном материале — фотографиях, гравюрах, рисунках и пр., которые отражают реальную дей-

ствительность, но требуют не меньшего критического анализа, чем мемуары и литературные произведения.

Бывают случаи, когда опубликованные источники издаются небрежно, и это вводит в заблуждение исследователя. Конечно, выверить все публикации по архивным фондам, особенно иностранным или иногородним, — задача неосуществимая: она потребовала бы больше времени, чем подготовка текста самой монографии или статьи. Если историк сомневается в точности публикации, не доверяет издателю документа, а сам источник имеет в его глазах большое определяющее значение в исследовании, такая проверка, по-моему, обязательна. В качестве примера из собственной практики приведу свою рецензию на публикацию текста пушчинского варианта конституции Никиты Муравьева в сборнике «Декабристы», изданном в 1926 г. Всесоюзной библиотекой им. В. И. Ленина. Сличая эту публикацию с архивным документом, я обнаружил большое количество неточностей и грубых ошибок¹¹. К сожалению, отдельные ошибки имели место и в I томе издания Централрхива при публикации предшествующего варианта того же документа, извлеченного из дела С. П. Трубецкого, хотя в общем это издание в смысле точности почти безупречно.

То же самое надо сказать и о проверке аргументации своих предшественников, если она положена в основание собственных выводов. Если речь идет о монографии на специальную тему, исследователь должен сам ознакомиться с важнейшими источниками, строить свои выводы, даже совпадающие с мнениями предшествующих авторов, на первичном архивном материале. Но есть особая категория исторических работ, к которой неприменимо это требование. Наряду со специальными монографиями многие историки пишут обобщающие статьи, связанные с широкими проблемами исторического знания. Такие начинания очень важны, так как обобщающие выводы широкого охвата не только подводят итог многочисленным исследованиям, но и дают важное направление развитию исторической мысли. Время от времени в нашей среде возникают дискуссии по таким вопросам, как генезис феодальной и капиталистической формаций, условия образования народности и нации, периодизация исторического процесса, сущность и условия развития абсолютизма и т. д. Обыкновенно выступления историков по этим вопросам — устные и печатные — опираются на обширный материал историографии и источников, на десятки и даже сотни крупных и мелких работ, прочитанных и продуманных в течение длительного времени. Такая обобщающая работа, в которой выдвигается собственная выношенная концепция автора, приближается к типу специального лекционного курса или историографического обзора. Если у автора подобного исследования зарождается сомнение в досто-

¹¹ «Каторга и ссылка», 1927, № 7 (36), стр. 223—227.

верности источников, использованных его предшественниками, и в обоснованности их аргументации, он должен произвести проверку высказанных суждений. Но если историк доверяет авторам, на которых он делает ссылки, если у него не возникает сомнений в точности излагаемых фактов и выводов, требование предварительной источниковедческой проверки извлеченного материала отпадает в силу его явной неосуществимости и ненужности. Таким правилом я руководился в своих обобщающих статьях по крупным принципиальным вопросам.

Иногда раскрытие или уточнение исторического факта может быть достигнуто при помощи не только прямых, но и косвенных показаний источника. Отдельный штрих, мимолетное замечание, тот или иной оттенок мысли и речи могут явиться толчком для более полного и глубокого исследования изучаемого явления. Поясню эту мысль одним наглядным примером. В 1930-х годах, когда готовился III выпуск издания «Декабристы и их время»¹², Б. Е. Сыроечковский посоветовал мне просмотреть фамильный архив Якушкиных, который незадолго до того поступил в распоряжение Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Я последовал этому совету и нашел в разбираемом архивном фонде большое собрание бумаг, принадлежавших декабристу И. Д. Якушкину. Меня особенно заинтересовала организация сосланным И. Д. Якушкиным сибирской начальной школы, обучавшей детей по распространенному тогда ланкастерскому методу. В составе этих школьных материалов — отчетов, учебных таблиц, переписки с преподавателями и учениками — я нашел собственноручную философскую записку декабриста. Она не имела прямого отношения к школьным занятиям, а излагала его общие философские воззрения. Опираясь на открытия естествознания, автор ставил перед собой принципиальные проблемы о происхождении и сущности жизни. Полемизируя с Декартом, Якушкин характеризовал мышление как функцию «голого хребетного мозга», продукт высокоорганизованной материи; он развивал идею о непротяженных, качественно однородных, непрерывно движущихся «единицах» как субстанциях материального мира. Это была попытка теоретически обосновать понятие материального атома аргументами естественных наук. Судя по другим материалам, передо мной находился итог сосредоточенных сибирских занятий Якушкина вопросами философии и естествознания. Материалистическая тенденция записки не вызвала сомнений. Однако, вспоминая переписку декабриста с П. Я. Чаадаевым, я поколебался в своих выводах: я знал, что он отвергал мистические воззрения своего друга Д. А. Облеухова, но с горечью сознавался, что «лишен утешения молитвы и предоставлен самому себе». Я знал также, что в его камере в

¹² III выпуск не вышел в свет, а содержащиеся в нем статьи были опубликованы позднее в разных изданиях.

Петровском заводе висело изображение распятия. Это были косвенные показатели, которые сами по себе не решали вопроса о сущности мировоззрения декабриста. Впоследствии в своей кандидатской диссертации молодой философ Газенко категорически утверждал, что Якушкин был последовательным материалистом. Я решил поступить иначе: исходя из косвенных показателей переписки, постараться найти дополнительные источники. Они оказались в том же фамильном фонде: это были собственноручные выписки из Евангелия, которые составляли законченную систему христианской морали. Там же хранились письма сосланного декабриста из Сибири к матери его жены, Н. Н. Шереметевой, которые усилили мои сомнения. Вернувшись к философской записке Якушкина и внимательно вдумавшись в ее содержание, я убедился, что автор исходил, с одной стороны, из материалистических теорий конца XVIII — начала XIX в., с другой — из идеалистического учения Лейбница о монадах. Аргументация Якушкина была образцом эклектической философии, в которой отголоски боевого материализма XVIII в. переплетались с сильными пережитками идеалистических концепций. Я должен был сделать вывод, что Якушкин остался на перепутье между материалистическими построениями и религиозными теориями деизма. Такая же двойственность характеризовала социальные, политические и педагогические взгляды Якушкина, легшие в основание его сибирских занятий в ланкастерской школе. Таким образом, в результате косвенных показателей и посевных ими сомнений был раскрыт достоверный факт о сущности мировоззрения одного из членов тайного общества в сибирский период его жизни¹³.

Непосредственная работа с источниками служит для каждого историка основанием для выработки концепции, будет ли это крупная монография или эпизодическая статья, посвященная частной проблеме. Только исходя из накопленного и систематизированного материала источников, исследователь может решить выдвинутые вопросы и придать своим ответам логическую последовательность и стройность.

Изучая тот или другой источник, мы воспринимаем его в свете других привлеченных материалов и предшествующих исторических исследований. Но это восприятие может меняться вместе с движением исторической мысли и появлением новых, ранее не известных источников. Первоначально, когда я изучал конституцию Никиты Муравьева по печатным текстам ее различных вариантов, я приписывал изменение ее редакций исключительно самому автору проекта. Такое толкование источника отразилось в моих ранних лекциях и в научно-популярной брошюре, издан-

¹³ Н. М. Дружинин. Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа. — «Ученые записки Московского городского педагогического института», т. II. Кафедра истории СССР, вып. 1. М., 1941.

ной Обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев¹⁴. Позднее, когда я ознакомился с оригиналами архивных рукописей того же источника, я понял, что многочисленные поправки, вносившиеся в каждый из вариантов, были результатом критических замечаний членов тайного общества, что конституция читалась и неоднократно обсуждалась на заседаниях северян и что сам автор претерпел эволюцию политических взглядов под непосредственным давлением Пестеля и его последователей, с одной стороны, Рылеева и его сторонников — с другой. Эволюция проекта конституции была последствием эволюции взглядов Северного и отчасти Южного обществ. Таким образом, один и тот же источник предстал передо мной в другом свете; он оказался не изолированным произведением отдельной личности, а результатом коллективного творчества, постепенно оформлявшейся, но незаконченной программой Северного общества¹⁵. Гораздо важнее и серьезнее была перемена моих взглядов на законы 1838—1839 гг. об учреждении Министерства государственных имуществ и его местных органов. Когда в 1914 г. я писал свое дипломное сочинение о реформе Киселева, я дал определенное толкование этим актам. В противовес либеральной версии я рассматривал их как типичный продукт полицейского государства XVIII в., как попытку воскресить в условиях 30—40-х годов XIX в. всеобъемлющую опеку над хозяйством и бытом государственного крестьянства. Правда, я оговаривался, что окончательную оценку реформе можно дать только тогда, когда будет изучена история ее реализации на основании архивных данных самого министерства. Однако я исходил из ограниченного историко-правового анализа изучаемых актов, не поднимая вопроса о социально-экономических мотивах их возникновения. Спустя 25 лет я возвратился к тому же источнику, вооруженный определенной концепцией о разложении феодально-крепостнического строя. Реформа Киселева представлялась мне как проявление кризиса крепостного государства, как неудавшаяся попытка приспособиться к возникающим буржуазным отношениям без разрушения основных устоев существующего порядка. Давление феодально-полицейской традиции подтверждалось мной по-прежнему, но оно оказывалось не главным, определяющим фактором, а производным, вторичным явлением, характерным для мировоззрения и самого Киселева, и Николая I.

Изменение в толковании основных источников неизбежно вызывает изменение в намеченных гипотезах и концепциях. В том же направлении действуют новые печатные и архивные материалы, ранее не привлекавшиеся исследователем. Подробные дан-

¹⁴ Н. Дружинин. Кто были декабристы и за что они боролись. М., 1925; То же, 2-е доп. изд. М., 1925.

¹⁵ Н. Дружинин. Конституция Никиты Муравьева (Происхождение и различия вариантов).

ные о практическом применении реформы Киселева и ее сопоставление с реформой 1861 г., наряду с социально-экономическим углом зрения на эти явления, привели меня не только к новой гипотезе, но и к подтверждению моих новых предположений собранными фактическими данными. Мои окончательные выводы об изучаемом явлении подкрепили мысль о проведенном преобразовании управления государственной деревней как о важном симптоме разложения и смены феодальной формации.

Бывают и обратные случаи — подтверждения и подробного обоснования ранее созданных гипотез на основе новонайденных печатных или архивных источников. В моей практике был один поучительный эпизод такого рода. В 1938 г. при публичном обсуждении II тома вузовского учебника по истории СССР (1-го издания) я высказал мнение, что Отечественная война 1812 г. и заграничный поход 1813 г. неразрывно связаны между собой как последовательные этапы национально-освободительной борьбы против Наполеона. Я утверждал, что нельзя сливать воедино общественное движение и политику самодержавия; в обоих походах совместно действовали два потока — прогрессивные слои русского общества и правительство, поддерживаемое реакционным дворянством. И в оборонительной борьбе 1812 г., и в заграничном походе с целью освобождения Германии надо различать разные стороны диалектического процесса. Эта мысль не встретила сочувствия и поддержки: ссылались на ленинскую цитату о разбойничьей политике европейских государств, на нежелание Кутузова продолжать войну, на окончательный исход борьбы, закончившейся победой реакции и образованием Священного союза. Я не мог противопоставить своим противникам необходимого арсенала фактов, так как вопрос не был мной подробно исследован, но я остался при своем мнении и включил эту тему в число неизученных и требующих выяснения. Я смог вернуться к ней только спустя 25 лет, когда был включен в состав советской делегации, приглашенной в ГДР на торжественное празднование 150-летия Лейпцигской битвы. Мне был поручен основной доклад на тему «Освободительная война 1813 года и русское общество». Я ясно представлял себе, в каком направлении следовало искать источники: для того чтобы всесторонне, диалектически решить выдвинутую проблему, нужно было изучить журналистику 1813 г., воспоминания непосредственных участников похода и позицию правительств, отраженную в международных договорах. Необходимый материал оказался крайне раздробленным, но достаточно содержательным. Передо мной отчетливо определились два различных течения: одно исходило из консервативно-охранительных мотивов, другое — из национально-освободительных идей; и в журналах, и в мемуарах они были ясно разграничены и послужили предтечами двух сталкивавшихся и резко боровшихся послевоенных направлений — реакционно-правительственного и революционного. Будущие декабристы

уже тогда выступали с лозунгами освобождения народов «от ига внешних и внутренних тиранов». Такое же размежевание сил наблюдалось в Пруссии и других германских государствах. На полях сражений бок о бок воевали ревнители феодальных традиций и сторонники либеральных преобразований. Конечно, общественно-политические взгляды обоих течений не приобрели еще той ясности и остроты, какие были присущи им позднее, после Венского конгресса, и особенно южноевропейских революций 20-х годов. Что касается правительственной политики, то она достаточно ясно раскрывалась в источниках: чем сильнее становились союзники — российский самодержец, прусский король и австрийский император, тем яснее раскрывались захватнические цели феодальных правительств. Калишский трактат начала 1813 г., Рейхенбахская конвенция, заключенная в июне 1813 г., и Шомонский трактат 1814 г. были последовательными этапами нарастания реакции и территориальных притязаний. О том, что будущие декабристы были безоговорочными сторонниками заграничного похода, красноречиво говорили дневники Н. И. Тургенева, речи М. Ф. Орлова, воспоминания И. Д. Якушкина, М. А. Фонвизина, С. Г. Волконского, В. И. Штейнгеля. Прогрессивное течение имело перевес, пока не определился исход борьбы за освобождение Германии; после отречения Наполеона и окончательной победы союзников возобладала противоположная, феодальная тенденция. Внутренняя борьба между обоими направлениями продолжалась, но уже в иной форме. Таким образом, фактически подтверждалась мудрая характеристика Маркса. «Всем войнам за независимость, которые велись против Франции,— говорил он в своей статье о революционной Испании,— свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности»¹⁶. Когда В. И. Ленин говорил о «разбойничьих государствах», помогавших освободительной войне Пруссии против Наполеона, он, конечно, имел в виду не народные массы и не передовых людей воюющих государств, а монархические правительства, стоявшие во главе этих государств. Так подтверждалась моя гипотеза о прогрессивности заграничного похода, поскольку он служил цели освобождения Германии¹⁷. Моя точка зрения была принята на заседании объединенных секций Советско-германской комиссии в Германской Академии наук в Берлине.

* * *

Источниковедение такого же давнего происхождения, как и сама наука история. Советский исследователь не может игнори-

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 436.

¹⁷ Н. М. Дружинин. Освободительная война 1813 г. и русское общество.— «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства». М., 1965. О нерасторжимой связи походов 1812 и 1813 гг. и о действительных намерениях Кутузова еще раньше подробно высказался С. Б. Окунь («Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX века». Л., 1956, стр. 249—258).

ровать многовекового наследия источниковедческой мысли, он должен изучать его и, отмечая все устаревшее и отвергнутое позднейшими исследованиями, использовать и развивать ценные выводы предшествующих поколений под углом зрения современных научных достижений. Но здесь следует различать источниковедение, посвященное древним эпохам, и источниковедение, разрабатывавшее приемы исследования нового времени, особенно источники XIX—XX вв. Источниковедческая мысль развилась и дала наиболее важные выводы по вопросам о собирании и обработке материалов далекого прошлого: античной эпохи, средневековья, начала буржуазной формации. Чем меньше сохранилось источников от того или иного периода, тем изощреннее и настойчивее работало сознание ученых над методами раскрытия сохранившихся скудных данных. Летописи, фольклор, сочинения периода раннего феодализма, актовый материал до XVII в. включительно — наиболее благодарная область для источниковедческого анализа и наиболее важная школа для дальнейшего развития источниковедения. Чем больше сохранившихся материалов, тем легче установить истину, но, с другой стороны, чем ближе к современности тот или другой период, тем сложнее и субъективнее освещение исторических событий и отношений. Если русское летописание и древние правовые памятники породили огромную литературу и подготовили немало ценных и важных выводов, то совершенно иную картину представляют собой дореволюционная историография и источниковедение по XIX—XX вв. Знакомая с наиболее крупными работами феодально-дворянского и буржуазно-либерального направлений, мы видим наряду с явной тенденциозностью изложения только зародыши критического анализа источников. Объемистые тома, написанные Н. К. Шильдером, С. С. Татищевым и другими консервативно настроенными авторами, дают одностороннюю апологию царской политики и систематически обходят проверку достоверности и ценности источников. Такую же тенденциозность и пренебрежение к анализу используемых источников мы видим в крупных монографиях либеральных и либерально-народнических ученых: И. И. Иванюкова и А. А. Корнилова о реформе 1861 г., А. Н. Пыпина, В. И. Семевского и того же Корнилова по истории общественного движения и т. д. Только изредка в обстоятельных отзывах, связанных с соисканием премий, мы находим зачатки целенаправленного источниковедческого анализа: таковы большая работа Н. Ф. Дубровина против истории Крымской войны Богдановича и рецензия И. Е. Энгельмана против биографии П. Д. Киселева, написанной А. П. Заблоцким-Десятовским. Критические замечания, рассеянные в ранних работах М. Н. Покровского, не могли подняться до уровня глубокого источниковедческого анализа земских переписей и официальной промышленной статистики, данного уже в 1890-х годах В. И. Лениным. Тем не менее историографическое наследие прошлого, даже по истории

XIX—XX вв., может стать полезным благодаря фактическому материалу и верным суждениям по частным вопросам.

Источниковедческая ценность работ буржуазных исследователей — и русских, и зарубежных — кончается там, где явно выступают предвзятые идеалистические и антимарксистские цели авторов, где источник намеренно препарируется под углом зрения политических задач с ясно выраженным пренебрежением к объективной исторической истине. В качестве примера вспомню свои впечатления о двух параллельных университетских курсах о падении крепостного права. Я слушал их осенью и зимой 1904 г., во время расцвета пресловутой «весны» Святополк-Мирского. Один из этих курсов читал либеральный профессор А. А. Кизеветтер, другой — историк-материалист, социал-демократ по убеждениям, Н. А. Рожков. В сентябре — декабре этого года либеральные круги с часу на час ждали конституции от Николая II; Кизеветтер, обладавший красноречием, прославлял мудрость Александра II, призвавшего к подготовке реформы представителей общества в лице членов губернских комитетов и экспертов редакционных комиссий. Его лекции были сплошной апологией либеральной общественности, реформаторской инициативы правительства, политики Н. А. Милютина, без всякой попытки критического анализа привлеченных источников. Курс Н. А. Рожкова был построен иначе: звучным голосом, очень обоснованно, критически относясь к источникам, он излагал экономические причины реформы, классовую направленность проектов дворянских губернских комитетов, умеренно либеральные потуги правительства и отрицательные стороны Положений 1861 г. Правда, и в этом курсе был один недостаток — отсутствие всяких указаний на роль крестьянского движения; это был механистический подход к проблеме, отличавшийся от того, какой дал в 1911 г. В. И. Ленин. Студенты, слушавшие одновременно оба курса — Кизеветтера и Рожкова, могли воочию сопоставить обе концепции и, сделав выбор, размежеваться на два лагеря. Конечно, источниковедческую сторону лекций Кизеветтера студенты-марксисты оценивали невысоко.

Я считаю непревзойденным образцом источниковедческого обоснования концепции монографию В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Критически используя данные земских подворных переписей и комбинируя их в обобщающую таблицу, В. И. Ленин показал разложение крестьянства как класса феодального общества; критикуя недостатки правительственной промышленной статистики, В. И. Ленин не отбросил ее, а самостоятельно переработал и доказал не только существование, но и прочные основы для развития в России капитализма и сопровождающего это развитие роста пролетариата.

Из дореволюционных профессиональных историков на меня произвели наибольшее впечатление С. Ф. Платонов как автор «Повести и сказаний о Смутном времени» и А. А. Шахматов

как автор «Разысканий о древнейших русских летописных сводах». Несмотря на все ошибки и недостатки, свойственные буржуазным ученым, оба сумели создать крупные источниковедческие труды, раскрывающие влияние различных политических мотивов и течений на творческий процесс историков феодальной эпохи.

В советское время источниковедение приобрело крупное влияние и заняло почетное место в исторических монографиях. Редкая диссертация обходится без обзора и критики источников; проблемы источниковедения становятся предметом специальных изысканий. Воздействие приемов, установившихся в изучении древних периодов, широко распространяется на исследование нового времени, не только на историю XIX и начала XX в., но и на советскую эпоху. Подняты многочисленные нетронутые фонды и в центре, и в различных городах РСФСР, и, что особенно важно, в братских республиках. Всесторонне изучены разнообразные источники по истории трудящихся масс и революционного движения. Самый процесс изучения найденных материалов подчинен принципам марксистско-ленинской методологии. Из числа исследований, появившихся после Октябрьской революции, я считаю наиболее ценными, источниковедчески обоснованными труды Б. Д. Грекова, который произвел перелом в наших представлениях о Древней Руси: исходя из марксистско-ленинского учения о формациях, он дал самостоятельный, глубокий анализ «Русской Правды» и других древних памятников, доказал феодальный характер Древней Руси и тем самым обеспечил возможность последовательного и логически ясного изложения нашего исторического процесса.

Из послевоенных изданий выделяются работы Л. В. Черепнина: источниковедческий труд «Русские феодальные архивы XIV—XV веков» и неразрывно связанная с ним монография «Образование Русского централизованного государства». В настоящее время мы имеем немало значительных источниковедчески обоснованных трудов по разным периодам нашей истории, которые широко раздвинули рамки исторических знаний. Особенно важно отметить новейшие приемы обработки источников массового характера с помощью математических методов и применения электронно-вычислительных машин. Примером удачного использования этой новой методики служит монография И. Д. Ковальченко «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.»

Я думаю, что упомянутый труд А. А. Шахматова не только завершил предшествующий процесс изучения русского летописания, но и создал известный перелом в источниковедении: он направил источниковедческую мысль на исследование внутренних мотивов летописцев, на исследование сложной эволюции летописания и реконструкцию исчезнувших протографов летописных сводов. Что касается методических пособий по источниковеде-

нию, то дореволюционные труды подобного типа или устарели, или не соответствуют нашим философским и социально-политическим взглядам. Из советских пособий, по-моему, сохраняет свое значение двухтомный курс М. Н. Тихомирова и С. А. Никитина «Источниковедение истории СССР». Из новейших работ такого рода выделяются книга А. П. Пронштейна «Методика исторического исследования» и сборник «Источниковедение» под редакцией С. О. Шмидта.

Таким образом, подготовлены все условия для создания всестороннего методического пособия по собиранию и обработке исторических источников СССР. Я думаю, что в таком коллективном труде наряду с выделением общих правил должны быть детально дифференцированы методические приемы, диктуемые особенностями различных категорий источников разных исторических периодов и разных явлений общественной жизни. При этом едва ли возможна единая методика обработки источников массового характера. Если под этой категорией разуметь значительные массы документов, отразивших повторяющиеся, более или менее однородные явления общественной жизни, то они далеко не одинаковы: одни из них (например, результаты демографических и хозяйственных переписей) наиболее однородны и вполне поддаются статистической обработке, другие (например, отчеты органов управления) только отчасти допускают применение математических подсчетов, третьи (например, протоколы судебных процессов) заключают в себе разнородный материал и требуют более глубокого и тонкого психологического анализа.

Для создания общего методического пособия по источниковедению истории СССР необходимо одно важное условие — участие в таком коллективном труде специалистов разного исторического профиля. Такой труд сыграет крупную роль в дальнейшем совершенствовании исторической науки.

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

К ВОПРОСУ О РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ XV—XVI вв. *

В. В. Кобрин

Акты, фиксировавшие иммунитетные права феодалов и переход земель из рук в руки (жалованные, указные, купчие, данные, меновые, деловые, мировые, правые грамоты), имеют важное значение для изучения многих проблем социально-экономической истории Русского государства XV—XVI вв., особенно феодального землевладения. Их всестороннее использование стало непререкаемым правилом в современных исследованиях по истории России XV—XVI вв. Однако до сих пор не решены многие важные источниковедческие проблемы, касающиеся этого рода актов. Пожалуй, основная из них — их репрезентативность, т. е. вопрос о том, насколько сохранившиеся источники отражают основные черты всей совокупности реально существовавших документов этого рода. Отсюда вытекает возможность или невозможность делать выводы исходя из сохранившейся совокупности источников данного типа, или привлечение их к исследованию чисто иллюстративно.

Настоящая статья не ставит своей задачей решить эту большую и сложную проблему. Ее цель скромнее — лишь наметить возможные пути ее решения и высказать некоторые предварительные соображения по этому поводу.

Следует подчеркнуть, что репрезентативность источников существует не сама по себе, а лишь относительно к целям исследования. Сохранившиеся источники могут оказаться достаточно представительными для решения одной группы вопросов и недостаточно репрезентативными — для другой. Но в любом случае

* Настоящая статья написана на основе доклада, сделанного автором на XI сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы в Одессе в ноябре 1969 г. Пользуюсь случаем выразить свою искреннюю признательность всем принявшим участие в обсуждении доклада или прочитавшим статью в рукописи: Ю. Г. Алексееву, Я. Е. Водарскому, Н. А. Горской, С. М. Каштанову, В. Д. Назарову, В. М. Панеяху, С. О. Шмидту.

репрезентативность связана, во-первых, со степенью сохранности дошедших до нас материалов, во-вторых, с тем, насколько возникшая в результате естественная выборка приближается к случайной¹, т. е., говоря языком статистики, насколько были равновелики шансы у всех членов не дошедшей до нас генеральной совокупности попасть в выборку².

Начнем с проблемы степени сохранности дошедших до нас актов феодального землевладения. В литературе наметились различные точки зрения на этот вопрос. Так, Н. Е. Носов говорит о «бедности и отрывочности имеющихся в нашем распоряжении грамот» и настаивает на том, что «нельзя характеризовать дошедшие до нас акты как основной комплекс действительно существовавших актовых материалов»³. Ближе к этой точке зрения стоит Л. В. Черепнин, писавший, что до нас дошли (при отсутствии копийных книг) лишь «разрозненные остатки собраний подлинных актов»⁴. Принявший участие в обсуждении этой проблемы В. В. Дорошенко в основном поддержал Носова, считая, что невозможно изучать историю иммунитетных привилегий светских феодалов по сохранившимся грамотам⁵.

Иные позиции занимает С. М. Каштанов. В своих многочисленных работах по истории феодального иммунитета он постоянно исходит из того, что до нас дошел не случайный конгломерат

¹ В практике статистики часто применяется выборочный метод исследования, при котором выводы о целом делаются на основании части. При этом методе с помощью специальных приемов добываются те, чтобы исследуемая выборка была действительно случайной. Сохранившиеся документы — тоже выборка, но образовавшаяся естественным путем. Чем она ближе к случайной, тем точнее отражает целое.

² Поясню примером. До нас дошло значительное количество документов, отражающих разорение светских феодалов. Однако, как правильно отмечает Н. Е. Носов, это, вероятнее всего, иллюзия, вызванная тем, что документы светского феодального землевладения известны главным образом через монастырские архивы, туда же попадали документы «преимущественно далеко не преуспевающих боярских семей» (Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969, стр. 96—97; ср. *он же*. «Новое» направление в актовом источниковедении. — «Проблемы источниковедения», т. X. М., 1962, стр. 270). Таким образом, то обстоятельство, что сохранялись не все документы в равной степени, а преимущественно относящиеся к тем феодалам, чье имущественное, политическое или семейное положение было неустойчивым, привело к одностороннему отражению в этих источниках исторической действительности.

³ Н. Е. Носов. «Новое» направление в актовом источниковедении, стр. 273. Вопрос о том, насколько близка к случайной дошедшая до нас выборка, Носов не ставит.

⁴ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II. М. — Л., 1951, стр. 4.

⁵ В. В. Дорошенко, З. К. Янелъ. Заметки о новой литературе по истории феодальной России. — «История СССР», 1968, № 5, стр. 156—157. Дорошенко замечает, что светские феодалы могли пользоваться феодальным иммунитетом и на основе обычного права, без жалованных грамот. Это интересное и плодотворное наблюдение, к сожалению, подкреплено пока лишь сравнительным западноевропейским материалом.

грамот, а комплекс, дающий возможность изучать определенные закономерности в выдаче иммунитетных грамот. С ним согласен А. А. Зимин, утверждающий, что «уже сейчас ясно, что до нас дошел не случайный комплекс актовых источников, а основная масса земельных актов, выданных монастырям-вотчинникам»⁶. С известной осторожностью подошел к этому спору С. О. Шмидт, ограничившись замечанием, что акты феодального землевладения «неравномерно распределены» между феодалами и территориями⁷.

Вместе с тем обе точки зрения пока еще недостаточно аргументированы. Носов видит одно из оснований справедливости своего мнения в том, что, как ему представляется, нет пропорциональности между земельными владениями монастырей и количеством сохранившихся жалованных и указных грамот (другие разновидности актового материала он, ведя спор с Каштановым по вопросам иммунитетной политики, не рассматривает), хотя одновременно признает, что от крупнейших монастырей «дошло в целом значительно больше грамот, чем от монастырей мелких»⁸ (а ведь это уже пропорциональность!). Весь ход рассуждений Носова направлен скорее на доказательство плохой сохранности документов светского феодального землевладения (факт достаточно известный), плохая же сохранность монастырских актов аргументируется Носовым, как мне представляется, недостаточно убедительно. Говоря о грамотах времени правления Елены Глинской, Носов отмечает, что они охватывают далеко не все монастыри и относятся в основном к новым приобретениям монастырей, аргументируя этим обстоятельством неполноту дошедшего до нас актового материала⁹. Это, однако, не опровергает тезиса о том, что актовый материал монастырских архивов дошел до нас с большой степенью полноты. Совсем не обязательно, чтобы за кратковременное правление Елены Глинской (всего четыре года) грамоты получили все монастыри или хотя бы их большинство, и притом на основные владения. Такая массовая выдача могла бы быть вызвана лишь всеобщим пересмотром жалованных грамот. Не прав Носов, когда утверждает, что архивы тех монастырей, грамоты которых от времени Елены Глинской

⁶ А. А. Зимин. Трудные вопросы источниковедения Древней Руси.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 444; ср. *он же*. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в.— «Вопросы архивоведения», 1962, № 1, стр. 35—36.

⁷ С. О. Шмидт. Издание и изучение источников по аграрной истории России XVI в. (В послевоенные годы).— «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г.». Минск, 1964, стр. 190.

⁸ Н. Е. Носов. «Новое» направление в актовом источниковедении, стр. 265.

⁹ Там же, стр. 271—273; Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, стр. 160—161.

не сохранились, просто пострадали в последующие годы¹⁰. Если бы это было так, то стало бы непонятным отсутствие грамот Спасо-Евфимьева-Троицкого, Калязина, Спасо-Ярославского, Соловецкого монастырей, наличие всего одной грамоты из архива Кирилло-Белозерского монастыря, хотя материалы перечисленных монастырей хорошо сохранились.

Вместе с тем и Каштанов ограничился в споре с Носовым лишь обоснованием полноты сохранности иммунитетных грамот¹¹.

Думается, что изучение степени сохранности актов феодального землевладения и хозяйства не может ограничиться лишь какой-то одной группой разновидностей этих документов, так как прежде всего необходимо выяснить, какова вообще сохранность архивов феодалов XV—XVI вв. Сейчас эта задача представляется более выполнимой, чем еще несколько десятилетий назад. Выход в свет серийных публикаций актов XV—XVI вв.¹² дал в руки исследователей надежный материал для суждений о количестве дошедших до наших дней актов и об их видах и разновидностях. Исследования Л. В. Черепнина, С. М. Каштанова и Л. И. Ивина о копийных книгах¹³, работы С. Н. Валка и М. Н. Тихомирова о древнейшей истории русского акта¹⁴, изучение С. М. Каштановым и Н. Е. Носовым иммунитетных грамот¹⁵, труды С. Б. Веселовского, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, А. И. Копанева, Ю. Г. Алексеева и многих других советских историков по истории феодального землевладения¹⁶ значительно облегчили пути дальнейших изысканий в этой области.

¹⁰ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, стр. 160—161.

¹¹ С. М. Каштанов. Состав иммунитетных грамот первой половины XVI века.— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 98—100.

¹² «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.» (далее — АСЭИ), т. I—III. М., 1952—1964; «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков» (далее — АФЗХ), ч. I—III. М., 1951—1961.

¹³ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II; С. М. Каштанов. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI века.— «Записки отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 18. М., 1956, стр. 3—47; Л. И. Ивина. Копийные книги актов Троице-Сергиева монастыря XVII в.— Там же, вып. 24. М., 1961, стр. 5—44; она же. Копийная книга актов Симонова монастыря XVII века.— «Проблемы источниковедения», X, стр. 235—254.

¹⁴ С. Н. Валк. Начальная история древнерусского акта.— «Вспомогательные исторические дисциплины». М.—Л., 1937, стр. 285—318; М. Н. Тихомиров. О частных актах в Древней Руси.— «Исторические записки», т. 17, стр. 225—244.

¹⁵ С. М. Каштанов. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI века. М., 1967; он же. Очерки русской дипломатии. М., 1970, а также ряд других цитирующихся в настоящей статье работ этого автора; Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России, а также ряд других работ этого автора.

¹⁶ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947; он же. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Л. В. Черепнин. Указ. соч., он же. Из истории

Давно известна резкая разница между сохранностью документов светских и духовных феодалов. Можно предположить, что начало небрежному хранению документации у светских феодалов было положено во второй половине XVII в., когда запись вотчины в писцовых книгах стала основным и достаточным документом на право владения земельной собственностью¹⁷. В связи с этим уменьшились материальные стимулы к сохранению такого рода документации. Уже к моменту отмены местничества в 1682 г. от этих актов осталось немного: среди документов, представленных в Разрядный приказ как основание для включения в родословную книгу, чрезвычайно мало земельно-имущественных документов, причем это только иммунитетные грамоты¹⁸. XVIII — начало XIX в., когда, по словам А. С. Пушкина, «русский ветреный боярин считает грамоты царей за пыльный сбор календарей»¹⁹, привели к тому, что у нас вне монастырских архивов сохранились считанные акты светского феодального землевладения XV—XVI вв.²⁰

Эта специфичность сохранности актов светского феодального землевладения приводит к тому, что их невозможно использовать для общих статистических выкладок. Те акты, которые дошли до нас, относятся, как справедливо отметил Носов, главным образом к тем феодалам, положение которых в силу различных причин оказывалось неустойчивым и вынуждало дарить или продавать свои вотчины, в монастыри²¹. У нас не сохранилось в

древнерусских феодальных отношений XIV—XV вв.— «Исторические записки», т. 9, стр. 31—80; *он же*. Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века).— «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 59—62; А. А. Зимин. Из истории помещного землевладения на Руси.— Там же, 1959, № 11, стр. 130—142; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.— Л., 1951; Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.— Л., 1966, и т. д.

¹⁷ «И про такие спорные земли ссыскивати писцовыми и дозорными и отдельными книгами, и всякими крепостьми, и старожильцы, и окольными всякими людьми» (М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. Соборное уложение 1649 года. Учебное пособие для высшей школы. М., 1961, стр. 148, гл. X, ст. 235). Как видно, здесь писцовые книги поставлены впереди, до «всяких крепостей» в числе оснований признания права владения.

¹⁸ «Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». Собрал и издал А. Юшков, ч. 1. М., 1898. Вместе с тем до XVII в. феодалы бережно хранили документацию: в монастырских архивах встречаются акты, фиксирующие иной раз сделки светских феодалов, заключенные задолго до перехода земель в руки монастыря.

¹⁹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах, т. 2. М., 1936, стр. 221.

²⁰ В вотчинных архивах сохранилось сравнительно много актов XVII в. Этот факт несколько не противоречит мнению о том, что для XVII в. характерно пренебрежительное отношение светских феодалов к хранению документации XV—XVI вв.: тщательное общерусское описание 1620-х годов сделало излишним сохранение как раз ранних актов.

²¹ Разаумеется, бывали и исключения. Например, Б. Ф. Годунов передавал земли монастырям и продавал свои вотчины, находясь в зените могущества.

актовом материале почти никаких данных о землевладении многих крупных феодалов XVI в. — Воротынских, Шуйских, Захарьиных-Юрьевых. Нам известна вотчина князей Трубечких в Волоцком уезде, но мы ничего не узнаем из актов об их владениях в Трубчевске, который оставался родовым гнездом этой княжеской семьи²²; крайне неполны и связаны в основном с земельными спорами с Троице-Сергиевым монастырем наши сведения о вотчинах князей Оболенских. Зато значительно лучше мы представляем себе по актовым материалам историю землевладения Белозерских князей, чьи вотчины в большом количестве переходили в руки Кирилло-Белозерского монастыря²³; Стародубских князей, значительно пострадавших от опричных опал, и т. д.²⁴ Возможности реконструирования землевладения большинства светских феодалов²⁵ лежат за пределами актового материала. Значительную помощь окажут здесь писцовые книги 20-х годов XVII в., часто дающие указания на прежних владельцев. Быть может, наступит время и для изучения ретроспективных замечаний и включенных актов XVI в. в столбцах Поместного приказа XVII в. не только по Новгороду и Пскову: ведь основанные на материалах столбцов по этим уездам разыскания В. И. Корецкого и Л. М. Марасиновой²⁶ показали, какие ценные источники можно извлечь из этого фонда. Кроме того, межевые книги и акты из монастырских архивов дают важные сведения о самом существовании тех или иных вотчин и поместий, если они граничат с монастырскими землями, но не о размерах этих владений.

Если документы светских феодалов недостаточно репрезентативны в силу плохой сохранности для изучения географического размещения вотчин отдельных феодальных родов, то некоторые другие вопросы, о чем будет сказано ниже, могут быть изучены даже и на основании таких разрозненных и неполных докумен-

ва (С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 183—184; В. Б. Кобрин. Состав Опричного двора Ивана Грозного. — «Археографический ежегодник за 1959 год». М., 1960, стр. 34—35), но все же более частым для состоятельных, незаряжающихся, не боящихся опалы феодалов, имеющих наследников, было стремление делать вклады деньгами.

²² В. Б. Кобрин. Указ. соч., стр. 78—79.

²³ А. И. Копанев. Указ. соч.

²⁴ Многие из документов кн. Стародубских публиковал П. А. Садиков (П. А. Садиков. Из истории опричнины XVI в. — «Исторический архив», III, М. — Л., 1940, стр. 113—303; *он же*. Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950, стр. 418—539); см. также: В. Н. Шумилов. Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, по указателю.

²⁵ Речь идет о выяснении количества, местоположения и размеров вотчин.

²⁶ В. И. Корецкий. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. (К проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня). — «История СССР», 1957, № 1, стр. 161—191; Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.

тов. Но прежде необходимо остановиться на степени сохранности документов монастырских архивов. Дело в том, что большинство документов монастырских архивов составляют грамоты, являющиеся одновременно актами монастырского и светского землевладения. Документы, фиксирующие передачу земель светских феодалов в монастыри, нельзя считать только актами монастырского землевладения, они также и источники по истории обычного вотчинного землевладения.

Значительное количество документов монастырских архивов сохранилось в списках в составе копийных книг актов XVI—XVIII вв. Какова степень полноты, с которой представлены реально существовавшие акты в этих документах? Носов, соглашаясь с тем, что многочисленные копийные книги Троице-Сергиева монастыря включают практически все документы троницкого архива, утверждает, что копийные книги Симонова, Кирилло-Белозерского и Иосифо-Волоколамского монастырей и митрополичьего дома далеко не полны, и ссылается при этом на исследование Л. И. Ивиной и предисловия к II тому АСЭИ и I и II томам АФЗиХ²⁷. Однако из названных трудов нельзя извлечь столь категорических выводов. Ивина говорит лишь о гибели при пожаре части актов до 1448 г. и о некоторых случайных пропусках малозначительных документов²⁸. И. А. Голубцов в предисланных II тому АСЭИ «Археографических сведениях о печатаемых актах» подробно говорит о находящихся в хранилищах копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря, но ни словом не упоминает об их неполноте²⁹. Это и понятно: до нас дошло пять составленных в разное время копийных книг Кирилло-Белозерского монастыря, в том числе рукописи А 1/16 и А 1/17 из собрания Санкт-Петербургской духовной академии (ОРГПБ), содержащие сотни актов более чем на 1,5 тыс. листах фоллио, исписанных мелкой скорописью XVII в. Они никак не могут быть заподозрены в значительных пропусках. Черепнин говорит об утрате подлинных (а отнюдь не копий) древнейших актов митрополичьего архива, известных только благодаря копийной книге, но далее действительно отмечает, что основная копийная книга митрополичьего дома (прочие либо списки с нее, либо охватывают лишь определенные уезды или приписные монастыри) содержит в основном акты до времени правления митрополита Даниила.

«Более поздние грамоты, — пишет Черепнин, — имеются в указанном сборнике далеко не все, в виде случайных и неполных приписок на пустых листах копийной книги митрополита Даниила

²⁷ Н. Е. Носов. О статистическом методе в актовом источниковедении (По поводу статьи А. А. Зминова). — «Вопросы архивоведения», 1962, № 4, стр. 47.

²⁸ Л. И. Ивина. Копийная книга актов Симонова монастыря, стр. 239—241.

²⁹ АСЭИ, т. II, стр. 5—8.

среди более ранних документов»³⁰. Однако Черепнин не приводит аргументов, подтверждающих значительные пропуски актов в копийной книге митрополичьего дома. Во всяком случае ясно, что большинство актов (все документы до 1539 г. и определенная часть более поздних) вошло в эту книгу. Что же касается Иосифо-Волоколамского монастыря, то Зимин в своем предисловии подчеркивает, что «использование материалов копийных книг XVI—XVIII вв. дает основание утверждать, что в данную публикацию вошли... все (за единичными исключениями) акты XV—XVI вв., хранившиеся там (в монастыре.— *В. К.*) в XVIII в.», и ни слова не говорит о пробелах копийных книг³¹.

Создавая книги копий земельных актов, монастырские власти были кровно заинтересованы в том, чтобы в них с исчерпывающей полнотой были представлены материалы монастырского архива: ведь именно в тщательности хранения документации состояло одно из преимуществ монастырей при судебном разрешении земельных споров. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что сохранность копийных книг — это сохранность основной массы документов монастырского архива, реально существовавших к моменту составления книг³². Так как при составлении новых копийных книг обычно использовались и старые копийные книги и в них включались не только списки с подлинников, но и списки со списков, то с большой долей вероятности можно полагать, что сохранность копийных книг — это сохранность вообще основной массы документов монастырского архива.

С. Б. Веселовский и вслед за ним Каштанов отмечают, что из 400 монастырей XVI в. только небольшую часть составляли крупные земельные собственники. По подсчетам Каштанова, лишь от четвертой части из этих 400 монастырей сохранились иммунитетные грамоты, причем автор считает, что из остальных трех четвертей большая часть не получала иммунитетных грамот и привилегий, так как это были слишком слабые и небольшие монастыри³³. Однако это вполне вероятные, но достаточно общие рассуждения. Можно, думается, найти пути для самой приблизительной оценки доли сохранившегося актового материала по от-

³⁰ АФЗиХ, ч. I, стр. 9.

³¹ АФЗиХ, ч. II, стр. 6.

³² Разумеется, речь не идет о тех копийных книгах, которые включают лишь определенные разновидности документов (например, грамоты царей и великих князей) или земельные акты одной какой-либо территории.

³³ С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в XVI в.— «Исторические записки», т. 10, стр. 100, 102; С. М. Каштанов. Состав иммунитетных грамот XVI века, стр. 110. Действительно, существовало множество мелких монастырей, в том числе даже входивших в состав боярских вотчин, как, например, Богоявленский монастырь в Белозерской вотчине боярина И. П. Федорова (*В. Б. Кобрин. Из истории земельной политики в годы опричнины.— «Исторический архив», 1958, № 3, стр. 157—158.*)

пошению ко всем реально существовавшим актам монастырских архивов. Для решения этой задачи попытаемся оценить, какую часть находившихся во владении церкви земель составляли вотчины монастырей и кафедр, копиями книг которых дошли до нас. Необходимо учесть, что перечень таких монастырей и епископских домов является предварительным³⁴ и в действительности многие копиями книги, особенно хранящиеся в провинциальных архивах, вероятно, еще не введены в научный оборот.

В настоящее время известны следующие включающие материалы XVI в. копиями книги владычных кафедр и монастырей³⁵: митрополичьего (патриаршего) дома³⁶, Новгородского дома св. Софии³⁷. Троице-Сергиева монастыря³⁸, Симонова монастыря³⁹, Московского Богоявленского монастыря⁴⁰, Лужецкого Можайского монастыря⁴¹, Савво-Сторожевского монастыря⁴², Иосифо-Волоколамского монастыря⁴³, Амвросиева Дудина Нижегородского монастыря⁴⁴, Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря⁴⁵, Троицкого Макарьева Калязина монастыря⁴⁶, Юрьева Новгородского монастыря⁴⁷, Данилова Переславского монастыря⁴⁸, Спасо-Ярославского монастыря⁴⁹, Кирилло-Белозерского монастыря⁵⁰, Богоявленского Кожеозерского монастыря⁵¹, Спасо-Преображенского Пыскорского монастыря⁵², Соловецкого монастыря⁵³, Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря⁵⁴.

³⁴ Перечень некоторых копиями книг см.: *Л. В. Черепнин*. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. II, стр. 29—48.

³⁵ В настоящий перечень не включались книги, состоящие только из жалованных и указных грамот.

³⁶ Публ. АФЗиХ, ч. I, III.

³⁷ ГИМ, ОР, Собрание А. С. Уварова, № 475.

³⁸ ГБЛ, ф. 303.

³⁹ *Л. И. Иванова*. Копиями книга актов Симонова монастыря XVII века.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 4, № 1517.

⁴¹ Государственный исторический архив Московской области. Путеводитель. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1961, стр. 266.

⁴² ГПБ, Собрание М. П. Погодина, № 1910.

⁴³ Публ.: АФЗиХ, ч. II.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 1281, № 8184.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1203, оп. 1, № 1; ГИМ, ОПИ, карт. Уварова, 41/16.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1193, № 1.

⁴⁷ *М. Н. Тихомиров*. Рукописи Новгородского музея, № 6 (35).— «Новгородский исторический сборник», вып. V. Новгород, 1939, стр. 19; см. также: *А. А. Беляева*. Землевладение Юрьева монастыря.— Там же, вып. III—IV. Новгород, 1938, стр. 109—112.

⁴⁸ ЛОИИ, карт. 115, № 45.

⁴⁹ ЦГИА, ф. 834, оп. 3, д. 19167.

⁵⁰ Сохранилось, как указывалось выше, пять копиями книг этого монастыря. Наиболее подробные: ГПБ, Собрание Санкт-Петербургской духовной академии, А 1/16, А 1/17.

⁵¹ ЛОИИ, карт. 115, № 31.

⁵² Там же, № 388.

⁵³ ЛОИИ, карт. 2, № 136, 146, 150.

⁵⁴ Публ.: *В. П. Шляпкина*. Акты Великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря. Великий Устюг, 1912.

У нас нет данных сводного характера о землевладении монастырей за XVI в., однако так как в результате законодательных ограничений в конце XVI — первой половине XVII в. приостановился рост земельных владений духовных феодалов, то можно использовать данные XVII в. для приблизительной оценки доли тех или иных монастырей в общем количестве земель, принадлежавших церкви. К такому приему прибегал и Веселовский, писавший, что, «поскольку рост монастырского землевладения вообще остановился с конца XVI в., данные о дворах 1678 г. дают довольно верное представление об удельном весе старых монастырей... Эти данные показательны и для более раннего времени, так как владения этих монастырей, как и большинства старых монастырей, сложились в большей части к концу XVI в.»⁵⁵ До нас дошли три росписи дворов, находившихся в собственности разных землевладельцев, в том числе и духовных феодалов: 1645/46—1646/47 гг.⁵⁶ от декабря 1661 г.⁵⁷ и от декабря 1678 г.⁵⁸ Росписи 1645—1647 и 1661 гг. связаны друг с другом и дают в большинстве случаев одинаковые или близкие цифры, но в росписи 1661 г. пропущены владычные кафедры. Из-за близости этих двух росписей привожу в табл. 1 данные только одной из них — более ранней и более полной.

Итак, как видно из данных табл. 1, в руках монастырей, копиянные книги которых сохранились до наших дней, в XVII в. было сосредоточено немногим менее двух пятых земельной собственности церкви.

Для XVI в. эта доля была, вероятно, несколько больше, так как во вновь осваиваемых районах создавались новые монастыри, а вклады в старые монастыри были запрещены, и рост их землевладения почти остановился. Кроме того, нужно учесть, что многие из старых монастырей были расположены в уездах с преимущественным развитием поместного землевладения, где не было или почти не было вотчин: в Нижегородском, Свияжском, Казанском и других средневожских уездах, в южных районах, близких к засечной черте, и т. д. Акты этих монастырей ограничиваются в основном жалованными, указными и правыми грамотами и, естественно, менее многочисленны, чем у монастырей,

⁵⁵ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, стр. 176—177.

⁵⁶ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625), т. I, вып. 1. СПб., 1897, Приложение.

⁵⁷ «Роспись 170 году, какова взята из монастырского приказу за дьячьёу приписью, сколько за всеми монастыри крестьянских дворов». — «Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества», т. I. СПб., 1861.

⁵⁸ А. А. Новосельский. Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. — «Исторический архив», т. IV. М.—Л., 1949, стр. 88—149.

Таблица 1

Доля владычных кафедр и монастырей, копиянные книги которых сохранились, во владычно-монастырском землевладении

Монастырь, кафедра	Число дворов по росписи	
	1640-е годы	1678 г.
Патриарший (митрополичий) дом	6 481	7 128
Новгородский дом св. Софии	1 432	694
Троице-Сергиев монастырь	16 839	16 813
Симонов монастырь	2 407	2 638
Московский Богоявленский монастырь	115	141
Лужецкий Можайский монастырь	77	—
Савво-Сторожевский монастырь	240	622
Иосифо-Волоколамский монастырь	1 104	1 394
Суздальский Спасо-Евфимьев монастырь	2 033	2 886
Амвросиев Дудин Нижегородский монастырь	696	—
Троицкий Макарьев Калязин монастырь	1 411	1 935
Юрьев Новгородский монастырь	535	389
Данилов Переславский монастырь	318	450
Спасо-Ярославский монастырь	3 819	3 879
Киприлло-Белозерский монастырь	3 854	5 530
Велико-Устюжский Михайло-Архангельский монастырь	402	—
Соловецкий монастырь	560	—
Итого	42 323	44 499
Всего дворов за кафедрами и монастырями	109 167	114 461
Доля кафедр и монастырей, копиянные книги которых сохранились, %	38,78	38,9

расположенных в старинных районах вотчинного землевладения. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что архивы монастырей и кафедр, копиянные книги которых дошли до нас, составляют не менее 40% всей совокупности актов землевладения и хозяйства духовных феодалов.

Возникает вопрос, какова сохранность монастырских архивов в тех случаях, когда до наших дней не дошли копиянные книги? Естественно, степень сохранности материалов в разных монастырях была разной и зависела от разнообразных и трудноучитываемых причин: пожары, аккуратность хранителей, полнота, с которой документы были сданы в XVIII в. в Коллегию экономики, пригодность помещения для хранения документов и даже

отношение к древностям (причем не к царским и патриаршим грамотам, не к золотоканым ризам, а к невзрачным купчим и данным) у монастырских властей в XIX—XX вв.— ведь немало погибло в эти времена исключительно из-за невежества монахов. Могли быть отдельные монастыри, акты которых вообще не сохранились; могли встречаться монастыри, акты которых дошли до нас полностью. В большинстве случаев должны были, естественно, действовать и благоприятные и неблагоприятные факторы, взаимно уравновешивая друг друга. Так как мы не знаем размеров утраченного, то для того, чтобы не установить, но хотя бы приблизительно оценить процент сохранившихся актов, существует единственный путь — выяснить процент дошедших в подлиннике актов монастырей, копиянные книги которых сохранились. Конечно, это достаточно скользкий путь хотя бы потому, что в монастырях, копиянные книги которых дошли до нас, вероятно, вообще бережнее относились к хранению архивов. Считаю необходимым подчеркнуть во избежание недоразумений, что речь ниже идет не о точных вычислениях, заведомо невозможных, а лишь о путях приблизительной оценки.

Для документов до 1505 г. благодаря их в основном полному изданию в АСЭИ⁵⁹ провести такую оценку нетрудно (табл. 2).

За XVI в. такие сводные данные у нас есть лишь по четырем монастырям: по Троице-Сергиеву⁶⁰, Иосифо-Волоколамскому⁶¹, Суздальскому Спасо-Евфимьеву⁶² и Симонову⁶³. Из 2316 актов Троице-Сергиева монастыря 1300 подлинных (56,1%), из 436 актов Иосифо-Волоколамского монастыря 303 подлинных (69,5%), из 315 актов Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 95 подлинных (30,2%), из 301 акта Симонова монастыря 240 подлинных (80,8%).

Таким образом, при актах XV—начала XVI в. сохранилось от 0 до 50%, а для XVI в.— от 30 до 80% актов, внесенных в копиянные книги. Трудно принять какой бы то ни было обоснованный процент погрешности, поэтому, соблюдая осторожность, чисто условно можно считать, что от монастырей, копиян-

⁵⁹ В табл. 2 в счет актов по Троице-Сергиеву и Кирилло-Белозерскому монастырям включены также грамоты, выявленные Каштановым и автором этих строк (С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики, стр. 342—448; В. Б. Кобрин. Грамоты XIV—XV вв. из архива Кирилло-Белозерского монастыря.— «Археографический ежегодник за 1968 год». М., 1970, стр. 406—410).

⁶⁰ Приношу благодарность В. Д. Назарову за возможность изучить подготовленный группой исследователей перечень троицких актов XVI в.

⁶¹ АФСЗХ, ч. II.

⁶² А. А. Зилин. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря (1505—1612).— «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 366—396.

⁶³ Л. П. Ивина. Копийная книга актов Симонова монастыря XVII в., стр. 243, 245.

Таблица 2

Монастыри	Всего актов до 1505 г.	В том числе подлинные	%
Троице-Сергиев	718	204	28,4
Кирилло-Белозерский	322	124	38,5
Симонов	99	50	50,5
Суздальский Спасо-Евфимьев	87	26	29,9
Савво-Сторожевский	13	6	46,2
Троицкий Макарьев Калязин	55	15	27,3
Спасо-Каменный Вологодский	10.	0	0,0
Московский Богоявленский	7	0	0,0

ные книги которых нам не известны, сохранилось не менее 20—30% актов⁶⁴.

Таким образом, если суммировать полученные ранее приблизительные данные (40% + 20—25% от остальных 60%, т. е. около 10—15%), то получится, что до нас дошло не менее половины актов из архивов всех духовных феодалов XVI в. Следует подчеркнуть, что эта цифра получена при помощи заведомо заниженных данных (при подсчете не учитывались монастыри в районах поместного землевладения, принят намеренно минимальный процент сохранности, не приведены в известность все копиянные книги и т. д.), а потому вполне возможно, что в действительности до нас дошло больше — до двух третей реально существовавших актов.

Можно на примере показать, что иной раз и при неблагоприятных условиях сохраняется немало документов из монастырского архива. Копийные книги Чудова монастыря не сохранились, архив разрознился довольно давно: документы Чудова монастыря встречаются не только в фондах Коллегии экономии, но и в различных коллекциях. Это свидетельствует о том, что документы чудовского архива обращались на антикварном рынке начиная с XIX в. до наших дней⁶⁵. Уже эта разрозненность — показатель сравнительно плохой сохранности архива. Расположение монастыря в Кремле также не было особенно благоприятным для грамот — знаменитые пожары 1547, 1571, 1611 и 1626 гг., уничтожившие документы приказного делопроизводства, могли столь же губительно сказаться и на монастырских актах. Но не сказали! Хотя утрачено немало, все же более чем для половины владений монастыря удалось разыскать акты, фикси-

⁶⁴ Автор отдает себе отчет в ненадежности этой цифры. Подчеркиваю, что речь идет здесь только об оценке того, какого порядка может быть эта цифра. 20—25% представляются мне наименьшей возможной величиной.

⁶⁵ Жалованная грамота Чудову монастырю 1564 г. на земли в Вышгороде была приобретена отделом рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина в 1961 г. вместе с коллекцией А. И. Успенского.

ровавшие их передачу в монастырь, а для подавляющего большинства остальных монастырских вотчин при помощи специальных разысканий установить основное содержание акта: время приобретения и его способ и источник⁶⁶.

Возникают вопросы: насколько случайна та естественная выборка, которая дошла до нас, какие проблемы истории феодального землевладения поддаются изучению на ее основании?

Конечно, гибель каждого документа в отдельности была обусловлена какими-то определенными причинами, на первый взгляд случайными: сырое помещение для хранения архива, небрежность хранителя, пожар и т. п. Закономерно, однако, что на протяжении веков многим документам приходилось испытывать действие этих факторов. Важно, что все эти факторы не связаны с содержанием документов. Шансы грамоты пропасть или сохраниться не уменьшались и не увеличивались в зависимости от того, продавалась или дарилась в монастырь деревня, был послухом интересующий нас человек или нет и т. д. Мышь не делала выбора между купчей и данной, плесневый грибок равно съедает меновную и очищальную... Именно поэтому мы вправе рассматривать эту естественную выборку как приближающуюся большей частью к случайной.

Но не во всем. Выше уже было показано, что акты светских феодалов, отложившиеся в монастырских архивах, относятся в большинстве случаев к тем из вотчинников, чье положение хотя бы несколько пошатнулось. Столь же не случайным является и подбор правых грамот, естественно, что монастыри сохраняли в своих архивах приговоры в первую очередь по выигранным ими судебным делам.

Можно указать и на некоторую неравномерность сохранения разных видов документов. К жалованным и указным грамотам как к исходившим от монарха в монастырях относились, видимо, с большим почтением и бережнее, чем к остальной документации. На это, в частности, указывает существование особой разновидности копийных книг, включавших только грамоты великих князей и царей⁶⁷. Закладные кабалы сохранялись в монастырском архиве только в том случае, если заложенная собственность оставалась у монастыря. При погашении долга взамен возвращалась и уничтожалась кабала. По этим причинам проводить статистическое изучение соотношения разных видов документов (в масштабах ли отдельного крупного собственника, уезда или всей страны) иногда нецелесообразно⁶⁸.

⁶⁶ В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 25. М., 1962, стр. 289—322.

⁶⁷ См., например, большое количество таких книг по разным монастырям в ЦГИА СССР, ф. 834 (Синод), оп. 3.

⁶⁸ Но не всегда. Сохранность купчих, а также духовных, если они хранятся как документы, фиксирующие переход земли в руки монастыря, ничем

Сохранность значительной части комплекса основных актов феодального землевладения монастырей дает возможность изучать процессы роста и развития земельной собственности церкви. Но, как уже отмечалось, по сохранившимся актам мы не можем установить объем и характер землевладения отдельного конкретного лица, хотя и находим некоторый материал и по этим вопросам⁶⁹.

Есть, однако, целый ряд более общих проблем истории феодального землевладения, для изучения которых сохранившаяся часть совокупности является вполне репрезентативной. Наследственное и выкупное право, эволюция формуляра и его локальные особенности не только в иммунитетных грамотах (что изучено в работах С. М. Каштанова), но и в частных актах (что еще представляется задачей для исследования), цены на землю, размеры вотчин и количество сел и деревень, входящих в них, — эти важные аспекты проблемы истории феодального землевладения находят свое отражение в актах монастырских архивов, и их можно вполне изучать на основании сохранившихся источников. В ряде случаев (цены на землю, эволюция формуляра и т. п.) возможно даже применение статистических методов анализа⁷⁰.

Важная задача, стоящая перед историками феодального землевладения, — попытка реконструкции карты феодального землевладения. Как было показано, одни акты недостаточно репрезентативны для решения этой задачи. Но, думается, есть материалы, которые могут помочь если не в ее решении, то в приближении к нему. Выше уже говорилось об использовании ретроспективных указаний писцовых книг 1620-х годов и столбцов Поместного приказа. При реконструкции землевладения Чудова монастыря автор использовал, кроме актов, опись монастырского архива, многие из заголовков которой были достаточны для восстановления главного в содержании акта — имени дарителя или продавца, даты акта и объекта сделки. В составленном А. А. Зминым перечне актов Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря также широко используются данные описи монастырского архива,

не отличается от сохранности данных. Подсчеты, выясняющие взаимное соотношение этих трех источников поступления новых земель в монастыри по годам, были бы весьма интересны и могли бы привести к важным выводам.

⁶⁹ Сохранившиеся духовная или деловая дают нам обычно полный состав вотчин определенного лица.

⁷⁰ Подобный метод, например, применил такой осторожный историк, как С. Б. Веселовский, в своей известной работе о монастырском землевладении (*С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в XVI в.*). Построив график динамики вкладов в монастыри по годам, Веселовский пользовался материалом меньшим, чем располагает сегодняшний исследователь, в основном троюцкими и калязинскими актами и грамотами Коллегии экономии. И все же полученный статистическим путем его вывод о резком увеличении количества вкладов в монастыри в годы опричнины представляется вполне убедительным. Для изучения этого вопроса и часть сохранившейся выборки оказалась достаточно репрезентативной.

дающие возможность зачастую довольно точно определить содержание недошедшего акта.

Для окончательного решения вопроса о репрезентативности источников по истории феодального землевладения необходимо привести в известность все акты и упоминания о них из наших хранилищ. В качестве первых шагов было бы полезно составить перечень копийных книг и описей монастырских архивов⁷¹ и затем перечни актов из архивов крупнейших духовных феодалов⁷². О необходимости составления таких перечней и их публикации недавно писал Зимин⁷³. Эта трудоемкая работа должна бы делаться усилиями большого коллектива исследователей в течение длительного времени параллельно с изданием «Актов Русского государства XVI в.», которое начипает сейчас Институт истории СССР⁷⁴.

⁷¹ По типу составленного А. Г. Маньковым описания приходных и расходных книг XVI в. см.: А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.—Л., 1961, стр. 246—249.

⁷² По типу опубликованного: А. А. Зимин. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря (1505—1612).

⁷³ А. А. Зимин. Трудные вопросы источниковедения Древней Руси, стр. 443.

⁷⁴ Уже после сдачи настоящей статьи в печать была опубликована работа А. Д. Горского, в которой автор на ином материале пришел к аналогичным выводам. См.: А. Д. Горский. Динамика борьбы крестьян за землю в XV—нач. XVI в.—«История СССР», 1972, № 3, стр. 85—105.

О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ XVI в.

А. А. Зимин

Вопросы методики источниковедческого анализа привлекают к себе за последние годы все большее внимание советских ученых¹. Это объясняется не только значительным количеством конкретно-источниковедческих исследований, позволяющих обобщить накопленный опыт, но и важностью этой проблематики для дальнейшего развития науки. Широко известны труды по источниковедению русского феодализма М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и целой плеяды молодых историков. Вместе с тем в отдельных работах обнаруживаются и недочеты методического свойства, что объясняется недостаточной разработанностью теории источниковедческого анализа². Ниже автор попытается показать на разборе некоторых работ о повествовательных памятниках XVI в. наиболее характерные методические ошибки и наметить пути их преодоления.

ПРИПИСКИ К ЛИЦЕВЫМ ЛЕТОПИСЯМ XVI в.

Приписки к лицевым (иллюстрированным) летописям XVI в., безусловно, являются одним из интереснейших источников по истории внутривосточной борьбы времен правления Ивана Грозного. Именно они содержат красочный рассказ о так называемом боярском мятеже у постели тяжелобольного царя Ивана в марте 1553 г. Речь идет о вставках в Синодальный список лицевого свода, доводящий изложение событий до 1567 г., а также в Царственную книгу, которая представляет собой копию с этого списка, подвергнутую новой правке³. В работах С. Б. Весе-

¹ См., например, сборник: «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969; В. М. Стрельский. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961; он же. Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968; А. П. Пронштейн, А. Г. Задера. Методы работы над историческим источником. М., 1969; Б. В. Сизоненко. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Одесса, 1965, и др.

² См. подробнее: А. А. Зимин. Трудные вопросы методики источниковедения Древней Руси.— «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 427—449.

³ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. XIII, 1-я половина. СПб., 1904; 2-я половина. СПб., 1906.

ловского и Д. Н. Альшица убедительно доказано, что интерполяции в официальное летописание сделаны в канцелярии Ивана Грозного много лет спустя после описанных в летописях событий середины XVI в. и свидетельствуют о резких переменах в политических представлениях царя⁴. Вместе с тем ряд источниковедческих вопросов, касающихся приписок, остается не вполне ясным. К числу их относится конкретная дата внесения интерполяций в текст летописей и личность их творца⁵.

Совсем недавно новые соображения об обстоятельствах появления приписок высказали С. О. Шмидт и Р. Г. Скрынников. Шмидт стремился из факта идеологического противостояния приписок сочинениям Курбского вывести заключение о последовательности создания этих произведений.

В приписках к Синодальному списку, по мнению Шмидта, сделана попытка опровергнуть некоторые положения «Истории» Курбского, т. е. относятся эти приписки ко времени после 1573 г. (дата «Истории»), а изменения, внесенные в Царственную книгу, явились в качестве ответа прежде всего на главы «Истории», описывавшие события 1542—1553 гг. (не отраженные в Синодальном списке) и на «Отвещание» Курбского царю Ивану 1579 г. Действительно, взгляды Ивана Грозного и князя Андрея на события 30—50-х годов XVI в. во многом противоположны. Верно, что приписки к лицевым летописям составлены в канцелярии Ивана IV. Но и только. До настоящего времени вообще не установлено, когда на Русь попала «История» Курбского. Древнейшие сохранившиеся списки этого произведения не восходят ко времени ранее середины XVII в. Никаких следов «Истории» в русской публицистике XVI в. (как и в польско-литовской литературе) у нас нет. Следовательно, исходить из априорного факта, что Иван Грозный мог читать «Историю» Курбского, нельзя. Но чтобы доказать тезис о непосредственном воздействии «Истории» и «Отвещания» на приписки к лицевым летописям, мало установить наличие в этих памятниках различных оценок, необходимо их текстологическое сопоставление.

Этого Шмидтом не сделано. Впрочем результаты такого сопоставления негативны: даже элементов текстологической связи между разбираемыми произведениями нет. Однако в полемической литературе XVI в. любой публицист, споря со своим идейным

⁴ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени.— «Исторические записки», т. 23, стр. 251—289; он же. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.— «Исторические записки», т. 25, стр. 266—292; С. Б. Веселовский. Интерполяции так называемой Царственной книги о болезни царя Ивана 1553 г.— С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 255—291 и др.

⁵ Н. Е. Андреев. Об авторе приписок в лицевых сводах Ивана Грозного.— «Труды ОДРЛ», кн. XVIII, 1962, стр. 117—148; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, стр. 70—72, 292—293 и др.

противником, в той или иной мере излагал его мнение и оценки, которые он опровергал. Ничего подобного в нашем случае нет. Поэтому у нас нет оснований считать приписки непосредственным ответом на сочинения Курбского. И так, на наш взгляд, устанавливать взаимосвязь памятников только на основании одного сопоставления идей (отсюда датировать их) без текстологического сопоставления нельзя.

Не представляется нам убедительным и следующий методический прием, предложенный Шмидтом.

Общезвестно, что в связи с недостаточностью количества источников по истории Древней Руси существует много различных интерпретаций уникальных памятников, из которых трудно подчас выбрать одну как наиболее убедительную.

Истолковывая сведения приписок, Шмидт из различных объяснений конкретных фактов останавливается на тех, которые соответствуют его общему представлению о времени создания приписок. Все другие объяснения он оставляет в стороне, хотя они допустимы не в меньшей мере. Это методически неверно, ибо читатель лишается возможности оценить степень убедительности построений автора сравнительно с другими. Так, Шмидт говорит об изменении в приписках «взглядов Грозного на историческую роль Глинских» в ходе восстания 1547 г.⁶ Допустим, что так. Но почему это изменение произошло «к концу 1570-х — началу 1580-х годов», а, скажем, не к началу 70-х годов? На этот вопрос автор ответа не дает.

В Синодальном списке и Царственной книге подчеркнуты характеристики новгородцев как крамольников. Шмидт считает это уместным «после страшного новгородского погрома». Действительно, такая оценка тогда была уместна. Но в глазах царя Ивана новгородцы были крамольниками не только после 1570 г., но и до этого. Поэтому не в меньшей мере негативная оценка новгородцев могла быть дана и ранее. Если же мы примем последнее предложение, то правку летописей можно рассматривать как идеологическую подготовку к походу на Новгород⁷.

Совсем уже без всяких оснований Шмидт рассматривает эту правку как опровержение рассказа Курбского о том, что царь избил новгородцев из-за корыстолюбия. В летописи нет ни одного прямого следа ответа на трактовку событий 1570 г. Курбским. Стремление представить царя Ивана в выгодном свете во время Казанской войны или в годы малолетства также могло появиться у редактора летописей времен опричнины без всякого влияния «Истории» Курбского.

В приписках к лицевым летописям благовещенский протопоп Сильвестр нарисован черной краской, а Алексей Адашев выступа-

⁶ С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времен Ивана Грозного.— «Советские архивы», 1966, № 2.

⁷ А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 295.

ет в качестве сторонника царя. Объясняет Шмидт этот факт тем, что в «Отвещании» Курбский защищает от нападок Грозного именно Сильвестра, ничего не говоря об Адашеве⁸. Поэтому и «обрушился» автор приписок в первую очередь на Сильвестра. Но это построение по меньшей мере спорно. Ведь Иван Грозный еще в 1577 г. (т. е. незадолго до того времени, когда, по Шмидту, редактировались лицевые летописи) обрушивал свой гнев на обоих руководителей «Избранной рады» (а не на одного Сильвестра)⁹. В приписках же Адашев представлен вполне respectfully. Курбский в «Истории» героизировал не только Сильвестра, но и Адашева. В своем ответе Грозному Курбский защищал Сильвестра именно потому, что в послании царь нападал преимущественно на благовещенского протопопа. Несомненные противоречия в оценке Адашева автором приписок и самим Грозным не находят в статье Шмидта убедительного объяснения. Вместе с тем существует гипотеза, что автором приписок был друг Адашева дьяк Висковатый, люто ненавидевший Сильвестра¹⁰, из-за которого он чуть не попал в опалу в середине XVI в. Тогда можно объяснить разницу в отношении к обоим героям эпохи реформ взглядами составителя приписок (т. е. Висковатого). Это объяснение гипотетично. Вопрос нуждается в доисследовании. Но с тем, что Шмидт выбирает одно из решений вопроса, причем не лучшее, объявляя его единственно вероятным, согласиться никак нельзя.

Висковатый выступает в приписках одним из наиболее преданных царю лиц. Это, естественно, и датирует их временем, предшествующим казни Висковатого летом 1570 г. Иначе рассуждает Шмидт. Видя благожелательное отношение приписок к Висковатому, он полагает, что такая оценка деятельности дьяка могла появиться *«лишь»* (курсив наш. — А. З.) в последние годы царствования Грозного¹¹. Но почему же не при жизни дьяка? Для доказательства своего тезиса Шмидт строит цепь следующих умозаключений: еще в 1573 г. царь с неприязненностью относится к Висковатому¹², «В конце 1570-х годов неприязнь царя к казненному (в 1569 г.) Старицкому и его окружению вновь усилилась». Поэтому царь изменил отношение к врагу Сильвестра и Владимира Старицкого. Вставка в Царственную книгу — «верный знак реабилитации Висковатого». Никаких конкретных данных в пользу этого допущения у нас нет. Ссылка на то, что в 1583 г.

⁸ С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного, стр. 48.

⁹ «Послания Ивана Грозного». М.—Л., 1951, стр. 209.

¹⁰ Н. Е. Андреев. Указ. статья, стр. 148. Тезис о том, что исправления в Царственную книгу могли быть внесены после октября 1569 г., но до июля 1570 г., Шмидтом не опровергается.

¹¹ С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного, стр. 59.

¹² «Послания Ивана Грозного», стр. 176.

Иван IV послал большой вклад по Висковатому в Троицкий монастырь, связана лишь с составлением синодика 1582—1583 гг., в котором посмертно обелялась память всех убиенных в годы опричнины (в том числе и самого Владимира Старшцого). Впрочем, и сам Шмидт пишет, что и при его объяснении даты приписок к лицевым сводам «остается не вполне понятным выпячивание положительной роли именно Висковатого». Поэтому он делает новое допущение о том, что «при составлении вставок обращались не только к делопроизводственным документам, но и к каким-то летописным заготовкам тех лет, когда официальное летописание было делом Адашева и Висковатого»¹³. Но и на этот раз перед нами только догадка, ибо никаких источниковедческих доводов в ее подтверждение не приведено. Что это были за «заготовки», есть ли их реальные следы в приписках (сшивка текста на месте их включения и т. п.) — все эти вопросы остаются без ответа.

Наконец, гипотеза Шмидта вступает в разительное противоречие с перечнем сторонников Ивана Грозного во время болезни его в 1553 г. по приписке к Царственной книге. В самом деле, кандидатуру сына Ивана IV на русский престол, судя по этой приписке, поддерживали И. В. Шереметев, умерший в 1577 г. (царь с ненавистью писал о нем еще в 1573 г.), М. Я. Морозов и М. И. Воротынский, казненные еще в 1573 г., и В. И. Воротынский, брат казненного в том же году М. И. Воротынского. Уже одно это датирует приписки временем до 1573 г., если видеть в них определенную политическую тенденцию. Чтобы выйти из затруднительного положения, в которое попадает исследователь, склонный признать более позднюю дату приписок, Шмидт обращается к наблюдениям психиатров, считающих, что «у лиц с расстроенной психикой воспроизведение воспоминаний может не совпадать с оценками, близкими по времени к описываемым явлениям»¹⁴. Поэтому царь Иван всякое мог написать, ведь он был психически неуравновешенным человеком. Думается, что это слишком легкий путь объяснения сложных исторических явлений. Если исходить из тезиса Шмидта и объяснять приписки результатом деятельности царя-параноика, то всякое историческое исследование реальной политики правительства можно заменить ссылкой на зигзаги настроения полубезумного монарха. Тогда будет неясным, зачем же сам Шмидт пытался искать политический смысл в приписках, составленных по указаниям Ивана IV.

Параллели с сочинениями Курбского, приведенные Шмидтом, носят настолько общий характер, что доказать связь их со вставками в лицевых летописях не могут. Так, Курбский язвительно пишет, что царь приближал к себе «писарей». Шмидт находит

¹³ С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного, стр. 50.

¹⁴ Там же, стр. 49.

ответ на это в положительной оценке дьяка Висковатого. Курбский в «Отвещании» хвалит Сильвестра и Курлятевых, а в приписках их деятельность оценена отрицательно. Следовательно, приписки являются ответом на сочинения князя Андрея. Но почему, когда наряду с Курлятевым Курбский вспоминает Прозоровских и Сицких¹⁵, во вставках об этих княжатах нет и слова? Почему, когда Курбский пишет о Владимире Старицком, что он был «не достоин сесть на царство», и что деятели «Избранной рады» об этом и не мыслили, автор приписок не «реагирует» на это и не превращает князя Владимира в «достойного мужа»? Наконец, почему же, когда Курбский изображал в своей «Истории» как мученика М. И. Воротынского, автор приписок счел возможным причислить к верным слугам царевым его брата Владимира?

Таким образом, Шмидту, на наш взгляд, не удалось доказать ни позднее происхождение приписок к лицевым летописям (середина 70-х — начало 80-х годов XVI в.), ни наличия в них следов непосредственной полемики с сочинениями Курбского. Причины этого связаны прежде всего с дефектами методики источниковедческого исследования. Шмидт стремится интерпретировать приписки, исходя преимущественно из их идеологической направленности, не уделяя должного внимания их текстологическому сопоставлению с другими памятниками (сочинения Грозного и Курбского)¹⁶. Из нескольких равнозначных объяснений фактов он останавливает свое внимание на тех, которые соответствуют его общему представлению о времени создания приписок. Наконец, решение реальных источниковедческих проблем Шмидт склонен переносить в область чисто психологических рассуждений (о свойствах неуравновешенной природы царя Ивана). Эти приемы исследования не могут, на наш взгляд, привести к достаточным объективным выводам.

Весьма своеобразно рассматривает время создания приписок к лицевым летописям Р. Г. Скрынников. Так, он считает, что приписки к рассказу о заговорах 1553 и 1554 гг. в Синодальном списке и Царственной книге сделаны одновременно в начале 60-х годов XVI в.¹⁷ Аргументы его сводятся к следующему. Разница в освещении роли Адашева в событиях середины XVI в. между приписками и посланиями Грозного князю Курбскому свидетельствуют, по его мнению, о том, что приписки, в которых Алексей выступает верным сподвижником царя, сделаны еще до 1564 г. Но это предположение основано на презумпции о том, что автором приписок является сам царь Иван. Скрынников не может отвести наблюдение Н. Е. Андреева о возможности автор-

¹⁵ «Русская историческая библиотека», т. 31. СПб., 1914, стр. 134—135.

¹⁶ С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые рукописи времени Ивана Грозного, стр. 49.

¹⁷ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966, стр. 33.

ства дьяка Ивана Висковатого, взгляды которого не всегда совпадали с царскими (как и отношение к Адашеву у них было разное). Он только пишет, что «подобное объяснение представляется нам маловероятным». Мнение же об авторстве самого царя Ивана «представляется нам более аргументированным»¹⁸. Вот и все. Никакой дополнительной аргументации. В данном случае мы сталкиваемся с «вкусовой», если так можно выразиться, оценкой итогов источниковедческой работы. О вкусах, конечно, не спорят, но они имеют скорее биографическое, чем научное значение. Из того, что исследователю представлялась та или иная точка зрения более «убедительной» или «вероятной», сама она не становится ни более вероятной, ни убедительной, если не подкреплена новыми доказательствами.

Если даже допустить, что творцом приписок был сам Грозный, то вывод Скрынникова о хронологии их создания еще более сомнителен. Ведь царь резко отрицательно относился к Адашеву не только в 1564 г., но и в самом начале 60-х годов, тогда как в приписках он фигурирует в явно благожелательном свете.

Второй аргумент Скрынникова относится к упоминанию в приписках о Л. А. Салтыкове как о лице, преданном царю. Это, по его мнению, также датирует запись временем до 1564—1565 гг., когда Салтыков давал специальную запись в верности царю и был освобожден на поруки после кратковременной опалы. Но позднее (например, в 1570 г.) Салтыков был сподвижником царя, поэтому приписка о нем могла быть сделана не только до, но и после 1564—1565 гг.

Третий аргумент Скрынникова — одобрительное упоминание в приписке об И. П. Федорове, что могло быть только до 1567—1568 гг., т. е. до опалы Федорова. Вероятно, в данном случае автор рассказа о событиях 1553 г. передавал вполне реальные факты, а поэтому и сообщил, что Федоров, как и Адашев (из песни слов не выкинешь!), поддерживал в 1553 г. кандидатуру царевича Дмитрия на русский престол¹⁹. Но вместе с тем тот же составитель приписки к Царственной книге не преминул изблечить Федорова как одного из инициаторов боярских свар в рассказе о Московском восстании 1547 г. Следовательно, и положительная оценка деятельности Федорова в 1553 г. не дает достаточных оснований для ранней датировки приписок²⁰.

¹⁸ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 30.

¹⁹ Выводы Р. Г. Скрынникова о том, что рассказ о мятеже 1553 г. «в целом носит легендарный характер» (Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 31), не подкреплен фактами. В то же время сам Скрынников пишет, что «достоверность материала и подробности, сообщаемые в приписках, наводят на мысль, что при составлении их могли быть использованы подлинные документы следствия о боярском заговоре» (там же, стр. 32). Что-нибудь одно: или приписки фантастичны, или в них материал достоверен.

²⁰ Споря о предложенной мною датировке приписок к Царственной книге, Скрынников пишет, говоря о событиях 1553 г., что «подобная версия ни-

Наконец, совсем вскользь Скрынников замечает, что в 1567—1569 гг. «Старицких обвинили в столь серьезных государственных преступлениях, что старые обвинения насчет несостоявшейся попытки дворцового переворота, обвинения пятнадцатилетней давности, утратили прежнее значение»²¹. Но в таком случае и вообще все приписки рассматривать в связи с судьбами тех или иных политических лиц в годы опричнины просто бессмысленно, ибо большинство из них просто было казнено, а обвинения, возводившиеся на них, столь нелепы и грандиозны, что с ними не могли спорить «исторические» ссылки «в лицевых летописях». Но постановка вопроса Скрынниковым о несообразности исторических размышлений и политической действительности представляется неверной. Обвинения в посягательстве на русский престол в 1553 г., конечно, имело реальный политический смысл из-за казни Старицких за государственную измену в 1569 г.

Скрынников, оценивая приписки к Царственной книге, считает, что ряд из них был сделан одновременно. Там, где он датирует приписки к Царственной книге временем после событий Новгородского похода 1569—1570 гг., у нас с ним расхождений нет (например, рассказа о Федорове в записи о восстании 1547 г.; упоминание как о крамольнике о А. Басманове, погибшем в 1569 или 1570 г., в рассказе 1543 г.; исключение имени Аммоса, казненного в 1570 г., из сообщения 1553 г.)²².

Сам тезис Скрынникова о том, что одну и ту же летопись правили одним почерком на протяжении нескольких лет, мне представляется крайне сомнительным. Приведенные Скрынниковым данные для этого совершенно недостаточны, а никакого анализа чисто палеографического (совершенно необходимого в подобных случаях) автор не дает. И в данном случае выводы автора не могут быть приняты ввиду погрешностей в методике их обоснования. Обращение к тексту рукописей даже изданных произведений в тех случаях, когда необходимо установить личность их творца, — неперемное условие всякого исследования. В последнее время Б. М. Клоссу удалось сделать очень важное наблюдение о канцелярии, в которой составлялась Никоновская летопись, об ее непосредственных источниках, в первую очередь на основании того, что он попытался идентифицировать почерк ряда рукописей, вышедших из митрополитовой канцелярии.

Синодальный список лицевого свода доводит изложение до августа 1567 г. Нам и представляется, что правке он подвергся вскоре после того, т. е. около 1568 г. Это подкрепляется анализом самих приписок. Под 1554 г. здесь сторонниками крамоль-

как не могла быть сочинена в 1567—1568 гг., поскольку именно в эти годы Федоров подвергся опале и казни» (*Р. Г. Скрынников. Начало опричнины*, стр. 28). Но я пишу, что приписки составлены были в конце 1569 — начале 1570 г., когда эпизод с Федоровым был уже в прошлом.

²¹ *Р. Г. Скрынников. Начало опричнины*, стр. 32.

²² Там же, стр. 33.

ного князя Семена Лобанова-Ростовского названы П. М. Щенятев, Д. И. Немой и Куракины²³. Всех их постигла опала в 1565 г. Подробный рассказ об «измене» князя Семена является прямым публицистическим ответом на эти события. В августе 1568 г. «Летописец» был взят по требованию Ивана IV в Слободу²⁴. Очевидно, тогда и производилась его правка. В лицевой свод были внесены мотивы, свидетельствующие о том, что Иван Грозный выражал свое неудовольствие князем Владимиром Андреевичем (претендующим на московский престол) и новгородцами, старинными сторонниками Старицких князей²⁵.

Синодальный список вместе со вставками был переписан на бело в Царственной книге, которую в свою очередь какой-то редактор из окружения Ивана Грозного испещрил пометами. Выше уже приводились соображения о том, что их составление относится ко времени до казни И. М. Висковатого (лето 1570 г.). В новых вставках Владимир Старицкий уже назван не «братом» царя (как в более ранних летописях), а просто «князем»²⁶. Поэтому прав Шмидт, считающий вслед за рядом исследователей, что вставки в Царственную книгу сделаны были после казни князя Владимира 9 октября 1569 г. Среди крамольных бояр в приписке под 1553 г. назван князь И. И. Пронский, погибший в 1569 г. в связи с казнью князя Старицкого. Это также делает более раннюю датировку невозможной²⁷. В числе сторонников князя Владимира называются также П. М. Щенятев, князь С. Лобанов-Ростовский, князь Д. И. Немой (как и в Синодальном списке), а также Сильвестр, Д. И. Курлятев (в опале с 1562 г.), князь И. М. Шуйский, Ф. Г. Адашев (отец Алексея Адашева), казначей Н. Фундигов-Курцев (казнен в 1570 г.)²⁸.

²³ Подробнее см.: А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 70—72, 292—293; ПСРЛ, т. 13, стр. 238. В приписке названы также князь В. Серебряный, казненный летом 1570 г. (А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного, стр. 430), и кн. С. Микулинский, умерший в 1559/60 г. (А. А. Зимин. Состав боярской думы в XV—XVI веках.— «Археографический ежегодник за 1957 г.», М., 1958, стр. 62). В 1559 г. по брате Петра Серебряного Василии и племяннике Борисе была взята поручная (СГГД, ч. 1. № 186), а сам князь Петр оставлен воеводой в пограничной крепости Озерпще.

²⁴ «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г.», М., 1960, стр. 43.

²⁵ У князя Владимира в Новгороде было свое подворье, а в его княжестве служил ряд новгородских помещиков (Р. Г. Скрынников. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник.— «Ученые записки ЛГПИ», № 278. Л., 1965, стр. 52).

²⁶ А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893.

²⁷ Среди сподвижников Грозного называется И. П. Федоров, погибший в 1568 г., возможно, к концу 1569 — началу 1570 г. он перестал числиться «изменником». Скрынников обратил также внимание на то, что под 1553 г. вычеркнуто имя протопопа Аммоса, духовника царя (ПСРЛ, т. 13, стр. 527). Это он связывает с тем, что Аммос в 1570 г. был казнен как изменник (Р. Г. Скрынников. Начало опричнины, стр. 33).

²⁸ По приписке к Царственной книге одним из советников А. М. Шуйского в 1543 г. был А. Д. Басмавов (ПСРЛ, т. 13, стр. 443). Этот царский любя-

К настоящему времени приписки к лицевым летописям XVI в. сделались полнозначным историческим источником. Не все еще, правда, остается вполне ясным. Некоторые вопросы продолжают оставаться предметом научной полемики. Надо думать, что введение в научный обиход новых источников и совершенствование методики исследования приведут к полному решению одной из волнующих источниковедческих загадок, относящихся к памятникам по истории России XVI в.

«ВЫПИСЬ О ВТОРОМ БРАКЕ ВАСИЛИЯ III»

К числу малоизученных памятников XVI в. принадлежит так называемая «Выпись о втором браке Василия III» (1525 г.), которая содержит рассказ об обстоятельствах развода великого князя Василия Ивановича с Соломонией Сабуровой и о позиции Вассиана Патрикеева по отношению к этому событию²⁹. С. А. Белокуров, Е. Е. Голубинский и другие исследователи считали, что «Выпись» составлена была не ранее второй половины XVI в. ввиду имеющих в ней анахронизмов и отзвуков событий опричной поры³⁰. М. Н. Тихомиров, обратив внимание на то, что в двух из пяти известных в то время списков «Выписи» ее составитель Паисий назван старцем Серапонского монастыря, отождествил его с одноименным монахом афонского Ксиропотамского монастыря, известным по акту 1544 г., а поэтому и датировал памятник 40-ми годами XVI в.³¹

Последнее по времени исследование «Выписи» написано Шмидтом. Автор, не проводя розысканий новых списков памятника и текстологического сопоставления дошедших до нас текстов, ограничил свою задачу тем, что на ряде примеров как бы проиллюстрировал точку зрения, высказанную Тихомировым³².

В работе отсутствует необходимое для обоснования научной гипотезы доказательство того, что предложенное построение лучше других объясняет историю создания памятника. Иными словами, автор не пытается даже опровергнуть самую возможность других датировок «Выписи».

Обратимся теперь к тексту памятника. Кроме известных в

мец погиб в связи с новгородским делом 1569/70 г. (*Р. Г. Скрынников. Начало опричнины*, стр. 301).

²⁹ Опубликована в «Чтениях МОИДР», 1847, № 7, отд. II, стр. 1—8, а также в кн.: С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898 (далее — Белокуров), приложение, стр. L—LXV.

³⁰ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II. 1-я половина. М., 1900, стр. 732—733.

³¹ М. Н. Тихомиров. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III.— «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского». М., 1928, стр. 91—98.

³² С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III.— «Новое о прошлом нашей страны». Сборник. М., 1967, стр. 110—122.

литературе пяти списков памятника, нам удалось обнаружить еще восемь, в том числе древнейший (начало XVII в.). Библиотечный (Б)³³, списки XVII — начала XVIII в. — Академический (А)³⁴ и др.³⁵

Еще Тихомиров разделил «Выпись» на три части. Первая из них рассказывает о решении Василия III вступить во второй брак и о деле Вассиана Патрикеева и Максима Грека. Вторую часть «Выписи» составляет рассказ о послании великому князю патриарха Марка в ответ на просьбу Василия III разрешить ему второй брак. Третью часть выпиши, по Тихомирову, составляет рассказ о соборах на Афоне, где рассматривался вопрос о каноничности второго брака Московского государя. Таково содержание «Выписи». Теперь посмотрим, насколько имеющиеся в ней «реалии» (сведения о фактах и лицах) соответствуют конкретной обстановке, в которой происходили события 1525 г.

Древнейший по времени список «Выписи» (Б) дает новый, не известный ранее исследователям вариант заглавия памятника: «Выпись из святогорские грамоты» (вместо «Выпись из государевы грамоты»). Он, очевидно, первичного происхождения ввиду соответствия дальнейшему тексту памятника («что прислано к великому князю»). Никакой «государевы грамоты» в «Выписи» нет, а вот святогорской он заканчивается.

В «Выписи» по списку Б и другим монастырь называется «Серапонским». Как доказал Тихомиров, речь идет о Ксиропотамском монастыре. Но вот отождествление Паисия из «Выписи» со старцем афонским 1544 г. основано лишь на совпадении имен. В истории Ксиропотамского монастыря вряд ли был какой-либо период, когда среди монахов не было Паисия.

В «Выписи» по списку Ундольского № 338 (XVIII в.) упоминается русский посол в Крыму Иван Васильевич Колычев (во всех остальных списках — Иван Колычев). В Крым, как известно, ездил Иван Андреевич Колычев с 1522 по 1525 г.³⁶, следовательно, речь должна идти о последнем. Вряд ли он мог с собой привезти в Москву «епистолию» от патриарха Марка, так как вопрос о втором браке Василия III возник уже после его отъезда в Крым, т. е. в 1523 г. Иван Андреевич Колычев привез с собой, судя по «Выписи», монаха Серапонского монастыря Гавриила (по списку Ундольского по отечеству «Мстиславича»). Его Тихомиров отождествляет с протом Святой горы Гавриилом (1527 г.). Это предположение основано только на совпадении имен.

³³ ГПБ, Q, XVII, № 134.

³⁴ ГПБ, СПДА, № 270/1.

³⁵ ЛОИИ, Собрание рукописей, кн. 256; ГБЛ, Собрание Шпбанова, № 122 и др. В настоящее время издание «Выписи» по всем известным спискам подготовлено автором этих строк к печати.

³⁶ «Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года». М., 1960, стр. 101—102, 18 февраля 1525 г. перед ним в Крыму Сагиб-Гирей принес шерсть (СГД, ч. V, № 101, стр. 103).

В «Выписи» упоминается архимандрит Симонова монастыря Иона. Это ошибка. В Симонове монастыре при Данииле в 1520—1526 г. был архимандрит Герасим Замыцкий, а в 1528 г. — Филофей. Возможно, речь идет о чудовском архимандрите Ионе Сабине (с 1518 г.)³⁷.

В «Выписи» говорится, что на соборе против Вассиана Патрикеева выступал Вассиан Топорков (двоюродный брат Иосифа Волоцкого, епископ Коломенский). Он получил свой сан 2 апреля 1525 г. Об участии в суде над Вассианом Патрикеевым Вассиана Топоркова и Ионы ни судное дело 1531 г., ни какой-либо другой источник ничего не говорят.

В «Выписи» спутаны соборы 1525 и 1531 гг., которые представлены как один собор. По этому памятнику получается, что Вассиан был «пойман» за свое отрицательное отношение к разводу Василия III. А на самом деле это случилось в 1531 г., т. е. почти через 6 лет после развода великого князя. При этом в судном списке по делу о Вассиане об отношении его к разводу не говорится. Все эти сведения разновременны. Сведения о местах заключения Вассиана и его соратников Максима Грека и Михаила Медоварцева, по «Выписи», соответствуют решению собора 1531 г. Савва же Грек попал в Рождественский монастырь «на Возмище» (Волоколамский) еще в 1525 г.

«Выпись» по списку Уварова № 116 знает духовника Василия III протопopa Благовещенского Василия. Это реальное лицо, упоминающееся в духовной записи Василия III в 1523 г.³⁸ Однако поскольку в других списках имени «Василий» не значится, то в архетипе «Выписи» его не было. Трудно сказать, откуда знамя великокняжеского духовника составитель списка Уварова № 116. Во всяком случае тот же список дает комментарий и о Вассиане Патрикееве («был... боярин»).

По «Выписи», «изымал» Вассиана дьяк «введенный» Трифон Ильин. Трифон Ильин последний раз в источниках упоминается в августе 1529 г.³⁹ Поэтому его упоминание в связи с событиями 1531 г. сомнительно. По «Выписи», уже после процесса Максима Грека и Вассиана Патрикеева, но до развода Василия III «учинил езд в Александровское село». Это было, следовательно в 1525 г.⁴⁰

В «Выписи» есть целый ряд наименований на неизвестном языке. Как установил Шмидт, ни в албанском, ни в греческом, ни в молдавском, ни в сербском, ни в турецком языках «слова

³⁷ П. Строев. Списки перархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877, стлб. 150, 162.

³⁸ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.—Л., 1950, № 100, стр. 415.

³⁹ Сб. РИО, т. 35, стр. 795.

⁴⁰ Известно, что между 10 сентября и 10 ноября 1525 г. князь великий ездил «в объезд» (ЦГАДА, Собрание Оболенского, № 42, лл. 22 об.—23).

в таком написании не встречаются»⁴¹. Но тогда перед нами, видимо, не «малопонятные иностранные слова» (Шмидт), а искусственная стилизация.

Итак, разбор «реалий», имеющих в «Выписи», приводит к выводу, что в этом памятнике содержится причудливая смесь достоверных данных и совершенно ошибочных фактов, касающихся самого стержня повествования. Такая смесь не могла быть создана современником событий, который, конечно, не мог спутать два собора на Максима Грека, слив их воедино. Значит, памятник скорее всего возник много лет спустя, но в распоряжении его создателя находились какие-то материалы о давно прошедших событиях.

Шмидт объединяет первые две части «Выписи» в одно сочинение, которое он называет «Словом», а третью отделяет от них в особое «Писание». По его мнению, «части эти могли быть написаны одновременно и лишь потом были объединены в одном сочинении»⁴². Доводы автора следующие: 1) в третьей части нет малопонятных слов, которые встречаются в первых двух; 2) в третьей части отношение к браку Василия III иное, чем в первых двух, причем в ней обнаруживается «противомусульманская направленность». Допустим, что это так, но и в этом случае для гипотезы об отдельном бытовании «Писания» доводов явно не хватает. Ведь именно автор «Выписи» мог противопоставить мнение афонских старцев посланию Марка. Возможно также, что в тех словах, которые встречаются в первых двух частях памятника, в третьей просто не было необходимости. В источниках, которыми пользовался составитель «Выписи» (послание афонских старцев), этих слов могло не быть, а в начальную часть произведения он внес их от себя. Приведенное выше рассуждение, как и догадка Шмидта, не выходит из круга предположений. Но гораздо важнее структурное и стилистическое единство всего произведения. В ответе афонских старцев как бы подводился итог всему спору о втором браке. Скорее всего поэтому памятник и озаглавлен «Выпись из святогорские грамоты». На протяжении всего текста встречаются одни и те же словесные формулы (например, «заради чадородия», «заматеревши великой княгине»).

Шмидт пишет: «Очевидно, еще в 20-е годы XVI в. появились сочинения, направленные против развода Василия III»⁴³. И для этого предположения никаких реальных оснований нет. Правда, в Псковской летописи под 1523 г. рассказывается о совещании великого князя с боярами по поводу развода⁴⁴. Но краткая летописная запись не есть самостоятельное литератур-

⁴¹ С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III, стр. 114.

⁴² Там же, стр. 115.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Псковские летописи», вып. 1. М.—Л., 1941, стр. 103.

ное произведение. Однако на своем допущении Шмидт строит новую гипотезу: «Современные описываемым событиям сочинения и могли лечь в основу изучаемой «Выписи»⁴⁵. Если в «Выписи» и находились следы современных событиям материалов, то они носили характер чисто документальный (послания афонских монахов и т. п.).

В тексте предсказаний патриарха Марка и Вассиана Патрикева Шмидт обнаруживает указания на события 1530—1540 гг. Так, Вассиан говорит: «Бог наведет плен варварский христианом..., придет гнев божий на град твой, оно варварским нахождением, ово огненным запалением, ово грамогласием и земли в жреннем или трясеннем»⁴⁶. Эти слова «в общем плане» Шмидт относит к концу 30-х — 40-м годам. Но разве тогда были «варварское нахождение» на Москву и «плен варварский»? Тогда как нашествие Девлет-Гирея и сожжение столицы в 1571 г. — исторический факт.

В предсказании Марка говорится, что наследник Василия III «свое все и чужее истребит и наполнитя твое царство страсти и печальми»⁴⁷. Итак, речь идет о злодеяниях Ивана Грозного. Относить их к 30—40-м годам достаточных оснований нет. Самому великому князю было от 10 до 17 лет, и давать ему столь уничтожающую характеристику было бы еще преждевременно, несмотря на то, что вспышки гнева у него и обнаруживались. Публицистика той поры и более поздней ответственность за «нестроения» 40-х годов возлагала не на великого князя, а на боярских правителей.

Шмидт обращает внимание на то, что Марк предсказывает «сарапачасийских родов и юнош нещадение, ово на кола, а иным усечение главное». Этот текст он сопоставляет с известием о том, что в 1547 г. посадили на кол князя Ф. И. Овчинникова-Оболенского и отрубили голову князю И. И. Дорогобужскому. «Быть может, — продолжает Шмидт, — поводом для казни... послужили разговоры о происхождении Ивана IV и о недостойном поведении его матери». Гадать о причинах этих казней трудно⁴⁸. Но и головы летели и на кол сажали не только (и не столько) в

⁴⁵ С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III, стр. 116.

⁴⁶ Белокуров. Указ. соч., стр. LVIII.

⁴⁷ Там же, стр. LX.

⁴⁸ Шмидт предлагает такое построение: «Не исключено, что рассказы иностранцев о причине казни в 1564 г.» Д. Ф. Овчинникова основаны на воспоминаниях о причине казни его родственника и однофамильца в 1547 г. (указ. соч., стр. 118). Но по Шлихтингу, Д. Оболенский казнен, ибо упрекнул Ф. Басманова в мужеложстве. Ни о каком Ф. Басманове в 1547 г. не было и речи. Трудно подкрепить свидетельствами источников такие объяснения Шмидта о казнях 1548 г.: бояре были казнены за сопротивление Ивану IV, начав выговаривать ему неуважительность «потех» (там же, стр. 118). Возможно. А возможно, и по другим причинам.

1547 г., сколько в годы опричнины и даже позднее (на кол посадили Б. Д. Тулупова в 1575 г.).

Эта методика доказательств применяется Шмидтом и в дальнейшем. Пишет патриарх Марк об «граблении» наследником Василия III чужого имения, конфисковывал Иван IV в 1546—1547 гг. имение казенных, значит «Выпись» составлена примерно в это время. Но конфисковывались имения казенных и в годы опричнины ничуть не меньше, а даже больше, чем в конце 40-х годов. Увы, об этом Шмидт даже не упоминает, хотя факты широко известны.

По патриарху Марку, «мнози гради огнем попрали будут». В апреле 1547 г. были пожары в Новгороде и Москве. Следовательно, подводит итоги Шмидт, предсказание «точно конкретизируется в сравнительно узких хронологических рамках событий середины 1546 — начала 1547 г. Все это позволяет предположить, что цитированный текст предсказания патриарха Марка был написан весной—летом 1547 г.»⁴⁹. Допустим, что в «Выписи» описывались события 1546 — начала 1547 г., но и тогда это не означает, что сам памятник должен быть составлен в те же годы, когда они происходили. Как известно, горела Москва и в 1571 г. Поэтому приурочивать предсказанные якобы Марком пожары к 1547г. нет достаточных оснований.

Далее Шмидт рисует столь же сложную, сколь и неаргументированную историю создания «Выписи». Так как в тексте «Слова» встречаются «малопонятные выражения», то «в первоначальной редакции» оно составлено весной — летом 1547 г. кем-то, имевшим отношение к Афону. Но почему? Малопонятные выражения не говорят о близости автора к Афону — они могли являться следами как раз позднего происхождения памятника. Составлена «Выпись», по Шмидту, возможно, на основе переработанного текста какого-то более раннего сочинения, современного описываемым событиям. Но где данные в пользу многослойности текста произведения? И на этот раз отсутствие текстологического анализа лишает предположение Шмидта достаточной убедительности. «Выпись» не могла быть составлена в 40-е годы XVI в., ибо современники хорошо знали, за что судили Вассиана. Да и Шмидту, путаница соборов 1525—1531 гг. и «в первоначальном тексте памятника» является маловероятной⁵⁰.

«Слово», по Шмидту, «есть основание рассматривать как политический памфлет, направленный против власти Глинских и молодого царя, а возможно, даже и против присвоения Иваном IV царского титула и его женитьбы»⁵¹. В пользу этого предположения Шмидт не располагает никакими данными, кроме утверж-

⁴⁹ С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III, стр. 119.

⁵⁰ Там же, стр. 113.

⁵¹ Там же, стр. 119.

дения о том, что деятельность Грозного рисуется в «Выписи» в мрачных тонах. Но это совершенно недостаточно для датировки памятника 1547 годом.

Шмидту представляется, что «Слово» «могло быть использовано теми, кто обвинял Глинских в поджоге Москвы»⁵². Но какие основания для этого? Решительно никаких. Поэтому автор сразу же предлагает другой вариант датировки: «Не исключено, впрочем, что «Слово» написали и вскоре после восстания в оправдание опалы Глинских». Но ведь о Глинских ни слова в «Выписи» нет! И дальше: «Слово», по Шмидту, в обстановке 1547 г. «могло оказывать большое возбуждающее действие на современников». Могло. А могло и не оказывать, если его никто не знал или если оно вовсе в это время не было написано.

Вслед за этим автор переходит к разбору «Писания», которое, по его мнению, «очевидно» (в каком смысле употреблено это часто встречающееся у Шмидта наречие, остается неясным), присоединено к «Слову», которое при этом подверглось «некоторой переработке». Есть ли у Шмидта основания для подобного допущения? По его мнению, начало «Слова» с восхвалением Василия III и упоминанием о чудотворцах «нисколько не согласуется с последующим текстом»⁵³. И опять декларативное утверждение, не имеющее аргументации. Ссылка же на то, что в списке У нет нескольких первых фраз (текст о чудотворцах и похвала Василию там есть), не может служить доказательством, ибо эти фразы просто опущены при включении «Выписи» в состав «Жития Максима Грека». Никакого текстологического обоснования тезиса о «редактировании» первоначального текста «Слова» у Шмидта нет. Он просто пишет: «Очень возможно, что именно эту работу по составлению «Выписи» и проделал серб Паисий, наиболее вероятный автор «Писания», с именем которого традиция связывала авторство памятника в целом»⁵⁴. Ведь «авторство» «Выписи» приписывалось Паисию, упоминаемому в афонских документах 40-х годов XVI в. И здесь оказывается все так просто. Нет нужды обращать внимание на такую деталь, что «Выпись» приписывалась Паисию, но отнюдь не обязательно тому, который жил в 40-е годы XVI в. Можно не доказывать, что именно Паисий был автором «Писания». Можно не согласовывать вывод об авторстве Паисия всей «Выписи» в целом с тем, что, по Шмидту, уже составитель «Слова» имел отношение к Афону. Достаточно отметить, что в 40-х годах XVI в. были тесные отношения между Россией и Молдавией, и отметить, что литературная манера «Писания» «заставляет вспомнить» Большую челобитную Пересветова. Как будто не было сношений с Афоном

⁵² С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III, стр. 120.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

позднее (в начале XVII в.), как будто не сочиняли аналогичных произведений после Смуты (в том числе и обработок Большой челобитной).

Датирует «Выпись» Шмидт так: «Если «Слово» сразу же после написания начали распространять (об этом никаких данных у нас нет.— А. З.), особенно если это сочинение дошло до Ивана IV и митрополита Макария (тем более это чистая догадка.— А. З.), то «Писание», а следовательно, и «Выпись» в целом могли составить очень скоро после «Слова»⁵⁵. А вот и довод в пользу этого предположения: выпады против бусурманства «Выписи» д-я Паисия⁵⁶. О последнем мы уже говорили, а с «бусурманством» боролись не только в 40-х годах XVI в., но и в 50—70-х годах XVI в., и в гораздо более позднее время.

Итак, «Выпись» осталась «незавершенной». Именно «Слову», считает Шмидт, противопоставили «Похвалу» о рождении Ивана IV, помещенную в Степенной книге⁵⁷. Но есть ли у автора какие-либо текстологические данные в пользу своего наблюдения, т. е. есть ли между памятником какая-либо текстуальная связь? Ничего подобного. Только одно: в «Выписи» о Грозном пишется плохо, а в «Похвале» воздается хвала Василию III и выражается радость по поводу рождения наследника престола. Но подобное похвальное слово, если употреблять применяемую Шмидтом терминологию, «могло» возникнуть и без всякой связи с «Выписью».

На этом история создания текста «Выписи», по Шмидту, не завершилась. В годы опричнины «Выпись» (а точнее «Слово») «могла быть использована кругами, недовольными Грозным». В браке с Еленой Глинской «современники искали объяснения жестоким поступкам Ивана Грозного». Да, Курбский искал — и только. «Возможно, что уже тогда была принципиально изменена концовка «Выписи», дошедшая до нас в позднем житии Максима Грека: афонские старцы — по тексту жития — запрещают Василию III вступать во второй брак»⁵⁸. Но ведь соотношение дошедших списков памятника не может основываться на «возможности». Список Ундольского действительно дает позднейшую концовку «Выписи». Но само «Житие Максима Грека» по

⁵⁵ С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III, стр. 121.

⁵⁶ Шмидт ссылается также на игумена Хиландарского монастыря Паисия, побывавшего на Руси в 1550 г. «Быть может, — пишет он, — это одно и то же лицо (с предполагаемым автором «Выписи». — А. З.), или переписчики спутали впоследствии названия монастырей (там же). Слова «быть может» или «не исключено» не освобождают исследователя от необходимости доказывать свои догадки.

⁵⁷ «Похвала», по мнению Шмидт, написана, «видимо, раньше» Степенной книги. Возможно, у автора есть какие-то данные в пользу этого наблюдения, которым он в свое время поделится с читателями.

⁵⁸ С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III, стр. 122.

списку Ундольского появилось не ранее XVII в., и обработка «Выписи» произведена составителем «Жития» (кстати, Шмидт даже не счел «возможным» указать, к какому времени относится создание этого варианта «Жития»).

И, наконец, последнее «возможно», предложенное Шмидтом: «Возможно, что именно в годы опричнины были внесены в текст и объяснения малопонятных слов (первоначально это могло быть сделано в виде глосс, разъясняющих трудные слова)»⁵⁹. Но именно этих объяснений вместе с некоторыми темными словами («рекше болярстни», «друкелех, рекше», «урдюкеле, рекше» и т. п.) нет в списке Ундольского. Тогда, следуя методике Шмидта, мы могли бы сказать, что «возможно» в годы опричнины разъяснения были изъяты из текста «Выписи». Впрочем, уже сама посылка Шмидта неверна: в последней части «Выписи» «малопонятные» слова есть (ср. «изгнали были от хабяшев, и ароунов и тефлизов»).

Теперь вопрос о взаимоотношении «Истории» Курбского и «Выписи». Для Шмидта проблемы тут нет. Он отрицает возможность влияния «Истории» на «Выпись» уже потому, что «Выпись» считает более ранним памятником. А отсюда считает знакомство Курбского «с сочинениями о втором браке Василия III» несомненным⁶⁰. И доказывать текстологически нет никакой необходимости! Н. А. Казакова, сравнив оба памятника, не только высказывается в пользу одновременности их возникновения, но и ставит вопрос «о влиянии одного из них на другой»⁶¹.

Рассмотрим пристальнее оба памятника.

1. В обоих содержится отрицательная оценка развода Василия III. Но у Курбского развод объясняется склонностью великого князя «ко многим злым и спротив закона божия делом»⁶². По «Выписи», Василий III — великий государь, озабоченный продолжением своего рода («ради всыновления»). Для Курбского развод — просто «беззаконие», для автора «Выписи» — грех.

2. По обоим памятникам против развода выступал Вассиан Патрикеев. По Курбскому, Василий III не только не послушал Вассиана, но и «заточити повелел» в Иосифов монастырь. Он же заточил и других «святых мужей» или предал на смерть, среди них Максима Грека. По контексту получается, что великий князь разгневался на Вассиана из-за его сопротивления разводу. Но прямо Курбский не говорит, что «заточение» Вассиана последовало непосредственно вслед за обсуждением вопроса о втором браке. В «Выписи» же четко сформулировано, что Вассиан и

⁵⁹ С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III, стр. 122.

⁶⁰ Там же, стр. 122. М. Н. Тихомиров пишет осторожнее: «Может быть, «Выпись» была уже известна и Курбскому» (М. Н. Тихомиров. К вопросу о «Выписи» о втором браке царя Василия III, стр. 94).

⁶¹ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.— Л., 1960, стр. 70.

⁶² РИБ, т. 31, стлб. 162.

Максим Грек осуждены были в период обсуждения вопроса о разводе, т. е. в 1525 г. Ясно, что у Курбского при всей нечеткости изложения события представлены верно: связь опалы Вассиана с разводом у него причинная, а не временная.

3. По Курбскому, «лютость» Грозного объясняется тем, что он родился «в законопреступлению и во сладострастную»⁶³. По «Выписи», и Вассиан Патрикеев, и патриарх Марк предсказывают, что за грехи «придет гнев божий», «за прелюбодеяние бо воздаются царем чада порушению («порушение»)»⁶⁴. Темы «кровоийственного рода» в «Выписи» нет. Итак, влияние «Выписи» на Курбского мало вероятно и по идейному разномыслию авторов, и по фактическим расхождениям. Источник информации у Андрея Курбского ясен — это Семен Курбский, выступавший против развода Василия III и попавший в опалу. Зато влияние «Истории» Курбского на автора «Выписи» не исключено, ибо этим можно объяснить ту путаницу соборов 1525 и 1521 гг., которая могла возникнуть именно при истолковании ее текста.

Изложенное выше позволяет сделать несколько выводов, которые носят предварительный характер до завершения текстологической работы над «Выписью» (и издания текста памятника).

Время возникновения «Выписи» определяется двумя ее сторонами: содержанием, в первую очередь интересом к опричнине и гибели династии, и формой — стилизацией под делопроизводственные произведения с элементом «предсказаний». Все это ведет нас скорее всего к концу XVI — началу XVII в. Первой третью XVII в. и датируется древнейший список памятника (Б). В то время публицистика обращает свое внимание к событиям опричной поры, в которых она видит корень всех бед, постигших страну. В конце XVI — начале XVII в. распространяется жанр «предсказаний», написанных задним числом после происшедших событий. Наконец, тогда же появляются такие произведения в приказной среде, как «Сказание о Петре Волосском» и «Повесть о двух посольствах», написанная в виде статейного списка. В ней содержится также «пророчество» о прошедших событиях («в вашей земле будет трясение великое»⁶⁵). В приказной среде, близкой к Посольскому приказу, надо искать и составителя «Выписи». Этот памятник сложился, возможно, в одно время с публицистической обработкой судебных материалов о Максиме Греке. Во всяком случае оба памятника находятся в одном (Погодинском) сборнике и в обоих процессы 1525 и 1531 гг. слиты воедино, хотя в «Судном деле» это слияние неполное. Каковы источники «Выписи», в настоящее время представить трудно. Наличие в ней некоторых «реалий» ведет нас к материалам государственной казны. Но большего пока сказать трудно.

⁶² РИБ, т. 31, стлб. 165.

⁶⁴ Белокуров. Указ. соч., стр. LX.

⁶⁵ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ГОДРЛ, т. XI. М. — Л., 1953, стр. 251.

**«ИСТОРИЯ О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ МОСКОВСКОМ»
А. М. КУРБСКОГО И РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ
О ВОССТАНИИ 1547 г.**

Среди памятников общественной мысли XVI в. в последнее время снова обратила на себя внимание «История о великом князе Московском» князя А. М. Курбского. Перед исследователями встала задача изучения всей рукописной традиции этого произведения, среды, в которой она бытовала, ибо без этого невозможно установить, когда же «История» появилась в России. Необходимо выяснить степень достоверности конкретно-исторических сведений, сообщаемых Курбским, причем не на основе отдельных примеров, а путем сплошного источниковедческого разбора памятника. В этой области сейчас плодотворно работает Ю. Д. Рыков⁶⁶. А. Н. Гробовский изучил смысл очень важного для понимания событий середины XVI в. термина «Избранная рада», встречающегося только у Курбского⁶⁷. Сделаны были наблюдения и о времени написания «Истории»⁶⁸.

«Историю» Курбского Шмидт справедливо вслед за другими исследователями считает произведением, адресованным прежде всего читателям Речи Посполитой. Но тут же он прибавляет, что «История» в какой-то мере рассматривалась как ответ на послание Ивана Грозного 1564 г., Пространная редакция которого тоже направлялась польско-литовским читателям⁶⁹. Свое произведение Курбский стремился «не только противопоставить трактовке Грозным основных событий истории России середины XVI в., но и опровергнуть конкретные замечания, имевшиеся в послании царя»⁷⁰. Если в работе о приписках сходный тезис (о влиянии полемики и сочинений Курбского на автора приписок) Шмидт пытался аргументировать (разница в идеологии авторов и т. д.), то на этот раз перед нами голая декларация, ибо

⁶⁶ Ю. Д. Рыков. «История о великом князе Московском» князя А. М. Курбского как источник по изучению опричнины.— «Материалы XXV научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика». Гарту, 1970, стр. 19—24; *он же*. Владельцы и читатели «Истории» князя А. М. Курбского.— «Материалы научной студенческой конференции».— «МГИАИ», вып. II. М., 1970, стр. 3—6; *он же*. Редакция «Истории» князя Курбского.— «Археографический ежегодник за 1969 год». М., 1971, стр. 129—137.

⁶⁷ А. Grobovsky. The Chosen Council of Ivan IV. N. Y., 1969.

⁶⁸ А. А. Зимин. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? — ТОДРЛ, т. XVIII, стр. 305—308.

⁶⁹ С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 123.

⁷⁰ С. О. Шмидт. К изучению «Истории» князя Курбского (О поучении попа Сильвестра).— «Славяне и Русь». М., 1963, стр. 367. Шмидт писал и ранее о том, что послание Пространной редакции предназначалось «прежде всего для зарубежного читателя» (С. О. Шмидт. К истории соборов XVI в.— «Исторические записки», т. 76, стр. 141). Но в обоих случаях он свою догадку не аргументирует.

никаких «конкретных замечаний» Грозного, опровергаемых Курбским, он так и не указывает⁷¹.

«История», по мнению Шмидта, написана «не без воздействия и зарубежных образцов». Эта тема «еще ждет исследователя». С этим можно согласиться. Но все равно остается неясным, на каком основании автор пишет: «Можно полагать (почему? — А. З.), что в результате такой работы позволительно будет выделить в сочинениях Курбского некоторые (какие? — А. З.), доныне не отмеченные черты, сближающие «Историю» с произведениями европейской исторической общественной мысли гуманистического толка» (какими? — А. З.)⁷².

Основное ядро работы Шмидта состоит в доказательстве тезиса о том, что Курбский относил проповедь Сильвестра к июньским событиям 1547 г. «В то же время... тогда, убо тогда» Сильвестр «претяще» Ивану IV⁷³. Но автор приводит текст с купюрами. Вот как он звучит полностью: «И в то же время (т. е. после убийства Юрия Глинского. — А. З.) давно некая бог руку помощи подал отдохнути земле христианской образом сим. Тогда убо, тогда, глаголю, прииде к нему един муж, презвитер чином и т. п. Слова «тогда» и «в то время» у Курбского имеют неопределенное значение, они охватывают очень широкий промежуток времени. Это особенно наглядно можно проследить на основе анализа рассказов князя Андрея о казнях в годы опричнины⁷⁴. Но даже из контекста ясно, что Сильвестр пришел к царю, когда бог «подал отдохнути земле», т. е. после восстания. Об этом совершенно определенно писал сам Грозный (вряд ли этот текст был не известным Шмидту, который почему-то о нем не упомянул): рассказ о восстании 1547 г. и приближении Адашева, Курбский прибавляет, что «таж по сем» царь Иван «приях попа Селивестра»⁷⁵. Кстати, в литературе приводились и другие соображения (С. В. Бахрушиным, И. И. Смирновым, Д. Н. Альшицом и автором этих строк) о том, что приближение Сильвестра относится ко времени до февральского собора 1549 г., но после Московского восстания 1547 г.⁷⁶ Их Шмидт оставляет попросту без внимания.

⁷¹ Шмидт, правда, отмечает, что Курбский заклинал Грозного «страшным именем», что будто бы является элементом полемики с Грозным, который писал о том, что Адашев и Сильвестр пытались устрашить его «децкими страшилы» («Послания Ивана Грозного», стр. 57).

⁷² С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 367—368.

⁷³ РИБ, т. 31, стлб. 169—170.

⁷⁴ См. подробнее: Ю. Д. Рыков. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины. М., 1972 (рукопись кандидатской диссертации).

⁷⁵ «Послания Ивана Грозного», стр. 37.

⁷⁶ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 45. Д. Н. Альшиц правдоподобно связывает возвышение Сильвестра с постриженным благовещенского протопопа Федора Бармина 6 января 1548 г. (Д. П. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды Гос. публ. би-

Зато он апеллирует к новым источникам. Так, Шмидт ссылается на то, что в Постыпковском летописце сообщается о приезде «на думу» к больному Макарию царя и бояр на следующий день после пожара (это было, следовательно, 22 июня)⁷⁷. В «Повести о московских пожарах» говорится, что «словесы духовными митрополит тешаше царя»⁷⁸. На основе этих двух текстов Шмидт возводит следующее построение: «Очень вероятно, что почал царя не столько старик Макарий (вряд ли достаточно оправившийся после падения с кремлевской стены во время пожара), сколько Сильвестр, конечно, известный Ивану IV как священник придворного Благовещенского собора». Это запечатлено в первом послании царя Курбскому и в «Истории». Оказывается, совсем неважно, что совещание у Макария было 22 июня, а Юрий Глинский убит 26 июня, после чего, по Грозному и Курбскому, выступал Сильвестр. Оказывается, неважно, что «Повесть» говорит о выступлении Макария, а не Сильвестра. Оказывается, что и Грозный, когда писал о пожаре и восстании 1547 г., после которого якобы «вниде страх в душу»⁷⁹, мог думать «и об устрашившей его проповеди Сильвестра». Мало того, «не исключено, что проповедь Сильвестра была публичной и что это способствовало росту влияния Сильвестра на окружающих царя»⁸⁰.

Наконец, Шмидт пытается выявить и источники «Истории» Курбского, и ее воздействие на русскую литературу.

Так, он считает, что Курбский «опирался, очевидно..., и на текст так называемого Послания Сильвестра царю»⁸¹. Но почему же «очевидно»? А вот почему: в Послании приводилось библейское пророчество о божьем наказании. Но, как известно, в XVI в., да и много позже, все люди считали бедствия результатом божьей

библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. 1 (IV). Л., 1957, стр. 139). Но еще 26 марта 1548 г. духовником царя был протопоп Яков («Известия Археологического общества», т. III, стр. 48—49). Очевидно, к этому времени Сильвестр решающего влияния на царя еще не приобрел.

⁷⁷ М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской.— «Исторические записки», т. 46, стр. 288. Шмидт охотно пользуется краткими летописцами XVII—XVIII вв., не давая оценки степени их достоверности. Так, «из летописца первой половины XVIII в. (едва ли не татищевского?) узнаем, что Иван IV «людям повеле раздавати казну свою». Но автор не говорит о том, ни под каким годом помещено это сообщение, ни почему можно связать его с восстанием 1547 г. То же самое относится к сообщению другого летописца о панихидах, которые Иван IV велел петь «по великих князей и по всех побенных на боях» (С. О. Шмидт. О Московском восстании 1547 г.— «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Сборник. Л., 1967, стр. 123). См. сходное замечание в кн.: Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969, стр. 49—51.

⁷⁸ П. А. Жарков. К истории московских пожаров.— «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 226.

⁷⁹ «Стоглав». СПб., 1863, стр. 31.

⁸⁰ С. О. Шмидт. К изучению «Истории» князя Курбского, стр. 370; ср. С. О. Шмидт. Становление российского самодержавства. М., 1973, стр. 87.

⁸¹ С. О. Шмидт. К изучению, стр. 370.

кары, причем даже тогда, когда они не были знакомы с сочинениями благовещенского протопопы. Шмидту кажется, что «рассказ Курбского и (очевидно, опечатка, надо: «о». — А. З.) поучении Сильвестра едва ли не навеян образом библейского пророка Нафана, обличающего царя Давида»⁸². Но и это наблюдение не имеет никакой аргументации, ее подкрепляющей.

Наконец, Шмидт высказывает и предположение о том, что «мысль о «сворачивании» доброго нрава на злой» (Курбского) «была усвоена и составителем второй редакции Хронографа в начале XVII в.»⁸³ И опять догадка брошена, но не обоснована. А ведь неизвестно не только то, что «История» Курбского была в распоряжении составителя Хронографа, но и вообще проникла она на Русь в это время или нет. Да и периодизация событий у обоих публицистов разная: Курбский связывает начало всех бед со злым советом Васспана Топоркова, т. е. с 1553 г., а Хронограф — со смертью доброй Анастасии в 1560 г.

Социальный состав участников Московского восстания 1547 г. Шмидт реконструирует на основании краткой записи списка Никольского Новгородской IV летописи (не останавливаясь ни на времени, ни на обстоятельствах создания этого памятника). Из краткой реплики летописца следует, что в событиях 26 июля принимали участие «москвичи большие» и «черные люди»⁸⁴. Тот же летописец сообщает, что 29 июня в Воробьево пришли «многие люди черные»⁸⁵. Из этих отрывочных замечаний летописца Шмидт делает вывод, что на первом этапе восстания во главе посажан стояли «большие люди», а на втором этапе эти большие люди «возможно, уже старались сдерживать остальных восставших». И этого мало: «большие люди», убедившись в том, что события получают развитие, опасное и для городского патрициата, постарались отколоться от остальных участников (в этом плане на них могли воздействовать и правительственные деятели) и даже 29 июня «уже помогли правительственным деятелям установить более безопасные формы взаимоотношений с восставшими»⁸⁶. И вся эта сложная картина нарисована только на том основании, что в тексте новгородского летописца «москвичи и черные люди» после первого слова кем-то позднее вставлено «большие».

Правда, в одном месте все же Шмидт говорит, что два этапа устанавливаются им в том случае, «если это отличие в описании летописцем событий 26 июня и 29 июня не случайно». Но он сразу же об этой оговорке забывает и говорит, что его догадка подтверждается «и другими косвенными доказательствами, и

⁸² С. О. Шмидт. К изучению «Истории» князя Курбского, стр. 371.

⁸³ Там же, стр. 374.

⁸⁴ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3. Л., 1929, стр. 620.

⁸⁵ Там же, стр. 621.

⁸⁶ С. О. Шмидт. О Московском восстании 1547 г., стр. 125—126.

прежде всего реформами последующих лет», но как эти реформы могут подтвердить «два этапа восстания», остается загадкой для читателя⁸⁷.

В данном случае Шмидт рисует картину восстания 1547 г., исходя из аналогичных случаев выступлений народных масс в России и других странах средневековой Европы. Но из того, что в ряде случаев патрициат «откалывается» от восставшей бедноты, не означает, что то же самое произошло в 1547 г. Да и если (допустим на мгновение) это случилось в 1514 г., то у исследователя нет веских оснований утверждать это, опираясь на показания источников. Рисовать впечатляющую картину вероятий вместо строгого истолкования фактов исследователь не имеет права.

Или проблема социальных сил, участвовавших в восстании 1547 г. По Шмидту, «вероятно, значительную активность в июньских событиях обнаружили деклассированные элементы. Среди них немалую роль могли играть и обедневшие дети боярские»⁸⁸. Где данные в пользу этой догадки? А вот где: Иван IV жаловался на «Стоглаве», что «дети боярские крадут и разбивают»⁸⁹. Но никакой связи этих слов с восстанием 1547 г. Шмидту установить не удалось.

Далее, «можно подозревать,— пишет Шмидт,— участие в восстании и немосквичей, прежде всего челобитчиков из других городов». В данном случае автор ссылается лишь на то, что в 1544 г. псковичи приезжали в Москву с жалобами, и на то, что «челобитчикам обычно приходилось задерживаться недолго в столице». И опять-таки «вполне возможно», что «подобные иногородцы, обнищавшие и обиженные, также примкнули к восставшим»⁹⁰.

По Новгородской летописи, Иван IV «обыскав... положи ту опалу на повелевших кликати»⁹¹. Еще И. И. Смирнов произвольно истолковал слово «обыскав», в смысле обещания произвести «сыск»⁹², тогда как летопись прямо говорит о произведенном розыске, в результате которого зачинщики были казнены. Шмидт идет даже дальше. «Возможно,— пишет он,— что царю даже пришлось вступить в какие-то переговоры с восставшими... Можно полагать, что посажанам обещали проведение каких-то желанных ими правительственных мероприятий. Обещана была и отставка Михаила Глинского»⁹³. Опять чистые догадки, которые ничем не подкреплены. Ни позднейшая политика уступок, ни то, что переговоры были обычны в ходе восстаний конца XVI—XVII в.,

⁸⁷ С. О. Шмидт. О Московском восстании 1547 г. стр. 125.

⁸⁸ Там же, стр. 124.

⁸⁹ «Стоглав», стр. 137—138.

⁹⁰ С. О. Шмидт. О Московском восстании 1547 г., стр. 125.

⁹¹ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 3, стр. 621.

⁹² И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—40-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 135.

⁹³ С. О. Шмидт. О Московском восстании 1547 г., стр. 121.

не дают права на реконструкцию конкретных фактов, не отраженных в источниках.

Изучение творчества Андрея Курбского и истории русского летописания середины XVI в. еще продолжается. Именно поэтому сейчас важно, чтобы методика источниковедческого исследования этих важных исторических источников была строгой и четкой.

Шмидт дает яркую характеристику творчества Курбского, который «не только особым способом подбирал и толковал исторические факты (не останавливаясь, как и Иван Грозный, перед их сознательным искажением), но также использовал и особые художественно-образительные приемы, в частности свойственную писателям той поры склонность к риторическим эффектам, драматичности повествования и изображениям нравоучительного характера»⁹⁴. Эти слова очень хорошо характеризуют не столько публицистов XVI в., сколько приемы «романтической» интерпретации памятников русской публицистики.

Методика изучения повествовательных источников XVI в. должна основываться на неукоснительном выполнении целого ряда обязательных условий. Это прежде всего исчерпывающее привлечение всей рукописной традиции. Разыскание новых текстов, палеографическое обследование рукописей уже сейчас позволяют расширить и углубить наше представление о составе публицистических произведений XVI в. (напомню совсем недавнюю уникальную находку Н. Н. Покровским судного дела Максима Грека в списке конца XVI в.), о среде и составителях дошедших до нас рукописей (кроме упоминавшихся выше работ Б. М. Клосса, укажу на интересные наблюдения Н. В. Сеницыной о рукописях Максима Грека). Большое значение имеет текстологическое изучение списков и редакций памятника. В этом плане велики заслуги блестящей школы ленинградских литературоведов-текстологов, в том числе Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, Р. П. Дмитриевой и др. Постепенно становится общепризнанным, что только выяснение литературной судьбы произведения, отраженной в дошедших до нас конкретных рукописях, позволяет выяснить и этот первоначальный авторский текст и поставить вопрос если не об авторе, то о среде, в которой он был создан.

Не менее существен строгий анализ источников фактической основы и идеологической направленности публицистического сочинения. При этом истолкование спорных вопросов источниковедческого анализа должно представлять собой не догадку, т. е. изложение одного из возможных вариантов объяснения текста, а давать читателю строго обоснованную гипотезу, т. е. наилучшее понимание текста, доказывая одновременно невозможность или меньшее вероятие всех других объяснений.

⁹⁴ С. О. Шмидт. К изучению «Истории» князя Курбского, стр. 371.

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДАННЫХ НУМИЗМАТИКИ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

(По материалам Нового «английского»
денежного двора в Москве в XVII в.)

А. С. Мельникова

Конкретные историко-нумизматические исследования последних десятилетий о русском денежном обращении XVI—XVII вв. с полной очевидностью доказали значение монет как источника для изучения социально-экономических и политических процессов в жизни русского общества. Многие явления в истории России этого периода нельзя правильно осветить без знания состояния денежного хозяйства и тех проблем, которые в связи с последним вставали перед экономикой страны¹.

Источниковедческий анализ монет предполагает прежде всего изучение внешних признаков: техники чеканки, веса, пробы, формы и содержания рисунков и надписей, названия денежных единиц. Однако эти признаки оказываются формальными только на первый взгляд. Деньги меняли свою форму, материальную сущность, систему счета, вес в зависимости от характера денежного обращения на каждом этапе развития человечества. Внешний вид монеты и историческая эпоха находятся в неразрывной связи друг с другом. Так, в период раннего средневековья феодальная раздробленность привела к распылению средств и ресурсов для монетной чеканки, чем была вызвана, с одной стороны, пестрота и запутанность монетных систем, а с другой — постоянная порча монет и ухудшение их качества. В свою очередь малый вес, тонкость и хрупкость средневековых монет как нельзя более соответствовали характеру внутренней торговли этого периода, ограниченной тесными рамками местных рынков. Растущая крупная и международная торговля вызвала к жизни использование в качестве монет слитков серебра определенного веса, удобных для транспортировки, способных с легкостью пре-

¹ *И. Г. Спаский*. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.— «Материалы и исследования по археологии СССР», 1955, № 44; *он же*. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг.— «Археографический ежегодник за 1959 г.», М., 1960; *А. С. Мельникова*. О чеканке монет в Кукеннойсе в середине XVII в.— «Советская археология», 1964, № 3; *она же*. Особенности русского денежного обращения в XVII в.— «История СССР», 1968, № 5.

вращаться из денег в сырье для ремесленного производства. Внешние признаки монеты играют отнюдь не пассивную роль. Они весьма активно влияют на процесс товарного обращения, могут способствовать его развитию или, напротив, тормозить его. В частности, препятствовали экономическому развитию России XVII в. русские копейки — маленькие невзрачные серебряные монеты, не имеющие ни определенной формы, ни четкой весовой нормы, ни указания даты выпуска и номинала, сделанные при помощи примитивной ручной техники. Русское денежное обращение этого периода знало только три номинала — копейку и ее фракции — деньгу и полушку, причем два последних номинала чеканились в ничтожных количествах. Отсутствие системы крупных и мелких номиналов порождало кризисные явления в русском денежном обращении. Не случайно на XVII в. приходится три попытки преобразований в денежном деле и не случайно, что систему петровских реформ открыла именно денежная, положившая конец «старым вшам», как образно называл Петр I русские копейки.

Вышеприведенные примеры достаточно наглядно свидетельствуют о том, что источниковедческий анализ монет является частью общей задачи изучения товарного производства и товарного обращения.

Для наиболее полного использования монеты как исторического источника оптимальным является сочетание данных внешнего анализа монет и письменных источников. Возможности извлечения информации из нумизматического материала возрастают по мере увеличения количества письменных источников. Неполнота и отрывочность наших представлений о русском денежном обращении VIII—XV вв. в значительной степени обусловлены скудостью письменных источников этого периода. Наиболее плодотворными в этом отношении являются XVIII—XX вв. До нас дошло множество первоклассных письменных материалов этого времени. Однако исторически сложившиеся пути развития нумизматической науки были таковы, что изучение монет по их внешним признакам и изучение письменных источников велось параллельно и независимо друг от друга. Установилось своеобразное разделение труда между коллекционерами и историками-экономистами: первые занимались монетами, вторые — изучением истории денежного хозяйства без привлечения самих монет в качестве объекта изучения. Политэкономия здесь оттеснила нумизматику на задний план.

Особое положение сложилось в области изучения монет XVI—XVII вв. Внешне крайне однообразные и лишенные каких-либо датировочных признаков, эти монеты в течение долгого времени вообще выпадали из поля зрения нумизматики. История денежного обращения этого периода строилась исключительно из данных письменных источников, довольно немногочисленных (по сравнению с более поздним временем) и к тому же часто не

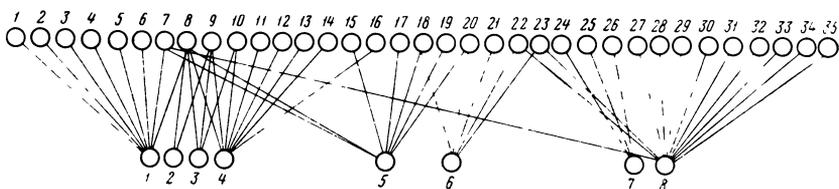
поддающихся расшивровке без использования нумизматического материала. История денежного обращения XVI—XVII вв. в результате сводилась к весьма поверхностному изложению событий реформы Елены Глинской 30-х годов XVI в., реформы 1654—1663 гг. (причем здесь основное внимание привлекал наиболее драматический, хотя и частный момент реформы — Медный бунт 1662 г.) и серии монетных нововведений Петра I. Более глубокие исследования были практически невозможны без научной систематизации монет. Эта насущная потребность определила тот факт, что именно в этой области русской нумизматики зародилась и нашла широкое применение методика источниковедческого анализа нумизматического материала, оказавшаяся весьма плодотворной при исследовании русских монет, относящихся к иным хронологическим периодам².

Методика эта сводится прежде всего к изучению монеты по технике чеканки. Необходимость получения массовой стандартной продукции породила еще в XV в. важное усовершенствование в технике чеканки. Рисунки и надписи начали наносить не непосредственно на чеканы (штемпель), а на особо прочную матрицу, или маточник, и уже с последней переводить на чекан³. Для лицевых и оборотных сторон резались отдельные маточники — «исподники» и «вершники», как их называют источники. Пока нам не известна техника производства самого маточника — нанесения на него рисунка и надписей, закалывания, форма и размеры. Каждый маточник мог служить для производства определенного количества совершенно идентичных чеканов, которые в свою очередь давали жизнь серийному выпуску монет одного и того же типа. При изнашивании чеканов их вновь воспроизводили с того же маточника, пока не изнашивался он сам. Когда в распоряжении исследователей имеется значительное количество монет одного и того же типа, можно проследить по эволюции внешнего вида монет все стадии жизни маточника — от его изготовления до разрушения и замены его другим. Так как износ обоих маточников происходил неравномерно, а скорее изнашивался тот, где изобиловали мелкие и хрупкие детали, вместо него употреблялся новый маточник, который во взаимодействии со старым давал жизнь новой серии монет одного типа. Тщательно изучая мельчайшие детали рисунка и надписей на монетах, можно установить последовательность замены маточников

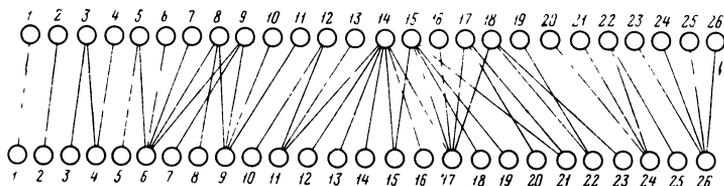
² Современная методология изучения русских монет изложена с наибольшей полнотой в работах И. Г. Спасского «Анализ технических данных в нумизматике» (КСИИМК, 34, 1951) и «Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.».

³ *Н. Д. Меч.* Монеты Великого княжества Московского середины XV века. Василий II (1425—1462). Автореферат диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1956; *М. П. Сотникова.* К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в.— КСИИМК, 65, 1956.

в пределах одного центра чеканки на протяжении ряда лет. Именно эти наблюдения создают основу для относительной хронологии недатированных русских монет. Сравнительный анализ состава монетных кладов, зарытых в различное время и в различных местах, корректирует хронологию, позволяя судить о порядке появления типов монет.

Схема (часть) соотношения штемпелей (маточников) медных копеек со знаком М, чеканенных на Старом денежном дворе в Москве в 1655—1663 гг.

Схема (часть) соотношения штемпелей (маточников) медных копеек со знаком МД, чеканенных на Новом денежном дворе в Москве в 1655—1663 гг.

Изучение техники чеканки находит графическое выражение в таблицах соотношения маточников. В нижнем ряду помещены изображения лицевых сторон, в верхнем — оборотных. Соединенные одной линией изображения лицевого и оборотного маточников представляют монету, чеканенную одной парой чеканов, переведенных с этих маточников. Размещение изображений на таблице и нумерация монет выдержаны в хронологической последовательности появления маточников.

Изучение последовательности смены маточников, нашедшее отражение в изменении типов монеты, дает в руки исследователей объективный критерий для научной систематизации монет. Устанавливается их относительная хронология, определяются центры чеканки, выявляются закономерности изменения веса и пробы, некоторые особенности техники чеканки и организации монетного производства. Однако отмеченные закономерности и изменения в денежном деле без точной датировки оказываются вне конкретных исторических обстоятельств, обусловивших их проведение, выявленные центры чеканки также остаются абстрактным понятием, пока они не связываются с конкретными географическими пунктами. Нумизматические данные грозят оказаться мертвой условной схемой с весьма ограниченными возможностями

использования их как исторического источника. Схема оживает, когда на нумизматические данные «наслаиваются» данные письменных источников. Но эти последние в течение долгого времени не могли быть поняты во всей полноте именно из-за отсутствия научной систематизации монет XVI—XVII вв. Лишь успехи в развитии методики изучения русских монет на современном этапе развития нумизматической науки создали условия для плодотворного взаимодействия данных нумизматики и письменных источников⁴.

Ниже мы попытаемся показать, как на практике осуществляется это «взаимодействие» и какие обширные информационные возможности имеет подобный синтез двух разнородных источников — на конкретном примере сравнительного источниковедческого анализа документов, давно известных исторической науке, но должным образом еще не оцененных. Это шесть описей Московского денежного двора, составленных в 60-х годах XVII в., известных под названием «Дела Нового английского денежного двора»⁵. Название «Новый» двор получил в связи с тем, что был открыт лишь в 1654 г., в то время как в Москве существовал другой денежный двор, расположение которого точно неизвестно и который стал называться «Старым»; название «английский» двор получил потому, что он располагался на бывшем подворье английских купцов в Белом городе. Новый «английский» двор был открыт в связи с проводившейся с 1654 г. денежной реформой и предназначался для чеканки денег нового образца.

«Дела» впервые изучались С. К. Богоявленским. В 1928 г. им был прочитан доклад в Государственном Историческом музее

⁴ Об этом свидетельствуют работы русских нумизматов, в течение последних двух десятилетий разрабатывающих на современном методологическом уровне отдельные вопросы русского денежного обращения XV—XVII вв.: *Н. Д. Мец*. Монеты Великого княжества Московского середины XV в.; *она же*. Монеты удельного княжества Кашинского.— КСИИМК, 65; *она же*. Ярославские князья по нумизматическим данным.— «Советская археология», 1960, № 3; *она же*. Некоторые вопросы систематизации монет Суздальского Нижегородского княжества.— «Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского». М., 1962; *она же*. Датировка «денег московских» с изображением розетки.— «Советская археология», 1964, № 3; *И. Г. Спасский*. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г.; *он же*. Денежное обращение на территории Поволжья и так называемые мордовки.— «Советская археология», XXI, 1954; *он же*. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг.— «Археографический ежегодник за 1959 г.». М., 1960; *А. С. Мельникова*. Систематизация монет Михаила Федоровича.— «Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960; *она же*. Русско-датские монеты XVII в. в собрании Государственного Исторического музея.— «Ежегодник ГИМ». М., 1960; *она же*. Чеканка монет в Куненоейе в середине XVII в.; *она же*. Старый Московский денежный двор во время денежной реформы 1654—1663 гг.— «Археографический ежегодник за 1964 г.». М., 1965; *она же*. Систематизация монет Алексея Михайловича (1654—1676).— «Вспомогательные исторические дисциплины», т. III. Л., 1970.

⁵ ЦГАДА, ф. 368/1 (Дела Аптекарского приказа).

на тему «Новый английский денежный двор»⁶. Доклад содержал очень общие и весьма неполные сведения. Очевидно, С. К. Богоявленский не собирался серьезно заниматься этой темой, доклад не был опубликован, и к этому сюжету он больше не возвращался. Тезисы доклада и выписки из документов С. К. Богоявленский затем передал К. В. Базилевичу, использовавшему эти данные в работе «Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г.»⁷, где кратко описывались организация Нового денежного двора, процесс производства монет, подсчитывалась численность рабочих на дворе. Новый денежный двор К. В. Базилевич охарактеризовал как крупнейшую мануфактуру XVII в. Эта характеристика и описание денежного производства прочно и безоговорочно вошли в обиход советской исторической литературы. Между тем К. В. Базилевич далеко не исчерпал богатейших сведений, содержащихся в «Делах». Исследование деятельности Нового денежного двора не входило в задачу автора, к тому же материалы «Дел» были использованы им из вторых рук. Нужно также учитывать, что состояние изучения монет XVI—XVII вв. в ту пору было совершенно неудовлетворительно, монеты ни в коей мере не могли служить источником при анализе этих документов. Все это вместе взятое обусловило то обстоятельство, что существующее ныне представление о денежной мануфактуре XVII в. страдает некоторыми неточностями и неполнотой.

«Дела Нового английского денежного двора» хранятся среди неразобранных столбцов Аптекарского приказа. Они состоят из шести единиц хранения, нумерация и заголовки которых, составленные архивными работниками, представляются довольно случайными. Под 1-й ед. хр. числится «опись построек на Денежном английском дворе по досмотру думного дворянина Ивана Павловича Матюшкина и перечисление служащих двора по докладному списку за приписью дьяка Ивана Патрикеева из Приказа Большой казны», датированная 1 октября — 3 ноября 1661 г., на 7 листах, 2-я ед. хр. представляет собой «Опись Денежного английского двора постройкам, запасам и орудиям, список деловых людей», дата 4 сентября 1662 г., на 66 листах. В 3-й ед. хр. повторяются в сокращенном изложении те же сведения, что и во 2-й; даты и начала рукописи не имеются, на 15 листах. 4-я ед. хр. «Нового английского денежного двора список старост, мастеров, волочильщиков и бойцов с указанием местожительства и находящихся у них работных людей», датирована 1662 г., состоит из 42 листов. 5-я ед. хр. представляет собой «Роспись Нового денежного двора старостам и всяким мастеровым людям. Скрепа

⁶ Архив АН СССР, ф. 533, оп. 1, 6. Здесь хранятся наброски тезисов доклада.

⁷ К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936.

дьяка Акима Плохова», без даты, на 9 листах. По содержанию «Роспись» датируется 1659—1660 гг., так как в ней указывается, что составлена она дьяком Акимом Плохим, сидевшим на дворе в 1659—1660 гг. По своему характеру эта «Роспись» выделяется среди остальных документов, ибо представляет собой остатки делопроизводства двора, в то время как остальные являются описями, составленными приблизительно в одно время — осенью 1662 г. 6-я ед. хр. — на 23 листах повторяет список 1662 г. (4-я ед. хр.), но не полностью повторяет тот же заголовок, даты не имеет. Всего «Дела» насчитывают 172 листа в виде отдельных столбцов, описанных очень неряшливой скорописью, часто неразборчивой, с множеством поправок другими чернилами и зачеркиваниями. Края листов нередко оборваны.

О характере деятельности любого промышленного предприятия, помимо его делопроизводства, лучше всего судить по его продукции. Объем и качество продукции, в данном случае монет, могут много сказать о деятельности Денежного двора. До самого последнего времени была известна лишь небольшая часть монет, чеканившихся на Новом дворе в 1654 г. Это были монеты, выпущенные в связи с реформой и чеканенные по новому образцу: серебряные рубли и полуполтины (четверти), медные полтины, алтыны и грошевики. Документы сообщают еще о чеканке гривен, но они до нас не дошли⁸. Эти монеты выпускались всего один год. Продукция Нового двора после 1654 по 1663 г. оставалась точно не определенной. Известно лишь, что это были медные копейки, чеканенные по образцу серебряных.

Монеты 1654 г. заслуживают самого пристального внимания. Традиционной русской монетой с 30-х годов XVI в. была серебряная копейка, чеканившаяся ручным способом на расплюснутых кусочках проволоки. Ни дат, ни названия номинала русская копейка не имела. Номинал определяло изображение — всадник с копьем обозначал копейку, всадник с саблей — половину копейки, деньгу, и птичка или в конце XVII в. двуглавый орел — четверть копейки — полушку. Надпись на монете содержала краткий титул и имя царя. Рубль, полтина, полуполтина, гривна, алтын, грошевик были счетными понятиями и состояли из определенного количества копеек (копейка составляла одну сотую рубля). Монеты 1654 г. как бы овегостили эти счетные понятия. Впервые на монетах появились название номинала и дата чеканки; впервые на русских монетах, помимо традиционного всадника, начал изображаться государственный герб — орел. По весу и размеру новые монеты походили на западноевропейские талеры, имевшие вес около 27 г. Рисунки для новых монет готовил талантливый русский медальер Федор Байков. Совершенно иной была техника

⁸ И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг., стр. 124, там же см. о предпосылках и основных этапах реформы.

чеканки. Все они носят отчетливые следы машинной чеканки: соотношение осей композиции обеих сторон близко к $\uparrow\uparrow$; рисунки на монетах оттиснуты целиком, что могло быть достигнуто лишь равномерным ударом по большому штемпелю.

Новый денежный двор в 1654 г. был оборудован «молотовыми станами», т. е. машинами для чеканки монет, где удар по штемпелю производился подъемным молотом, обитым для тяжести свинцом; молот поднимали на винтах в человек.

Монеты нового образца предназначались для коренной ломки денежного хозяйства страны и должны были полностью вытеснить серебряную копейку, столь неудобную в обращении. Конечной целью денежной реформы 1654—1663 гг. было максимальное приближение русской денежной системы к современным западноевропейским системам при сохранении традиционного русского десятичного счета и названий номиналов. Основная единица русского денежного счета — рубль — строилась на весовой основе западноевропейской единицы — талера. Однако русское правительство оказалось несостоятельным выполнить все эти замыслы, что сказалось в первый же год реформы.

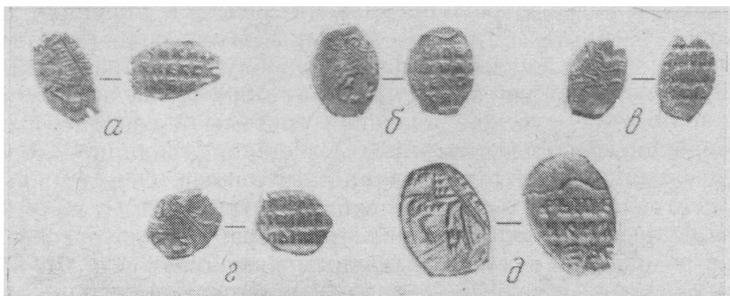
Новая техника прививалась на Новом дворе с большим трудом. От ударов тяжелым молотом штемпели портились и оплывали. Не хватало квалифицированных мастеров-резчиков (медальеров) и кузнецов «молотового дела». В 1654 г. на Новом денежном дворе было всего 20 мастеров, т. е. чеканщиков, волочильщиков, бойцов и кузнецов⁹. Выпуск монет образца 1654 г. был очень незначительным.

Население принимало новые монеты неохотно как из-за их непривычного вида, так и из-за явной неполноценности. Новый серебряный рубль, имевший вес около 27 г., должен был вытеснить старый рубль серебряными копейками, весившими около 45—50 г. Явно неполноценными монетами были медные полтины, гривны, алтыны. Уже к сентябрю 1655 г., а возможно, и раньше выпуск новых номиналов был прекращен. С осени 1655 г. в денежное обращение страны вливаются новые монеты: западноевропейские талеры с надчеканкой копеечного штемпеля и даты «1655» («ефимки с признаком») и медные копейки, чеканенные по образцу серебряных.

Выпуск «ефимков с признаками» и медных копеек по существу означал отказ правительства от попытки преобразования русской денежной системы. «Ефимок с признаком» приравнивался к 64 серебряным копейкам номинально и по весу и был, следовательно, полноценной монетой дореформенной денежной системы. Однако выпуск их был эпизодическим и продолжался только в течение 1655 г. Медные копейки, номинально приравненные к серебряным дореформенным копейкам, чеканились с осени

⁹ ЦГАДА, Разрядный приказ, Севский стол, ф. 210, стлб. 157, лл. 135—136.

1655 г. до июня 1663 г., и никаких целей, кроме финансовой выгоды от использования меди вместо сырья, при этом не преследовалось. Были открыты дополнительные денежные дворы в Новгороде, Пскове, Кукунойсе. Для чеканки медных копеек, не отличавшихся от серебряных ни внешним видом, ни весом, ни техникой чеканки, не нужно было никакого нового сложного оборудования, требовалось набрать лишь достаточное число рабочих.

Медные копейки со знаками М, МД (б), П (в) и НО (г), чеканившиеся в 1655—1663 гг. на Старом Московском, Новом Московском, Псковском и Новгородском денежных дворах (в натуральную величину); д — медная копейка со знаком М (увеличена в 2 раза)

Процесс чеканки копеек, будучи несложным по существу, требовал большого числа рабочих рук, как всякое ручное производство¹⁰.

На всех медных копейках, в том числе и на копеечном штемпеле на ефимке, обозначались знаки денежных дворов, которые по традиции допетровской чеканки помещались на лицевой стороне монеты, под ногами всадника. Знаки представляли собой первые буквы города, где помещался Денежный двор: Но — Новгород, П — Псков, Ц, ЦД — Царевич Дмитриев (Кукунойсе), М, МД — Москва. На «признаке» — копеечном штемпеле на ефимке помещался знак М. Сложность заключается в расшифровке знаков М и МД. Первый был традиционным знаком Московского денежного двора, с 1654 г. получившего дополнительное название Старого. Однако, по мнению ряда исследователей, Старый денежный двор во время реформы был закрыт, а если и не закрыт, то в выпуске медных копеек участия не принимал¹¹. Остается неясным, на каком дворе во время реформы чеканились медные копейки со знаком М и где надчеканивались ефимки. Поскольку в

¹⁰ И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг.

¹¹ К. В. Базилиевич. Указ. соч.; И. Г. Спасский. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг.

литературе признано существование в годы реформы лишь одного Денежного двора в Москве — Нового, можно предположить, что эти копейки и надчеканка ефимков, а также копейки со знаком МД выпускались на этом дворе. На долю копеек со знаком М приходится приблизительно 40—50% общего количества выпущенных в годы реформы медных копеек по данным кладов (см. таблицу на стр. 224—225). Новый денежный двор, выпускавший такое колоссальное количество медных копеек, должен был бы быть поистине грандиозным для XVII в. предприятием.

Действительно, материалы «Дел» дают ряд веских доказательств, что положение на Новом дворе в 1662 г. по сравнению с 1654 г. резко изменилось. В 1654 г. там насчитывалось 20 мастеров, производство монет испытывало значительные затруднения. По спискам мастеров 1659—1660 гг. там уже насчитывалось 626 человек: 140 чеканщиков, 35 бойцов, 26 волочильщиков, 67 кузнецов, 280 подметчиков при чеканщиках и 78 рабочих людей при волочильщиках¹². По этому списку можно судить, что подсобные рабочие составляют приблизительно половину общего числа рабочих — 358 (280 подметчиков плюс 78 рабочих людей) из 626. Для нас важно установить этот факт, так как в других списках, как правило, указывается лишь число мастеров без указания подсобных рабочих. По сведениям 1662 г., число рабочих на Новом дворе колебалось от 500 до 600¹³. Предприятие с таким числом рабочих действительно было очень значительным для XVII в. Ни одна централизованная мануфактура середины XVII в. не имела такого числа одновременно занятых рабочих.

Однако не будем спешить с выводами.

Если обратиться к списку мастеров 1662 г., можно убедиться, что из указанных в нем 245 мастеров (без подсобных рабочих) практически работало только 118 человек¹⁴. Возле 127 фамилий стоят пометы: «у сыских дел», «тюрьме», «болен», но чаще всего встречается стереотипная надпись: «на дворе не бывал», «не бывал», «на дворе его нет». Староста Василий Карпов объяснил отсутствие мастеров так: «Мастера ево на прошлом де им спущены, а не бывали де для того, что им дела не даны». Другой староста, Левка Микитин, добавил, что даже те мастера, которые бывали на дворе, «и те без дела сидели». Очевидно, «дела не даны» были лишь в том случае, если не было сырья. Хорошо известно, что все денежные дворы в годы реформы очень нуждались в меди для интенсивной чеканки монет. Продажа и покупка меди были государственной монополией, и за нарушение ее полагались самые строгие меры, вплоть до смертной казни¹⁵. Оче-

¹² ЦГАДА, ф. 368/1, ед. хр. 5.

¹³ Там же, ед. хр. 2.

¹⁴ Там же, ед. хр. 3.

¹⁵ К. В. Базилевич. Указ. соч.; «Русско-шведские экономические отношения в XVII в.». Сборник документов. Л., 1960; Псковский областной краеведческий музей, ф. 298/49.

видно, Новый денежный двор также остро ощущал нужду в сырье. В описи имущества казенных изб на Денежном дворе перечисляются довольно неожиданные предметы: сковороды медные, котлы, трубы и другая медная посуда. Все это наряду с дощатой и прутовой медью, которая также упоминается в описях, служило сырьем для чеканки монет¹⁶. Именно нехватка сырья могла служить причиной столь неполной занятости мастеров на дворе. Вполне возможно, что опись двора, составленная 4 сентября 1662 г. по указу Алексея Михайловича, предшествовала его закрытию. Содержание этой описи весьма специфично. Здесь описывается не только оборудование Денежного двора, но и внутреннее убранство служебных помещений, вплоть до перечисления чернильниц, сукна на столах, икон с окладами. При изучении описи бросается в глаза и другая характерная деталь — ощущение запустения двора. В каждой из казенных изб хранилась «остаточная казна» — деньги, не сданные в свое время в Приказ Большой казны, на большие суммы, в несколько десятков тысяч рублей. Там же хранились испорченные денежные снасти, ломаные наковальни, порченные меха, худые мешки, старые рогожи, словом, всякий хлам¹⁷. Создается впечатление, что к осени 1662 г. Новый денежный двор фактически не работал, а если и работал, то далеко не в полную мощность. Но, может быть, такое положение сложилось только к 1662 г., а в предшествующие годы здесь велась самая интенсивная чеканка монет, чем и объясняется такое колоссальное количество дошедших до нас медных копеек с «московскими» знаками двора? Ведь в нашем распоряжении имеются лишь документы о деятельности двора в 1654 и 1659—1662 гг., и, что происходило на дворе между этими годами, нам остается неизвестным.

Очевидно, выяснить истинные масштабы деятельности Нового денежного двора за все время его существования можно было бы, лишь четко определив его продукцию. О недолгом и незначительном по количеству чекана монет нового образца в 1654 г. мы уже говорили выше. Нам нужно определить, можно ли относить к чекану Нового двора медные копейки со знаками М, МД и талеры, контрмаркированные копеечным штемпелем со знаком М? Для этого понадобилось тщательное изучение монет по маточникам. В результате удалось выяснить, что монеты, несущие знак М, образуют обширную группу, тесно связанную соотношением изображений лицевых и оборотных сторон, но совершенно изолированную от монет со знаком МД, которые в свою очередь объединились в свою группу (см. таблицу на стр. 224—225). Изображения и надписи на некоторых типах медных копеек со знаком М нашли полную аналогию с изображениями и надписями некото-

¹⁶ ЦГАДА, ф. 368/1, ед. хр. 2.

¹⁷ Там же.

рых типов серебряных копеек, о которых заведомо было известно, что они чеканились на Старом денежном дворе и которые имели традиционный для него знак *М*. «Признак» на ефимке также нашел полную аналогию значительной группе серебряных копеек, чеканившихся на Старом дворе накануне реформы. Совершенно ясно, что при чеканке медных копеек со знаком *М* и при надчеканке ефимков были использованы маточники или чеканы Старого денежного двора. Уже одно это наблюдение говорит о том, что Старый денежный двор работал в годы реформы. Бесспорные указания письменных источников подтверждают правильность этого вывода. В донесении московского служилого человека из Олонца, датированном 1661 г., сообщается, что в годы реформы в Москве работали два денежных двора, монеты которых имели разные «печати»¹⁸. В челобитной от 31 мая 1658 г. говорится о том, что мастера Старого денежного двора находятся «у государства денежного дела безотступно»¹⁹. В «Делах» также сообщается о постоянных контактах Старого и Нового денежных дворов. В 1658 г. с Нового двора на Старый были переданы два волочильщика, а в 1659 г. со Старого двора на Новый передали 45 мастеров разных специальностей²⁰. Раз деятельность Старого денежного двора в годы реформы доказывается бесспорно, то, естественно, следует считать, что здесь и чеканились медные копейки с традиционным для Старого двора знаком *М* и производилась надчеканка ефимков. Возможно, Старый денежный двор предполагали закрыть в начале реформы, но неудачи с выпуском монет нового образца в 1654 г. и возвращение к привычной технике чеканки монет из проволоки заставили правительство оставить этот замысел. Старый денежный двор чеканил медные копейки с 1655 по 1663 г., летом 1655 г. контрмаркировал талеры, а также чеканил золотые наградные монеты для войска Богдана Хмельницкого в 1654 г., при чеканке которых были также использованы маточники серебряных копеек²¹.

Выделившуюся из числа московских медных копеек группу монет со знаком *МД*, очевидно, следует отнести к чекану Нового денежного двора. Новый денежный двор мог избрать для себя и новый знак двора — *МД*, который до этого не встречался на монетах XVI—XVII вв. Группа со знаком *МД* никаких общих связей с серебряными монетами не обнаруживает. Следовательно, продукция Нового денежного двора состоит из монет 1654 г. нового образца и медных копеек со знаком *МД*, чеканившихся с осени 1655 по 1663 г.

¹⁸ «Акты Московского государства, изданные императорской Академией наук под редакцией Н. А. Попова», т. 3. СПб., 1901, № 540, стр. 461—462.

¹⁹ ЦГАДА, Разрядный приказ, Новгородский стол, слоб. 167, лл. 35—37.

²⁰ ЦГАДА, ф. 368/1, ед. хр. 2.

²¹ А. С. Мельникова. Старый Московский денежный двор во время реформы 1654—1663 гг.

Когда удалось разделить весь московский чекан между двумя центрами монетного производства, стало совершенно очевидно, что основную массу продукции выпускал отнюдь не Новый денежный двор с его 600 рабочих. Во всех известных нам кладах медных монет наблюдаются следующие количественные соотношения продукции всех денежных дворов времени реформы²² (см. таблицу). Во всех кладах, независимо от места находки, коли-

Место находки и хранения клада	Общее количество монет	МД	
		количество	%
Московская область, Ленинский район, совхоз «Ленинский», ГИМ, 101858	980	176	20
Вологда, Вологодский областной краеведческий музей, № 2791	2270	439	18
Новгородская область, с. Мшага, Новгородский историко-художественный музей-заповедник, № 251	4787	79	16
Псковская область, с. Юркино. Государственный Эрмитаж	1772	30	1,3
Место находки неизвестно. Государственный Эрмитаж, № 583/879	2763	415	15
Место находки неизвестно. Государственный Эрмитаж, 44а/519	2859	446	15

чество монет Нового денежного двора неизменно составляет меньшую часть по сравнению с продукцией Старого двора.

Монеты Старого и Нового дворов отличаются друг от друга не только количественными показателями. Монеты Старого двора поражают плохой сохранностью, изображения на поле монеты почти постоянно отчеканиваются только частично, рельеф очень низок. Все это свидетельствует прежде всего о плохом качестве чеканов и небрежной их очистке после перевода с маточника. Но и сами маточники тоже выполнялись крайне небрежно. Рисунки и надписи выполнены очень неряшливо и примитивно. Очевидно, практиковалась частая подправка маточников и чеканов, уже вышедших из употребления от ветхости. На многих монетах мы встречаем почти идентичные изображения и надписи, отличающиеся между собой незначительными, трудноуловимыми деталями, что можно объяснить лишь повторным использованием орудий чеканки. Возможно, такая низкая техника чеканки на Старом дворе, давно уже существующем, имеющем налаженное

²² Часть монет, не поддающаяся определению из-за плохой сохранности, в таблицы не включается.

производство, происходила лишь оттого, что Старый денежный двор в годы реформы был более всех прочих дворов загружен работой. Ведь если судить по составу кладов, на его долю приходится приблизительно 50% общего количества выпускавшихся в годы реформы медных копеек. На Старом дворе, видимо, не успевали готовить новые маточники и чеканы или хотя бы тщательно их подправлять.

Денежные дворы

М		П		НО		Ц, ЦД	
количество	%	количество	%	количество	%	количество	%
457	44	133	13	17	1,6	10	1,0
1040	45	430	18	96	4	30	1,3
1541	32	2611	54	301	6	188	3,9
196	11	1367	77	9	0,5	70	4,0
1482	54	467	17	202	7	36	1,3
1811	63	508	18	41	1,4	35	1,2

Монеты Нового денежного двора являются полной противоположностью копейкам М. Высокий, четкий рельеф большинства монет говорит о том, что чеканились они хорошими, несношенными чеканами, очевидно, употреблявшимися недолгий срок и часто заменяемыми. Рисунки и надписи маточников также отличаются изяществом и высокими художественными качествами. В «Делах» упоминается имя мастера-медальера Артюшки Амосова, одного из возможных авторов этих рисунков, талантливого художника²³. Имена других медальеров нам не известны, но, очевидно, их количество не превышало одного-двух человек. Такое положение наблюдалось в годы реформы на Псковском денежном дворе²⁴. Необходимость высоких профессиональных навыков делало эту категорию рабочих денежных дворов очень редкой.

Привлечение и анализ нумизматических данных дали объективный критерий для определения производственной мощности Нового денежного двора, дополнив недостающие сведения письменных источников. По составу кладов можно судить о том, что

²³ ЦГАДА, ф. 368/1, ед. хр. 2, л. 35.

²⁴ Псковский областной краеведческий музей, ф. 298/49, л. 473.

Новый денежный двор был третьим по масштабам чеканки двором в годы реформы после Старого и Псковского денежных дворов (см. таблицу на стр. 224—225). Высокий, четкий рельеф и хорошая сохранность монет говорят о том, что чеканились они хорошими, несношенными чеканами, что могло быть лишь при недолгом сроке их употребления и сравнительно небольшом объеме чеканки. Сообщения «Дел» о неполном использовании рабочей силы, о нехватке сырья и запустении двора к 60-м годам, очевидно, отражают уже сложившуюся картину. 600 человек, одновременно занятых денежным производством, является цифрой, практически явно нереальной. Напомним, что Старый денежный двор, значительно превосходивший Новый по размаху чеканки, согласно сведениям Г. Котошихина, насчитывал всего денежных мастеров «с 200 человек» (с подсобными рабочими, следовательно, приблизительно вдвое больше)²⁵.

Все это, конечно, ни в коей мере не меняет характеристику Нового денежного двора как крупнейшей мануфактуры XVII в., но к оценке масштабов деятельности этого предприятия следует относиться более осторожно. Непреложным остается тот факт, что в середине XVII в. в Москве работали две крупнейшие мануфактуры — Старый и Новый денежные дворы. Они были полностью укомплектованы рабочими, что говорит о емкости рынка рабочей силы в Москве XVII в. Мастера, как известно, выбирались из «вольных гулящих людей, кто похочет»²⁶. По сведениям «Дел», на Новом денежном дворе также пользовались принудительным трудом. Каждый год из числа посадских тяглецов Москвы и окрестных городов набирались работники для Денежного двора. В «Делах» приводятся списки мастеровых людей, «которым велено им бысть у денежного дела», списки закрепленных за денежным двором кузнецов, списки беглых серебряников и кузнецов²⁷.

* * *

Во всех исторических и нумизматических исследованиях, где в той или иной форме идет речь о денежном производстве XVII в., повторяется положение о том, что денежный двор состоял из нескольких станиц — замкнутых производственных артелей, включающих в себя все специальности, необходимые для производства монет. Внутри станиц соблюдался принцип мануфактурного разделения труда²⁸. Денежный двор, следовательно, представлялся механическим соединением этих станиц, объединенных общей администрацией и помещением. Такое представле-

²⁵ Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1909, стр. 98.

²⁶ Там же.

²⁷ ЦГАДА, ф. 368/1, ед. хр. 2, лл. 4, 5. 57.

²⁸ «История Москвы», т. XVII. М., 1952, стр. 404—406; «Очерки по истории Москвы XVII в.». М., 1955, стр. 98—99.

ние об организации денежного дела сложилось на основании описания Денежного двора, данного К. В. Базилевым²⁹.

Действительно, в «Делах» перечисляется состав станиц, из чего можно сделать вывод, что каждая станица представляла собой как бы денежный двор в миниатюре. В 1662 г. Новый денежный двор делился на 16 станиц. На каждую станицу приходилось по 2—3 кузнеца, по 1—2 волочильщика, которые «прутовую медь волочат», по 3—5 бойцов, делающих из прутовой меди гладкие заготовки для монет, и по 8—10 чеканщиков. При каждом волочильщике работало по 3 подсобных рабочих, при чеканщиках — по 2 «подметчика» или «подкладчика». Станица насчитывала от 30 до 40 человек. Из числа чеканщиков каждый год избирался староста. Каждая станица имела закрепленные за ней орудия производства — чеканы, по 30 чеканов на каждую станицу, всего 480 чеканов³⁰. Чеканы хранились в мешках, запечатанных печатью старост каждой станицы. После производственных операций они сдавались в приказную избу, где складывались в сундук или «коробью» под замком, запечатывались печатью головы или дьяка двора. В приказных избах хранились «книги приемные и роздаточные меди и денег, шестнадцать тетрадей, на станицу по тетради, что давано денежным мастерам и что у них из переделу взять денег с росписками»³¹.

Очевидно, при такой организации труда и закреплении орудий труда за каждой станицей монеты, чеканенные в одной станице, должны представлять изолированную группу с присущими только ей особенностями изображений и надписей лицевых и оборотных сторон.

Однако при изучении монет Нового денежного двора не обнаруживается никаких следов деления их на группы, изолированные друг от друга. Наоборот, они представляют собой единую группу, тесно переплетенную соотношением лицевых и оборотных сторон. Уже одно это обстоятельство заставляет предположить, что организация труда на Денежном дворе была более сложной, чем это кажется при поверхностном наблюдении.

Прежде всего это относится к изготовлению орудий труда для чеканки монет — маточников и чеканов. Выше уже говорилось, что маточники служили в качестве своеобразной первоосновы, с которой переводились чеканы, непосредственно используемые для чекана монет. По мере изнашивания чеканы вновь могли воспроизводиться с маточника. Очевидно, существовала какая-то норма для использования одного маточника. В приказной избе хранилась книга, где записывалось, сколько «переведено с маточников чеканов» и «сколько худых забито»³². Не встречается

²⁹ К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 18—20.

³⁰ ЦГАДА, ф. 368/1, ед. хр. 2, л. 30.

³¹ Там же, л. 24.

³² Там же.

никаких указаний на то, чтобы маточники закреплялись за станциями, что можно было бы ожидать при существующем представлении об организации Денежного двора. Маточники хранились в одном месте — в приказной избе, в сундуках или ящиках, закрытых на замок, «за печатями и ярлыками» должностных лиц. На каждый год приходилось 6—8 действующих маточников. Эту цифру указывают «Дела», и эту же цифру можно получить при анализе монет Нового денежного двора.

Изучив лицевые и оборотные стороны монет со знаком МД (за каждым из которых, естественно, стоит маточник, со своими особенностями рисунка и надписи), мы узнаем, что на Новом денежном дворе всего насчитывалось около 60 маточников. Медные копейки чеканились, как известно, с 1655 по 1663 г. На каждый год из девяти лет чеканки приходится в среднем по 6—8 маточников. Такую же цифру называет опись 1662 г. В приказной избе, в «коробье» под замком хранились «денежных маточников новых юфть, да старых добрых три юфти, да исподник, да ветхих маточников порченных три вершника да четыре исподника»³³, т. е. 9 маточников действующих, «добрых» и 7 маточников «ветхих». В 1661 г. в «остаточной казне» головы Дмитрия Денисова в дубовом ящике, окованном железом, хранились три с половиной юфти маточников копеечных и юфть московочных (т. е. маточников для чеканки денежек), всего, следовательно, 7 копеечных и 2 денежных маточника³⁴. В 1662 г. в работе, по данным описи, находилось 480 чеканов³⁵. Их переводили с 7 или 9 действующих маточников, с каждого из которых, следовательно, переводилось 50—70 чеканов. Как долгов был срок действия каждого чекана, нам неизвестно.

Наличие маточников совершенно исключает возможность существования изолированных групп чеканов. Изношенные чеканы, закрепленные за станцией, заменялись новыми, которые могли быть переведены в любой из действующих маточников, находящихся под рукой. Перевод чеканов осуществлялся с ведома и под контролем администрации двора. Об этом свидетельствует тетрадь или книга головы, «что переведено с маточников чеканов», о которой уже говорилось. Староста станции получал свои 30 чеканов на один денежный передел для удобства учета и контроля за работой данной станции. В следующих переделах мешки с чеканами могли, очевидно, менять своих владельцев. В процессе чеканки монет на денежном дворе чеканщики пользовались обезличенными чеканами. Тесное переплетение по соотношению

³³ По смыслу записи можно понять, что юфть здесь служила кожаными чехлом, где хранилась пара маточников — исподник и вершник. Разрозненные маточники в записях указывались по отдельности, «порченных три вершника да четыре исподника» (ЦГАДА. ф. 368/1. ед. хр. 2. л. 29).

³⁴ Там же, л. 22.

³⁵ Там же, л. 30.

штемпелей лицевых и оборотных сторон и объединение всех монет со знаком МД в единую группу при таком способе изготовления чеканов и распределении их между станциями вполне закономерно.

В «Делах Нового английского денежного двора» содержатся другие данные, которые уточняют наши сведения об организации двора. В описях указывается, как объединялись рабочие двора разных специальностей. Кузнецы были сосредоточены в отдельном помещении, в плавильне, где стояло несколько кузнечных сараев. За каждой станцией практически не было закреплено постоянных кузнецов, они работали «попеременно». Волочилыщники работали в семи волочилыщных избах, по 4 или 6 человек в каждой избе. Каждая группа волочилыщников обслуживала по 2 или по 3 станции сразу. Точно так же на 16 станциях в 1662 г. работало 8 групп бойцов, по 4—5 человек в группе. Они также располагались в отдельных помещениях — «казенках», или «чуланах». Каждая группа бойцов обслуживала по 2 станции, закрепленные за ними. Опись не указывает, насколько постоянным было это закрепление. И лишь чеканщики делились по станциям, по 8—10 человек, каждая из которых имела свою «казенку» для работы. Как можно убедиться, принцип мануфактурного разделения труда осуществлялся не внутри станции, а внутри Денежного двора в целом. Рабочие практически объединялись не по станциям, а по специальностям. Станция была чисто условной единицей, требующейся для учета металла и изготовленных денег, связанная круговой порукой. «Дела» сообщают, что «у сыскных дел» или в тюрьме нередко оказывались целые станции во главе со старостой. Очевидно, станция расплачивалась за какие-то злоупотребления, совершенные на одном из этапов денежного производства.

Денежный двор представлял собой сложный производственный организм, объединенный единым управлением и организованный по принципу технического разделения труда. Можно сказать, что среди мануфактурных предприятий России XVII в. он отличался наиболее совершенной организацией производства.

* * *

Даже фрагментарное исследование «Дел Нового английского денежного двора» показывает, сколько важных сведений о мануфактуре XVII в. содержится в этих документах. Здесь сообщается о комплектовании рабочей силы, о правовом положении рабочих, о трудовом режиме, об имущественном положении мастеров и рабочих людей, об их местожительстве. «Дела» дают яркое представление о порядке делопроизводства на денежных мануфактурах, о характере взаимоотношений их с центральной властью. Ценные сведения сообщают «Дела» о денежном производстве, о технике чеканки монет и, в частности, о приготовлении

орудий чеканки — маточников и чеканов. Однако, если основываться исключительно на их сведениях, мы не сможем представить себе многих важных моментов денежного производства и организации мануфактур XVII в. Для нас останутся неясными конкретное содержание деятельности различных категорий рабочих, названных в «Делах», и особенности техники чеканки монет. Мы не сможем с полной уверенностью определить, являлись ли денежные дворы XVII в. по своему способу производства и степени разделения труда первоначальной мануфактурой, отличающейся от цехового ремесленного производства лишь большим числом одновременно занятых рабочих, или же они представляли собой развитую централизованную мануфактуру. И, наконец, реальное положение дел данного конкретного производства — Нового денежного двора — для нас останется не совсем ясным.

Источниковедческий анализ нумизматического материала, основанный на современной методике изучения монет, позволяет раскрыть многие общие и нередко абстрактные сведения «Дел» в их конкретном содержании и тем самым способствовать разрешению многих важных вопросов.

Выделив группу монет, бесспорно относящихся к чекану Нового денежного двора, мы разделили монетное производство двора на два последовательных периода: период машинной чеканки 1654 г. и период ручной чеканки 1655—1663 гг. «Дела» характеризуют второй период. Исследуя монеты, изготовленные при помощи ручной техники, — их внешний вид, фактуру, вес, форму, рисунки и надписи, — мы получаем возможность представить себе, какие операции выполняли плавильщики, волочильщики, бойцы и чеканщики, что делали кузнецы и резцы (резчики), что значит термин «почищение чеканов». Для нас в конкретной реальности предстают волочильные доски и ворота, на которых из «гнезд» волочили проволоку волочильщики. Мы можем представить себе «гладкие чеканы», которыми на больших наковальнях бойцы плющили эту проволоку, и малые наковальни, закрепленные на «стулах», где чеканились сами монеты чеканками с нанесенным рисунком и надписями. Становится понятным, что могли делать работные люди при волочильщиках по три человека у каждого ворота, так как тянуть проволоку было нелегким делом, что делали подметчики (или подкладчики), по два человека при чеканщике, можно представить размеры рабочих помещений, где плющилась проволока и чеканились монеты. Далее, выяснив, что монеты Нового денежного двора представляют собой группы, тесно переплетающиеся по соотношению рисунков лицевых и оборотных сторон (как, впрочем, и остальные монеты ручной чеканки других денежных дворов), мы с уверенностью можем сказать, что денежные дворы XVII в. не были механическим соединением отдельных производственных артелей — станниц, как это может показаться на основании сведений «Дел»,

а являлись сложным организмом, подчиненным единому производственному процессу. Денежные дворы XVII в. предстают перед нами как развитая централизованная мануфактура, отличающаяся высокой для XVII в. степенью разделения труда. Уровень их развития определяла специфика монетного производства, конечной целью которого было изготовление массовой стандартной продукции. Колоссальные масштабы чеканки вызвали к жизни различные технические усовершенствования орудий чеканки. Дальнейшее развитие методики нумизматического исследования поможет определить не совсем ясный для нас в настоящее время способ изготовления маточников и чеканов, что в свою очередь даст основания для более четкой хронологической систематизации монет. И, наконец, небольшое количество монет Нового денежного двора при хорошем их качестве свидетельствует, с одной стороны, о сравнительно высокой культуре производства, о хорошем качестве орудий чеканки, с другой — о неполной загрузке рабочих двора и незначительных масштабах чеканки (по сравнению с другими дворами времени реформы). Тем самым мы можем составить представление о втором периоде деятельности Нового денежного двора — с 1655 по 1663 г., хотя «Дела» сообщают нам сведения о гораздо более коротком отрезке времени — с 1659 по 1662 г.

Опыт комплексного изучения деятельности Нового денежного двора на основании двух разнородных источников — письменных и вещественных, на наш взгляд, достаточно убедительно показывает, насколько плодотворен подобный сравнительный источниковедческий анализ для наиболее полного изучения вопроса, в нашем случае — об организации и деятельности денежной мануфактуры в России XVII в.³⁶

³⁶ Об английском денежном дворе см. также: *А. С. Мельникова. Новый («английский») денежный двор в Москве в 1654—1663 гг.— Нумизматика и эпиграфика*, IX, М., 1971, стр. 144—158.

ПОКАЗАНИЯ РУССКИХ ОЧЕВИДЦЕВ О ПРЕБЫВАНИИ ФРАНЦУЗОВ В МОСКВЕ В 1812 г.

(К методике источниковедческого анализа)

А. Г. Тартаковский

1

Трудно найти более благоприятную почву для источниковедческих изысканий и постановки методических проблем, нежели крупные события прошлого, «вечные», тысячи раз обыгранные исторические сюжеты, по которым мы располагаем развитой исследовательской традицией и обширным кругом разнообразных источников. Существенно важно при этом, если и в структуре наших знаний по данному поводу имеются пробелы, восполнение которых упирается в разработку источниковедческих аспектов темы. Именно к такого рода событиям принадлежит период сорокадневного пребывания наполеоновских войск в Москве осенью 1812 г. — один из драматичнейших эпизодов русской истории нового времени. При великом обилии литературы об эпохе Отечественной войны и по сию пору он таит в себе еще много неясного. Это относится, например, и к судьбе оставшихся в городе жителей — их численности, сословному составу, повседневной жизни, умонастроениям, и к действиям французского командования, в том числе к социально-политическим планам Наполеона в отношении России.

Наглядной демонстрацией слабой изученности всего того, что происходило в 1812 г. в оккупированной Москве, является судьба в историографии темы московского пожара. Более 150 лет ведутся по ней острые дебаты, высказываются различные точки зрения, а вопрос о причинах пожара и ныне далеко не решен.

Существо расхождений между историками не сводится только к дилемме: русские или французы зажгли Москву, ибо представление о русском происхождении пожара в свою очередь распадается по меньшей мере еще на три версии. Они могут быть сформулированы в виде следующих вопросов: какова роль Ростопчина и подведомственных ему лиц в организации поджогов? Причастен ли к ним Кутузов как главнокомандующий русской армией? Являлся ли пожар следствием самочинных поджогов города местными жителями?

Споры и разногочия вокруг этих вопросов, помимо обстоятельств общен historiографического характера (мы их здесь не затрагиваем), вызваны и трудностями методического порядка.

В самом деле, параллельное существование в научной литературе столь долгое время на вполне паритетных началах нескольких и зачастую взаимоисключающих друг друга версий может быть объяснено, в частности, тем, что каждая из них недостаточно доказана в источниковедческом плане. Для выяснения степени доказательности этих версий следовало бы подвергнуть их тщательному источниковедческому разбору. Но такой разбор ввиду обширности накопленного материала выходит за рамки настоящей статьи. Она имеет перед собой несколько иную цель — разобраться в названных выше трудностях главным образом в плане пересмотра состояния источников по теме для оценки их состава и качества, что и позволило бы приблизиться к выработке наиболее рациональной методики источниковедческого анализа. Статья, однако, не претендует на сколько-нибудь исчерпывающее решение этого сложного вопроса, представляя собой лишь первый опыт обоснования такой методики.

Для этого придется в самых общих чертах коснуться некоторых приемов использования источников, характерных, кстати, не только для разных направлений историографии московского пожара, но и для исторических работ, посвященных другим вопросам положения Москвы в период французской оккупации. Но предварительно сразу же оговоримся — речь пойдет в этом отношении только о русских источниках¹, что обусловлено относительно лучшей их осведомленностью, чем источники иностранного происхождения. Участники наполеоновского похода, попавшие в сентябре 1812 г. в Москву, хуже ориентировались в местной обстановке, плохо разбирались в топографии города, в массе своей не говорили по-русски и были почти лишены нормальных связей с остававшимся здесь населением, которое точнее и непосредственнее воспринимало происходившие события.

2

Первое, что бросается в глаза при рассмотрении аргументации различных версий, это ограниченность числа источников, привлекаемых для их обоснования. Так, всего лишь по 6—7 свидетельств фигурирует в литературе для подтверждения взглядов о причастности Кутузова к организации пожара² и о самочин-

¹ В их число мы включаем не только источники, принадлежавшие исконно русским жителям столицы, но и мемуарно-эпистолярные произведения некоторых эмигрантов (преимущественно французов). Хотя они составляли несколько обособленную группу местного населения, но к 1812 г. уже долгое время жили в Москве, прочно обосновались здесь, завязали разносторонние связи среди дворянства, купечества и даже в правительственных кругах, а в силу своих антинаполеоновских настроений во всем том, что касалось французского вторжения в Россию, выражали взгляды, близкие к мнениям их русских современников.

² Мнение Государственного совета от 7 мая 1817 г. — «М. П. Кутузов». Сборник документов. т. IV, ч. 2. М., 1955, стр. 717—718. (Впервые использовано А. Михайловским-Данилевским по архиву в кн.: «Описание Оте-

ных поджогах Москвы местным населением³, а в обоснование версии о сожжении города французами в общей сложности 12 документов⁴.

Но это суммарные данные о числе источников, накопленных к нашему времени. Мнения же отдельных историков в пользу тех или иных версий, высказываемые обычно в весьма категорических тонах, подкреплялись еще меньшим числом свидетельств. Причем доводы из одних и тех же источников многократно воспроизводились в литературе, переходя от одного автора к другому. В результате создавалось впечатление множественности аргументов, бывшее, однако, производным от одной лишь частоты их употребления. Характерно, что большая часть этих источников — мемуаров, писем, делопроизводственных документов, публицистических сочинений — была введена в научный оборот еще в прошлом веке, преимущественно в первые 50—60 лет после Отечественной войны. Разыскание же новых источников, как рассеянных в редких изданиях, журналах, сборниках, так особенно и архивных историками конца XIX—XX в. почти не проводилось.

чественной войны в 1812 г., ч. 2. СПб., 1839, стр. 399); «Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 год артиллерии полковника И... Р...», ч. 1. М., 1835, стр. 172—175, 206—208; «Записки о 1812 году Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения». СПб., 1836, стр. 66; *С. Глинка*. Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 года до половины 1815 г. СПб., 1837, стр. 41; *И. Липранди*. Пятидесятилетие Бородинской битвы.— «Чтения в МОИДР», 1866, кн. III, стр. 155; *Н. А. Полевой*. Воспоминания о происшествиях, бывших в Курске в 1812 г.— «Отечественные записки», 1822, март, № 23, стр. 408, 421; «Переговор между князем Кутузовым-Смоленским и французским генералом Лористоновым в лагере при Тарутине». — «М. И. Кутузов», т. IV, ч. 1, стр. 473 (далее — «Переговор»).

³ *Ф. Ростопчин*. Правда о пожаре Москвы. М., 1823; *И. П. Липранди*. Некоторые замечания, почерпнутые из иностранных источников о действительных причинах гибели наполеоновых полчищ в 1812 году. СПб., 1855, стр. 189; *он же*. Война 1812 г. СПб., 1869, стр. 159; «Записки А. П. Ермолова», ч. 1. М., 1865, стр. 215; «Рассказы очевидцев о 1812 году». М., 1873: «Переговор», стр. 473; *Ф. Глинка*. Письма русского офицера. М., 1870, стр. 194.

⁴ *И. Туголкин*. Подробное донесение ее имп. величеству государыне императрице Марии Федоровне о состоянии Московского воспитательного дома в бытность неприятеля в Москве 1812 года. М., 1860 (отд. оттиск из «Чтений в МОИДР», 1860, кн. II); свидетельство о поджоге французами Вдовьего дома.— «Бумаги Щукина», ч. V. М., 1900, стр. 155; письмо А. Ф. Мерзлякова Ф. М. Вельямнову-Зернову от 14 марта 1813 г.— «Русский архив», 1865, стлб. 1076; «Сын Отечества», 1812, № 12, «Смесь», стр. 268—271; «Переговор», стр. 473; письмо Ф. З. Захарова П. С. Полуденскому от 16 октября 1812 г.— «Бумаги Щукина», ч. V, стр. 163—164; «Записки генерал-майора С. П. Мосолова». — «Бумаги Щукина», ч. VIII, стр. 338; показания протоиерея Казанского собора в Москве П. Мошкова.— «Русский архив», 1909, № 12, стр. 455—463; Письмо Бернадотта Александру I от 10 октября 1812 г.— «Correspondence inédite de L'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812.» Paris, 1909, p. 43; Письмо С. Р. Воронцова Ф. В. Ростопчину от 7 июня 1814 г.— «Русский архив», 1872, № 11, стлб. 2188.

Но, что всего существеннее, привлекаемые историками источники представляли собой разрозненные и случайно подобранные свидетельства, имеющие чисто иллюстративное значение, ибо даже неспециалисту ясно, что по каждой из упомянутых версий можно было бы располагать гораздо большим фондом фактических данных. Во всей обширной литературе о положении Москвы в период французской оккупации ни разу не было сделано попытки обосновать, почему избраны именно эти источники, а не какие-либо еще; равным образом не ставился вопрос о том, как соотносятся они с остальным документальным материалом, для чего в первую очередь следовало определить, хотя бы приблизительно, количественный масштаб источников по теме.

Другими словами, речь идет об учете совокупности сохранившихся и могущих быть выявленными источников, которые непосредственно относятся к периоду пребывания в Москве французов в 1812 г. Нет нужды подробно распространяться о том, насколько данная задача является назревшей. В этой связи обратим внимание лишь на два обстоятельства, делающие такой подход особенно настоятельным.

1. Когда историк имеет дело с одномоментным и индивидуальным историческим актом или событием, которым охвачено незначительное число участников (например, акции внутренней и внешней политики, деятельность политических организаций и их лидеров, явления духовно-идеологической жизни одного лица или группы лиц и т. д.), единичные источники чаще всего вполне достаточны для установления искомого факта. Но в данном случае предметом изучения является целый период, состоящий из цепи событий, в которых принимало участие множество лиц и которые непосредственно отражались в сознании больших человеческих коллективов. Иными словами, перед нами *историческое действие, имевшее по своей природе массовый характер*. В этих условиях никакие иллюстративные, произвольно выбранные примеры ничего вообще доказать не могут — нужна именно совокупность источников, которая *достаточно представительна* отражала бы действия этой массы.

2. От пребывания французов в Москве в 1812 г. (равным образом это относится и к ряду других крупных событий эпохи нового времени) отложились и дошли до нас, как правило, не какие-то единичные, друг от друга изолированные и разновременные свидетельства, а определенные группы или серии источников, связанные между собой общими условиями происхождения. Эти группы или серии источников возникали и в период самых событий и после их завершения в сходной социально-политической обстановке, в однородной общественной среде, в сфере одних и тех же учреждений. На их образование накладывало часто решающий отпечаток какое-то общее влияние, одновременно действующее на сознание участников событий, а потому и на характер письменной фиксации ими своих впечатле-

ний, будь то официальные политические установки, массовые предрассудки, общее мнение и т. д. Естественно, что в подобной ситуации какой-либо источник уже не может быть правильно понят как таковой, сам по себе, даже если он будет изучен наиболее тщательным образом. Для раскрытия содержания, смысла, степени достоверности заключенных в нем сведений его следует поставить в связь со всем корпусом источников, порожденных данной системой отношений. Лишь в пределах такой совокупности как строго очерченного информационного комплекса, при учете его внутренних связей и взаимоотношений каждый отдельный источник может получить адекватную по истинной сущности оценку⁵.

Вторая особенность источниковедческой аргументации версий московского пожара состоит в том, что для квалификации источника историками чрезмерно широко употреблялось понятие «современник», в которое вкладывался слишком общий и расплывчатый смысл. Если то или иное лицо жило в эпоху совершения события, в одно время с участниками войны 1812 г., то его показание уже на одном этом основании представлялось заслуживающим полного доверия без предварительного выяснения истоков осведомленности автора. Более того, в историографии московского пожара термином «современник» нередко вообще подменялось далеко не совпадающее с ним и более узкое по своему значению понятие «очевидец», на чем подробно мы еще остановимся далее. Смешение же столь неоднозначных в источниковедческом отношении понятий приводило к неоправданно завышению реальной ценности источников.

Так, И. Липранди подкреплял свое мнение о причинах пожара Москвы историко-публицистическими высказываниями Д. Бутурлина, А. Михайловского-Данилевского и А. Ермолова, считая особым признаком их авторитетности то, что они исходят от очевидцев⁶. А. Попов клал в основу своих суждений по тому же вопросу мемуарные показания И. Липранди и Ф. Ростопчина именно потому, что, с его точки зрения, они были «свидетелями-очевидцами» пребывания французов в Москве⁷. И. Полосин, ссылаясь на свидетельство С. Глинки, и его полагал «очевидцем пожара»⁸. Между тем все названные здесь лица, будучи современниками Отечественной войны, в сентябре — начале октяб-

⁵ А. А. Зиминым справедливо подчеркнуто, что представление об отдельном источнике как элементе «определенной системы отношений, взаимосвязанного с общественной средой и обусловленного ею», основано на «марксистском понимании исторического процесса» («Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». М., 1969, стр. 435).

⁶ И. И. Липранди. Некоторые замечания..., стр. 185—186; он же. Война 1812 года, стр. 165—166.

⁷ А. Н. Попов. Французы в Москве в 1812 г. М., 1876, стр. 106.

⁸ И. И. Полосин. Кутузов и пожар Москвы 1812 года.— «Исторические записки», т. 34, стр. 160.

ря 1812 г. находились вне оккупированной Москвы и не могли поэтому явиться очевидцами рассматриваемых событий в собственном и точном смысле слова.

Почти вся фактическая аргументация различных версий московского пожара, оперировавшая русскими источниками, и зиждилась на сообщениях лишь современников событий, а отнюдь не их непосредственных участников и наблюдателей. Такой характер имеют, например, упомянутые выше доводы в пользу версий о сожжении Москвы мирным населением и о причастности к этому Кутузова, а также ряд аргументов, на которых базировались мнение о французах-поджигателях⁹ и реконструкция топографии пожара¹⁰. Преувеличенное представление о ценности «современных» источников сказывалось в обращении и к материалам прессы 1812—1815 гг., и к позднейшим мемуарным высказываниям современников, и к их тенденциозно-публицистическим произведениям, которые были зависимы не столько от реальной осведомленности, сколько от накопленного опыта в освещении эпохи 1812 г., и от сугубо пристрастной позиции того или иного лица.

Применение критерия «современности» источника событию (в столь широком значении этого понятия) явилось своего рода инерцией некоторых методических установок, сложившихся на базе изучения истории феодальной эпохи (примерно до XVI в.), от которой дошло вообще скудное число источников относительно ограниченного ассортимента, и большинство повествовательных памятников известно нам не в их современных событиям оригиналах, а в позднейших списках, отстоящих от этих событий на десятилетия и даже века. В таких условиях обнаружение действительно современного изучаемому периоду документа уже само по себе есть большое научное достижение. Но вполне оправданная для древности и средневековья данная установка, т. е. естественное предпочтение современных источников позднейшим, при изучении эпохи 1812 г. в этом общем своем виде становится уже недостаточной.

Прежде всего это связано с существенным изменением самого характера отображения действительности в источниках в новое время. По мере перехода от феодального строя к буржуазным формам цивилизации, вовлечения в историческое развитие все больших масс населения, обострения социальных антагонизмов, создания разветвленного государственно-бюрократического механизма, наконец, с ростом грамотности и секуляризации личности намечается тенденция к более разносторонней и насыщенной фиксации событий. Та информация, которая ранее безвозвратно утрачивалась, теперь получает все большие возможности

⁹ Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова. М., 1951, стр. 82—83; *он же*. Отечественная война 1812 года. М., 1962, стр. 426—432.

¹⁰ И. И. Полосин. Указ. статья, стр. 142.

закрепляться¹¹, причем не только в традиционно-письменной форме, но и посредством необычайно разрастающегося печатно-книжного дела. Прогресс техники, в частности, внедрение фото- и киносъемки, фонозаписи (а до нее и параллельно с ней — стенографии) обеспечивает фиксацию таких проявлений человеческой деятельности, которые в прежнее время вообще не поддавались адекватному воспроизведению. Таким образом, по сравнению со средневековьем заметно *повышается в ходе исторического процесса степень информационной преемственности*. В результате поступательно увеличивается общее количество источников, по своим масштабам превосходящее все то, что было создано когда-либо прежде. Этому способствует и улучшение общих условий их сохранности, особенно в связи с совершенствованием архивно-библиотечной службы и различных способов размножения текстов.

Недостаточность критерия «современности» источника событиям обусловлена также сложным и крайне многослойным характером источников, дошедших до нас от самой эпохи 1812 г. Пробудив к исторической деятельности глубокие пласты населения и всколыхнув все русское общество, она вызвала к жизни огромное, практически неисчерпаемое множество письменных памятников, которые и поныне не поддаются сколько-нибудь точному учету, даже если иметь в виду лишь опубликованные материалы. Нечего и говорить, сколь велика была в этом активном процессе «источникотворчества» роль московского пожара — одного из наиболее впечатляющих событий Отечественной войны, породившего особенно интенсивный поток исторической информации, который окончательно иссякает лишь после того, как уходит из жизни последние представители поколения 1812 г.: в 80-х годах XIX в.

Ввиду исключительного значения Москвы в событиях того времени редко кто из современников ее касался данной темы, когда писал о 1812 г., считая неременным долгом сообщить что-либо ему известное, независимо от своего местопребывания в 1812 г. и степени личной осведомленности. Поэтому сообщения о московском пожаре и о пребывании французов в Москве мы находим и в специально посвященных им записках и письмах участников событий, и в сочинениях современников, относящихся к Отечественной войне в целом, и, наконец, в многочислен-

¹¹ Вопрос об утратах исторической информации мало изучен. Из последних работ следует отметить статью Ц. Бобинской «Пробелы в источниках. Методологический анализ» («Вопросы истории», 1965, № 6) и доклад В. П. Бовыкина «О потерях исторической информации», прочитанный в секторе источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории СССР 4 августа 1970 г. Некоторые аспекты этой проблемы, связанные с распространением исторической информации до ее фиксации в письменных текстах, затронуты в статье А. А. Курносова «Приемы внутренней критики мемуаров в сборнике статей «Источниковедение». Теоретические и методические проблемы».

ной группе мемуарно-эпистолярных произведений, охватывавших собой не только 1812 г., но и всю эпоху, в которой жил и творил данный автор; иногда это был период в несколько десятилетий. Поражает разнообразие сохранившихся источников с точки зрения сословной принадлежности, профессионального положения и культурного ценза их авторов. Среди них представители просвещенных слоев дворянства и косного купечества, искусные в церковной риторике священнослужители и полуграмотные крестьяне, высокопоставленные чиновники и мелкие канцелярские служители, офицеры русской армии, актеры, учителя, ополченцы, мещане, наконец, французские эмигранты.

Все они в письменных свидетельствах о московских событиях 1812 г. не только пользовались собственными впечатлениями и рассказами хорошо информированных людей, но включали в свое повествование имевшие широкое хождение в обществе слухи и молву весьма неопределенного происхождения. Сказывалось на этих свидетельствах и отраженное влияние уже сложившейся традиции в истолковании войны 1812 г.: правительственных документов, исторических трудов, художественной литературы и т. д.

3

В столь обширном конгломерате неравноценных и разнообразных по составу источников вряд ли возможно разобраться без надлежащего методического ориентира. Это бесспорно узловым вопросом еще и потому, что учет совокупности источников, о чем говорилось выше, немыслим без их отбора, а сам этот отбор также должен исходить из каких-то принципов.

Что касается нового периода русской истории, то эта проблема пока слабо разработана, и объективные основания определения источниковедческой ценности источников применительно к разным их категориям и различным историческим ситуациям далеко еще не выяснены.

Разумеется, здесь не в счет успешно изучаемые в последние годы массовые и близкие к ним по форме источники по социально-экономической (преимущественно аграрной и демографической) истории, которые позволяют применять статистико-математические методы. Но там, где перед нами, с одной стороны, все более усложняющиеся сферы социально-политической, общественной, духовно-идеологической жизни, а с другой — не однородная масса равномасштабных документов, а лишь некое множество разнотипных и индивидуально-неповторимых свидетельств, то и методические задачи здесь крайне усложняются, требуя к себе существенно иных подходов. Один из них — уточнение гносеологических критериев оценки качества источников.

При реконструкции событийной стороны исторического процесса таким критерием для данного периода может явиться принцип, предполагающий установление первоисточника.

Надо заметить, что в конкретно-исторических исследованиях этот термин применяется очень широко и в разных значениях без должного обоснования. В источниковедческой литературе его употребление более однозначно. Если кратко суммировать существующие на этот счет взгляды, то под первоисточником в строго определенном смысле слова следует разуметь *наиболее близкое к событиям их отображение, первичное хронологически и независимое от других источников*¹². Из сказанного следует, что понятие «первоисточник» всегда относительно и зависит от того уровня исторической действительности, который в каждом данном случае выступает как объект отображения. Поэтому это понятие в равной мере может быть распространено как на документ в целом, так и на отдельные сообщения — информационные «клеточки» — документа, в то время как остальные его элементы, если они более позднего происхождения, значения первоисточников уже не имеют. По природе вещей свойством первичного и независимого отображения могут обладать только источники, основанные на *личном наблюдении, на собственном восприятии действительности*. Стало быть, речь идет о *показаниях очевидцев*. (Термин «показание» употребляется здесь не в узкоюридическом, а в самом широком его значении — как сообщение каких-либо сведений вообще¹³, передача любой информации, зафиксированной и в непосредственных «остатках» того или иного действия, в том числе в актово-делопроизводственной документации.) От показаний очевидцев зависимы все последующие исторические представления, ибо все известное нам об искомом событии в конечном счете *восходит к тому, что когда-либо знали и свидетельствовали о нем его непосредственные участники и наблюдатели*, — иных средств получения эмпирических знаний о минувшем имманентно не существует. Таким образом, объективная ценность источника определяется прежде всего тем, *в какой мере аккумулирована в нем информация, исходящая от очевидцев*.

Под этой информацией мы разумеем, понятно, не только то, что прямо сказано в источнике и лежит на поверхности, что автор его намеренно хотел сообщить. Любой источник, особенно повествовательный, представляет собой сложную структуру сообщений, где присутствуют и «ненамеренные», глубоко скрытые в тексте слои информации с невольными свидетельствами — «проговорками» и характерными умолчаниями об определенных сторонах прошлой жизни. Но даже эти умолчания, будучи обнаружены посредством сопоставления данного источника с другими

¹² Близкое к этому определение было дано в книге С. Н. Быковского «Методика исторического исследования» (Л., 1931, стр. 29).

¹³ Таково одно из основных значений этого термина, отмеченное в «Словаре современного русского литературного языка», т. 10. М.—Л., 1960, стр. 828.

сведениями, доносят до нас ценную информацию, поскольку сигнализируют о намерении автора скрыть те или иные обстоятельства от современников и потомков, а следовательно, и о тех конкретно-исторических условиях, которыми вызваны эти намерения.

Объем и характер осведомленности очевидцев определяют собой истинность фактических представлений о прошлом. Конечно, хронологическая близость источника к событию еще не гарантирует одинаковую и высокую в каждом показании степень достоверности¹⁴. Это зависит и от образовательного ценза их авторов, и от индивидуальных способностей к наблюдению и точной передаче впечатлений, и от конкретного назначения отдельных источников. Иногда именно очевидцы изображают действительность в искаженном свете. Поэтому достоверность каждого из этого рода показаний должна быть специально доказана соответствующими приемами источниковедческой критики.

И в то же время нельзя не признать, что если показания очевидцев взяты *в их комплексе* и в связи друг с другом, то в этой своей целостности сравнительно со всеми остальными источниками они содержат самую надежную информацию, какой только мы вообще можем располагать. И чем всестороннее охвачены показания очевидцев, тем выше вероятность получения достоверных сведений фактического порядка.

Решающая роль показаний очевидцев в установлении исторического факта давно осознана в науке; принцип выделения их из общей массы современных и позднейших источников едва ли не впервые в русской историографии был выдвинут еще В. Н. Татищевым¹⁵, а затем развит в работах историков XIX — начала XX в.¹⁶ Наиболее полное теоретическое обоснование этот принцип получил в трудах А. С. Лаппо-Данилевского¹⁷, создавшего на базе обобщения опыта отечественного и зарубежного источниковедения стройное учение о приемах критики источников, которое и поныне сохраняет свое методическое значение, несмотря на неприемлемость для нас общефилософских воззрений как самого Лаппо-Данилевского, так и других дореволюционных историков-методологов.

¹⁴ Л. Н. Пушкарев. Исторический источник в свете ленинской теории отражения. — «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». Сборник статей. М., 1970, стр. 72—79.

¹⁵ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 83—84.

¹⁶ См., например, В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. I, кн. I. Киев, 1891, стр. 35—43; Н. И. Кареев. Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916, стр. 46, 72—75.

¹⁷ А. С. Лаппо-Данилевский. Методология истории, вып. II. СПб., 1913, стр. 389—400, 638—639, 762. Он называл показания очевидцев «первоисточниками», а также «чистыми преданиями», «свидетельскими показаниями», в отличие от «смешанных преданий» или «известий», основанных на чужих, посторонних впечатлениях.

Представления старой историографии о показаниях очевидцев как первоисточнике (независимо от того, в какие словесные формулировки облекались эти понятия), будучи переосмыслены в духе марксистской, материалистической гносеологии, приняты в сущности и в советском источниковедении¹⁸. В последние годы факт этой преемственности неоднократно отмечался в источниковедческой литературе¹⁹.

Менее прояснен вопрос о структуре показаний очевидцев с точки зрения самого момента их возникновения, закрепления в какой-либо материализованной форме. А надо сказать, что в изучении источников нового времени именно этот вопрос представляется особенно насущным в методическом отношении. А. С. Лаппо-Данилевский, строго дифференцировавший источники по степени непосредственности отображения в них действительности, данной стороны дела почти не касался²⁰.

Между тем показания очевидцев, если подойти к ним с этих позиций, не есть нечто однообразное — в них четко выделяются два типа свидетельства: *синхронные* и *ретроспективные*.

Следует оговориться, что саму «синхронность» надо понимать весьма условно. Даже при наличии таких совершенных технических средств, как киносъемка и фонозапись, между событием и его фиксацией, со строго физической точки зрения, проходит известное время, каким бы малым оно нам ни казалось. Но в историческом смысле этот временной разрыв практически неуловим, и им можно пренебречь. «Сиюминутной» фиксации легче

¹⁸ Г. П. Саар. Источники и методы их исследования. Баку, 1930, стр. 21, 63, 69—70; С. Н. Быковский. Указ. соч., стр. 29; Л. Н. Пушкарев. Типологическая классификация русских письменных источников по отечественной истории. Рукопись докторской диссертации. М., 1969, стр. 132; А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования. Ростов-на-Дону, 1970, стр. 355—381. Характерно, что сформулированное выше понимание первоисточника находит признание в археографической и архивоведческой практике: «Первоисточником в полном смысле слова является тот документ, который составлен непосредственно за событием и самими участниками или свидетелями событий...» (Е. П. Воронин. О некоторых особенностях подготовки и публикации военно-исторических документов конца XVIII — начала XX в. — «Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР», т. II. М., 1965, стр. 60—61).

¹⁹ С. М. Каштанов и А. А. Курносков. Некоторые вопросы теории источниковедения. — «Исторический архив», 1962, № 4, стр. 175; В. В. Фарсобиц. К определению предмета источниковедения (Историографические заметки). — «Источниковедение истории советского общества», вып. II. М., 1968, стр. 428—429; С. О. Шлидт. Современные проблемы источниковедения. — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 12, 22, 55; «Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в.», М., 1970, стр. 366; А. П. Пронштейн. Указ. соч., стр. 22, 229, 366, 397.

²⁰ Единственным признаком такого подхода у А. С. Лаппо-Данилевского может служить различение им «генезиса самого показания» (т. е. образование его в сознании свидетеля) и «генезиса... подачи» показания «под влиянием каких-либо внешних условий» (т. е. его письменной фиксации) — оба момента могут как совпадать, так и расходиться во времени (А. С. Лаппо-Данилевский. Указ. соч., вып. II, стр. 678).

поддается простейшее и кратковременное историческое действие. Историк же чаще всего имеет дело со сложной и разветвленной системой событий, протяженных хронологически и пространственно. Синхронное изображение подобных развивающихся исторических систем во всем их многообразии как единовременный акт вряд ли вообще возможно. Целостное представление о них даже участником событий может быть составлено в результате суммирования отдельных показаний (в том числе и синхронных) уже после того, как эти события завершились.

В свете сказанного синхронным мы полагаем всякий источник, возникший в пределах времени совершения изучаемого события, если его начальные и конечные грани могут быть точно определены и датированы. Ретроспективными же следует полагать источники, созданные *после* того, как это событие произошло, хотя бы и не в отдаленное от него время ²¹.

Деление источников на синхронные и ретроспективные не столь уже абсолютно; могут быть показания, сочетающие в себе сведения того и другого характера, и их соотношение часто весьма сложно.

Наличие таких смешанных, промежуточных состояний в источниках — явление достаточно распространенное. Но тем не менее различие показаний очевидцев по времени их фиксации имеет принципиальное методическое значение, ибо различна их источниковедческая природа, а отсюда далеко не одинаковы и приемы анализа. При установлении исторического факта наиболее предпочтительны синхронные показания, которым присущи наибольшая непосредственность и свежесть восприятия действительности, поскольку они еще не осложнены последующим изменением ситуации. Ретроспективные показания очевидцев неизбежно деформируются давлением протекшего времени и той исторически-конкретной обстановкой, в которой они окончательно оформляются. Сказанным, конечно, не отрицаются и немалые их преимущества. Иногда, только спустя известное время, удается очевидцам открыто высказаться по поводу того или иного события, да и само его значение и последствия проясняются теперь более отчетливо. Следовательно, ретроспективные показания представляются более существенными при оценке и интерпретации исторического факта, но эта сторона деятельности историка относится скорее уже к задачам собственно исторического построения, чем к стадии источниковедческих изысканий.

²¹ Это членение не заменяет собой принятого в источниковедческой литературе деления источников на «остатки» и «традиции», на «акты» и «повествовательные», хотя частично с таким подходом совпадает и перекрещивается. Тем более не исключает оно типологической классификации источников. Одни и те же их виды могут воспроизводить историческую действительность и синхронно, и ретроспективно. Бесспорно, однако, что тот и другой способы отражения действительности адекватно реализуются в каких-то определенных видах, например в дневниках и протоколах в первом случае, в мемуарах — во втором.

Свойство синхронного отображения действительности исторически изменчиво, и возможности его непрерывно расширяются в связи с общим прогрессом цивилизации, культуры, образования и с появлением новых способов фиксации речи и письма. В частности, развитие техники позволяет ныне, как известно, предельно сокращать дистанцию во времени между совершением события и получением о нем информации, моментально передавать ее на громадные расстояния, в результате чего массы людей, *отдаленные от событий пространственно, воспринимают их в значительной мере синхронно*, подобно непосредственным свидетелям. Поэтому, не будучи сами очевидцами события, они являются, в сущности, носителями синхронной о нем информации.

Совсем иное положение было в изучаемую нами эпоху. При технически неразвитых средствах сообщения и связи, когда все передвижения совершались на лошадях и передача любого известия осуществлялась замедленными темпами, *пространственный фактор являлся непреодолимой преградой для получения синхронной информации где-либо во вне места совершения события*. Понятно, что показания современников, не бывших его очевидцами, неизбежно принимали ретроспективный и опосредствованно-вторичный характер.

В свете этих предварительных методических соображений сам собой напрашивается вывод — из всего обилия и многообразия источников о московских событиях 1812 г. прежде всего следует вычленить собственные показания очевидцев (а среди них в первую очередь синхронные и близкие к ним по времени создания), *совокупность которых и подлежит максимально полному учету*. Практически речь идет обо всех известных нам показаниях лиц, которые находились в Москве со 2 сентября по 11 октября 1812 г., независимо от того, весь ли этот период или только часть его.

Причем от некоторых очевидцев московских событий 1812 г. сохранилось не какое-то одно, а несколько свидетельств, каждое из которых было вызвано к жизни специфическими целями и потому воплотилось в определенном виде источников, будь то официальные донесения, следственные показания, деловые обзорные записки, мемуары, личные письма и т. д. Сопоставление неодинаковых в видовом отношении свидетельств, принадлежащих одному и тому же лицу, открывает путь и для определения степени достоверности тех или иных конкретных сообщений, и для уяснения более общего вопроса о различии в способах отображения действительности разными видами источников. Нагляднее всего это может быть обнаружено при сличении синхронных и ретроспективных показаний одного очевидца. Но обычно от очевидца московских событий 1812 г. не дошло каких-либо одновременных им источников, и воспоминание является единственным его свидетельством об обстоятельствах пребывания французов в Москве, от чего, естественно, повышается значение этих воспо-

мнаний, но вместе с тем и серьезно усложняются задачи их источниковедческой критики.

Только строгое отграничение от общей массы современных свидетельств показаний очевидцев позволяет «очистить» их от позднейших наслоений и выявить *первичный состав информации* — фундамент дальнейшего изучения темы.

Выделение этого слоя показаний важно как определенный методический прием, как начальная стадия изучения и отбора источников, из чего, однако, не вытекает, что остальные свидетельства современников должны быть преданы забвению. Наибольшее внимание после учета того, что дошло от самих участников и наблюдателей событий, привлекают свидетельства лиц, чья осведомленность *непосредственно, генетически* связана с показаниями очевидцев.

Речь идет об обширном круге современников, которые в Москве при французах не были, но соприкасались с оставшимися в городе жителями и могли черпать сведения из их рассказов. Это прежде всего сами москвичи, выехавшие из города накануне вступления неприятеля. Во время французской оккупации здесь находились их родственники, друзья, знакомые; столичное барство имело в городе и своих крестьян, дворовых. Это чиновники казенных учреждений Москвы; воинские части, вошедшие сюда сразу же после ухода французов; казаки и партизаны, принимавшие набеги на город; жители окрестных мест, солдаты и офицеры русской армии, до которых добирались выходцы из Москвы,— все они со своей стороны могли располагать подробной и живой информацией от очевидцев московских событий и запечатлевали ее уже в своих письмах, дневниках, публицистических произведениях, а позднее и в мемуарах. А уже из этих «вторых» рук рассказы о пребывании французов в Москве стали широко расходиться по всей России и в устной форме, и в частной переписке, и через прессу. Строго говоря, все эти опосредствованные сведения источниковедчески значимы лишь постольку, поскольку содержат в себе первичные пласты информации. Выявление их тем существеннее, что многие обстоятельства московской жизни при французах в дошедших до нас письменных свидетельствах самих очевидцев не были закреплены и воплотились в источниках, которые вышли из-под пера лишь общавшихся с ними лиц.

Следует подчеркнуть, что эти «вторичные» источники, если они сложились вскоре после событий и точно зафиксировали показания их свидетелей, представляются иногда даже более ценными, нежели мемуары очевидцев, отстоящие от 1812 г. на многие годы и десятилетия. Искажение в этих последних действительных обстоятельствах эпохи особенно ощутимо в тех случаях, когда автор, бывший в 1812 г. в детском и отроческом возрасте, наслаивал на свои зрядяно потускневшие личные впечатления семейные и иные предания, которые переходили от поколения

к поколению и от того обретали полуполюгендарный характер. В силу сказанного такого рода ретроспективные показания очевидцев практически утрачивают характер первоисточников.

4

Уточнив, таким образом, отправные критерии оценки источников, обратимся теперь к реальным историческим условиям возникновения корпуса показаний очевидцев, причем сначала рассмотрим в этом плане синхронные показания, а затем — ретроспективные.

При этом мы исходим из той предпосылки, что разным состояниям общества и различным типам исторических ситуаций присущи специфические закономерности движения и накопления первичной информации. Осознанию этого обстоятельства препятствует часто неразработанность в нашей литературе общей типологии исторических событий и ситуаций, которые складываются в результате самых разнообразных сочетаний социально-классовых, государственно-политических, духовно-идеологических и иных отношений. Не углубляясь сейчас в обсуждение этой большой и сложной методологической проблемы, хотелось бы только отметить, что исторические события и ситуации различаются и пространственно-временными характеристиками, и типом структурных связей, и объемом массы действующих лиц, и рядом других признаков.

В источниковедческом плане познание информационных закономерностей имеет первостепенное значение, ибо от этого зависит понимание глубинных процессов образования соответствующих комплексов источников, равно как и уяснение их существенных свойств и потенций. Едва ли не самым важным представляется здесь раскрытие механизма распространения информации с точки зрения того, было ли оно в данной ситуации свободным и открытым или стесненным и осложненным. Следовательно, из всего конгломерата исторических событий целесообразно выделить определенный тип ситуаций, которые в информационном отношении могут быть рассмотрены как некоторое подобие внутренне замкнутых систем. С такого рода системами приходится в сущности очень часто сталкиваться при изучении прошлого, причем их круг достаточно широк и разнообразен.

Так, к ним могут быть отнесены замкнутые крестьянские общины, иерархически организованные учреждения и корпорации, тайные конспиративные общества, нелегально действующие политические партии, социально-политические образования, локализованные на отрезанном от окружающей среды пространстве, например очаги народных восстаний и революционных движений, партизанские соединения, находящиеся в осаде города, и т. д. Одной из самых характерных разновидностей такого типа замкнутых систем, бесспорно, являются и оккупированные вражеской

армией территории²². В свете этой посылки рассмотрим далее состояние занятой противником Москвы в период со 2 сентября по 11 октября 1812 г.

Сразу же по вступлении сюда французов были перекрыты все дороги из города, в окрестностях которого плотным кольцом расположилась основная часть наполеоновской армии. Заставы, занятые легкой кавалерией и артиллерийскими частями, охранялись самым бдительным образом. В этой обстановке традиционные связи Москвы со страной оказались прерванными, а возможность выхода отсюда жителей свелась к минимуму. В письмах и записках современников встречаются, правда, упоминания о том, как крестьяне, купцы, отставные солдаты, чиновники, преодолевая неприятельские кордоны, добивались до ближних городов и сел, где они рассказывали обо всем виденном и слышанном в Москве. Более того, некоторых москвичей и сами французы снабжали паспортами на выезд, каждый раз преследуя при этом военные и политические цели (так было, например, с отцом А. И. Герцена — И. А. Яковлевым). Но случаев такого рода в целом было не так уже много, и по отношению к находившемуся здесь местному населению беженцы составляли, видимо, незначительную часть²³. Но в результате крайней затрудненности связей с внешним миром *ухудшились возможности распространения информации из оккупированного города*.

Косвенно, но очень убедительно свидетельствует об этом та скудная и неточная осведомленность о положении Москвы, какой располагали в период пребывания в ней французов русские правительственные власти и командование армий.

В Главной квартире армии узнавали о том, что делается в Москве, в основном из рассказов беженцев и из показаний пленных солдат и офицеров. Постоянной агентуры в русской столице ставка Кутузова не имела. Во всяком случае на основании введенной в научный оборот обширной документации русского штаба за сентябрь — октябрь 1812 г. нельзя заключить, чтобы у него имелось сколько-нибудь детальное представление о состоянии города.

Правительство возложило сбор сведений о занятой французами Москве на Ф. Винценгероде, корпус которого, прикрывавший петербургское направление, находился в наибольшей близости от города. А. Аракчеев по повелению Александра I предписывал Винценгероде: «Старайтесь узнать, что там во время его (т. е. не-

²² Представление об информационной замкнутости обрисованных здесь исторических ситуаций справедливо лишь в отношении средневековья и нового времени. В новейшую же эпоху в связи с массовым применением технически совершенных средств коммуникаций (телеграф, телефон, радио и т. д.) физически замкнутые системы в значительной мере утрачивают информационную изолированность.

²³ А. Г. Тартаковский. Население Москвы в период французской оккупации 1812 г.— «Исторические записки», т. 92 (в печати).

приятеля. — А. Т.) пребывания происходило»²⁴. Были приняты все меры к тому, чтобы сведения об этом ежедневно пересылались в Петербург посредством специально учрежденной летучей почты²⁵. Ни сам царь, ни его окружение более оперативной информации, чем та, которая шла от Впнцигероде, не имели. Но, несмотря на его старания, сведения о положении города поступали только от тех же беженцев и пленных, поскольку засылка туда верных лазутчиков была сопряжена почти с непреодолимыми трудностями. Из сохранившихся рапортов Впнцигероде Александру I²⁶ следует, что кое-что удавалось узнавать о дислокации корпусов «великой армии» в Москве и ее окрестностях. О том же, что происходило в ней самой, о подробностях пожара, о положении местного населения, о действиях французского командования и т. д. правительственные круги были осведомлены очень плохо, и даже Александру I сообщались порой непроверенные слухи, вроде того, например, что Наполеон побывал в Воскресенском монастыре в Ново-Иерусалиме, хотя с 3 сентября по 7 октября 1812 г. он никуда из Москвы не отлучался²⁷.

Самостоятельными источниками информации о положении Москвы при французах располагал и Ф. Ростопчин, проявивший неослабное внимание к судьбе оккупированного города. Он получал ее от специально оставленных здесь полицейских чиновников и добровольных информаторов из местных жителей²⁸. Частично в современных копиях эти известия сохранились в бумагах А. Я. Булгакова, пользовавшегося неограниченным доверием московского генерал-губернатора²⁹. Систематически отражались они и в его собственных корреспонденциях за сентябрь — октябрь 1812 г.³⁰ Однако многие поступившие из Москвы сообщения имели характер слухов, некоторые же из них были совершенно апокрифического свойства, например о сожжении Воспитательного дома и Голицынской больницы, которые остались целы, о смерти митрополита Платона, хотя он в то время был жив, о том, что якобы французы обещали денежные вознаграждения русским зажигателям, и т. д.

Но раз столь ответственные и официальные лица не могли получить достоверной и сколько-нибудь полной информации о том, что происходило в русской столице, хотя и прилагали к тому максимум усилий, то, значит, ее проникновение и за границы Москвы действительно было незначительным.

²⁴ «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е.п.в. канцелярии», вып. XV. СПб., 1915, стр. 30.

²⁵ «Бумаги Щукина», ч. I, стр. 109.

²⁶ «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е.п.в. канцелярии», вып. XIV, ч. 2, стр. 215—259.

²⁷ Там же, вып. XV. СПб., 1915, стр. 30.

²⁸ «Русская старина», 1889, № 12, стр. 721.

²⁹ «Русский архив», 1864, стлб. 786—798; ОРГБЛ, ф. 41, к. 19, № 22: к. 165, № 22.

³⁰ Там же, 1886, № 11, стр. 411—412; 1892, № 8, стр. 535—542, 548, 550; 1901, № 8, стр. 457—469, 472, 479.

Таким образом, информация о текущих событиях московской жизни при французах вынужденно концентрировалась в пределах оккупированного города, где ее движение было отмечено весьма специфическими чертами.

Выезд губернских властей и казенных учреждений; приостановка промышленности и торговли; прекращение деятельности почты, типографий, книжных лавок, учебных заведений и других очагов культуры; почти полное бездействие церковных приходов — мест повседневного общения жителей; вторжение в город стотысячной неприятельской армии, наконец, сами пожары — все это резко нарушило нормальный ход городской жизни с ее сложившейся сетью коммуникаций.

В итоге местное население лишилось привычных способов общения, что усугублялось эвакуацией из города перед вступлением в него неприятеля большей части москвичей. По нашим подсчетам, их находилось здесь в сентябре — начале октября 1812 г. лишь 2,3% общего числа на 1 января 1812 г. — примерно 6240 человек из 275 477³¹.

Не следует, однако, думать, что оставшиеся в Москве жители оказались рассеянными по огромной городской территории и потому в обстановке жесткого оккупационного режима общение между ними замерло вовсе. Оно продолжалось и тогда, хотя в весьма своеобразных формах. В этом отношении установленная выше цифра уже сама по себе достаточно показательна и заслуживает более подробного толкования.

И из житейской практики, и из чисто теоретических соображений нетрудно заключить, что взаимное общение людей при прочих равных условиях происходит по-разному в различных по численности коллективах. В крупном, многонаселенном городе ввиду скопления больших человеческих масс сам уклад быта, как это ни парадоксально на первый взгляд, постоянно разобщает и обособляет жителей. Поэтому вероятность встреч и контактов каждого с каждым здесь гораздо ниже, чем в слабонаселенной местности, где все на виду у всех и условия общения более просты и естественны. Иными словами, частота общения людей в пределах данного социума тем выше, чем менее плотным является его население³². Но из этого следует, что в таком демографически разряженном пространстве, каким была Москва в сентябре — начале октября 1812 г., общение местных жителей должно было отличаться особенно высокой степенью интенсивности, а следовательно, *такой же высокой интенсивностью характеризовался и процесс обмена между ними информацией*, ибо он всегда есть функция тесноты общения людей.

³¹ А. Г. Тартаковский. Указ. статья.

³² В принципе эту зависимость, используя вероятностно-статистические методы, можно, видимо, описать математическим языком и при наличии исходного цифрового материала вычислить ее точное количественное значение для каждой данной ситуации.

В этом состояла *первая* и самая общая особенность движения информации в занятой французами Москве.

Во-вторых, обмен ею совершался преимущественно *внутри тесно спаянных коллективов*, объединенных общим бедствием и потребностью во взаимной поддержке перед лицом страшных последствий пожара. Источники сохранили рассказы пострадавших о том, как они ютились в подвалах уцелевших зданий; в церквах, еще не превращенных французами в конюшни и казармы; в богоугодных заведениях, которые удалось оградить от пожара; наконец, на кладбищах и в огородах. Так, многие купцы, ремесленники, дворовая челядь, раненые русские солдаты, священники нашли себе пристанище в Воспитательном доме на берегу Москвы-реки. Другими крупными очагами спасения были Запасной дворец и католический собор св. Людовика на Малой Лубянке, где укрывались жители центральных районов, а также иностранцы. Эти стихийно складывавшиеся группы, которые не распадались вплоть до выхода французов из Москвы, были полны обильными и разнообразными сведениями о положении города в период оккупации. Но в такой обстановке осведомленность жителей о столь необычных и поражающих воображение событиях также имела в значительной мере *групповой* характер. Живые и непосредственные наблюдения оказывались несколько стертыми многократными пересказами; дополняя друг друга, они обретали черты некоего *среднего, общего мнения еще до того, как эти наблюдения фиксировались письменно*³³. Данным обстоятельством в какой-то степени, возможно, и объясняется некоторая однообразность, повторяемость позднейших мемуаров очевидцев в описании ими подробностей московского пожара и поведения французских войск.

В-третьих, сама фиксация индивидуальных впечатлений в какой-либо письменной форме была крайне затруднена. Нехватка жилищ, острая нужда в продовольствии, грабежи и бесчинства неприятеля при полном разладе в их среде военной дисциплины, постоянные ожидания репрессий со стороны французских властей — все это никак не способствовало писанию дневников, заметок, частных писем; последние к тому же, не прибегая к верной оказии, нельзя было и переслать за неприятельский кордон. Напомним для сравнения, что даже в тяжелой и не подходящей для создания личных документов фронтовой обстановке велись в то время походные записи, о письмах и говорить не приходится — последние сохранились от периода Отечественной войны

³³ Сходные явления на материале партизанского движения в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. подмечены А. А. Курновым в указанной выше статье, где очень четко сформулировано положение об унификации индивидуальных впечатлений в результате обмена информацией внутри обособленных коллективов до ее письменного закрепления («Источниковедение. Теоретические и методические проблемы», стр. 500—501).

в очень большом числе. О пребывании же французов в Москве дневниковые записи и личные письма очевидцев за сентябрь — начало октября 1812 г. дошли до нас в единичных случаях. Не могла отражаться жизнь оккупированного города и в делопроизводственной документации: ввиду удаления отсюда канцелярий не велось текущей регистрации, журналов, деловых записей и только в виде исключения отправлялись из города официальные донесения. Не меняло общего положения присутствие здесь немногих не успевших выехать чиновников и служителей различных ведомств: Горного правления, Казенной палаты, Вотчинного департамента, архива Коллегии иностранных дел, Московского университета и т. д. Очевидная зависимость пробелов в наших знаниях о Москве при французах от отсутствия в ней русского делопроизводственного аппарата уже отмечалась в литературе³⁴. Отсутствие же должных возможностей для закрепления текущей информации по ходу самих событий обуславливало *повышенную меру ее утраты*, что было связано и с естественно *плохой сохранностью* тех немногих текстов, которые все же составлялись в период пребывания французов в Москве.

Следовательно, обладающие наиболее высокой ценностью синхронные показания уже по самой логике вещей могли отложиться от этого периода в весьма незначительных размерах.

Тем больший интерес представляют для нас ретроспективные свидетельства очевидцев. Оценка их источниковедческой значимости, естественно, предполагает тщательный анализ условий происхождения этого слоя информации. Но в полной мере такая задача невыполнима в рамках данной статьи, поскольку процесс фиксации очевидцами своих показаний о пребывании французов в Москве растянулся на длительный исторический период — вплоть до 80-х годов XIX в., когда ушли из жизни последние представители поколения современников 1812 г. Поэтому мы ограничимся в этом плане ретроспективными показаниями очевидцев, возникшими лишь в первое время после освобождения Москвы, рассмотрев те факторы, которые активно воздействовали на их формирование.

5

Казалось бы, что именно в это время информация очевидцев, ранее не имевшая условий для выхода, могла быть выражена вполне открыто.

Тому способствовал и все растущий повсюду интерес к ней — необходимость высших правительственных кругов и командования армии осведомиться обо всем происшедшем в Москве (а требования присылки тех или иных сведений часто исходили не-

³⁴ В. Эйнгорн. Московский университет, губернская гимназия и другие учебные заведения Москвы в 1812 г.— «Чтения в МОИДР», 1912, кн. 4 (243). М., 1913, стр. 3.

посредственно от Александра I и Кутузова), стремление гражданской администрации города получить точные и всесторонние данные, наконец, человечески понятная потребность самих москвичей сообщить о пережитых ужасах и невзгодах вражеской оккупации своим близким, находившимся вне Москвы.

Все это в первые месяцы после освобождения столицы и на самом деле вызвало целый поток свидетельств московских жителей об оккупации города и главным образом о московском пожаре. Но теперь эти свидетельства оказались осложненными новой ситуацией, сложившейся под влиянием официальной версии этого события.

Несмотря на то, что уже с 9 сентября правительство имело известия о московском пожаре³⁵, вначале оно воздерживалось от каких-либо публичных его оценок.

Даже в изданном 14 сентября «по высочайшему повелению» сообщении о вступлении французов в Москву о пожаре столицы и его причинах не было сказано ни слова³⁶. Еще в середине сентября А. Шишков на основе рассказов И. Яковлева составил по повелению Александра I другое правительственное известие, в котором Наполеон и его армия обвинялись в «неслыханных злодеяниях» и преднамеренном сожжении столицы. Но, когда бумага с текстом известия была представлена царю, тот, как пишет Шишков в своих записках, «оставил ее у себя и не отдал мне назад». Александр I в течение целого месяца не давал этой «бумаге» никакого хода. По данному поводу Шишков не без основания и многозначительно добавляет: «Я подумал, что по каким-нибудь обстоятельством ему неуютно, чтоб она издана была в свет»³⁷. Отказ царя санкционировать этот документ весьма симптоматичен и явно указывает на то, что в то время Александр I еще не решался перед населением своей страны провозгласить Наполеона «зажигателем» Москвы. Более того, в издававшейся Министерством внутренних дел газете «Северная почта» появлялись во второй половине сентября сообщения, популяризовавшие случаи поджогов города местными жителями и расценивавшие их как проявление патриотического самопожертвования³⁸.

³⁵ Первые точные сообщения об этом были получены Александром I вечером 9 сентября от полковника А. Мишо, прибывшего с донесением Кутузова о сдаче Москвы («Военный сборник», 1906, № 10, стр. 12—13; «Чтения в МОИДР»; 1912, кн. 4 (243), отд. 2, стр. 4; «Материалы ВУА. Отечественная война 1812 года», т. XVIII. СПб., 1911, стр. 33—34). Они были подтверждены рассказами И. А. Яковлева А. С. Шишкову. И. Яковлев добрался до Петербурга, видимо, 15 сентября («Русский архив», 1874, № 4; «Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова», ч. 1. Berlin, 1870, стр. 159—160; *Е. В. Тарле*. Сочинения, т. VII, стр. 649).

³⁶ «Санкт-Петербургские ведомости», 1812, «Особое прибавление», от 14 сентября.

³⁷ «Краткие записки адмирала А. Шишкова», изд. 2. СПб., 1832, стр. 45—54.

³⁸ «Северная почта», 18 и 25 сентября 1812 г.

Первые попытки гласной интерпретации правительством этого события относятся фактически к последней декаде сентября, но они имели тогда исключительно внешнеполитическую направленность.

19 сентября Александр I в пространном послании своему союзнику, шведскому наследному принцу Бернадотту, сообщая об оставлении русскими Москвы и вступлении туда войск Наполеона, писал: «Взбешенный тем, что не нашел в Москве ни богатств, которых жаждал, ни мира, который надеялся здесь продиктовать, он сжег эту прекрасную столицу,— она представляет собой ныне одну груды пепла и развалин»³⁹.

Впервые сформулированному таким образом в этом отнюдь не частном, а сугубо политическом документе представлению о решающей виновности французов в сожжении Москвы было придано вскоре значение официальной дипломатической установки российского ведомства иностранных дел. Канцлер Н. П. Румянцев в инструкции русскому посланнику в Вене Г. О. Штакельбергу от 27 сентября, воспроизводя почти буквально основные положения царского письма к Бернадотту, настоятельно предписывал следующее: «Важно, чтобы Вы сообщили австрийскому министерству, что французская армия вошла в покинутый всеми город, что, обманутая таким образом в своих надеждах, эта армия, охваченная бессильной яростью, подожгла древнюю столицу нашей империи»⁴⁰.

Возлагая ответственность за пожар Москвы на Наполеона, Александр I явно рассчитывал при этом на компрометацию французского императора и его методов ведения войны в глазах правящих кругов дружественных России или нейтральных европейских государств, а через их посредство — и зарубежного общественного мнения. Не торопясь, однако, предать гласности эту версию внутри самой России, царь и его ближайшее окружение, видимо, выжидали, как поведет себя в Москве Наполеон, как сложится обстановка внутри страны и, наконец, какой исход будет иметь дальнейшее развитие военных и внешнеполитических событий. На данное обстоятельство историки обычно не обращали внимания, и сама «выжидательная» позиция Александра I в столь животрепещущем вопросе оставалась как бы в тени. Между тем уже одна констатация этого факта могла бы пролить свет на многие, доселе не проясненные стороны правительственной политики в 1812 г.

Как бы то ни было, но на протяжении по меньшей мере еще трех недель никакого официального царского акта, в котором давалось бы толкование причин пожара, не последовало. Версию

³⁹ «Correspondance inédite de L'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812». Paris, 1909, p. 37—38.

⁴⁰ «Внешняя политика России XIX и начала XX века». Документы российского Министерства иностранных дел, т. 6. М., 1962, стр. 579.

же о виновности французов в сожжении столицы правящие круги предпочитали пропагандировать не столько от своего имени, сколько посредством печатных изданий, формально не являвшихся правительственными.

В этом отношении весьма показательны обстоятельства, сопровождавшие выход в свет журнала «Сын Отечества». Прямым поводом к появлению его первой книжки (датирована 10 октября 1812 г.) послужило стремление ряда крупных сановников и самого Александра I обнародовать в России воззвание «Глас истины», в котором ответственность за пожар Москвы всецело возлагалась на французов (написано оно было еще в 20-х числах сентября; автор его — известный немецкий публицист и поэт Э. М. Арндт жил тогда в Петербурге на положении эмигранта и привлекался А. Шишковым для редактирования правительственных манифестов и обращений к народу)⁴¹.

Весь текст воззвания выдержан в тоне монолога — отповеди Наполеону. «Ты обратишь вину на россиян; ты провозгласишь: русские зажгли Москву. Нет! Не русские, а твоё бешенство зажгло или повелело зажечь ее; твой ужасный дух хотел возвеселиться блистательным позорищем гбелл...» Найдя Москву пустую от сокровищ, припасов и жителей, отчаявшись увидеть здесь сообщников — «рабов и изменников», Наполеон, «приведенный сим в бешенство, приказал... зажечь Москву, чтоб восхищаться ее разрушением!»⁴² Таким образом, московский пожар изображался здесь как следствие сознательно отданного Наполеоном распоряжения сжечь русскую столицу. Любопытно, что не только по самому смыслу, но даже и текстуально эта «высочайшая степень злодейства» объяснялась Э. М. Арндтом теми же мотивами, которые впервые прозвучали в письме Александра I Бернадотту от 19 сентября, а затем и в дипломатической инструкции Н. Румянцева — и там и здесь, как помним, прямо говорилось о том, что французский император предал Москву пламени, «взбешенный» тщетностью своих надежд.

Лишь после того, как французские войска вышли из Москвы, Александр I счел возможным всенародно и от своего имени заклеить их в истреблении русской столицы. Впервые эта версия прозвучала в так называемом «Известии из Москвы от 17 октября».

В центре документа «богомерзские дела» французского императора, его «жадность к разрушению», «каких в бытописаниях самых грубейших африканских и американских обитателей тщетно

⁴¹ «Из воспоминаний Э. М. Арндта о 1812 году». — «Русский архив», 1871, № 2, стлб. 093—094; *Н. Греч*. Чтения о русском языке, т. 2. СПб., 1840, стр. 391—392; *он же*. Записки о моей жизни. М. — Л., 1930, стр. 300—306; «Описание дел архива Министерства народного просвещения», т. II. Пг., 1921, стр. 332; *Н. Колупанов*. Биография А. П. Кошелева, т. I, кн. 1. М., 1889, стр. 309—311.

⁴² «Сын Отечества», 1812, № 1, стр. 6—8, 16—17.

будем искать». Ярчайший пример этого и являет собой судьба Москвы, которая одна только «может представить нам плачевный образ неслыханных злодеяний». Красноречиво изобразив грабежи и бесчинства наполеоновских войск в Москве, автор «Известия» замечает далее: «Сего не довольно: несчастная Москва, жертва лютости, вдруг во многих местах воспылала, многие великолепные здания превратились в пепел» от рук французских зажигателей. Их виновность в пожаре неоспорима, попытки же наполеоновской пропаганды доказать, что «сами русские жгут себя», квалифицировались как «лживые извещения», «бесстыдные уверения», как клевета, призванная лишь «обманывать народ наш». Апелляция в данной связи к народу и составляет главный смысл этого документа.

Каким образом французы оказались способными на столь варварское дело?— ставит вопрос автор «Известия» и дает на него традиционный для клерикально-монархических кругов ответ. Поджоги Москвы наполеоновской армией есть в конечном счете следствие «долговременно разливающегося яда безверия и развращения», исходящего из Франции, ибо «где, в какой земле весь царский дом казнен на плахе? Где, в какой земле столько поругана была вера и сам бог?» Автор «Известия» прямо и недвусмысленно указывает, где коренится источник всех бедствий. «Очевидный, исполненный мерзостей, пожарами Москвы осиянный, кровью и ранами нашими запечатленный пример напоследок должен нам открыть глаза» «на ужасы революции». А из этого следовал вывод, логически вытекающий из всей историко-политической аргументации документа. Сожжение французами Москвы ярче, нежели что-либо иное, обнаруживает, насколько «опаснее для нас дружба и соблазны развратного народа, чем вражда их и оружие»; поэтому надлежит «прервать с ним все нравственные связи, возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов и быть именем и душою храбрыми и православными Россиянами», должно «поставить стену, дабы зло не прикоснулось к нам!»⁴³

Таким образом, обвинения Наполеона в поджогах древней столицы послужили поводом для нападок в феодально-абсолютистском духе на атеизм и просвещение революционной эпохи, для разжигания охранительно-националистических настроений. Без всякого преувеличения можно признать, что ни в каком другом официозе того времени антиреволюционные и антифранцузские мотивы не звучали так сильно и отчетливо, как они были выражены именно в этом документе, который имел программное значение для правительственной пропаганды и задал тон всему последующему освещению московского пожара в русской печати

⁴³ «Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений, последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов». СПб., 1816, стр. 50—57.

той эпохи. Дискредитировав Наполеона как злостного поджигателя и осквернителя национальных святынь, окончательно развенчать его политический престиж в России, предотвратить распространение еще связывавшихся с ним идей «вольности» и прогресса, парализовать смутные, но устойчивые в крестьянской среде надежды на сокрушение им крепостнических порядков — таково социально-политическое «кредо» правительственного «Известия» о московском пожаре.

Хотя «Известие» помечено 17 октября, эта дата фиксирует лишь время составления документа Шишковым в Петербурге. Издано же «Известие» было уже в 20-х числах октября, о чем свидетельствует публикация его в «Северной почте» только 26 октября. Видимо, в те же дни текст документа выпустили и отдельной брошюрой с дополнительным заголовком: «О пребывании французов в Москве». В конце брошюры было указано: «С дозволения правительства», но, как и во всех царских манифестах и объявлениях, дата цензурного разрешения здесь не обозначена. Для дальнейшего изложения важно иметь в виду, что за пределами Петербурга — в Москве и провинции — этот документ фактически стал известен спустя еще несколько дней, видимо, не ранее самого конца октября — начала ноября 1812 г.

После этого обличения Наполеона в поджогах не сходили со страниц правительственных манифестов, выпускавшихся уже непосредственно от имени Александра I; речь идет, в частности, о манифесте от 3 ноября (опубликован в «Северной почте» 9 ноября), о царских рескриптах Ростопчину от 11 и 14 ноября, о манифесте от 25 декабря 1812 г., изданном по случаю окончания войны. Даже в манифесте от 1 января 1816 г., когда трактовка причин московского пожара утратила уже былую остроту, при ретроспективном обзоре прошедших кампаний было сказано, что Наполеон, «достигнув до Москвы, предает ее хищению и пламени»⁴⁴.

Утверждению этой версии способствовала и пропаганда ее по церковной линии — в посланиях святейшего Синода, во время торжественных богослужений, в поучениях приходских священников и т. д., причем не только в военные годы, но и в последующие десятилетия. Еще в конце 60-х годов XIX в. Д. Н. Свербеев писал, что «мы и доселе ежегодно в день Рождества Христова», принося «наши благодарственные молитвы за избавление от нашествия галлов», поминаем французов-зажигателей⁴⁵.

Наконец, обвинения французов в сожжении Москвы были подхвачены газетами и журналами 1812—1815 гг., множеством выходивших в те годы антинаполеоновских памфлетов, брошюр, описаний Отечественной войны, распространявшихся как в самой

⁴⁴ Там же, стр. 60—61, 67—78, 69, 96, 199.

⁴⁵ Д. Н. Свербеев. Записки (1799—1826), т. I. М., 1899, стр. 430—431.

России, так и за ее пределами, причем некоторые публицистические сочинения, резко осуждавшие наполеоновскую армию за поджоги, получили необычайно широкую для того времени известность.

Авторитет правительственных заявлений и церковных проповедей, популяризация версии о французах-поджигателях публицистикой оказывали свое воздействие на воззрения современников тем более, что представления о виновности захватчиков в сожжении города проникали в сознание людей той эпохи и независимо от официальных очагов информации. Правительственная пропаганда лишь усилила их, используя прецедент московского пожара как действенное агитационное средство для пробуждения ненависти к французам и патриотического подъема. В широких слоях населения, особенно среди провинциальных обывателей — мещан, купцов, дворян, как только становилось известно о пожаре Москвы, вспыхнувшем после вступления туда неприятеля, *само собой, совершенно стихийно и произвольно* возникало убеждение в том, что повинен в этом не кто другой, как вторгнувшийся в столицу французский император, которого еще до войны религиозная и светская пропаганда объявила «всеобщим разрушителем», сыном сатаны и антихристом.

Столь примечательное социально-психологическое явление было остро подмечено рядом наблюдательных современников. В то время, — писал на склоне лет Д. Н. Вербеев, — все без исключения приписывали гибель первопрестольного града буйным и звереным галлам и их вождю антихристу Наполеону». «Предание это, — добавляет он в другом месте записок, — перешло во всеобщее сознание тогдашнего поколения»⁴⁶.

Это скорее инстинктивное, чем сколько-нибудь осознанное, мнение базировалось не на реальных познаниях об обстоятельствах возникновения пожара, а на молве, возбужденной чувствами патриотизма и вражды к захватчикам. Механизм подобного рода «массовых внушений» недостаточно раскрыт в нашей историографии. Можно полагать только, что в данном случае действие этого механизма зависело от многократности самой передачи молвы о французах-поджигателях. Чем разностороннее и глубже расходилась она по стране, тем прочнее были представления в ее истинности, хотя каждый следующий пересказ обрстал новыми слухами.

⁴⁶ Д. Н. Свербеев. Записки (1799—1826), т. I, стр. 79, 431; см. также: А. П. Беляев. Воспоминания о пережитом и пережитом с 1805—1860 года. СПб., 1882, стр. 24; Д. П. Бугурлин. Указ. соч., т. I, стр. 316; М. П. Богданович. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам, т. II, стр. 317; А. Н. Попов. Указ. соч., стр. 92; В. Надлер. Император Александр I и идея священного союза, т. II, стр. 12, 23; Д. Жаринов. Впечатления от пожара и мнения современников; С. П. Мельгунов. Кто сжег Москву? — «Отечественная война и русское общество», т. IV. М., 1912, стр. 158, 162.

Франкофобские тенденции в истолковании причин московского пожара ярко отразились в личных письмах и дневниках современников, особенно за конец 1812 — начало 1813 г. (а также и в ряде позднейших их записок): то и дело встречаются здесь исполненные сурового негодования и искреннего патриотического пафоса обвинения французов в «преступных зажигательствах», сопровождаемые проклятиями в адрес Наполеона⁴⁷.

Историки не всегда отдают себе отчет в реальном историко-ведческом значении этих свидетельств, привлекая их для доказательства тезиса о виновности французов в поджогах Москвы. При этом не принимается во внимание происхождение такого рода свидетельств, их порой решающая зависимость от господствующих в данный момент, но по своей природе крайне неустойчивых представлений.

В наиболее чистом виде колебания общественных умонастроений прослеживаются на изменении оценок причин пожара одними и теми же лицами на протяжении сравнительно даже небольшого отрезка времени. Так, в «Письмах русского офицера» Ф. Глинки, в записи за 26 сентября 1812 г., вина за сожжение Москвы возлагается исключительно на французских захватчиков, а в тексте, относящемся к лету 1813 г., автор пишет уже нечто совсем иное: это «усердные сыны отечества сжигали собственные дома свои, дабы не дать в них гнездиться злодеям»⁴⁸. И в том, и в другом случаях перед нами не показание сколько-нибудь знающего дело очевидца (в начале сентября 1812 г. Ф. Глинка в Москве не находился, и его «Письма» в этом отношении лишены следов фактической осведомленности), а выражение различных моментов в истолковании московского пожара общественным мнением⁴⁹. Характерным образцом этого являются и письма С. Р. Воронцову секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинова. Комментируя известия о положении Москвы после занятия ее неприятелем, Лонгинов писал 21 сентября 1812 г., что Бонапарт «в своей жестокой и отвратительной ярости превратил в пепел» Москву⁵⁰. По истечении нескольких месяцев тональность оценок Лонгинова заметно меняется, и от былой ригористичности не остается и следа. 12 февраля 1813 г. он уже сообщает Воронцову, что и сами москвичи «способствовали французам в разграблении и пожаре города», добавляя далее: «Надо предположить, что Москву мы сожгли наравне с

⁴⁷ О некоторых из них см. в кн.: «Отечественная война и русское общество», т. IV, стр. 158—159, 162.

⁴⁸ Ф. Глинка. Письма русского офицера, стр. 34, 194.

⁴⁹ Противоречивый характер этих высказываний не помешал тем не менее В. М. Холодковскому без должной критической проверки использовать второе из них для обоснования версии о самочинных поджогах города местными жителями (В. М. Холодковский. Наполеон ли сжег Москву? — «Вопросы истории», 1966, № 4, стр. 38).

⁵⁰ «Русский архив», 1912, № 4, стр. 509.

французами»⁵¹. Еще одним примером эволюции воззрений современников в этом вопросе могут служить высказывания вращавшегося тогда в среде петербургской аристократии Ж. де Местра. Если в письме к графу Блакасу от 16 октября 1812 г. он считал виновной в поджоге Москвы наполеоновскую армию⁵², то через полгода с лишним признавал, что русские «Москву оставили и сожгли». Более того, иное отношение к событиям вызвало теперь с его стороны раздраженно-уничтожительную реакцию, и 2 июня 1813 г. он писал сардинскому королю (Ж. де Местр был его дипломатическим представителем в Петербурге): «До сих пор еще в народе говорят, да и повыше народа, что Москву сожгли французы: так еще сильны здесь предрассудки, убивающие иногда всякую мысль наподобие гасильников, которыми тушат свечи»⁵³.

Но такой перелом в оценке причин московского пожара стал намечаться, видимо, к весне 1813 г. Осенью же 1812 г. влиянию общераспространенных взглядов оказались подвержены не только суждения лиц, находившихся в то время вне Москвы и знавших о том, что происходило там, лишь понаслышке, но и те свидетельства, которые исходили тогда от самих москвичей.

Особо активная роль в пропаганде версии о французах-поджигателях принадлежала Ростопчину. Он по праву может считаться ее основоположником. Усилия в этом отношении московского генерал-губернатора опередили даже действия правящей бюрократии в Петербурге. Еще 8 октября 1812 г., в период французской оккупации, когда русские правительственные манифесты все еще уклонялись от публичной оценки причин пожара, а сам царь испытывал на этот счет явные колебания, Ростопчин недвусмысленно и четко определил свою позицию в послании к «крестьянам — жителям Московской губернии»⁵⁴. Оно начиналось со слов: «Враг рода человеческого, наказание божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз, взошел в Москву, предал ее мечу, пламени». Изображая неприятелей поджигателями русской столицы, ростопчинское послание, равно как и изданные впоследствии царские манифесты, имело своей целью не только усилить ненависть к французам, но и нейтрализовать пронаполеоновские настроения в среде московского простонародья, а масштабы этих настроений Ростопчин, надо сказать, сильно преувеличивал. Стремлением пресечь обострение социального недовольства вызвано обращение к крестьянам оставаться «покорными христианскими воинами», почитать «начальников и помещиков», «они ваши защитники, помощники». Призывая крестьян сохранить верность присяге царю, Ростопчин обещал им, что по

⁵¹ «Русский Архив», 1912, № 5, стр. 45—46.

⁵² Там же, 1909, № 8, стр. 560.

⁵³ Там же, 1912, № 1, стр. 47—48.

⁵⁴ «Сочинения Ростопчина». СПб., 1853, стр. 178—182; ОРГБЛ, ф. 41, к. 165, № 19.

истреблении неприятелей «он вас опять восстановит по-прежнему и будете припеваючи жить по-старому»; тех же, кто «к французу преклонится», сурово предостерегал в каре за государственную измену и отступничество от веры отцов.

Но к обличению французов в поджогах побуждали Ростопчина и соображения личного порядка — необходимость отклонить выдвинутые наполеоновскими бюллетенями обвинения его самого в организации пожара, о чем ко времени выпуска своего послания московский губернатор, находясь тогда при Главной квартире, хорошо знал из документов, перехваченных у неприятельских курьеров. В письме жене от 13 сентября он сообщал, что, по мнению французов, «главный поджигатель и самый изступленный человек — это я»⁵⁵.

Особенно животрепещущий смысл для Ростопчина опровержение этих обвинений обрело уже после его возвращения в Москву (напомним, что он вернулся сюда 24 октября), когда по мере того, как город стал наполняться жителями, и с их стороны посыпались упреки в причастности его к пожару.

Выходившие в Москве и зависимые от тогда еще всеильного генерал-губернатора печатные издания развернули в противовес этому антинаполеоновскую пропаганду. Наиболее яркие выпады против французского императора допускались в «Русском вестнике» С. Глинки: «Раздраженный презрением русских и мечтающая, что пламенем горящей Москвы устрасит и вынудит мир... Наполеон зажег Москву», этим «хотел он... наказать дворянство и купечество за то, что не удалось ему собрать дани», — в такой манере объяснялись журналом конечные причины московского пожара⁵⁶.

Ради поддержания своей сильно пошатнувшейся репутации Ростопчин употреблял и административные меры воздействия на местное население, чтобы внедрить в его сознание версию о французах-поджигателях и не допустить распространения слухов о своей собственной причастности к пожару. В октябре 1812 г. священник французской католической церкви аббат А. Сюрюг составил подробное описание московского пожара, в котором вся вина за его возникновение возлагалась на ответственных русских лиц и Ростопчина. Последний, видимо зная о существовании этой рукописи (А. Сюрюг постоянно бывал в доме Ростопчина как духовник его жены-католички), выкрал ее из церковного архива, где она хранилась после смерти аббата в декабре 1812 г. Лишь после того, как не стало в живых самого Ростопчина, этот документ был изъят из его личных бумаг и водворен на свое старое место⁵⁷.

⁵⁵ «Русский архив», 1901, № 8, стр. 474.

⁵⁶ «Русский вестник», 1814, кн. 10, стр. 8, 16.

⁵⁷ A. Surrugue. 1812. Les Français à Moscou. Relation inédite publiée par le R. P. Libercier curé de Saint-François. M., [6. r.], p. 12—13.

Благодаря всем этим мерам версии о французах-поджигателях был придан в Москве особенно жесткий характер безраздельно господствующей и не подлежащей пересмотру политической установки. В ее духе освещались причины пожара в сфере деловых сношений и прежде всего в материалах, исходивших из подчиненных столичному генерал-губернатору учреждений, а также в рапортах чиновников разных ведомств в ответ на запросы свыше о положении Москвы при неприятеле. Дошедшая до нас делопроизводственная документация хранит в себе характерные следы такого толкования. В донесениях в Министерство полиции за октябрь — ноябрь 1812 г. обер-полицмейстер П. А. Ивашкин сообщает среди прочего, что «все места, где прежде были торговые ряды», «казенные здания и 6496 обывательских каменных и деревянных домов», выжжены «врагами отечества»⁵⁸. В указе Московского губернского правления управе благочиния от 28 августа 1813 г. в связи с выяснением участи некоторых дворянских домов предписывалось установить, «сохранились ли они от пожара, произведенного неприятелем»⁵⁹, — возможность каких-либо иных объяснений причин истребления города в официальных документах московской администрации решительно не допускалась.

Положение усугублялось крайне настороженным отношением властей к тем, кто находился в городе при французах. Вначале, правда, правительство заинтересовалось только лицами, уличенными в связях с наполеоновским командованием, главным образом членами муниципалитета. Сразу же по получении известий о вступлении русских войск в Москву Александр I и Ростопчин распорядились каждый со своей стороны взять этих людей под стражу⁶⁰, а 9 ноября был издан указ об учреждении следственной комиссии по делу «о чиновниках, поступивших на службу к Наполеону во время его пребывания в Москве»⁶¹. В орбиту внимания попало лишь несколько десятков москвичей — порядка 60—80 человек. Особая бдительность была проявлена администрацией и в отношении бывших в Москве в период оккупации местных иностранцев⁶².

Но Ростопчин считал эти меры недостаточными и непрестанно подталкивал Александра I к расширению круга подлежа-

⁵⁸ *Н. Варадинов*. История Министерства внутренних дел, ч. II, кн. 1. СПб., 1859, стр. 219—220; ЦГАМ, ф. 46, оп. 8, т. 1, д. 379, л. 28.

⁵⁹ «Бумаги Щукина», ч. III, стр. 121.

⁶⁰ «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е.п.в. канцелярии», вып. XV. СПб., 1915, стр. 55; «Бумаги Щукина», ч. I, 1897, стр. 102.

⁶¹ ЦГАМ, ф. 46, оп. 8, т. 1, д. 379.

⁶² *Н. С. Киселев*. Дело о должностных лицах Московского правления, учрежденного французами в 1812 году.— «Русский архив», 1868, столб. 881—903; *М. В. Ключков*. Муниципалитет и комиссары Москвы, учрежденные французами в 1812 году.— «Исторический вестник», 1912, № 8, стр. 582—614; *П. Гронский*. Исторические материалы, извлеченные из сенатского архива.— «Журнал Министерства юстиции», 1912, № 3, стр. 213—224.

ших репрессиям лиц. Как бы то ни было, но летом 1813 г. под надзор попали уже все находившиеся в Москве в период оккупации жители — любой из них был признан по существу политически неблагонадежным и подвергся неусыпной полицейской слежке⁶³.

Само собой понятно, что в атмосфере всеобщей подозрительности публичное высказывание очевидцами сведений и мнений, которые расходились бы с официальными установками, еще более затруднялось. В первое время после освобождения столицы от неприятеля (до смещения Ростопчина с поста генерал-губернатора во всяком случае) о многом из того, что происходило здесь в период оккупации, они вынуждены были умалчивать вовсе, многие события освещались ими односторонне. О возникновении же пожара его очевидцы, если и могли сообщить что-либо в письменных свидетельствах официального назначения, то, видимо, лишь приспособляя свои показания к общепринятой версии.

Данная тенденция отчетливо обнаруживается в прошениях, с которыми пострадавшие от пожара москвичи в 1812—1813 гг. адресовались в органы городской администрации, прежде всего в полицию.

Надо сказать, что эти ценнейшие источники, исчисляемые многими сотнями, еще не подвергались сплошному выявлению. Между тем, применив к ним статистические методы обработки, можно было бы получить вполне представительные и чрезвычайно важные сведения о социально-бытовой истории русского города начала XIX в. Лишь несколько десятков прошений введено в оборот известной щукинской публикацией⁶⁴. В свое время они были мастерски использованы М. В. Нечкиной для воссоздания культурного облика различных сословий довоенной Москвы⁶⁵. Даже это сравнительно небольшое число прошений содержит в себе весьма существенные данные и в интересующем нас плане.

Подробнейшим образом перечисляя утраченные вещи и ценности и испрашивая содействия в возмещении убытков, авторы прошений — чиновники, дворяне, купцы, священнослужители, неизменно указывают на один и тот же источник своих бедствий: сожжение французами Москвы. Даже в прошениях очевидцев указания на виновность наполеоновских войск в поджогах чаще всего не облечены в какую-либо индивидуальную форму, не сопровождаются конкретными доводами и наблюдениями о возникновении пожара.

Еще более характерны в этом отношении прошения лиц, не бывших в Москве при французах, а документы этого рода решительно преобладают в общей массе прошений. В них причины

⁶³ А. Г. Тартаковский. Указ. статья.

⁶⁴ «Бумаги Щукина», ч. II, III.

⁶⁵ М. В. Нечкина. Доожарная Москва. Стенограмма лекции, читанной 8 декабря 1945 г. М., 1946, стр. 18, 20; «История Москвы», т. III. М., 1954, стр. 41, 42.

пожара обрисованы исключительно общими фразами в виде неких стереотипов. «Известный всем неприятель, вторгнувшись в Москву, пожег в ней дома и купеческие ряды»,— говорилось в серии прошений купцов, поданных в Московскую управу благочиния в декабре 1812 г.⁶⁶ Жалобы на то, что имущество «войсками... всеобщего злодея сожжено», буквально воспроизводятся в прошениях за декабрь 1812 г.— февраль 1813 г.»⁶⁷ «От причиненного неприятельскими войсками пожара сгорел» мой дом (амбары, лабазы, товары и т. д.) — эта формула неизменно присутствует в другой серии прошений за декабрь 1812 г.— март 1813 г.⁶⁸

Как видим, эти обличительные фразы в каждой из серий прошений входили составной частью в их формуляр. В этом, конечно, сказалось влияние общераспространенных взглядов и настроений. Вместе с тем само наличие однообразно повторяющихся элементов в документах, исходивших за разное время от многих не связанных между собой лиц, может быть истолковано и как свидетельство определенной зависимости этих документов от той инстанции, куда все они и подавались. Складывается впечатление, что признание москвичами-просителями факта сожжения Москвы французами было своего рода проявлением их политической лояльности, предпосылкой успешного исхода самой просьбы.

* * *

Выявление тенденциозно-пропагандистской направленности правительственной версии московского пожара позволяет, таким образом, конкретно представить те общественно-политические условия, в которых в первое время после освобождения Москвы складывались ретроспективные показания очевидцев о пребывании в ней французов⁶⁹. Вместе с тем следует подчеркнуть, что рассмотрение данного вопроса действительных причин московского пожара само по себе ни в коей мере не проясняет, точно так же, как не проливает на них свет не менее тенденциозная французская версия, которая формировалась под решающим влиянием наполеоновских бюллетеней и связывала эти причины, как уже отмечалось, с действиями исключительно русской стороны. Изучение реальных обстоятельств возникновения пожара Москвы лежит в совершенно иной плоскости исторического исследования и не может быть зависимо от тех или иных позднейших его толкований современниками.

Лишь после того, как трактовка этих событий утратила столь злободневный смысл, для их очевидцев открылась возможность

⁶⁶ «Бумаги Щукина», ч. III, стр. 69, 72, 83.

⁶⁷ Там же, ч. II, стр. 134; ч. III, стр. 87.

⁶⁸ Там же, ч. II, стр. 130, 150, 178—179; ч. III, стр. 67, 77, 90, 99.

⁶⁹ Сокровенный смысл и назначение этой версии могли бы быть раскрыты полнее при учете того, в какой мере она соответствовала истинным взглядам ее творцов и пропагандистов на причины пожара. Но эта тема заслуживает специального рассмотрения.

более свободного выражения своих мнений. Но со временем свежесть первоначального восприятия постепенно стиралась, многое вовсе выпало из памяти, смещались связи между событиями; когда же свидетели пребывания французов в Москве принимались за писание мемуаров, оказывалось, что ценнейшая информация утрачена безвозвратно.

Отсюда ясно, сколь важно более точное определение того хронологического рубежа, с которого деформирующие факторы стали реально воздействовать на ретроспективные показания очевидцев. Их показания, датируемые до этой хронологической грани, при крайней скудости синхронной информации особенно ценны и интересны.

Обрисованные выше обстоятельства и позволяют установить эту грань. Ею надо признать начало ноября 1812 г. Именно в первые ноябрьские дни должно было быть получено в Москве помеченное 17 октября правительственное «Известие», где официально провозглашалась версия о французах-поджигателях, а приехавший за несколько дней перед тем Ростопчин, опираясь на все доступные ему рычаги власти, начал деятельно утверждать эту версию среди населения столицы, которое вскоре подверглось и полицейским преследованиям.

Из всего этого отнюдь не следует, что до названного рубежа спонтанно складывавшиеся в русском обществе еще с сентября взгляды на виновность французов в сожжении Москвы не влияли в ряде случаев на показания очевидцев. Равным образом и после этой хронологической грани очевидцы, особенно в частной переписке, могли высказывать оценки причин пожара, идущие вразрез с официальной версией; она действовала на общественное мнение не тотально, а лишь как преобладающая тенденция.

6

Изложенные выше наблюдения общего характера об особенностях происхождения первичной информации о пребывании французов в Москве находят подтверждение в том корпусе показаний очевидцев, который удается восстановить по сохранившимся источникам.

В основу реконструкции положены прежде всего архивы тех учреждений и лиц, которые так или иначе были причастны к московским событиям 1812 г. (фонды московского генерал-губернатора, обер-полцмейстера и других находившихся здесь учреждений, документация центральных органов власти, военного ведомства, частные собрания и коллекции и т. д.). В значительном объеме привлечен и опубликованный материал. Поскольку все, что было связано с московскими событиями 1812 г., являлось в дореволюционной России предметом особого и прочного внимания, тщательно собиралось и печаталось в современной прессе, исторических журналах, в изданиях, специально посвященных

Отечественной войне (причем некоторые памятники публиковались многократно), надо полагать, что мы имеем дело не со случайно подобранными публикациями, а с неким закономерно отложившимся комплексом источников.

Конечно, всем этим не исчерпывается имеющийся в наличии фонд показаний очевидцев, многие из которых подлежат еще выявлению в архивах. Например, до сих пор недостаточно обследованы ценнейшие в плане нашей темы свидетельства лиц, привлеченных царской администрацией к следствию за участие в муниципалитете и вообще за сношения с неприятелем в период оккупации. Поэтому число учтенных показаний представляет собой лишь минимальную величину — низший предел того, что может быть вообще выявлено.

За единицу учета принимался любой текст, фиксировавший какую-либо содержательную информацию о пребывании французов в Москве, независимо от формы и времени ее закрепления, если принадлежность данного текста очевидцу могла быть точно установлена. Поэтому в равной мере учитывались и краткое одностраничное письмо и подробное мемуарное сочинение, лаконичная помета на книге об обстоятельствах московской жизни при французах и объемистая брошюра, связно-последовательный рассказ и отрывочная запись. Не принимались во внимание некоторые прошения москвичей с просьбой о возмещении убытков, в которых никаких реальных сведений не содержится, а присутствуют только общепринятые для документов этого рода стереотипные формулы.

Основную массу учтенных показаний составляют собственно-ручные свидетельства очевидцев. Вместе с тем вполне оправдано в источниковедческом отношении привлечение текстов, составленных не лично очевидцами, а записанных с их слов или воспроизводивших их письменные свидетельства, которые когда-то существовали, но ныне нам неизвестны. Важно только, чтобы последующая передача этих показаний не искажала их индивидуального облика и была бы достаточно точной.

Этим условиям отвечают, например, рассказы крестьян и вообще людей из простонародья, зафиксированные их собеседниками и слушателями в 1812—1813 гг. или позднейшими собирателями воспоминаний об Отечественной войне. То же относится и к показаниям некоторых московских чиновников, которые дошли до нас благодаря включению их в тексты рапортов вышестоящих должностных лиц. Так, донесение очевидца пожара комиссара Московского архива Коллегии иностранных дел А. Тархова Н. Н. Бантыш-Каменскому от 24 октября 1812 г. воспроизведено в рапорте последнего в Коллегию иностранных дел от 7 ноября 1812 г.⁷⁰ В этом же рапорте Н. Н. Бантыш-Каменский

⁷⁰ С. А. Белокурова. Московский архив Министерства иностранных дел в 1812 г.— «Чтения в МОИДР», 1912, кн. 4 (243). М., 1913, стр. 39—41.

изложил и донесение на его имя от 24 октября другого очевидца — чиновника Московского архива И. Ждановского, текст которого дошел до нас и в полном своем составе⁷¹. При сравнении донесения Ждановского с изложением его Бантыш-Каменским оказывается, что оба текста совпадают почти дословно. Поэтому по аналогии можно признать достоверной передачу Бантыш-Каменским и донесения А. Тархова. Гарантией этого является, кроме всего прочего, и общепринятый в делопроизводственной практике того времени обычай точно воспроизводить в последующем документе содержание предшествующего.

Но, исходя из тех же принципов, не учитывались такие случаи передачи вторыми и третьими лицами показаний очевидцев, когда последние были изложены в слишком общей форме или суммарно с сообщениями, происхождение которых не выяснено. В результате какое-то отдельно взятое свидетельство очевидца растворялось в общей массе ему подобных. Это относится, например, к донесениям настоятелей московских монастырей за ноябрь-декабрь 1817 г. в ответ на запрос обер-прокурора Синода А. Н. Голицына (повеление по поводу сбора сведений о состоянии монастырей во время французской оккупации было отдано Александром I в бытность его с двором и гвардией в Москве осенью 1817 г.). Сами настоятели при французах здесь не находились и пользовались устными и письменными сообщениями осведомленных лиц, в том числе и очевидцев, показания которых, однако, в составе донесений настоятелей выделить никак невозможно⁷² (не исключено, кстати, что подлинные свидетельства очевидцев-монашествующих, равно как и священнослужителей, могут быть обнаружены в архиве Московской духовной консистории и в фондах некоторых монастырей).

Серьезные осложнения встретились при датировке ряда показаний. Даже современные событиям письма и дневники не всегда имеют указания на время их составления. Тем более это касается ретроспективных показаний, в частности мемуаров, которые вообще редко датированы. Поскольку нам неизвестны, как правило, их рукописные оригиналы, датировка определялась приблизительно, и то, что было установлено, это часто не абсолютно точные даты, а лишь относительная хронология.

Не всегда поддавалась определению и сословная принадлежность авторов показаний, особенно в тех случаях, когда последние издавались анонимно, и из самого текста трудно было судить о роде занятий авторов и общественном их положении.

Таким образом, полученные данные о совокупности показаний очевидцев со всех точек зрения имеют предварительный харак-

⁷¹ Там же, стр. 35—37.

⁷² «Описание достопамятных происшествий в московских монастырях в 1812 г.» — «Чтения в МОИДР», 1858, кн. 4, (243), стр. 37—50; «Московские монастыри во время нашествия французов. Из подлинного донесения имп. Александру I» — «Русский архив», 1869, IX, стлб. 1387—1399.

тер. Далее мы рассмотрим эту совокупность лишь в формализованно-количественном аспекте, отвлекаясь от ее качественной оценки и от источниковедческого разбора отдельных показаний, что должно послужить темой специального исследования.

Всего учтено более 173 показаний очевидцев. Число авторов несколько меньше — 122 человека, поскольку ряду очевидцев принадлежало по несколько показаний, например И. А. Тутолмину, члену Вотчинного департамента А. Д. Бестужеву-Рюмину, священнику католической церкви А. Сюрюгу, французскому эмигранту Дореру, отставному генерал-майору С. Мосолову. Свидетельства 10 авторов анонимные, а из 173 показаний 54 (31%) извлечены из архивов.

По отношению к общему числу жителей города в период оккупации (6240 человек) число авторов показаний составляло 2%, т. е. лишь 2% всех очевидцев оставили в той или иной форме письменные свидетельства о пребывании французов в Москве.

Что означает эта процентная величина? Не слишком ли она мала, чтобы служить основой для каких-либо выводов?

В нашей источниковедческой литературе не предпринималось, насколько известно, попыток выявить соотношение числа авторов сохранившихся источников с общим числом участников и свидетелей тех событий, которые в данных источниках отобразились.

Между тем такой показатель мог бы явиться весьма устойчивым и объективным критерием ценности того или иного комплекса источников. Данный критерий можно было бы использовать, в частности, как один из возможных способов (при наличии и ряда других) проверки репрезентативности источников с точки зрения равномерности охвата и правильности отражения основных свойств изучаемого явления или процесса. Имея в своем распоряжении определенный круг источников, мы не всегда знаем, какую часть накопленного в свое время потенциала первичной информации они представляют. Далеко не ясно при этом, каким путем можно измерить соотношение естественно сохранившихся остатков, фрагментов источников со всей некогда существовавшей, но впоследствии утраченной их совокупностью. А от ответа на этот вопрос зависит возможность экстраполяции выводов, полученных при исследовании ограниченно частного материала, на рассматриваемое явление в целом, равно как зависит от этого точность и строгость любых реконструкций исторического прошлого.

Так как создателями первоисточников о тех или иных событиях являются сами их участники, то знание количественного масштаба последних (хотя бы в примерных величинах) позволило бы установить *максимальный* предел числа всех *априорно-возможных* носителей первичной информации. Располагая же данными о реальном количестве очевидцев — авторов дошедших до нас источников (что уже вполне поддается подсчету), можно

было бы вывести своего рода «коэффициент» их представительности. Разумеется, эти соображения имеют сугубо гипотетический характер и без критического обсуждения в методическом и конкретно-историческом плане не могут быть приняты.

Но применительно к нашему случаю о таком «коэффициенте» следует, видимо, говорить вполне основательно, поскольку нам известна эта максимально предельная величина потенциальных носителей информации.

Чтобы оценить его реальное значение, есть разные способы. В полной мере он может быть истолкован лишь в сравнительно-источниковедческом плане — в сопоставлении с аналогичными показателями, относящимися к сходным историческим ситуациям эпохи, когда перед нами какой-то завершённый цикл событий или имеющий четкие хронологические грани исторический период, которые могут быть рассмотрены как относительно замкнутые системы. Вместе с тем представляется правомерным анализ этого «коэффициента» и как такового в его собственной сущности. Так, при учете внутренней структуры величины «коэффициента» его значение, видимо, можно выяснить при помощи принятого в статистике выборочного метода.

Но существует еще один способ оценки. Он исходит из развинутого выше положения о зависимости интенсивности обмена информацией между людьми от частоты их общения, которая тем выше, чем меньше плотность населения данного социума. Поэтому можно допустить, что информационная нагрузка, приходящаяся в среднем на единицу жителей, или, проще говоря, степень осведомленности в событиях каждого из них, в конечном счете также тем выше, чем ниже плотность населения. Из этого со всей очевидностью явствует, что в пределах данной территории средняя мера информационной нагрузки для каждого очевидца из 2% от 10 тыс. жителей должна быть соответственно больше, чем эта же мера для каждого очевидца из 2% от 100 тыс. человек. Стало быть, один и тот же коэффициент представительности, исчисленный относительно различных количественно общностей, имеет и совершенно разное значение.

Таким образом, мы подошли к ответу на поставленный выше вопрос. Как ни мал сам по себе в его цифровом выражении выведенный «коэффициент» представительности для рассматриваемой ситуации, 2% авторов-очевидцев от общего числа всех очевидцев, бывших в Москве в период французской оккупации (6240 человек), есть все основания признать, что, отражая сравнительно высокий уровень насыщенности информацией этой среды, он вполне надежен для последующих выводов и исчислений.

Прежде всего отметим данные о хронологическом распределении показаний очевидцев. ими полностью подкрепляется высказанное выше предположение о численном преобладании ретроспективной информации над синхронной.

Из 173 показаний на период со 2 сентября по 11 октября приходится всего 11 показаний, т. е. наиболее непосредственные и точные синхронные свидетельства составляли около 6%. Среди этих 11 показаний только один дневник, который вел в Москве со 2 сентября по 4 октября 1812 г. некий купец (его имя нам неизвестно), сам дневник был опубликован лишь в 1858 г.⁷³

В их числе только два частных письма (одно написано из окрестностей занятой французами Москвы приказчиком И. Р. Боташова М. Соковым своему хозяину, а другое — упомянутой ниже Н. Ф. Микулиной)⁷⁴; четыре документа, вышедшие из Воспитательного дома (три донесения И. Тутолмина в Петербург и одна инструкция-памятка отправленному туда чиновнику Ф. Рухину)⁷⁵, одно известие о положении Москвы ростопчинского агента И. Нордберга, тайно переправленное через неприятельские кордоны⁷⁶; одно следственное показание дворового И. Татаринова о пребывании в Москве с 1 по 4 октября⁷⁷. Надлежит отметить также рассказ бежавшего из Москвы крестьянина, видимо, дословно воспроизведенный в записи от 24 сентября 1812 г. чиновниками Опекунского совета в поденной записке, которую они вели во время переезда из Москвы в Казань⁷⁸. И, наконец, последнее из этих синхронных показаний — рассказ не успевшей эвакуироваться Н. Ф. Микулиной о пребывании 2—3 сентября в оккупированном городе, записанный еще в сентябре — начале октября ее братом А. Ф. Лабзиным и изданный тогда же отдельной брошюрой в Петербурге (цензурное разрешение датировано 13 октября 1812 г.)⁷⁹.

За период после освобождения Москвы и до начала ноября, т. е. до момента окончательного утверждения правительственной версии московского пожара, дошло 24 показания. Это официальные донесения чиновников и служителей различных учреждений Москвы в ответ на запросы свыше, личные письма и первые развернутые описания французской оккупации, принадлежавшие перу москвичей-иностранцев⁸⁰. Таким образом, син-

⁷³ «Дневник, веденный в Москве в сентябре и октябре 1812 года». — «Библиографические записки», 1858, № 18, стр. 557—576. В примечании от издателей было сказано: «Памятник этот живо рисует положение русских, оставшихся в Москве во время пребывания в ней французов; веденный изо дня в день, дневник рассказывает все случившееся с автором и его семьею искренне и просто».

⁷⁴ «Русский архив», 1871, № 6, стлб. 0218—0228; «Северная почта», 1812, 28 сентября 1812 г.

⁷⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3586, лл. 3—4; ЦГАМ, ф. 108, оп. 1, т. I, д. 87, лл. 15—16, 18—29, 48—48 об.

⁷⁶ «Русский архив», 1864, стлб. 793—795.

⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1345, оп. 98, д. 942, ч. II, л. 37—37 об.

⁷⁸ «Бумаги Шукина», ч. V, стр. 174.

⁷⁹ «Обстоятельное известие о чудесном спасении вдовы генерал-майора Н. М. при нашествии в Москву французов в 1812 году». СПб., 1812.

⁸⁰ A. Surriquet. Lettres sur l'incendie de Moscou. Paris, 1823, p. 11—40; Записки и замечания о французской оккупации Москвы Дорера см.: ЦГВИА, ф. 154, д. 82, лл. 6—13.

хронные и наиболее близкие к ним по времени показания составляют суммарно 22,5% общего числа источников, оставшихся от очевидцев.

До конца 1812 г.— за ноябрь и декабрь — отложилось еще 58 свидетельств. Помимо тех же донесений, писем, описаний, среди них некоторые следственные показания, прошения поговревших москвичей об оказании помощи, рапорты священнослужителей. Встречаются здесь и тексты, тяготеющие уже к чисто мемуарной манере описания. Таковым является, например, рассказ священника церкви Спаса на Гленницах П. Симеонова. Он назван «Из записок, веденных в Москве 1812 года при занятии оной врагами»⁸¹, из чего можно было бы заключить, что перед нами поденные записки. Но по способу изложения и содержанию текста ясно, что это не дневник, синхронный событиям, а составленное после выхода французов из Москвы сочинение мемуарного характера, может быть, и основанное на каких-то поденных записках. Забегая несколько вперед, следует сказать, что жанровая и стилистическая неопределенность подобного рода произведений, присутствие в них анналистической формы передачи событий — явление весьма характерное для ранней русской мемуаристики эпохи 1812 г. Некоторые авторы своим позднейшим воспоминаниям (ретроспективная их природа без труда устанавливается по упоминаемым реалиям и датам) иногда намеренно придавали черты или, скорее, видимость дневниковых записей, располагая рассказ по следующим друг за другом строго хронологически часам и даже дням недели. Именно в такой форме составлены после 1815 г. известные в литературе «Краткое описание происшествий в столице Москве в 1812 году» А. Д. Бестужева-Рюмина и «Рассказ москвича во время пребывания в ней французов в первые три недели сентября 1812 г.», написанный на рубеже 1812—1813 гг.⁸²

В целом же на 1812 г. приходится 107 показаний, или 62% общего их числа. К периоду же от выхода французов из Москвы и до конца 1812 г. относится 88 показаний, т. е. более половины (51%) всех дошедших до нас. Тем самым подтверждается высказанное выше положение о наиболее интенсивной фиксации письменных свидетельств очевидцев в первые недели и месяцы после освобождения столицы.

В показаниях очевидцев, возникших в последующее время, естественно, все более нарастают черты ретроспективного освещения событий. По своему типу это уже почти исключительно воспоминания, облеченные, правда, в самую разную форму, письма и официальные донесения, где явно преобладавал мемуарный элемент; обращенные к событиям французской оккупации

⁸¹ «Исторический, статистический и географический журнал», 1826, ч. II, кн. 2, май, стр. 101—107.

⁸² «Чтения в МОИДР», 1859, кн. II, «Смесь», стр. 65—89, стр. 93—114.

обзоры, в том числе и деловые записи; наконец, воспоминания в собственном смысле этого слова, написанные участниками событий как в первые послевоенные годы, так и много времени спустя. Среди них несколько обособленную группу занимают повествования очевидцев, составленные вскоре после освобождения и изданные уже в 1812—1815 гг.⁸³ В этих первых мемуарных произведениях о пребывании французов в Москве особенно живо, свежо и непосредственно запечатлены существенные черты жизни и быта в оккупированном городе, ускользавшие обычно из внимания последующих мемуаристов. Но вместе с тем, поскольку само появление их в свет инспирировалось часто правящими кругами (иначе они и не могли быть тогда изданы), авторы вынуждены были о многом умалчивать, многое же в своем рассказе приравнивать к официальным воззрениям. Ввиду того эти сочинения имели открыто выраженную публицистическую и даже пропагандистскую направленность, что серьезно осложняет приемы их источниковедческой критики.

Важной особенностью всех учтенных воспоминаний очевидцев следует признать их тематическую ограниченность периодом французской оккупации. В подавляющей своей части это не развернутые жизнеописания, где попутно затрагивались бы и московские события 1812 г., а всецело посвященные этим событиям мемуарные очерки. Несмотря на отрывочность и краткость некоторых из них, они представляют собой вполне самостоятельные и законченные произведения.

Значительный интерес представляют данные о распределении авторов показаний по сословиям. Среди них 76 дворян и чиновников (62%), 19 лиц духовного звания (15%), 13 купцов и мещан (11%), 12 крестьян (11%), 18 иностранцев (ок. 15%). Таким образом, почти две трети числа авторов показаний составляли выходцы из наиболее привилегированного сословия, в то время как в оккупированной столице их было, по нашим под-

⁸³ Помимо упомянутой выше брошюры с рассказом Н. Ф. Микулиной, эту группу составляют следующие издания: *П. Ж. [данов]*. Памятник французам или приключения московского жителя. СПб., 1813 (Дата цензурно разрешения (далее — д.ц.р.) 19 декабря 1812 г.; в 1813 г. перензлан на французском языке); *М. П. Невзоров*. Исход мой из Москвы во время нашествия французов (Воспоминания). — «Друг юности», 1812, октябрь; *Ф. Корбелецкий*. Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной. СПб., 1813 (д.ц.р.— 17 марта); *П. Шаликов*. Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года. М., 1813 (д.ц.р.— 27 марта); [*Horn*]. Versuch einer Darstellung der Verbrennung und Plünderung Moskwas durch die Franzözen im September 1812 von einem augenz engen, St.-Petersbourg, 1813 (д.ц.р.— 28 марта); *С. Маслов*. Путешествие в Москву во время пребывания в оной французов. М., 1813 (д.ц.р.— 3 июня 1813 г.); «Несчастия Гаврилы Иванова, комиссара московской Сенатской типографии во время злодеяний в Москве французов». М., 1813 (напечатано также в «Русском вестнике», 1813, ч. III, № 12); «Претерпение секретаря Разумова в нашествии французов в Москве» (датировано 22 апреля 1815 г.). — «Русский вестник», 1815, ч. II, кн. X, стр. 4.

счетах, всего 5,7%; 11% авторов принадлежали к купеческо-мещанским слоям — при французах в Москве их значилось около 30%. Только 11% авторов — крестьяне, тогда как в сентябре—октябре 1812 г. они составляли в Москве также почти третью часть населения. Процентные отношения числа авторов из духовного звания и иностранцев превышают соответствующие показатели по этим сословиям в период оккупации (15% против 10,2 и 15% против 7,8%)⁸⁴. Итак, выявляется определенное несоответствие сословной структуры жителей в занятой французами Москве с сословным составом авторов показаний. Наибольшую возможность фиксации своих впечатлений имели, как и следовало полагать, дворяне, чиновники, лица духовного звания и просвещенные в своей массе французские эмигранты. Купцы, мещане, особенно же городское простонародье и крестьяне, в силу неграмотности, низкого уровня культуры и быта находились в этом отношении в гораздо худшем положении. Число оставленных ими письменных свидетельств совершенно несоразмерно с их долей в общей массе населения Москвы во время пребывания в ней французов. Характерно, что дошедшие до нас показания выходцев из этих сословий представляют собой в основном их устные рассказы, записанные уже после 1812 г. другими лицами.

Односторонний характер корпуса показаний очевидцев хорошо иллюстрируется и итоговыми данными об их видовой принадлежности. Более трети всех свидетельств очевидцев (65 названий, или 37,5%) — чисто мемуарные сочинения. Из 28 писем (16%) только 11 (6%) относятся ко времени до начала ноября 1812 г. Источников делопроизводственного происхождения (в основном донесений, а также следственных показаний и просительных документов) — 76 названий, или 44%, но лишь 19 (11%) из них датируются сентябрем—октябрем 1812 г. Обращает на себя внимание чрезвычайно высокий удельный вес в общей массе показаний очевидцев свидетельств, вышедших из-под пера служителей и чиновников московских богоугодных заведений (богаделен, больниц, приютов и т. д.), — 35 названий, или пятая часть всех сохранившихся первоисточников. Одному только главному надзирателю Воспитательного дома И. А. Тутолмину принадлежит 16 показаний, т. е. более 9% всех дошедших до нас. Естественно, что кругозор этих лиц, которые и составляли основную массу всех оставшихся в Москве русских чиновников, был ограничен и территориально, и сферой их повседневных интересов в оккупированном городе. Поэтому сообщенные ими сведения отразили неизбежно лишь незначительную часть происшедших тогда событий.

⁸⁴ О показателях сословной структуры московского населения в период французской оккупации см.: А. Г. Тартаковский. Указ. статья.

Завершая краткий обзор корпуса показаний очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 г. и признавая их в целом высокую ценность, следует еще раз указать на имманентно, органически присущие им дефекты и пробелы. Они объясняются, как мы видели, *спецификой исходных условий движения и фиксации первичной информации*, что в свою очередь было вызвано сложным сплетением военно-политических, социальных, идеологических и общественно-психологических явлений эпохи (хотелось бы в данной связи подчеркнуть, что раскрытие механизма и степени воздействия такого рода явлений на процесс формирования массива первоисточников является по своей природе задачей источниковедческого профиля). Именно в этом и коренятся реальные и совершенно объективные трудности источниковедческого порядка, о которых было сказано еще в начале настоящей работы.

Четкое осознание наличия этих трудностей, поиски путей устранения и восполнения отмеченных дефектов и пробелов составляют, как нам кажется, необходимую предпосылку дальнейшего изучения темы в источниковедческом плане. Решение же этой проблемы предполагает прежде всего привлечение бегло очерченного выше вторичного слоя информации о пребывании французов в Москве (т. е. преимущественно мемуарных сочинений) — слоя, восходящего генетически к показаниям очевидцев, что требует специальных разысканий с целью исчерпывающего учета этого слоя и анализа его состава и свойств. Лишь после всестороннего и совокупного изучения первичного и вторичного слоев информации можно будет приступить к воссозданию исторически достоверной картины московских событий 1812 г., в том числе дать научно обоснованный ответ и на вопрос о причинах самого пожара.

О ПРИЕМАХ ПРОВЕРКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ВЕДОМОСТЕЙ ФАБРИК И ЗАВОДОВ РОССИИ XIX В.

Ю. Я. Рыбаков

Советские историки внесли заметный вклад критическое изучение источников по истории промышленности России XIX в. Было введено в научный оборот большое количество ведомостей фабрик и заводов — основного источника правительственной статистики обрабатывающей промышленности России прошлого столетия. В работах М. Ф. Злотникова, П. Г. Любомирова, И. В. Мешалина, А. С. Нифонтова, П. Г. Рындзюнского, В. К. Яцунского и других приведены ценные источниковедческие наблюдения о происхождении ведомостей фабрик и заводов, отмечены их многие недостатки, названы причины, отразившиеся на степени достоверности ведомостей¹. Обязательное критическое отношение к данному источнику общепризнанно в нашей историографии.

Значительно меньше сделано в разработке реальных путей проверки достоверности ведомостей. Методический опыт, накопленный при изучении степени их достоверности, не сведен воедино. В связи с этим может представлять интерес попытка наметить некоторые приемы проверки достоверности на базе обобщения предшествующего их изучения. Это и является целью настоящей статьи. Методика проверки достоверности различных обработок и сводок ведомостей нами не рассматривается.

¹ М. Ф. Злотников. К вопросу об изучении истории рабочего класса и промышленности (Критика «Русской фабрики» М. П. Туган-Барановского). — «Каторга и ссылка», кн. 1 (116). М., 1935; *он же*. От мануфактуры к фабрике. — «Вопросы истории», 1946, № 11—12; П. Г. Любомиров. Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в. М. — Л., 1930; И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М. — Л., 1950; А. С. Нифонтов. Пелотняные мануфактуры России в 1854 году. — «Исторические записки», т. 43; П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958; *он же*. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60—80-е годы XIX в.). М., 1966; В. К. Яцунский. Отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов дореформенной эпохи как исторический источник. — «Археографический ежегодник за 1958 год». М., 1960; *он же*. Формирование крупной промышленности в Иванове в первой половине XIX в. — «Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве». М., 1965, и др.

Степень достоверности ведомостей как массового источника неразрывно связана с их сохранностью. При проверке достоверности ведомостей важно черпать материал из относительно полных их комплектов по отдельным губерниям и промышленным центрам, так как это дает возможность проследить динамику процессов обрабатывающей промышленности в определенных районах. Наличие случайных ведомостей меняет аспект их изучения. Исследователи, обращавшиеся к ведомостям, неоднократно отмечали факты почти полного уничтожения до революции нежественными чиновниками данного источника². Однако отдельные находки последних лет в Центральном государственном историческом архиве, некоторых областных архивохранилищах показали, что работу по их выявлению необходимо продолжать³. Так, сохранились комплекты ведомостей по ряду губерний Центрального промышленного района: Владимирской, Костромской, Московской и Ярославской. По Владимирской губернии выявлены комплекты ведомостей за 1809, 1810, 1812 (ЦГИА СССР), а также за 1827, 1828, 1837, 1838, 1841, 1842, 1848—1851, 1858—1862, 1867, 1868, 1871, 1874 гг. (Государственный архив Владимирской области — ГАВО). По Костромской губернии в ЦГИА СССР выявлены ведомости за 1814 и 1815 гг., а в Государственном архиве Костромской губернии (ГАКО) — за 1832, 1847—1851, 1853, 1865, 1868—1872, 1874, 1876, 1877 гг. По Московской губернии в ЦГИА СССР сохранились ведомости за 1810, 1820 гг., а также по хлопчатобумажным и суконным предприятиям за 1856 г. По Ярославской губернии имеются комплекты ведомостей за 1819 г. (ЦГИА СССР) и за 1848, 1849, 1853, 1855, 1856, 1864, 1867, 1875—1877 гг. (Государственный архив Ярославской области — ГАЯО). Это преимущественно ведомости текстильных предприятий. Используя данные источники в настоящей статье, мы стремились обратить внимание на хлопчатобумажные и полотняные ткацкие предприятия, так как вопросы проверки достоверности их ведомостей представляют, как нам кажется, особую сложность.

Происхождение ведомостей, а также их место во всей системе статистики обрабатывающей промышленности России изучаемого времени во многом предопределяет постановку и решение вопроса о степени их достоверности, методах ее проверки.

Годовые ведомости стали подаваться фабрикантами и заводчиками согласно сенатскому указу 1804 г.⁴ Необходимость учета

² М. Ф. Злотников. От мануфактуры к фабрике.— «Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 41; И. В. Мешалин. Указ. соч., стр. 14.

³ В. К. Яцунский. Отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов дореформенной эпохи как исторический источник, стр. 189—190; А. С. Нифонтов. Из опыта научной работы историка.— «История СССР», 1963, № 2, стр. 137—138.

⁴ «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), I, т. XXVIII, № 21372, стр. 411—412.

существовавших и возникавших промышленных предприятий диктовалась финансовыми, военными и другими практическими потребностями государства. В ведомости владелец предприятия должен был сообщить краткие сведения о себе и своем сословном положении, о местонахождении предприятия, о том, на собственной или наемной земле, в собственных или арендуемых помещениях оно размещено, о назначении отдельных зданий и строений, о наименовании и количестве произведенных и проданных изделий, о численности основных орудий труда, об употребляемом сырье и сбыте товаров, о числе рабочих и некоторые другие данные.

Впоследствии формуляр ведомости претерпел отдельные изменения. Закон 1830 г. требовал включать в ежегодную отчетность данные о выработанных, проданных и непроданных товарах не только в натуральных величинах, но и их стоимости, а также о численности и назначении появившихся на предприятии машин⁵. Очень скоро, однако, под давлением предпринимателей из формуляра исключаются вопросы о количестве и стоимости проданных и непроданных изделий. По новой форме, утвержденной в 1834 г., в ведомости из денежных показателей остается статья о стоимости «сработанных» в истекшем году изделий. Зато в дополнение к ранее приводившимся сведениям о машинах нужно было сообщать о двигателях (пар, вода, ветер, лошади и пр.)⁶.

Данный формуляр ведомости был включен в приложение к «Уставу о промышленности» и без каких-либо изменений действовал до 90-х годов XIX в.⁷

Ведомости по отдельным предприятиям могли иметь некоторые специфические черты, отличающие их от установленных форм. Они происходили от особенностей производства, недопонимания владельцами требуемых от них сведений, недоучета изменений форм ведомостей и представления их по старым требованиям, а также и от других причин. Например, ведомости посессионных заведений отличались подробными сведениями о приписанных от казны и купленных владельцами пахотных, усадебных, лесных и других землях, о занятиях крестьян, не участвовавших в фабричных работах⁸. По шелкоткацким заведениям Богородского уезда Московской губернии за 1820 г. имеются сведения о заработной плате отдельных категорий рабочих⁹. В ведомостях Покровского, Суздальского уездов Владимирской губер-

⁵ ПСЗ, II, т. V, отд. 1, № 3467, стр. 129.

⁶ ПСЗ, II, т. IX, отд. II, № 7484, стр. 95.

⁷ См. подробнее об этом нашу статью: «Программа и организация сбора сведений по промышленной статистике России XVIII—XIX веков (ведомости фабрик и заводов)». — «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965, стр. 107—116.

⁸ ГАЯО, ф. 79, оп. 5, д. 874.

⁹ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 291.

нин и Юрьева-Польского за 40—70-е годы владельцы продолжали сообщать «оборотные капиталы», исключенные из форм ведомостей законом 1834 г.¹⁰

Можно привести примеры специфики и других ведомостей. Но в целом изучаемые источники отличаются большой устойчивостью формуляра и ответов на отдельные его графы. Систематичность, с которой владельцы из года в год сообщали сведения по одним и тем же вопросам, привела к выработке однотипных формулировок. Этому способствовала рассылка Департаментом мануфактур и внутренней торговли заполненных образцов ведомостей, известных уже в 20-х годах XIX в.¹¹ Устойчивость формуляра ведомостей облегчает сопоставимое их изучение.

Органы полиции требовали от владельцев ведомости за текущий год уже в декабре, так как в январе — феврале следующего года их отсылали в министерство. Сохранившиеся рапорты местной полиции, сопровождавшие присылаемые ведомости, показывают, что большинство владельцев к концу декабря их и представляли.

Обычно ведомости подавались на полном листе, сложенном вдвое. По крупным предприятиям они иногда имели больший объем. Например, ведомость Ярославской Большой мануфактуры Яковлевых за 1819 г. была составлена на 9 листах¹². По мелким заведениям ведомости нередко подавались форматом в поллиста. Ведомости по одному городу или уезду, как правило, были написаны одинаковым почерком. Объясняется это тем, что их окончательное оформление происходило в местном полицейском учреждении. Некоторые из них так и начинались: такогото земского суда (полицейского управления и т. п.) о состоянии такогото завода ведомость. Отдельные ведомости подписывались не только владельцами или управляющими, но и становыми приставами, полицейскими надзирателями и другими полицейскими чиновниками. Они же удостоверяли и подпись владельца. Редко отмечалось, что копия, снятая в полиции, сверена с подлинником. В ведомостях по Ярославлю за 1855 г. после подписей предпринимателей секретарь указывал: «С подлинным верно»¹³.

Отдельные недостатки получаемых таким путем сведений были очевидны уже русским статистикам прошлого века. А. Б. Бушен (редактор «Ежегодника Министерства финансов») в 1870 г. не без иронии говорил о заполнении ведомостей владельцами: «Случается, что фабрикант оказывается человеком образованным, не боящимся статистики. Тогда он говорит прямо правду и выписывает точные сведения из своих книг, которые ведутся бухгалтером... Но сосед его, такой же заводчик, со-

¹⁰ ПСЗ, II, т. IX, отд. II, № 7484, стр. 95.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 8, д. 113, лл. 32—33.

¹² ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 290, лл. 506—524.

¹³ ГАЯО, ф. 79, оп. 5, д. 1446.

ображает иначе; он задается вопросом: да с какой же стати он так любопытствует знать, что я произвожу? Затем говорит приказчику: напишите, да сбавьте; и тот пишет и сбавляет. Третий заводчик говорит: да они, вероятно, от земства, должно быть, хотят обложить каким-нибудь сбором по числу рабочих, и делает распоряжение, чтобы показали рабочих вдвое меньше. Четвертый затрудняется иным способом и думает: да каких они рабочих спрашивают — машинных или светельников, и показывает машинных; пятый приказывает написать и светельников — больше, говорит, будет известности»¹⁴.

К сожалению, у нас нет материалов по отдельным предприятиям о процессе составления ведомостей предпринимателями, об источниках, которыми они пользовались. Лишь в единичных случаях ведомости, судя по почерку, были написаны самими владельцами. Такова ведомость паточного заведения купца Горшкова за 1867 г.¹⁵ Ведомость паточного заведения Александры Понизовкиной за тот же год (оба Даниловского уезда Ярославской губернии) писал ее сын¹⁶.

Обобщая многочисленные критические высказывания в адрес ведомостей, можно назвать следующие основные причины, отрицательно сказавшиеся на степени их достоверности:

1) Отсутствие научного определения понятия фабрики и завода при собирании ведомостей.

2) Бесконтрольность владельцев в своих показаниях.

3) Недостаточно налаженный учет производства на предприятиях.

4) Боязнь налогов, которые могут повлечь за собой сообщаемые сведения, особенно денежные показатели.

5) Недопонимание владельцами требуемых от них сведений и характера ответов на отдельные пункты ведомостей.

6) Небрежность составления ведомостей.

Недостатки в программе ведомостей и в организации их собирания приводили к отсутствию единообразия в учете предприятий за разные годы, по различным губерниям и производствам (особенно там, где преобладали мелкие предприятия), пропускам отдельных показателей, недоучету рабочих, сознательному уменьшению сообщаемых данных, приближенности и округленности цифр, ошибкам, опускам и т. п. Поэтому В. И. Ленин считал невозможным использование материалов фабрично-заводской статистики России XIX в. «без особой обработки», главной целью которой «должно быть отделение сравнительно годного от абсолютно негодного»¹⁷.

¹⁴ «Протоколы и стенографические отчеты заседаний первого всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественною промышленностью 1870 года». СПб., 1872, стр. 30—31.

¹⁵ ГАЯО, ф. 79, оп. 5, д. 2456, лл. 589—590.

¹⁶ Там же, лл. 591—592.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 468.

Опыт критического изучения ведомостей фабрик и заводов показывает, что основным методом проверки степени достоверности их данных является метод сравнения. Можно назвать два направления применения данного метода:

1) Сравнение ведомостей со статистическими материалами другого происхождения, относящимися к тому же времени.

2) Сравнение отдельных показателей ведомостей между собой.

Сравнение различных промышленно-статистических сборников, сводок, сопоставление производственных показателей по одному предприятию между собой и другие приемы широко применялись В. И. Лениным при изучении материалов фабрично-заводской статистики. Они позволили обнаружить ошибки привлеченных к анализу изданий (пропуски отдельных показателей и крупных предприятий в целом, смешение различных производств, недоучет рабочих на стороне и т. п.), отделять и использовать наиболее достоверный материал. Необходимым предварительным условием для этих сравнений являлось в трудах В. И. Ленина выяснение происхождения используемых материалов, характера их обработки и сводки. Он писал: «...всякие сравнения данных нашей фабрично-заводской статистики за разное время и по разным губерниям должны считаться недостоверными, пока не доказано противное»¹⁸.

Рассмотрим эффективность каждого из названных направлений проверки достоверности.

Исследователи используют различные промышленно-статистические источники XIX в.: отчеты министерств внутренних дел и финансов, военного ведомства, губернаторскую отчетность, вочинную и земскую статистику, материалы промышленных выставок, цифровые показатели губернских механиков и фабричных инспекторов, сведения отдельных обследований и др. Чаще других официальных промышленно-статистических сводок используются отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли (с 1864 г. — Департамент торговли и мануфактур). Но сводная статистика обрабатывающей промышленности в данных отчетах, в отчетах Министерства внутренних дел (до 1819 г.) и Министерства финансов, ведавших на протяжении XIX в. ее учетом, целиком основывалась на тех же ведомостях фабрик и заводов.

Происхождение промышленно-статистических показателей, содержащихся в губернаторских отчетах, еще мало изучено. Известно, что разрабатывать статистические сведения для них должны были созданные в 1834 г. губернские статистические комитеты¹⁹. До 1842 г. губернаторские отчеты обобщали лишь число предприятий различных отраслей производства, находившихся в губернии. По ним нельзя получить действительного представления о характере отдельных предприятий и производств, об

¹⁸ Там же, стр. 484.

¹⁹ ПСЗ, II, т. IX, отд. II, № 7684, стр. 304.

уровне их развития. С 1842 г. начинает указываться сводная стоимость выработанных изделий. Это увеличило их ценность как исторического источника. Однако третий важнейший показатель промышленности — численность рабочих — появляется в отчетах губернаторов только в 1870 г.²⁰ В. И. Ленин называл цифры о фабрично-заводской промышленности, взятые из этих отчетов, совершенно непригодными, говоря, что «данные местных губернских статистических комитетов (служащие для губернских отчетов) всегда характеризуются полнейшей неопределенностью понятия «фабрика и завод» и случайной регистрацией мелких заведений»²¹.

Ведомости лежали в основе большинства сборников фабрично-заводской статистики. Издания первой половины XIX в. целиком базируются на этом источнике²². В пореформенное время они продолжали оставаться основным источником для промышленно-статистических изданий²³.

²⁰ Складывание и изменение форм губернаторских отчетов за весь период их представления (до 1917 г.) рассмотрены в обстоятельной статье Н. П. Дятловой «Отчеты губернаторов как исторический источник» («Проблемы архивоведения и источниковедения. Материалы научной конференции архивистов Ленинграда». Л., 1964). Состав промышленных сведений губернаторских отчетов по Литве за XIX в., пути и методы сбора этих данных кратко охарактеризованы в монографии В. Меркиса «Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в.» (Вильнюс, 1969, стр. 16—18).

²¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 466; т. 4, стр. 15.

²² «Табели к отчету министра внутренних дел за 1804 год». СПб., 1806; «Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год». СПб., 1814; «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы». СПб., 1816; «Статистическая ведомость о состоянии российских мануфактур с 1815 по 1820 год». СПб., 1825; Обзоры мануфактурной промышленности по ряду губерний за 1828, 1837, 1846 гг. и др. в «Журнале мануфактур и торговли», 1830, № 1—3, 6, 9; 1831, № 1—4, 7—11; 1832, № 2—9; 1833, № 5, 12; 1838, № 7; 1843, ч. II—III и др.; Л. Самойлов. Атлас промышленности Московской губернии. М., 1845; С. Тарасов. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856; П. Крюков. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты. Ч. I—II. СПб., 1853; «Подробное статистическое обозрение фабрик и заводов Ярославской губернии, обозначенных на промышленной карте той же губернии. Сведения, собранные в 1853 году губернским механиком Мейшеном, дополнены Ярославским губернским статистическим комитетом». СПб., 1857; «Военно-статистическое обозрение Российской империи». т. I—XVIII. СПб. 1848—1858.

²³ «Сборник сведений и материалов по ведомству Министерства финансов». СПб., 1865—1867; «Ежегодник Министерства финансов», вып. I. СПб., 1869; вып. VIII. СПб., 1877; вып. X. СПб., 1879; вып. XII. СПб., 1882; «Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов», вып. I—II. СПб., 1869—1870; П. А. Орлов. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и великим княжеством Финляндским. СПб., 1881; П. А. Орлов. Указатель фабрик и заводов Европейской России в царства Польского, изд. 2, испр. и знач. доп. СПб., 1887; П. А. Орлов и С. Г. Будагов. Указатель фабрик и заводов Европейской России, изд. 3, испр. и знач. доп. СПб., 1894; «Свод данных о фабрично-завод-

Составители отдельных статистических сборников второй половины XIX в. стремились преодолеть недостатки, свойственные изданиям, использующим ведомости. Казалось бы, что для изучения степени достоверности ведомостей такие издания должны представлять особый интерес. Остановимся на наиболее значительных из них.

В 1871 г. группа офицеров Генерального штаба подготовила «Военно-статистический сборник», посвященный Росспн. Чтобы дать полное представление о промышленности, включая обрабатывающую, акцизную и горную, они взяли за основу сведения Центрального статистического комитета, а к данным Министерства финансов обращались как к дополнительному источнику. Были использованы и другие, самые разнообразные материалы: губернаторские отчеты, сведения Департамента неокладных сборов, главного интенданта, Артиллерийского и Морского ведомств и др. Точно выяснить источник опубликованных в сборнике промышленно-статистических сведений, как правило, невозможно, так как составители, чтобы не увеличивать его объем и из-за типографских трудностей, «не давались в примечания, были скупы на ссылки»²⁴. В. И. Ленин поэтому считал, что материалы сборника «неизвестного происхождения»²⁵. Стремление дать полные сведения о промышленности в конце концов заставило дополнять показания разнообразных источников изданиями ведомостей (первого выпуска «Ежегодника Министерства финансов» под редакцией А. Б. Бушена и «Статистического атласа» Д. А. Тимирязева). Но в итоге «Военно-статистического сборника» было включено такое число мелких кустарных заведений, что в них потонули фабрики и заводы. Так, в общем итоге по льнопрядильным значится 2105 предприятий с 14 833 рабочими, в том числе по Европейской России — лишь 19 с 8598 рабочими и в Польше — 2085 с 5450 рабочими (в среднем 2,6 человека на предприятие)²⁶. Аналогичная картина наблюдается и в сведениях по иным отраслям. В промышленно-статистических изданиях Министерства финансов, основывающихся на ведомостях, включение мелких заведений имело гораздо меньшие размеры. Несопоставимость данных «Военно-статистического сборника» с этими изданиями делает невозможным его использование для решения вопроса о достоверности ведомостей фабрик и заводов.

В 1872 г. был издан специальный выпуск «Статистического временника Российской империи» по неакцизной промышленно-

ской промышленности в России за 1885—1897 гг.». СПб., 1889—1900: «Перечень фабрик и заводов. Фабрично-заводская промышленность Росспн». СПб., 1897, и др.

²⁴ «Военно-статистический сборник», вып. IV. Росспн. СПб., 1871, стр. XVIII.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 461.

²⁶ «Военно-статистический сборник», вып. IV, стр. 328.

сти за 1868 г., подготовленный И. И. Боком²⁷. Среди его материалов имеются списки предприятий Московской и Владимирской губерний, составленные «по специальному исследованию Центрального статистического комитета». Списки даны отдельно для предприятий с производством свыше 25 тыс. руб. и менее этой суммы. Первые содержали более подробные сведения. Сравнение данных «Статистического временника» с сохранившимися ведомостями фабрик и заводов Владимирской губернии за 1868 г.²⁸ показывает, что обследование не смогло избежать пропусков отдельных фабрик и заводов. Ведомости в ряде случаев оказываются полнее списков. По Александровскому уезду в списке нет Троицко-Александровской мануфактуры Барановых с производством более чем 1,5 млн. руб.²⁹ По Шуе ведомости полнее списков на три хлопчатобумажных ткацких, одно ситценабивное, одно кожевенное и одно воскосвечное предприятия, большинство из которых с производством свыше 25 тыс. руб. В списках имеются пропуски фабрик и заводов и по другим городам и уездам. Списки разноречивы в показаниях о числе рабочих. По Мурому на полотняных предприятиях купцов Суздальцевых, Перлова, Перловой в них учитывались только рабочие в заведениях, в то время как ведомости содержат данные и о рабочих на стороне. По предприятиям Гундобина и Емельянова в списке с производством свыше 25 тыс. руб. показаны все рабочие, включая и тех, кто работал на стороне. Это никак не оговорено. По некоторым предприятиям списков очевидно завышение или занижение отдельных сведений. Например, на кожевнном предприятии купца Пузова (г. Александров) при 7 дубильных чанах показано 46 рабочих³⁰. В ведомостях говорится о 7 рабочих, что более соответствует размерам производства³¹. Очевидно, списки предприятий по Владимирской губернии содержали сведения не только за 1868 г., но и за другое время. Так, список предприятий с производством свыше 25 тыс. руб. открывается бумагопрядильней Никитина (г. Владимир), годом основания которой значится 1869 г.³² В ведомости бумагопрядильной и механической ткацкой фабрики Кокушкиных и Попова (г. Шуя) говорится только о ткацкой продукции, так как в 1868 г. на бумагопрядильне был пожар и производства не было³³. Список же (один из владельцев в нем ошибочно назван Кокорекиным) показывает производство миткаля, а также 5 тыс. пудов пряжи.

²⁷ «Статистический временник Российской империи». Серия II, вып. 6. Материалы для статистики заводско-фабричной промышленности в Европейской России за 1868 год. СПб., 1872.

²⁸ ГАВО, ф. 14, оп. 3, д. 2077—2080.

²⁹ Там же, д. 2077, лл. 48—49.

³⁰ «Статистический временник», стр. 368.

³¹ ГАВО, ф. 14, оп. 3, д. 2078, лл. 72—73.

³² «Статистический временник», стр. 326.

³³ ГАВО, ф. 14, оп. 3, д. 2079, лл. 219—220.

Нам представляется, что «специальное исследование», материалы которого включены в «Статистический временник», не отличалось тщательностью. Поэтому нельзя считать его более достоверным источником, чем ведомости фабрик и заводов. Попытки отказаться от ведомостей и использовать другие материалы в некоторых статистических сборниках пореформенного времени в целом не дали более качественных результатов. Аналогичный вывод может быть распространен на «Сборник сведений по России», подготовленный Центральным статистическим комитетом на основе губернаторских отчетов и содержащий таблицы числа фабрик, рабочих и суммы выработки³⁴.

Не дает конструктивных решений о степени достоверности ведомостей фабрик и заводов и ряд других статистических материалов XIX в. Отдельные обследования промышленности были очень редки³⁵. Земская статистика основные усилия сосредоточивала на сельском хозяйстве и промыслах, так что охватывала, как правило, лишь начальные стадии промышленности. Деятельность губернских механиков, оставивших описание отдельных предприятий и общие обзоры промышленности ряда губерний, также не дает достаточного материала для проверки степени достоверности ведомостей. Например, владимирский губернский механик И. Е. Несытов, когда дело доходило до обзоров отдельных отраслей промышленности Владимирской губернии, использовал те же ведомости³⁶. С 1858 г. губернские механики за работу по составлению планов, смет, установку паровых машин перестали получать государственное жалованье. Платить им стали только предприниматели³⁷. Поэтому они были не заинтересованы в сообщении каких-либо других сведений, кроме тех, какие хотели владельцы.

³⁴ «Сборник сведений по России за 1884—1885, 1890, 1896 гг.», т. 1—3. СПб., 1887—1897. Оценку 1-го тома данного издания дал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 465—467).

³⁵ За вторую половину XIX в. имеются публикации по отдельным губерниям, в которых наряду с использованием ведомостей включались материалы обследований промышленности: *Н. Матисен*. Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872; *В. Ф. Свирский*. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир-на-Клязьме, 1890, и некоторые другие. Однако мы не располагаем ведомостями за годы, к которым относятся материалы обследований, чтобы использовать их для проверки достоверности официальной промышленной статистики.

³⁶ *И. Е. Несытов*. Очерк XXV-летия развития мануфактурной промышленности Владимирской губернии.— «Журнал мануфактур и торговли», ч. I—IV, 1855. Близки к ведомостям 1848 г. данные обследованных им предприятий в январе 1848 г., содержащиеся в его рапорте в Департамент мануфактур и внутренней торговли «О занятиях своих и недостатках бумажноткацкой промышленности Владимирской губернии» (ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 1319).

³⁷ «Журнал мануфактур и торговли», 1858, т. 1, № 2, стр. XXIV—XXV.

Таблица 1

Кому принадлежит и где находится	Орудия производства и машины			Количество	
	I	II	III	I	
Владимирская губерния					
Полотняная купца 2-й гильдии Осипа Сенькова, г. Вязники	939 стн.	960 стн.	102,2	18 960	кус.
Полотняная купца 2-й гильдии Льва Никитина, г. Вязники	115 »	101 »	87,8	3085	кус.
Полотняная купца 3-й гильдии Никона Обухова, г. Вязники	52 »	52 »	100,0	1101	кус.
Полотняная купца 2-й гильдии Якова Суздальцева, г. Муром	370 »	370 »	100,0	10 000	кус.
Кожевенный купца 1-й гильдии Петра Мяздрикова, г. Муром	70 чанов	70 чанов	100,0	14 500	кож
Кожевенный купца 1-й гильдии Андреяна Мяздрикова, г. Муром	83 чана	75 »	90,3	11 000	кож
Гусевская бумагопрядильная действительного статского советника И. С. Мальцова, Меленковский уезд	11 080 вер.	—	—	15 100	п.
Гусевская хрустальная его же, Меленковский уезд	3 печи стекл.	—	—	2 153 845	шт.
Никулинская стекольная его же, Меленковский уезд	2 печи стекл.	—	—	41 796 шт., 721 ящ.	
Малиновская стекольная его же, Меленковский уезд	1 печь стекл.	—	—	1228	ящ.
Заведение по приготовлению искусственной камеди купца 3-й гильдии Валериана Шилова, г. Шуя	—	—	—	700	п.
Бумагопрядильно-ткацкая купца 1-й гильдии Федора Попова, г. Шуя	30-сил. пар. маш., 3492 вер., 108 самотк. станков, 1150 стн. вне предпр.	30-сил. пар. маш., 3492 вер., 108 самотк. станков, 1150 стн. вне предпр.	100,0	2800 п. пряжи 33 000	кус.
Ситцевая и миткалевая купца 2-й гильдии Сергея Корнилова, г. Шуя	1799 стн., 100 стл.	16-сил. пар. маш., 1620 стн., 100 стл.	90% стн., 100% стл.	29 970	кус. миткаля для набойки
Ситцевая купца 2-й гильдии Григория Щеколдина, г. Шуя	34 стл.	34 стл.	100,0	40 000	кус.
Ситцевая купца 2-й гильдии Алексея Карунова, с. Иваново	32 стл.	—	—	8900	кус.
Красильная купца 1-й гильдии Степана Зубова, г. Александров	12-сил. пар. маш.	12-сил. пар. маш.	100,0	14 075	п. пряжи

выработанных изделий		Стоимость изделий, руб.			Число рабочих		
II	III	I	II	III	I	II	III
17 000 кус.	89,6	121 530	—	—	1120	1150	102,6
3000 кус.	97,2	33 920	от 30 000 до 35 000	—	190	до 200	—
1101 кус.	100,0	7857 руб. 50 коп.	—	—	64	64	100
10 000 кус.	100,0	69 392	70 000	100,8	74 в предп.	⁹⁰ на предпр. и 370 на стороне	121,6% на предпр.
от 14 000 до 20 000 кож	—	31 800	от 20 000 до 30 000	—	33	от 63 до 90	—
до 20 000 кож	—	22 000	от 20 000 до 30 000	—	29	от 42 до 90	—
17 000 п.	112,5	226 500	255 000	112,1	459	802	89,5
2 004 000 шт.	93,0	156 458	164 000	104,8	437		
14 000 шт., 950 ящ.	—	20 789	20 789 руб. 23 коп.	100,0	34	34	100,0
1228 ящ.	100,0	15 968 руб. 85 коп.	15 968 руб. 85 коп.	100,0	36	36	100,0
700 п.	100,0	2950	1800	61,0	7	7	100,0
2800 п. пряжи 33 000 кус.	100,0	196 205	196 205	100,0	1702 в т. ч. 462 на предпр.	1702, в т. ч. 462 на предпр.	100,0
40 000 кус. ситца		436 654	300 000 в оборо- те	—	1950, в т. ч. 710 на предпр.	701 на предпр.	98,7% на предпр.
40 000 кус.	100,0	240 000	240 000	100,0	158	158	100,0
9000 кус.	101,1	74 390	75 000	100,8	107	135	126,1
14 000 п. пряжи	99,4	422 250	430 000	101,8	193	191	98,4

Таблица 1 (окончание)

Кому принадлежит и где находится	Орудия производства и машины			Количество	
	I	II	III	I	
Красильная купчихи 1-й гильдии Александры Барановой, г. Александров	3200 стн. вне предпр.	3200 стн. вне предпр.	100,0	13 660 п.	пряжи
Ткацкая ее же, г. Александров				53 631 кус.	
Троицко-Александровская мануфактура Александры Барановой и Степана Зубова, Александровский уезд	140 стл.	140 стл.	100,0	41 900 кус.	
Костромская губерния					
Кожевенный купца 2-й гильдии Александра Малышева, г. Кострома	95 чанов	—	—	32 500 кож	
Полотняных, шерстяных и бумажных изделий купца 3-й гильдии Аполлинария Брюханова, г. Нерехта	20 жак. и 211 простых стн., в т. ч. 110 вне предпр.	20 жак. и 211 простых стн.	100,0	3020 кус.	
Ярославская губерния					
Полотняная наследников действительного статского советника Сергея Яковлева, с. Великое Ярославского уезда	5 стн.	7 стн.	140,0	562 ³ / ₄ арш.	
Писчебумажная князей Гагариных, с. Плещеево Ярославского уезда	21 ролл	—	—	49 871 стопа	

В вертикальных графах таблицы приведены под п. I сведения ведомостей фабрик и заводов; под п. II — сведения выставочных свидетельств; под п. III — процентное соотношение сведений выставочных свидетельств и ведомостей.

Статистики XIX в., ставя вопрос о точности отдельных показателей в ведомостях, обычно отмечали стремление предпринимателей уменьшить сообщаемые сведения. П. Крюков априорно утверждал, что показания ведомостей менее действительных «по крайней мере на 20—25%»³⁸.

По мнению А. Б. Бушена, лишь половина владельцев, преимущественно крупных предприятий, показывала в ведомостях «приблизительно правду». Некоторые предприниматели в беседе с

³⁸ П. Крюков. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России, служащий текстом промышленной карты. СПб., 1853, стр. IV.

выработанных изделий		Стоимость изделий, руб.			Число рабочих			
II	III	I	II	III	I	II	III	
14 000 п. пряжи	102,5% пряжи	771 057	550 000	100,4	428 на предпр.	400	480 на предпр.	112,1
—			224 470					
41 900 кус.	100,0	502 800	502 800	100,0	576	576	100,0	
до 40 000 кож.	123,0	98 650	—	—	81	80	98,8	
3020 кус.	100,0	26 640	26 640	100,0	160 на предпр.	160 на предпр.	100,0	
до 1000 арш.	177,7	386 руб. 70 коп.	400	103,4	37	22	59,4	
от 60 000 до 65 000 стоп	139 781 руб. 35 коп.	—	—	—	562	1026	182,5	

Сокращения: арш. — аршин; вер. — веретено; жак. — жаккардовый; кус. — кусок; п. — пуд; сил. пар. маш. — сильная паровая машина; предпр. — предприятие; самотк. — самоткацкий; ст.л. — стол; стн. — стан; стекл. — стекловарная; шт. — штук; ящ. — ящик.

ним признавали, что наполовину уменьшили действительные данные³⁹.

Интересный опыт определения достоверности ведомостей был проведен Д. А. Тимпрязевым, руководившим различными статистическими работами в пореформенное время. Он сравнил показания более 100 крупных фабрикантов для официальной статистики, какой являлась ведомости, с их же показателями о своих предприятиях для Московской мануфактурной выставки 1865 г. Выяснилось, что ради рекламы владельцы завышали показания

³⁹ Протоколы и стенографические отчеты заседаний первого всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественною промышленностью 1870 года, стр. 32.

о производстве своих предприятий для выставки. Выставочные данные превысили сведения ведомостей в целом на 22%. Д. А. Тимирязев же считал уменьшение показаний ведомостей над действительными данными в среднем на 15—20%⁴⁰.

Сравнение ряда ведомостей фабрик и заводов с выставочными материалами частично возможно и в настоящее время. Так, хорошо сохранились материалы к Петербургской промышленной выставке 1849 г.⁴¹ Чтобы получить право представить свои изделия на выставку, владелец предприятия обращался с заявлением к губернатору. На основании заявления в канцелярии губернатора выдавалось свидетельство, направлявшееся за подписью губернатора или вице-губернатора в выставочный комитет. В свидетельстве указывались производственные данные предприятия, сведения о машинах, технических новинках. Иногда выделялись лучшие из мастеровых. К свидетельствам прилагались специальные ведомости, где отмечалось: 1) «число работы, производимой на фабрике в течение года и по каким ценам»; 2) «где оные продаются»; 3) «свойство и количество употребляемых на оной материалов»; 4) «число рабочих на фабрике и вне оной». От владельцев требовались только достоверные сведения, так как в случае обнаружения искажений в приведенных данных они лишались права на получение наград⁴². В ряде свидетельств говорилось, что они основываются, кроме показаний владельца, на «удостоверении» губернского механика, однако фактически достоверность выставочных сведений зависела от показаний самого владельца.

Свидетельства к выставке 1849 г. сообщали данные о производстве за 1848 г. За этот год имеются ведомости по ряду губерний, что позволяет составить таблицу с сопоставимыми сведениями (табл. 1). Из таблицы, включающей 23 предприятия, видно, что по некоторым ведомостям и выставочным свидетельствам показатели одинаковы. Таковы сведения по Малиновской стекольной фабрике Мальцева, предприятиям шуйских купцов Попова и Щеколдина, нерехтского фабриканта Брюханова. По ряду предприятий совпадает часть производственных показателей. Расхождения, подобные тем, что имеются в источниках по мануфактуре вязниковского купца Никитина, можно считать результатом округления отдельных показателей в выставочных свидетельствах. По предприятию шуйского фабриканта Корнилова наблюдаем разное выражение стоимостных данных. Различие в сведениях по полотняному предприятию вязниковского купца Сенькова объясняется тем, что свидетельство включает два предприятия (одно, основное, имелось у него с 1818 г., а второе,

⁴⁰ Д. А. Тимирязев. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов, вып. 1. СПб., 1869, стр. III—IV.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 1351—1357.

⁴² «Свод законов Российской империи», т. XI, ч. II, ст. 218, стр. 520.

небольшое, куплено им в 1843 г.). Ведомость же есть только по основному. Свидетельство по Гусевской бумагопрядильне Мальцева включает рабочих, приписанных к его Гусевской хрустальной фабрике. Можно привести другие примеры совпадений и расхождений показателей сравниваемых источников. Более высокие цифры в свидетельствах, особенно в показателях о стоимости выработанных изделий, встречаются несколько чаще, чем в ведомостях. По всем 23 предприятиям общее число рабочих в свидетельствах примерно на 8% выше их числа в ведомостях. По другим показателям, суммарные сравнения по всем предприятиям осложнены отдельными пропусками, различной формой выражения сведений. Стоимость изделий в выставочных свидетельствах по 15 предприятиям (исключая 4, не имеющие данных показателей, и 4, по которым нет точных денежных выражений стоимости) на 1,7% выше, чем в ведомостях фабрик и заводов. Но в целом в данном сопоставлении тенденция преобладания выставочных показателей над традиционными статистическими материалами проявляется не столь значительно, как это считал Д. А. Тимрязев. Поэтому пока нет оснований для того, чтобы принять предложенные им средние цифры занижения показателей ведомостями как наиболее вероятные для всей фабрично-заводской статистики XIX в.

Таким образом, рассмотренные промышленно-статистические материалы, отличные от ведомостей по своему происхождению, не дают пока убедительных и ясных решений о том, насколько объективно в показателях ведомостей отражались годовые итоги работы предприятий. По совокупности затрагиваемых в ведомостях сведений, систематичности составления они являются часто единственным источником среди фабрично-заводских статистических материалов изучаемого времени. Сопоставление с другими материалами лишь показывает относительную достоверность ведомостей фабрик и заводов. Другой статистики, более достоверной, полной и хорошо обработанной, содержащей массовые данные по обрабатывающей промышленности России XIX в., по существу не было.

Надо полагать, что дальнейшее изучение всей совокупности сохранившихся статистических материалов XIX в. будет способствовать более продуктивному решению вопроса и о достоверности ведомостей фабрик и заводов. За первую половину XIX в. перспективным может быть изучение правительственной и вотчинной статистики по таким промышленным центрам, как с. Иваново. В пореформенный период требуют дальнейшего изучения промышленно-податная статистика, архивы отдельных предприятий и др. Рассмотрение учетного делопроизводства на отдельных предприятиях позволит заново поставить вопрос о первоисточниках ведомостей.

Эффективным методом проверки сведений ведомостей может стать сравнение отдельных показателей ведомостей между собой.

Этот метод включает сравнение основных производственных показателей одного предприятия между собой, сравнение показателей одного и того же предприятия за различные (особенно близкие) годы, сравнение показателей одного предприятия с соответствующими показателями на других предприятиях данной отрасли промышленности. Большинство граф ведомостей тесно связаны между собой. Так, стоимость изделий включала стоимость употребленного сырья и была выше последней. Технологический процесс требовал определенного соотношения рабочих различных профессий на предприятии. Особенно велики взаимозависимость и взаимообусловленность основных производственных показателей: орудий производства, рабочих, количества и стоимости изделий. Поэтому важное место среди приемов проверки показаний владельцев в ведомостях принадлежит логическому контролю, состоящему в сопоставлении связанных между собой показателей.

Попытаемся показать это на конкретных примерах.

Среди хлопчатобумажных, полотняных и шелковых ткацких предприятий встречаются три типа мануфактур: концентрированные — имевшие ткачество только в заведении; сочетавшие его с раздачаей основ, утка и ткацких принадлежностей окрестным ткачам-крестьянам; не имевшие ткачества в самом заведении. Однако ведомости не всегда говорят об этом, а если и сообщают, то не всегда ясно, сколько ткацких станов было в заведении и вне его. В. К. Яцунский считал недоучет ведомостями ткачей, работавших на дому, более существенным недостатком источника, чем занижение данных о размерах продукции⁴³. Немалое значение имеет выяснение по конкретным предприятиям уже самого характера ткачества. В определении его может помочь рассмотрение сообщаемых ведомостью сведений о строениях, которые занимало предприятие, особенно подробные в первые три десятилетия XIX в. Наличие ткацких строений говорит о ткачестве в самом заведении, а их размеры — о примерном количестве ткацких станов в нем.

По миткалевой и ситценабивной мануфактуре юрьевской 2-й гильдии купеческой вдовы Авдотьи Меньшиковой за 1827 г. показано 103 ткацких стана и 32 набивных стола. Описание занимаемых предприятием построек следующее: «Оная фабрика состоит Владимирской губернии в городе Юрьеве-Польском на собственной моей при доме каменном двухэтажном. Флигель каменный длиною 5, шириною 3 сажени, в котором находится контора. Взади дома мастерская, корпус каменный двухэтажный длиною 9, шириною 4 сажени и 1 аршин, вверху набивная, внизу столярная резная. Две кладовые и галандра, деревянного строения шатер, принадлежащий галандре, длиною 4 сажени и

⁴³ В. К. Яцунский. Отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов дореформенной эпохи как исторический источник, стр. 191.

2 аршина, шириною 4 сажени и 1 аршин. Кубовая и материальная в одной связи длиною 9, шириною 3 сажени. Для рабочего народу изба длиною 3, шириною 2 сажени и 1 аршин. Конюшня и сарай, два амбара в одной связи длиною 7 сажений и 2 аршина, шириною 4 сажени и 1 аршин... Сверх сего, по непомещению в приписанных строениях ткачества отдаются основы и утки здешней округи в разные селения крестьянам в их строения»⁴⁴. Такое описание позволяет заключить, что на самом предприятии производилась работа по подготовке основ и утка для ткачества, набойка ситцев и окончательная отделка изделий. Ткачество же целиком производилось крестьянами вне предприятия.

Сопоставлять описание строений и число станов нужно и в ведомостях, где имеются сведения о ткачестве на самом предприятии. В ведомости полотняной мануфактуры наследников купца 1-й гильдии Бориса Стригалева (Кострома) за 1815 г. сообщалось о 300 ткацких станах. Среди строений ткачество обозначено только в одноэтажном корпусе размером 18×5 сажений. Здесь же были контора и шпульная⁴⁵. Хотя о ткачестве вне заведения ничего не говорилось, основная часть станов, очевидно, находилась в крестьянских избах и светелках. Все станы никак не могли поместиться на данной площади. Даже без шпульной в такой ткацкой обычно помещалось не более 40—50 станов.

Характер ткачества часто становится понятным при сопоставлении числа рабочих и станов. Самой многочисленной категорией рабочих ткацких предприятий были ткачи. При ручном ткачестве на полотняных, хлопчатобумажных и шелковых предприятиях один ткач работал на одном стане, и общее число станов соответствовало общему числу ткачей. Имелась также шпульники, сновальщики, цевочки, клеельщики, 2—3 человека работали на галандре, если она была в заведении. По различным предприятиям соотношение шпульников и ткачей было различно и колебалось от 1:4 (в среднем 1 шпульник на 4 ткача для мелких заведений) до 1:10 (свойственно более крупным заведениям). Число остальных рабочих было незначительным. Если в ведомости отмечались только сновальщики, клеельщики и работники при галандре, то можно предположить, что ткачество находилось вне заведения. Сновальщики готовили основы для ткачества. Через галандру пропускали для отделки полученные от крестьян ткани. По хлопчатобумажному заведению крепостного крестьянина Ефима Тютнева (Бронницкий уезд Московской губернии) за 1856 г. при 32 ткацких станах показано 7 наемных рабочих⁴⁶. Ткачей среди них нет. Нет и ткацких помещений. В данном случае ясно, что ткачество было вне заве-

⁴⁴ ГАВО, ф. 14, оп. 3, д. 43, л. 117.

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 117, лл. 162—162а.

⁴⁶ Там же, д. 1524, лл. 41—42.

дення. Приведенная в ведомости цифра рабочих — это только лица, занятые в подготовительных операциях для раздаточного ткачества. Вместе с ткачами на стороне общая цифра рабочих в этом заведении может быть определена минимум в 39 человек.

В ведомости миткалевой и нанковой мануфактуры московского купца 2-й гильдии Николая Ремезова за 1820 г. значится 600 станов (220 в заведении и 380 по деревням), 591 рабочий (220 ткачей, 50 шпульников, 300 размотчиков по домам и др.)⁴⁷. Сопоставление числа рабочих и станов позволяет сделать вывод, не считая размотчиков, занятые только на самом предприятии. При учете на стороне только ткачей общая численность рабочих данной мануфактуры составляет не менее 971 человека.

По ткацким хлопчатобумажным предприятиям Владимирской губернии за первую половину XIX в. соотношение числа рабочих и простых ручных станов колебалось в среднем от 1,15 до 1,4 раза. Это показано в табл. 2⁴⁸.

Таблица 2

Год	Всего станов	Всего рабочих	Соотношение числа рабочих и станов	Станы вне предприятий	Рабочие вне предприятий	Соотношение числа рабочих и станов вне предприятий
1810	1 903	2 678	1 : 40	1 766	2 214	1 : 25
1828	8 555	10 543	1 : 23	7 232	8 690	1 : 20
1848	46 855	57 569	1 : 23	44 368	51 340	1 : 15
1858	49 874	57 210	1 : 15	46 205	49 161	1 : 06

При рассеянном ткачестве соотношение числа рабочих и станов за эти же годы было иным и колебалось в среднем от 1,06 до 1,25 раза. Для рассеянной мануфактуры общее число рабочих лишь немного превышало число станов, а иногда отмечались ткачи и работники раздаточных контор или только ткачи. Для концентрированной мануфактуры превышение числа рабочих над числом ткацких станов было большим: в среднем от 1,3 до 1,8 раза. Примерно такую же картину дают ведомости хлопчатобумажных ткацких предприятий Московской, Костромской и Ярославской губерний⁴⁹. Объяснение этому следует искать в

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 291, лл. 487—488.

⁴⁸ 1810 г.— ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 3.

1828 г.— ГАВО, ф. 14, оп. 3, д. 47—48.

1848 г.— Там же, д. 205.

1858 г.— Там же, д. 315, 319.

⁴⁹ По подсчетам С. Тарасова, по хлопчатобумажным ткацким предприятиям Московской губернии за 1853 г. в среднем на один ручной стан приходилось 1,1 человека (С. Тарасов. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856. Введение). Нам кажется эта цифра для концентрированных заведений несколько заниженной.

недоучете ведомостями рассеянных мануфактур других категорий рабочих на них, кроме ткачей. За вторую половину XIX в. такие подсчеты затруднены тем, что развитие механического ткачества дает другое соотношение машин и рабочих. Ведомости показывают, что ткацкие мануфактуры, имевшие свыше 1000 ручных станков, были, как правило, предприятиями рассеянного типа.

В ткацкой шерстяной промышленности соотношение ткачей и станков, на которых они работали, было иным. Например, ведомости по Московской губернии за 1810 и 1820 гг. сообщают, что в большинстве суконных предприятий на ткацкий стан приходилось 2 ткача⁵⁰.

Уточнить отдельные показатели помогает сопоставление ведомостей по одним и тем же предприятиям за различные годы. Так сравнение ведомостей по полотняным предприятиям г. Вязники за 1837—1838 гг. выявляет значительные расхождения в численности ткацких станков. На мануфактуре купца Никитина в 1837 г. было 85 станков, а в следующем году — 138; на предприятии кушача Мельникова — соответственно 85 и 125 станков⁵¹. В то же время число рабочих изменялось не всегда, даже при значительных колебаниях в числе станков. Нет серьезных изменений в описании занимаемых предприятиями помещений. Такое расхождение можно объяснить тем, что в одних ведомостях было указано все число станков, в других же — только станы, находившиеся на самом предприятии.

Сопоставимый анализ ведомостей за близкие годы по одной и той же территории является действенным методом в определении недоучета отдельных предприятий или неполной сохранности их ведомостей. Например, по Владимирской губернии ведомости за 1848 г. сохранились в целом лучше, чем за 1849 г.⁵² Но за 1848 г. нет ведомостей по Гавриловскому посаду (Суздальский уезд), селам Кохме, Тейкову (Шуйский уезд) и Лежневу (Ковровский уезд). За 1849 г. ведомости по данным промышленным центрам представлены полнее и могут дополнить комплект их за 1848 г.

Логический контроль помогает восстановить примерную величину опущенных почему-либо показателей ведомостей. Применяя его, следует сравнить соответствующие производственные показатели разных заведений одной отрасли производства, одной и разных территориальных единиц учета. В ведомости полотняного заведения крепостного крестьянина Кошкина (дер. Зерькаево Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии) говорится о производстве в течение 1849 г. 2950 кусков фламских и равендучных материй по 50 аршин в каждом куске на общую

⁵⁰ ЦГА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 3, 291.

⁵¹ ГАВО, ф. 14, оп. 3, д. 77—78.

⁵² Там же, оп. 1, д. 7563: оп. 3, д. 205: оп. 6, д. 245.

сумму 19 600 руб. серебром. Отмечается, что на «фабрике» 20 вольнонаемных рабочих, но само ткачество производится окрестными крестьянами вне заведения. Число ткацких станов и ткачей-надомников не указывается⁵³. Нет этих показателей в ведомостях, поданных Кошкиным в предшествующее и последующее время⁵⁴. Сравнение с другими подобными предприятиями позволяет предположить что заведение Кошкина объединяло как минимум 180—190 рабочих на 115—125 ткацких станах.

По ткацким мануфактурам раздаточного типа нужно иметь в виду, что одни и те же сведения могли учитываться дважды: по главной конторе и по ее местным отделениям. Подобные случаи имели место, когда ткачество находилось в одной губернии, а главная контора и местожительство владельца — в другой. Из ведомостей 1810 г. видно, что наиболее крупным хлопчатобумажным предприятием в Москве была мануфактура гжатского купца 1-й гильдии и московского гостя Григория Черокова с братьями⁵⁵. На ней значится 2175 станов, что составляло 51% общего числа хлопчатобумажных ткацких станов Московской губернии. ученных ведомостями. В Москве в четырех ткацких корпусах находилось только 450 станов. Остальные находились во Владимирской губернии: в Юрьеве-Польском и сельце Чуприне Шуйского уезда. В «отсутственных местах» находилась и основная часть рабочих (до 2500 человек).

По отделениям предприятия в Юрьеве-Польском и Шуйском уезде управляющими были поданы отдельные ведомости⁵⁶. На «платочной и миткалевой фабрике» Черокова по Юрьеву-Польскому было 700 станов. В самом Юрьеве-Польском ткачества не было, а имелась лишь контора, в которой кроме управляющего указаны 2 мастера. Управляющий купец Иван Щоколов получал от Чероковых из Москвы основы, уток, берды, ремизы и другие ткацкие принадлежности и раздавал их крестьянам. В сельце Чуприне по ведомости на «нанковой и миткалевой фабрике» значилось 946 станов (670 миткалевых и 276 нанковых). Часть ткачества производилась в самом сельце, где имелась ткацкая светелка размером 9×3 сажени, вмещавшая примерно 25—30 станов (число сосредоточенных здесь станов не показано). Подавляющее же большинство станов находилось также в крестьянских избах и светелках. Все выработанные изделия направлялись в Москву к владельцам. Следовательно, в данном случае имелся двойной учет: по Москве по всем заведениям в целом и по нахождению местных отделений. Такой учет по предприятию Чероковых нашел отражение в изданиях ведомостей за 1812—

⁵³ ГАЯО, ф. 79, оп. 5, д. 1146, лл. 40—41.

⁵⁴ Сохранились ведомости, поданные Алексеем Кошкиным в 1848 и 1855 гг. (ГАЯО, ф. 79, оп. 5, д. 1105, 1482).

⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 2, д. 3, лл. 548—551.

⁵⁶ Там же, лл. 430—431, 606—607.

1814 гг.⁵⁷ Возможность двойного подсчета следует учитывать при изучении размещения обрабатывающей промышленности.

Наименее достоверным показателем промышленной статистики XIX в. являются сведения о числе фабрик и заводов⁵⁸. Из-за отсутствия в русской статистике того времени научного определения понятий «фабрика» и «завод» учет отдельных предприятий и отраслей промышленности отличался чрезвычайной неопределенностью. Особая путаница была в учете мелких предприятий, таких, как кирпичные, гончарные, дегтярные, смолокурные, солодовенные, шорные, овчинные, льнотрепальные, мукомольные, маслобойные, картофелетерочные и т. п. Вплоть до конца XIX в. в разных губерниях наблюдалась тенденция к увеличению охвата ведомостями подобных заведений. Так, по Владимирской губернии ведомости кирпичных предприятий встречаются с 40—50-х годов, колбасных — с 60-х годов. За 90-е годы XIX в. они включали ветряные мельницы и другие заведения по выработке различных пищевых продуктов. Ведомости фабрик и заводов Ярославской губернии в пореформенное время изобиловали сведениями о маслобойных, картофелепаточных, мукомольных и крупяных заведениях. Большинство их были мелкими, не всегда использовавшими наемный труд. За первую половину XIX в. в сохранившихся ведомостях таких сведений нет. Много мелких заведений учитывалось по губерниям, развитым в сельскохозяйственном отношении.

Несмотря на огромное число мелких заведений, в целом охват их ведомостями следует считать случайным⁵⁹. В. И. Ленин говорил, что полная регистрация всевозможных мелких заведений немислима без правильной промышленной переписи⁶⁰. Как бы ни велико было по отдельным губерниям и за различные годы включение в ведомости таких заведений, за чертой этой формы учета осталось, безусловно, огромное число мелких товаропроизводителей, работавших своей семьей и даже использовавших наемный труд. При изучении крупной мануфактурно-фабричной промышленности ведомости следует рассматривать как источник, более полно регистрировавший объекты учета. Это, конечно, не исключало пропуски в учете ведомостями и крупных предприятий.

⁵⁷ «Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год», стр. 117; «Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы», стр. 225.

В 1812 г. в московской мануфактуре Чероковых было не 1711 станов, а 459. Остальные находились во Владимирской губернии. Данная особенность источника ввела в заблуждение М. К. Рожкову, считавшую, очевидно, что сведения по московскому и владимирским заведениям Чероковых давались отдельно. Она подсчитала, что в 1814 г. в руках Чероковых находилось 41,9% рабочих всей хлопчатобумажной промышленности Москвы. С этим нельзя согласиться («История Москвы», т. III. М., 1954, стр. 179).

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 17.

⁵⁹ См. там же, стр. 11, 14.

⁶⁰ См. там же, стр. 5—6.

Используя различные промышленно-статистические сводки XIX в., далеко не всегда удается определить число мелких предприятий, попавших в общее число фабрик и заводов. Работая с сохранившимися ведомостями, современный исследователь может сам классифицировать предприятия по стадиям развития капитализма. К числу фабрик и заводов могут быть отнесены заведения с 16 и более рабочими. Хотя в практике русской статистики данный критерий появился лишь в конце XIX в.⁶¹, он с успехом применяется историками при работе с фабрично-заводскими источниками прошлого столетия. Тем самым ведомости позволяют в известной степени нейтрализовать существеннейший недостаток фабрично-заводской статистики XIX в.

Отрицательно сказывались на достоверности источника пропуски отдельных сведений, неправильность некоторых итоговых цифр ведомостей из-за арифметических ошибок, опуски и т. п. Определенную помощь в выявлении различных непреднамеренных ошибок и опусков и в их устранении может оказать арифметический контроль, заключающийся в пересчете итоговых цифр количества выработанных изделий, их стоимости и др.

В ведомости полотняной мануфактуры купцов Шиловых за 1809 г. (г. Шуя) стоимость сырья показана 95 320 руб.⁶² Подсчеты по отдельным видам сырья дают в итоге 95 320 руб. Там же на полотняном предприятии Носовых в ведомости записано 23 рабочих вместо 93, как видно из численности отдельных их категорий⁶³. Итоговые цифры стекольных заводов, производивших винную посуду, исключавшуюся в «судах» (штуках), и оконное стекло (в ящиках), нередко объединяли и количество штофов, полуштофов и число ящиков (по 120 листов в каждом). Такого рода ошибки могли происходить по вине переписчиков ведомостей в местных полицейских учреждениях.

Приведенный материал показывает, что метод сравнения различных показателей ведомостей между собой выявляет немало существенных недостатков источника и его особенностей, влияющих на степень достоверности. Данный метод может быть успешно использован и для устранения ряда дефектов ведомостей путем внесения корректив в некоторые показатели, установления примерной величины пропущенных сведений и предприятий в целом, устранения различных арифметических ошибок, опусков и др.

Сравнение различных показателей ведомостей между собой как метод проверки достоверности данного источника не дает ясного ответа на вопрос о том, в какой мере точно производственно-техническая характеристика предприятия, содержащаяся в них. Можно лишь предполагать, что, преднамеренно уменьшая отдельные цифры, предприниматели не могли скрыть общий характер производства, тенденцию его развития.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4 стр. 5—9.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 17, оп. 1, д. 46, лл. 405—406.

⁶³ Там же, лл. 403—404.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ АКЦИОНЕРНОГО УЧРЕДИТЕЛЬСТВА

Л. Е. Шепелёв

В течение XIX — начала XX в. в России в разное время действовало более 4 тыс. акционерных компаний. Вследствие присущих им экономических особенностей уже с 1890-х годов они становятся господствующим видом организации капиталистических предприятий. Поэтому изучение экономики страны невозможно не только без обращения к истории акционерных компаний, но и без использования их архивов и изданий. Все это делает важным историко-экономическое исследование основных документов акционерных компаний, в первую очередь тех, которые определяли условия их возникновения и деятельности в России.

Как само понятие «акционерная компания», так и основной правовой принцип, на котором она основана (ограничение ответственности акционеров по делам компании лишь стоимостью принадлежащих им акций), были известны российскому законодательству с XVIII в.¹ Но лишь в начале XIX в. это получило отражение в законах общего характера. 1 августа 1805 г. в связи с возникшим иском кредиторов к Акционерной для строения кораблей компании, образованной в Петербурге еще в 1782 г., последовал указ Александра I Сенату, в котором, в частности, разъяснялось: «В предупреждение... неправильных заключений..., по другим делам компаний сего же разряда быть могущих, мы признаем нужным подтвердить при сем случае то правило, что акционерная компания отвечает одним складочным капиталом, и, следовательно, ни один из акционеров ее при неудачах не теряет свыше положенного в компанию капитала». Сенат признал необходимым опубликовать это разъяснение «во всенародное известие» своим указом².

Важное значение в установлении правовых норм организации в России торгово-промышленных фирм имел манифест 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению

¹ В XVIII в. в разное время в России действовало несколько акционерных компаний (А. С. Лапко-Данилевский. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1893; Н. Н. Фирсов. Русские торгово-промышленные компании в первую половину XVIII столетия. Казань, 1896).

² ПСЗ, I, т. XXVIII, № 21900, 6 сентября 1805 г.

торговых предприятий»³. В 1-й статье манифеста говорилось: «Желаем, чтобы верноподданное наше купечество особливо для преобладания во внешней торговле впредь производило свой торг в образе товариществ. Но никто к сему не принуждается законом, который только указывает новую стезю». Устанавливались два рода «купеческих товариществ» (или, как они назывались иначе, торговых домов), которые должны были действовать на основе особых договоров между «товарищами» — купцами одной гильдии, а именно товарищество полное и товарищество на вере. В дальнейшем (статьи 2 и 3) разъяснялось различие между ними. Товарищество полное представляло собой объединение предпринимателей (товарищей), действовавших совместно с солидарной ответственностью по делам предприятия всем своим имуществом. Поэтому «товарищ» одного торгового дома не мог быть одновременно «товарищем» другого. Для товарищества на вере было характерно участие в предприятии, помимо «товарищей», одного или нескольких вкладчиков. Последние в отличие от первых должны были отвечать за действия товарищества лишь суммой своих взносов. Вместе с тем они лишались права принимать какие-либо обязательства от имени торгового дома. Наконец, манифестом устанавливался порядок обязательной регистрации торговых домов при их организации в магистратах и думах (статья 5).

В заключительной части 1-й статьи манифеста указывалось: «Сверх того, бывает товарищество по участкам, которое слагается из многих лиц, складывающих воедино определенные суммы, коих известное число дает складочный капитал. Но как цель оно-го служить важным видам государственного хозяйства, то сего рода компания учреждается с нашего утверждения и, по существу своему допуская участников из всех состояний, не прямо принадлежит к занятиям купечества». Таким образом, возможность возникновения акционерных компаний, которые подразумевались под «товариществами по участкам», предусматривалась как исключение. Законодатель видел в них средство решения лишь некоторых, особо важных задач государственного хозяйства. Поэтому вопрос об особенностях акционерных компаний, так же как и вопрос о порядке их учреждения, в манифесте вообще не затра-

³ ПСЗ, I, т. XXIX, № 22418. Этот важный документ еще не привлек внимания историков, которое он заслуживал бы прежде всего ввиду его значения в складывании экономической политики царского правительства. В составе сохранившихся в архиве докладов министра коммерции гр. Н. П. Румянцева Александру I имеется оригинал манифеста с правкой царя, нанесенной рукой М. М. Сперанского (ЦГИА СССР, ф. 40 («Всеподданнейшие» доклады министров финансов), оп. 1, д. 1, лл. 209—232, а также лл. 104, 233—236). В частности, последняя фраза преамбулы «...даруем и утверждаем на вечные времена верноподданному нашему купечеству новые выгоды, отличия и преимущества» была дополнена: «...и новые способы распространить и усилить торговые предприятия на означенных ниже сего правилах» (там же, л. 209).

гивался. Оговаривалось лишь, что компании возникают с разрешения верховной власти на основании частных законодательных актов. Изъятие акционерных компаний из сферы обычной торгово-промышленной (купеческой) деятельности означало, в частности, освобождение акционеров от необходимости вступления в купеческие гильдии, а в связи с этим — от уплаты гильдейских пошлин и несения других личных и имущественных повинностей, связанных по закону с купеческим званием⁴. Но гораздо важнее вполне отчетливо сформулированная мысль законодателя о том, что акционерная форма организации предприятий открывает возможность участия в них в качестве капиталистов представителей всех имущих сословий, включая помещиков и бюрократию.

Как ни мало в манифесте 1 января 1807 г. говорилось об акционерных компаниях, на следующие 30 лет он стал юридической основой при их учреждении в России. Ссылки на него содержатся во многих проектах образования таких компаний⁵.

В начале 1830-х годов в процессе кодификации российских законов указанные ранее статьи манифеста в полном составе вошли в специальную главу «О товариществе» одного из томов (X) «Свода законов»⁶. Здесь, однако, товарищества по участкам уже не выделялись из ряда других видов товариществ. В статье 1381 говорилось: «Роды товарищества суть: 1) товарищество полное; 2) товарищество на вере или по вкладам и 3) товарищество по участкам, или компания». Предмет возможной деятельности товариществ определялся 1380-й статьей. Им могли быть «всякого рода полезные и общему благу непротивные предприятия по торговле, по застрахованию, по перевозкам и вообще по какой бы то ни было промышленности». Наконец, специальной статьей в редакции именного указа 1 августа 1805 г. устанавливалась ответственность компании в отличие от других видов товариществ: «Акционерная компания отвечает одним складочным капиталом, и, следовательно, ни один из акционеров ее при неудачах не теряет свыше положенного в компанию капитала». Заключительная часть 1-й статьи манифеста 1 января 1807 г. в «Своде законов» составила статью 1384-ю. Несмотря на некоторое редакционное изменение концовки и исключение слов «сверх того бывает», смысл ее был сохранен.

⁴ Редакция концовки, вероятно, небезупречна в юридическом отношении, поскольку по точному ее смыслу не исключалось участие в компаниях на правах акционеров не только, например, дворян, но и крепостных. Аналогичная формулировка в уставе Российско-Американской компании разъяснялась: «...разумя о последнем, чтоб имел оседлость в недвижимом имени» (ПСЗ. I, т. XXV, 8 июля 1799 г., № 19030, § 3).

⁵ ЦГА СССР, ф. 18 (Департамент мануфактур и внутренней торговли), оп. 5, д. 1439, л. 2; д. 1440, л. 14; д. 1442, л. 20 и др.

⁶ «Свод законов гражданских и межевых». СПб., 1832, ч. I, кн. IV — О обязательствах по договорам, статьи 1379—1392. Последний раз этот том Свода законов был переиздан в 1914 г. Главу «О товариществе» во всех изданиях после 1857 г. составляли статьи 2126—2198.

Эти положения дополнялись рядом статей специально о торговых товариществах, включенных в другой том (XI-й) «Свода законов» и составивших там специальную главу («О торговом товариществе») ⁷. То, что говорилось там о торговых домах, было в общем повторением манифеста 1 января 1807 г. ⁸ Акционерным компаниям же посвящались три статьи ⁹. Они появились лишь в 1831 г. при подготовке «Свода законов». Первая из них устанавливала два рода компаний сообразно порядку их учреждения: «Торговые компании учреждаются или на общих правилах торгового товарищества, или с особенными преимуществами, правительством утвержденных. Сии последние именуются компаниями, состоящими под высочайшим покровительством, или компаниями, высочайше утвержденными». Согласно двум следующим статьям, «род и свойство компании», так же как и ее «преимущества... и время их действия», определялись «актом, при образовании ее постановленным и обнародованным». На практике такие акты назывались правилами или уставами. Таким образом, необходимость частного (сепаратного) закона для возникновения акционерной компании признавалась здесь со всей ясностью.

В позднейших изданиях «Свода законов» первая из упомянутых статей об акционерных компаниях была исключена. Одна из причин этого заключалась, по-видимому, в неясности ее начальной части, которая давала основания полагать, что учреждение акционерных компаний, если ими не испрашивались «особенные преимущества», возможно и без утверждения их царем. Имеются данные о том, что до 1831 г. в России возникло несколько акционерных компаний на основании уставов, утвержденных местными властями. Во всяком случае 11 апреля 1831 г. министр внутренних дел имел основания сообщить губернским властям о повелении императора, «чтоб они сами собою не утверждали правил для каких бы то ни было обществ или для управления какими-либо заведениями без предварительного о том сношения с министерствами по принадлежности» ¹⁰.

Обычно же уставы компаний утверждались министрами, чье решение должно было быть одобрено Комитетом министров; им же давалось разрешение на само учреждение компаний. Соответствующие положения Комитета министров утверждались царем.

⁷ «Свод уставов государственного благоустройства». СПб., 1832, ч. II, кн. II — О торговых обязательствах и договорах..., статьи 499—524. Под торговыми товариществами имелись в виду как собственно торговые, так и промышленные. Распределение материала между X и XI томами было нечетким и со временем изменялось.

⁸ Законодательство о торговых домах оставалось затем неизменным вплоть до Октябрьской революции.

⁹ «Свод уставов государственного благоустройства». СПб., 1832, ч. II, кн. II, статьи 522—524.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1286 (Департамент общих дел МВД), оп. 8, л. 175, л. 4. В 1841 г. министр внутренних дел повторил это повеление (там же, л. 7).

Решение правительства об учреждении акционерной компании объявлялось указами Сената, обращенными ко всем заинтересованным центральным и местным властям и учреждениям»¹¹.

От этого порядка были, однако, отступления. Известен, например, случай, когда в 1825 г. компания была учреждена по докладу новороссийского генерал-губернатора на имя царя. Доклад был «удостоен» одобрения, о чем царь распорядился поставить в известность министра финансов «для надлежащих распоряжений» и объявления «самой компании с тем, чтобы она могла приступить к действию»¹². Комитет министров впоследствии должен был вообще констатировать, что до середины 1830-х годов «по неопределенности закона» о порядке рассмотрения дел об учреждении акционерных компаний «самое применение было разнообразно»¹³.

Уставы акционерных компаний, утвержденные до конца 1836 г.¹⁴, в качестве частных законодательных актов по представлениям министров опубликовывались Сенатом в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях»¹⁵. При подготовке первого Полного собрания законов, издание которого было завершено к 1830 г., около десятка уставов учрежденных в XVIII в. и в первые 25 лет XIX в. компаний были включены в него. Уставы, утвержденные в 1826—1836 гг., вошли в соответствующие их хронологии первые 11 томов второго Полного собрания законов. При издании «Свода законов» шесть уставов действовавших на 1831 г. торговых компаний были опубликованы в приложении к XI тому «Свода законов». Естественно, что официально напечатанные уставы получили значение некоторых образцов. Обычно они содержали указания на цель предприятия, размер акционерного капитала, порядок его сбора (единовременно или постепенно), органы управления компанией, права акционеров, срок существова-

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 5, д. 1451, л. 20 (Указ Сената об учреждении Страховой конторы друзей торговцев от 7 марта 1832 г.).

¹² Там же, д. 1443, л. 15.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1263 (Комитет министров), оп. 1, д. 990, л. 268.

¹⁴ Или положения Комитета министров об учреждении компаний, включавшие и тексты уставов или изложение их.

¹⁵ Сведения о первых акционерных компаниях, учрежденных и открывших действия в России, в литературе отсутствуют. Не располагали ими и правительственные органы. Когда в 1874 г. Министерством финансов была предпринята попытка составить список учрежденных до этого времени компаний, в него вошли по 1836 г. включительно всего 16 названий. На основании архивных документов Государственного совета, Комитета министров и Министерства финансов нам удалось выявить по меньшей мере 38 компаний, фактически действовавших в этот период. Кроме того, в начале XIX в. продолжали функционировать некоторое время еще три компании из числа учрежденных в XVIII в. Наконец, 28 компаний были намечены к организации (причем 25 из них представили уставы и получили санкцию правительства на учреждение), но не открыли действий. При рассмотрении уставов этих компаний государственные учреждения получили большой опыт их подготовки.

нии компании и испрашиваемые привилегии. Степень подробности уставов была, однако, различна. Обычно они содержали от 20—30 параграфов до 130¹⁶. Формуляр уставов также не был устойчив. Иногда вместо одного акта подготавливались два, например правила управления делами компании и договор (условия) между акционерами¹⁷.

В декабре 1836 г. было, наконец, утверждено специальное, весьма обстоятельное Положение о компаниях на акциях, определившее порядок учреждения и деятельности акционерных компаний. Положение вошло затем в «Свод законов» в виде второго отделения главы «О товариществе» под названием «О товариществах по участкам или компаниях на акциях». Вплоть до 1917 г. оно сохраняло значение основного законодательного акта, определявшего порядок акционерного учредительства¹⁸.

Первая статья Положения (2139)¹⁹ устанавливала, что «компании на акциях составляются посредством соединения известного числа частных вкладов, определенного и единообразного размера, в один общий складочный капитал, которым и ограничивается круг действия и ответственность каждой из сих компаний». Это положение затем развилось в статье 2172: «Понеже ответственность компании ограничивается одним складочным ее капиталом в акциях, то в случае неудачи предприятия компании или при возникших на нее исках всякий из акционеров, не исключая и директоров, отвечает только вкладом своим, поступившим уже в собственность компании, и сверх того, ни личной ответственности, ни какому-либо дополнительному платежу по делам компании подвергаем быть не может».

Во второй статье Положения (2140), в частности, оговаривалось, что «ни одна компания на акциях не может быть учреждаема без особого разрешения правительства», выражающегося в утверждении устава компании. «Состав и образ действия каждой компании... определяются известными условиями, подробности коих и дальнейшее приложение к свойству и потребностям предприятия составляют предмет частного ее устава», — так закон нормировал содержание и назначение этого документа. Специальная статья подробно перечисляла, какие именно положения должны были быть оговорены в уставе.

¹⁶ В 1823 г. устав в 129 параграфов представила Петербургская страховая компания (ЦГИА СССР, ф. 1152) (Департамент экономики Государственного совета), 1823 г., оп. 1, д. 70); в 1836 г. устав из 125 параграфов был составлен для Общества страхования грузов по внутреннему судоходству (ЦГИА СССР, ф. 18, оп. 5, д. 1460, лл. 37—50).

¹⁷ ПСЗ, II, т. V, № 3704, 10 июня 1830 г.

¹⁸ ПСЗ, II, т. XI, № 9763, 6 декабря 1836 г.: «Продолжение Свода законов», ч. 4. СПб., 1837, стр. 3609—3622.

¹⁹ Здесь и далее мы приводим номера статей Положения 1836 г. по «Своду законов» издания 1857 г. и позднейших.

Таким образом, общий закон 1836 г. устанавливал пределы прав и обязанностей акционерных компаний и возможные формы их организации. Уставы же должны были точно определить все это в установленных пределах применительно к каждой из конкретных компаний. Однако со временем их значение сильно возросло. Очень скоро обнаружилось несовершенство Положения 1836 г. В 1848, 1853, 1861, 1865, 1866, 1870, 1885, 1886, 1894, 1898 гг. и особенно в 1901 г. в него были внесены некоторые изменения и дополнения²⁰. Чем больше нормы общего закона отставали от требований акционерной практики, тем большее значение приобретали уставы отдельных компаний, которые в качестве частных законодательных актов восполняли и корректировали общий закон. В «Своде законов» издания 1887 г. и позднейших одна из статей Положения «О товариществах по участкам или компаниях на акциях», существенно стесняющих условия акционерного учредительства, была даже снабжена примечанием такого содержания: «Уставами некоторых акционерных компаний допущены изъятия из общих правил, постановленных в сей (2160) и в следующих статьях». Тем самым отклонения от общего закона 1836 г., зафиксированные в частных уставах, стали нормальным явлением.

Как видно, российское законодательство предусматривало по существу лишь два вида капиталистических объединений: торговый дом и акционерную компанию. Основное различие между ними заключалось в том, что участие в торговом доме влекло за собой полную имущественную ответственность каждого из товарищей по всем делам фирмы²¹, тогда как участие в акционерной компании вызывало лишь ограниченную ответственность в пределах стоимости дивидендных бумаг, принадлежавших акционеру. Основным следствием этого было то, что круг «товарищей» ограничивался обычно небольшим числом лично знакомых и вполне доверяющих друг другу лиц. Наоборот, круг акционеров мог быть как угодно широк, для чего обеспечивался возможно более легкий переход акций из рук в руки, в частности их обращение на бирже. Отсюда законодательное закрепление размера основного капитала акционерной компании как гарантии ее кредитоспособности относительно акционеров и третьих лиц и возможность свободного его изменения для торговых домов. Отсюда же гораздо более простая регламентация учреждения и деятельности торговых до-

²⁰ Дополнение правил 1836 г. в 1901 г. осуществлено в виде особого приложения к статье 2158 («Свод законов», т. X, ч. I. Пг., 1914, стр. 384—388).

²¹ Иначе говоря, в случае несостоятельности фирмы товарищи могли лишиться не только тех средств, которые были вложены ими в дела этой фирмы, но и всего принадлежавшего им имущества. Вкладчики торговых домов отвечали лишь в пределах суммы сделанных ими вкладов, но они были совершенно отстранены от управления делами фирмы, а потому целиком зависели от благоусмотрения полных товарищей: уже по одному этому их число и размеры вкладов не могли быть велики.

мов по сравнению с акционерными компаниями. Если для первых было необходимо простое засвидетельствование в купеческих или городских управах, то для вторых требовалось издание сепаратного закона (устава).

Относительно «акционерных компаний» общему законодательству России кроме этого были известны термины «товарищество по участкам» и «компания на акциях». Сепаратное же законодательство в том же смысле применяло термины «товарищество на паях», «акционерное общество» и «акционерная компания». Во всех случаях все эти термины трактовались как вполне тождественные. Однако в практике акционерного учредительства обычно различались акционерные общества (или акционерные компании) и паевые товарищества.

Паевыми товариществами в большинстве случаев (хотя далеко не всегда) назывались торгово-промышленные компании со сравнительно узким и устойчивым кругом пайщиков (акционеров). Как правило, паевые товарищества учреждались для продолжения и развития деятельности предприятий, ранее находившихся в индивидуальной или семейной собственности (часто в форме торгового дома). Их пайщиками были либо члены одной семьи, либо лично известные друг другу капиталисты. Для сохранения решающего влияния на дела фирмы прежних владельцев обычно предусматривалось, чтобы паи (акции) выпускались именными, причем высокого номинала, а их перепродажа ограничивалась (преимущественным правом покупки паев пользовались другие пайщики, а порядок определения продажной цены устанавливался уставом). По составу участников паевые товарищества напоминали торговые дома.

Положение «О товариществах по участкам или компаниях на акциях» 1836 г. состояло из трех разделов. В первом устанавливались общие основания акционерного учредительства в России и права компаний. Второй содержал частные условия деятельности акционерных компаний, которые должны были лечь в основу их уставов. Третий раздел определял порядок возбуждения и рассмотрения ходатайств об учреждении компаний. Второй раздел состоял из следующих параграфов: срок приведения предприятия в действие; форма и цена акций, порядок распределения и передачи оных; запасный капитал и дивиденд; права и ответственность акционеров; порядок внутреннего управления компанией; отчетность; порядок разрешения споров; закрытие компании.

Состав положений, которые должны были предусматриваться частными уставами, определялся особой статьей (2191) третьего раздела. В соответствии с ней в каждом уставе необходимо было указывать: 1. Цель образования компании. 2. Обозначение ее точного наименования и местонахождения правления. 3. Размер капитала компании, количество и номинальная цена акций. 4. Порядок сбора капитала (посредством полной единовременной оплаты акций или постепенно частичными взносами). 5 и 6. Система

распределения акций между учредителями и акционерами. 7. Преимущества компании, если они испрашивались. 8 и 9. Срок действия этих преимуществ, а также срок начала операций и продолжительность существования компании. 10. Обязанности, права и ответственность компании и акционеров. 11. Род торгового свидетельства, которое обязаны были получать торгово-промышленные компании. 12. Система отчетности. 13. Порядок распределения дивиденда и образования запасного капитала. 14. Организация управления делами компании: устройство и права правления и общего собрания акционеров, а также вознаграждение директоров за их труды. 15. Порядок разбора споров. 16. Порядок закрытия компании или ее ликвидации. 17. «Все прочие условия, какие по особому свойству предприятия будут нужны».

Большинство этих пунктов содержало ссылки на соответствующие статьи второго раздела Положения, к которым они имели отношение.

Министерства, имевшие отношение к учреждению акционерных компаний, довольно строго следили за соответствием уставов как вновь учреждаемых, так и уже существующих компаний всем требованиям закона. Когда, например, директора Новороссийской морской страховой компании в январе 1846 г. возбудили вопрос о продлении срока ее действия еще на семь лет, в Департамент мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов ими были представлены предложения о внесении в действовавший устав восьми изменений. Однако департамент счел устав в целом не соответствующим Положению 1836 г. и сам составил для компании новый вариант устава (из 39 параграфов), который и направил на подпись учредителей. Последние нашли его «совершенно соответствующим видам компании и вполне обеспечивающим ее благосостояние»²².

Хотя закон 1836 г. не устанавливал формуляр устава, в практике акционерного учредительства вскоре сложилась единая его форма.

Около 70 обычно включаемых в уставы параграфов²³ распределялись по следующим шести разделам: цель учреждения общества, права и обязанности его (здесь же обычно указывались и учредители компании); основной капитал общества, акции, права и обязанности владельцев их; правление общества, права и обязанности его; отчетность по делам общества, распределение прибыли и выдача дивиденда; общие собрания акционеров; разбор споров по делам общества, его ответственность и прекращение действий. Такая структура уставов сохранялась до конца 1917 г. Вследствие этого было не редкостью, когда при составлении уставов вновь учреждаемых компаний уставы уже действующих ком-

²² ЦГА СССР, ф. 18, оп. 5, д. 1515, лл. 1—6.

²³ Мы имеем в виду период развитого акционерного учредительства примерно с середины XIX в. Иногда число параграфов превышало 80.

паний не только брались за образец, но попросту использовались в качестве черновишков²⁴.

В самом начале XX в. (1901 г.) Министерством финансов была предпринята разработка типового («нормального») устава торгово-промышленных акционерных компаний. При этом министерство официально ссылалось на то, что частные «уставы обыкновенно содержат в себе совершенно тождественные правила... и составляются по выработанным уже практикой образцам»²⁵. «Нормальный» устав обобщал эту практику. Правда, параграфов в нем было 86. Но это увеличение объяснялось главным образом стремлением составителей отразить возможные вариации уставов и особенности уставов компаний разных отраслей торгово-промышленной деятельности. Сгруппированы же эти параграфы были в те же шесть разделов, которые сложились на практике. Однако этот «нормальный» устав не получил утверждения и не был использован.

Вторично неудачная попытка введения типового устава была предпринята в 1915 г. При этом за основу был принят тот же «нормальный» устав 1901 г. Его структура была сохранена, но число параграфов сокращено до 83. Текст подвергся некоторым исправлениям с учетом практики акционерного учредительства начала XX в.²⁶

Оба проекта типового устава имели в виду только торгово-промышленные акционерные компании. Вне этой группы оставались сравнительно немногочисленные кредитные (банки), страховые и железнодорожные общества. Их уставы, помимо положений, общих для всех акционерных компаний, и торгово-промышленных, в частности, включали ряд специальных пунктов, необходимость которых вызывалась особенностями деятельности компаний этих отраслей. Так, в уставах железнодорожных обществ включались постановления о правительственной гарантии доходности предприятия и о порядке возможного в будущем выкупа железных дорог в казну; к уставам этим в обязательном порядке должны были прилагаться «технические условия» на сооружение дороги²⁷. В уставах кредитных и страховых компаний предусматривались особые гарантии их кредитоспособности относительно клиентуры.

В начале 1860-х годов законом была разрешена деятельность в России иностранных акционерных компаний. Имелись в виду компании, возникшие в других странах в соответствии с их акционерным законодательством, но намечавшие операции и в России (а может быть, фактически исключительно в России). Соот-

²⁴ Например, ЦГИА СССР, ф. 23 (Министерство торговли и промышленности), оп. 12, д. 1804, 1808.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 1405 (Министерство юстиции), оп. 82, д. 9803, л. 38 об.

²⁶ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 13, д. 497, лл. 19—53.

²⁷ ПСЗ, II, т. XLVIII, № 52068, 30 марта 1873 г.

ветствующие паритетные конвенции были заключены с рядом государств: в 1863 г. — с Францией, в 1865 г. — с Бельгией, в 1866 г. — с Италией, в 1867 г. — с Австрией, позднее — с Англией, Германией, Голландией, США, Швейцарией и Швецией²⁸.

Для иностранных компаний законодательным актом, заменявшим устав, были так называемые «условия деятельности», форма которых была постепенно выработана практикой Комитета министров. Возникшее в 1880-х годах в Комитете министров предложение о законодательном утверждении общей формы «условий деятельности» было отклонено министерством финансов. Первоначально этим актом предусматривались лишь учреждение в России ответственного агентства фирмы, порядок разбора возможных споров и порядок приобретения недвижимого имущества, если это было необходимо. К середине 1880-х годов «условия деятельности» включали обычно уже 10 пунктов, редко — несколько больше. Ими определялись главным образом: точное название (на русском и национальном языках) и цель компании; капитал, выделенный для операций в России (в обязательном порядке он стал указываться с 1905 г.); система управления предприятиями компании в России; обязательность представления отчетов о ее деятельности в соответствующие государственные учреждения; порядок и условия приобретения недвижимости и подчинение компании действовавшему в России законодательству. Купюра акций «условиями деятельности» не устанавливалась²⁹. Как видно, по сравнению с акционерным уставом это гораздо более краткий документ.

Долгое время, однако, многие иностранные акционерные компании вели операции в России явочным порядком, вообще не оформив «условий деятельности». По данным Министерства финансов, к 1887 г. их число достигало 30. Всем им было предложено ходатайствовать об утверждении «условий деятельности» в ближайшее время (в 1888—1889 гг.)³⁰.

Закон 1836 г. определил и порядок правительственного утверждения акционерных уставов. Прошение о разрешении «учредить компанию» с приложением «проекта устава компании за подписанием учредителей» должно было поступать «на рассмотрение в то министерство или главное управление, до которого преимущественно предмет компании относится». Предусматривалась, однако, необходимость согласования («совокупного обсуждения») вопроса об учреждении акционерной компании и с другими ведомствами, «смотря по роду предприятия» (статьи 2189 и 2190). Фактически основная масса акционерных дел рассматривалась Министерством финансов, а в его составе — Департаментом мануфак-

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов), оп. 22, д. 228, л. 44 об.

²⁹ Там же, лл. 45, 47 об.— 48, 50 об.— 51.

³⁰ Там же, л. 48 об.

тур и внутренней торговли, который в 1864 г. был реорганизован в Департамент торговли и мануфактур, а с 1900 г. — Отделом торговли Центральными учреждениями Министерства финансов по части торговли и промышленности. Кроме того, часть акционерных дел рассматривалась Горным департаментом, входившим в состав того же Министерства финансов до 1873 г. После образования в октябре 1905 г. Министерства торговли и промышленности к ведению вошедшего в его состав Отдела торговли относились все акционерные компании, кроме кредитных, железнодорожных и сельскохозяйственных. Учреждение страховых обществ и части компаний по городскому благоустройству проводилось через Министерство внутренних дел (до образования Министерства торговли и промышленности), транспортных — через Министерство путей сообщения, горных (в 1874—1905 гг.) и сельскохозяйственных — через Министерство земледелия и государственных имуществ. Отдельной статьёй Положения 1836 г. (2196) устанавливалось, что «рассмотренный и исправленный в министерстве по сношению с учредителями проект устава компании вносится обще с заключением министра или в Комитет министров³¹, когда требуется одно дозволение на учреждение компании, или в Государственный совет³², когда испрашиваются сверх сего особые преимущества или исключительные привилегии». Решения Комитета министров и Государственного совета подлежали утверждению царя, после чего устав снова подписывался учредителями (статья 2197), а компания формально считалась «учрежденной»³³. Нередко вся эта процедура утверждения уставов затягивалась на несколько месяцев.

В установленный срок учредители должны были собрать необходимый капитал и открыть действия фирмы. Иногда это делалось немедленно, иногда на это требовался год и более. В случае отклонения устава в любой инстанции (так же как и при пропуске срока для сбора капитала) компания считалась несостоявшейся.

Таким же образом на практике оформлялись и «условия деятельности» иностранных компаний в России, а также основные изменения, вносимые в действующие уставы и «условия деятельности» (со временем сделавшиеся весьма частыми), т. е. все вообще законодательные акты акционерного учредительства.

В конце XIX — начале XX в. право разрешения некоторых частных изменений в уставах было предоставлено министрам (а с 1905 г. для всех торгово-промышленных компаний исключи-

³¹ С 1905 г. — в Совет министров.

³² До 1872 г. уставы акционерных банков утверждались Государственным советом.

³³ К началу XX в. из действовавших компаний уставы лишь трех были утверждены иным путем — министром внутренних дел, наместником в Царстве Польском и финляндским Сенатом.

тельно министру торговли и промышленности). Они могли разрешать увеличение основных капиталов в пределах удвоенной первоначальной суммы³⁴; продлевать сроки, установленные для реализации акций; изменять условия оплаты акций (сполна или по частям); назначать минимальный размер премий по акциям дополнительных выпусков для пополнения запасного капитала; определять численный состав правления и размер залогов, вносимых их членами; устанавливать местонахождение правления, порядок переписки по делам компании и подписи документов от ее имени, порядок исчисления операционного года, срок представления годового отчета и созыва общих собраний акционеров, число акций, дающих право голоса на собраниях, и др. Министр финансов с 1872 г. обладал правом утверждения уставов акционерных обществ товарных складов, акционерных банков с основным капиталом до 5 млн. руб., а также ломбардов³⁵.

Право утверждать уставы и разрешать некоторые изменения в них давалось министрам в большинстве случаев в связи с рассмотрением высшими органами власти ходатайств отдельных компаний, а потому оформлялось в тех же частных законоположениях, которыми разрешались эти ходатайства. Так, право утверждать уставы акционерных компаний товарных складов министры финансов получили на основании мнения Государственного совета по делу об учреждении Орловского общества товарных складов «Подспорье» (1871 г.).

Такой порядок утверждения акционерных уставов сохранился до марта 1917 г. Указом Временного правительства от 10 марта 1917 г. «О немедленном облегчении образования акционерных обществ и устранении из их уставов национальных и вероисповедных ограничений» министру торговли и промышленности было предоставлено право «утверждать своею властью уставы вновь возникающих торгово-промышленных акционерных обществ и товариществ на паях и изменять действующие уставы существующих уже товариществ и обществ»³⁶. Указ не касался вопроса о порядке утверждения уставов кредитных, железнодорожных и страховых обществ. Это означало, что право утверждения уставов акционерных коммерческих банков сохранялось за министром финансов. Что касается двух последних категорий акционерных компаний, то в 1917 г. они вообще не возникали, и вопрос о порядке их учреждения практического значения не имел.

Несколько позже, указом 22 марта 1917 г., было подтверждено право министра торговли и промышленности разрешать увели-

³⁴ Это важное право впервые было дано министрам финансов еще в 1838 г. (ПСЗ, II, т. XIII, № 11469, 16 августа 1838 г.).

³⁵ ПСЗ, II, XLVI, № 49703, 4 июня 1871 г.; т. XLVII, № 50913, 31 мая 1872 г. Министр финансов утверждал также обычные условия выпуска облигационных займов.

³⁶ СУ, 1917, Отд. I, № 69, ст. 388.

чение основных капиталов акционерных компаний в размере не свыше удвоенной первоначальной суммы. Ходатайства же о большем увеличении капитала должны были рассматриваться особым совещанием из представителей торгово-промышленного и финансового ведомств и буржуазии. В случае его одобрения ходатайства удовлетворялись также министром торговли и промышленности; в противном случае они передавались на разрешение Временного правительства ³⁷.

В тексте мартовских указов ничего не говорилось об «условиях деятельности» в России иностранных акционерных компаний. Но поскольку не было оговорено ни того, что указы относятся лишь к русским предприятиям, ни того, что их действие не распространяется на иностранные компании, следует полагать, что и «условия деятельности» отныне подлежали утверждению лишь министра торговли и промышленности. Это предположение находит подтверждение в одном из документов Министерства торговли и промышленности, в котором определялся круг обязанностей акционерного отделения. К его ведению были отнесены, в частности, «1. Дела об утверждении уставов акционерных компаний. 2. Дела о допущении иностранных компаний к производству операций в России и об утверждении и изменении условий деятельности в России помянутых компаний» ³⁸.

Установленный Временным правительством порядок утверждения уставов и «условий деятельности» акционерных компаний просуществовал и некоторое время после Октябрьской революции. В частности, до национализации акционерных компаний в середине 1918 г. Народный комиссариат торговли и промышленности рассматривал ходатайства об изменении их уставов «на основании постановления бывшего Временного правительства от 10 марта 1917 г.» ³⁹

Рассмотрение проектов законодательных актов акционерного учредительства высшими органами государственной власти (Комитетом или Советом министров, Государственным советом) вызывало необходимость особо тщательного их документального оформления. Прежде всего обеспечивалось полное и точное воспроизведение самих этих актов на всех этапах бюрократической процедуры. «Заключение» министерства по каждому из актов излагалось в особом представлении его в высший орган власти. Представление имело строго определенную форму и, как правило, состояло из трех или четырех разделов: изложение дела, справка, законы и заключение. В первом обстоятельно излагались основное содержание ходатайства акционерной компании и его мотивы; здесь же сообщались наиболее важные данные по истории фирмы.

³⁷ СУ, 1917, отд. I, № 99, ст. 546.

³⁸ ЦГА СССР, ф. 23, оп. 26, д. 68, л. 80.

³⁹ Там же, оп. 24, д. 620, лл. 328, 353 (Об изменении устава Нефтепромышленного и торгового общества «А. И. Манташев и К^с»).

Два следующих раздела содержали сведения о практике решения подобных дел в прошлом и выписки или просто ссылки на относящиеся к делу общие законы. В случаях изменения уставов или «условий деятельности» в этих разделах приводились необходимые выписки из этих актов, а также из отчетов о деятельности компаний. Наконец, в заключении излагалось предложение ведомства об удовлетворении или отклонении ходатайства и формулировался (конкретно или в общем виде) частный законодательный акт, который ведомство рекомендовало принять. К представлениям об утверждении уставов или «условий деятельности» прилагались тексты этих актов. В представлениях об изменении уставов («условий деятельности») обычно приводились тексты основных параграфов, а главное тех, которые подлежали изменению (последние в старой и вновь предлагаемой редакции, в составе собственно представления или в приложении к нему). Особой категорией представлений являлись те, где речь шла не об изменении устава («условий деятельности»), а только о разрешении акционерной компании проведения операций, в результате которых в будущем такое изменение станет необходимым. Например, разрешалось в определенный срок увеличить акционерный капитал более чем в два раза; лишь после того, как дополнительный выпуск акций удавалось реализовать, по ходатайству компании рассматривался вопрос о внесении в ее устав нужных в этом случае изменений.

Необходимость посылать проекты актов акционерного учредительства на предварительный отзыв нескольких ведомств и коллегальный характер высших органов власти, на рассмотрение которых акты направлялись, имели следствием то обстоятельство, что уже с конца 1860-х годов представления министерств в эти органы со всеми приложениями к ним стали отпечатываться типографским способом в количестве нескольких десятков экземпляров⁴⁰. Поэтому они сохранились до наших дней не только в архивных фондах правительственных учреждений, непосредственно рассматривавших их, но и во многих других фондах, будучи посланы на отзыв или просто для сведения.

Все эти фонды хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде. В фонде Комитета министров представления с уставами и «условиями деятельности» акционерных компаний (так же как и ходатайства об их изменении) вместе с другими материалами, поступившими в этот орган, объединены в книги в строго хронологической последовательности их рассмотрения. Сведения о самом рассмотрении содержатся в журналах заседаний Комитета министров (обычно весьма кратких), переплетенных отдельно также в хронологической последо-

⁴⁰ Воспоминания А. Н. Куломзина.— ЦГИА СССР, ф. 1642 (А. Н. Куломзин), оп. 1, д. 192, лл. 20—21.

вательности. Совет министров сохранил этот порядок делопроизводства. В Государственном совете по каждой акционерной компании заводилось отдельное дело, куда приобщались (в подлиннике или копии) все материалы о рассмотрении проекта устава. Впрочем, число таких дел было незначительным, поскольку основная их масса шла через Комитет министров. Санкция царя на утверждение устава оформлялась в виде резолюции на журналах Комитета (Совета) министров или Государственного совета, заключительная часть которых называлась «положением» или «мнением» (последний термин использовался лишь применительно к Государственному совету). В соответствующих министерствах при рассмотрении проектов уставов или «условий деятельности» на каждую компанию заводилось отдельное дело, в котором затем отлагались и документы об изменениях этих актов. Имеющийся в архиве справочный аппарат делает названные материалы вполне доступными для использования.

Из дублетных типографских экземпляров представлений министерств в Комитет (Совет) министров и Государственный совет об утверждении и изменении акционерных уставов, включающих и тексты уставов (или отдельных их частей), в Центральном государственном историческом архиве СССР образована уникальная коллекция, насчитывающая несколько тысяч документов. В отличие от системы расположения архивных оригиналов эти дублетные экземпляры документов сгруппированы по алфавиту названий акционерных компаний.

Положением 1836 г. (статья 2197) предусматривалось, что «устав компании в том виде, как оный утвержден будет..., приводится в действие и во всеобщую известность по представлению министра через Правительствующий Сенат и, сверх того, публикуется компаниею в ведомостях». Фактически установленные этой статьей правила выполнялись с некоторыми отклонениями от точного ее смысла. Прежде всего содержание статьи было распространено на все виды законодательных актов акционерного учредительства. Подлинные экземпляры этих актов с рапортами министров направлялись в Сенат (Первый департамент) в порядке осведомления его о состоявшемся «высочайшем повелении» и «для надлежащего опубликования».

Теоретически для приведения акта в «действие» было необходимо, чтобы Сенат своим указом уведомил о нем все учреждения и лица, к которым этот акт мог относиться. По-видимому, практически это делалось лишь до начала 1840-х годов. Затем даже сама акционерная компания ставилась в известность об утверждении относящегося к ней акта не Сенатом, а министерством, как только подлинник акта направлялся им в Сенат. Именно с этого момента акт вступал в силу, а учредители получали право приступить к реализации акций и организации компании. Уведомление министерства обычно имело следующий текст: «Г. учредителю Акционерного общества Тульских чугуноплавильных заводов Н.

Государь император, по положению Совета министров, высочайше повелеть соизволил разрешить Вам учредить акционерное общество под наименованием «Акционерное общество Тульских чугуноплавильных заводов» на основании устава, удостоенного высочайшего рассмотрения и утверждения в Царском Селе в 1 день декабря 1912 г. Уведомляя о сем, Отдел торговли присовокупляет, что о таком высочайшем повелении донесено вместе с сим Правительствующему Сенату с представлением подлинного устава для опубликования».

Приведение же акта «во всеобщую известность» осуществлялось путем публикации его в официальном периодическом издании — «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях», где, как мы отмечали, акционерные уставы печатались и до 1836 г. Поэтому отдельная публикация того же акта самой компанией в каком-то другом периодическом органе («Ведомостях») была излишней. В 1865 г. «Сенатские ведомости» были заменены другим сенатским же изданием — «Собранием узаконений и распоряжений правительства»⁴¹

Относительно опубликования менее существенных изменений в уставах и «условиях деятельности», право разрешения которых было предоставлено министрам, в законе определенных указаний не имелось. Оговаривалась лишь необходимость опубликования разрешений на продление сроков сбора капитала акционерных компаний (статья 2154). Однако рассмотрение самого Собрания узаконений убеждает, что и эти изменения получили там надлежащее отражение.

С 1 января 1902 г. Собрание узаконений было разделено на два отдела, из которых второй отводился под частные законодательные акты, т. е. главным образом под акционерные уставы⁴². Реорганизация Собрания узаконений была вызвана возрастанием темпов акционерного учредительства в последние годы XIX в. и в 1901 г. и связанным с этим резким увеличением числа частных законоположений, касавшихся акционерных компаний. На загроможденность Собрания узаконений акционерными уставами и материалами об их изменении в январе 1901 г. обратил внимание В. И. Ленин. Он расценил это обстоятельство как один из показателей «тяжеловесности... государственной машины» царской России и как следствие ненужной централизации надзора за акционерным учредительством в стране⁴³.

⁴¹ Несколько законодательных актов акционерного учредительства все же не были опубликованы в официальных изданиях (например, устав Общества Лодзинской фабричной железной дороги 1865 г.).

⁴² СУ, 1902, Отд. I, стр. 1. Предварительно с середины 1900 г. и до конца 1901 г. законодательные акты акционерного учредительства были выделены в особое приложение к Собранию узаконений. В этот период тираж издания составлял 17 тыс. экземпляров (ЦГИА СССР. ф. 1405, оп. 542, д. 1136, л. 1).

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 425.

Упомянувшиеся нами указы Временного правительства от 10 и 22 марта 1917 г. вопрос о публикации законодательных актов акционерного учредительства вообще не затрагивали. Легко, однако, установить по Собранию узаконений и распоряжений правительства, что печатание акционерных уставов и законоположений об их изменениях было продолжено там прежним порядком. За это особенно ратовало Министерство торговли и промышленности, имея в виду интересы акционерной статистики⁴⁴.

Вообще говоря, публикации в Собрании узаконений сильно запаздывали, причем тем больше, чем выше были темпы акционерного учредительства в этот период. В октябре 1917 г., например, в Собрании узаконений был напечатан ряд уставов, утвержденных царским правительством годом раньше и Временным правительством — в марте 1917 г. Поскольку вступление всех этих актов в силу не обуславливалось сроком опубликования их, такое запоздание не являлось проблемой. Разрешения на продление срока реализации акций в некоторых случаях публиковались в значительной мере лишь ради порядка, тогда, когда и срок продления уже истек.

Издание Собрания узаконений и распоряжений правительства продолжалось Сенатом до конца ноября 1917 г. К этому времени в ожидании своей очереди оказалось неопубликованным около тысячи законодательных актов акционерного учредительства⁴⁵. Позже публикация этих актов продолжалась через Бюро печати Высшего совета народного хозяйства.

Публикации в Собрании узаконений можно разделить на три группы. Основная из них — собственно уставы. Другая — изменение конкретных положений уставов и разрешение компаниям операций, ведущих к изменению устава в последующем. И, наконец, последняя — изменение и дополнение устава целым рядом положений (без указания в заголовке их существа).

Вновь утвержденные уставы публиковались полностью, включая и те их части, которые являлись совершенно стандартными и повторяющимися. До конца XIX в. публикация обычно предварялась ссылкой на обстоятельства утверждения устава по следующей форме: «Государь император по положению Комитета министров высочайше соизволил разрешить NN учредить Алексеевское горнопромышленное общество на основании устава, удостоенного высочайшего рассмотрения и утверждения 2 марта 1879 г.» Вслед за тем излагался текст пометы на уставе: «На подлинном написано: «Государь император устав сей рассмотреть и высочайше утвердить соизволил, в Петербурге, во 2 день марта 1879 года». Подписал: управляющий делами Комитета министров статс-

⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 26, л. 78, л. 22.

⁴⁵ Вероятно, в это число входило и некоторое количество уставов неакционерных кредитных и других товариществ (ЦГИА СССР, ф. 1341 (Первый департамент Сената), оп. 548, л. 107, л. 62).

секретарь Каханов». И, наконец, помещался сам устав⁴⁶. С 1901 г. сведения об обстоятельствах утверждения уставов стали опускаться. Аналогичным образом печатались и «условия деятельности» иностранных акционерных компаний. После принятия мартовских 1917 г. указов текст пометы об утверждении устава был соответственно изменен: «На подлинном написано: «На основании постановления Временного правительства от 10 марта 1917 года устав этот утверждаю. 24 марта 1917 г. Подписал: министр торговли и промышленности А. Коновалов» (или: «На подлинном написано: «На основании постановления... от 10 марта 1917 г. устав этот утвержден министром торговли и промышленности»)»⁴⁷.

Изменения и дополнения в уставах (как сводные, так и частные) публиковались в двух формах. Либо в таком, например, виде: «Вследствие ходатайства Рыбинского лесопромышленного общества государь император по положению Совета министров в 23 день октября 1907 г. высочайше повелеть соизволил: 1. Разрешить Рыбинскому лесопромышленному обществу увеличить основной капитал...» и т. д. Либо иначе: вслед за пометой «На подлинном написано: «Государь император рассмотреть и высочайше утвердить соизволил, в Петергофе, в 23 день октября 1907 года». Подписал: помощник управляющего делами Совета министров Плеве» следовал перечень под заголовком типа: «Изменения и дополнения действующего устава общества Коломенского машиностроительного завода». После Февральской революции стала применяться следующая формула: «Вследствие ходатайства Южно-Русского пароходного акционерного общества и на основании указа Временного правительства от 22 марта Министерством торговли и промышленности 5 августа 1917 г. разрешено увеличить основной капитал названного общества...» В случае, если регламентировалась операция, предшествовавшая частичному изменению устава (увеличение капитала, изменение срока его сбора и т. п.), в законоположении вместе с тем сразу же оговаривались право и обязанность министра финансов (затем министра торговли и промышленности) в последующем «сделать в действующем уставе... соответственные изменения и дополнения», которые подлежали отдельному опубликованию в Собрании узаконений. Так, 4 января 1911 г. царь утвердил положение Совета министров, разрешавшее Товариществу мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове увеличить капитал с 6 млн. до 10 млн. руб. Министру торговли и промышленности предлагалось «по увеличении основного капитала... сделать в действующем уставе Товарищества соответственные изменения». 25 февраля это узаконение было опублико-

⁴⁶ В XIX в. иногда вместо уставов публиковались «представления» министров в Комитет министров или «положения» последнего с изложением лишь основных параграфов уставов.

⁴⁷ Уставы, утвержденные еще царским правительством, публиковались после февраля 1917 г. просто со ссылкой на их «законное утверждение».

вано. А 7 октября того же года было опубликовано распоряжение министра торговли и промышленности от 18 сентября о внесении в устав Товарищества необходимых изменений⁴⁸.

Большим подспорьем при пользовании Собранием узаконений являются издававшиеся указатели к нему: алфавитные и хронологические. В алфавитных указателях ссылки на законоположения об акционерных предприятиях сгруппированы на слова «компания», «общество» и «товарищество паевое». Затем выделены основные отрасли народного хозяйства. Материалы о торгово-промышленных предприятиях сгруппированы по содержанию: утверждение уставов, их изменение, увеличение капитала, продление срока для сбора капитала и восстановление этих сроков в случае просрочки. Внутри ссылки на отдельные статьи расположены, к сожалению, не в алфавитном порядке, а в последовательности их помещения в Собрании узаконений. В хронологическом указателе ссылки на статьи Собрания узаконений даны в строгой последовательности дат их утверждения царем или, если этого не требовалось, дат сообщения соответствующих материалов в Сенат для опубликования.

Вслед за публикацией в Собрании узаконений и распоряжений правительства акты акционерного учредительства помещались в Полном собрании законов Российской империи. В середине XIX в. они иногда сопровождалась кратким изложением представлений министров об утверждении этих актов, положений Комитета министров или мнений Государственного совета. Наоборот, есть случаи, когда сами акты опускались, если их основное содержание было достаточно полно изложено в названных документах. С 1881 г. уставы русских акционерных компаний и пространные законоположения об их изменениях, а с 1912 г. и «условия деятельности»⁴⁹ стали печататься в Полном собрании законов лишь в виде заголовков со ссылкой на их полную публикацию в Собрании узаконений. Тома Полного собрания законов за каждый год снабжены алфавитными указателями. Сводные указатели имеются к томам за 1825—1881 гг.

Отметим, наконец, что акционерные компании опубликовывали свои уставы также в виде отдельных брошюр, хотя формально такая публикация не предусматривалась законом. В начале этих брошюр указывались даты всех предшествовавших изменений уставов. Отправляясь от этих дат, исследователь получает возможность легко отыскать соответствующие законодательные акты по Собранию узаконений или в архиве.

Таким образом, уставы (так же как и «условия деятельности») акционерных компаний представляют собой строго определенный (как по составу сведений, так и по форме) частный

⁴⁸ СУ, 1911, Отд. II, № 31, ст. 211; № 158, ст. 1059.

⁴⁹ С 1881 г. публикуемые в Полном собрании законов «условия деятельности» стали включать ссылку на их публикацию в Собрании узаконений.

законодательный акт. Возникновение первоначального проекта каждого такого акта связано с идеей учреждения акционерной компании. Только в случае правительственного утверждения устава открывалась возможность ее возникновения. Однако, по данным статистики, лишь около 60% «учрежденных» акционерных предприятий действительно реализовывали свои акции и открывали действия вскоре или в течение двух-трех лет после утверждения устава⁵⁰. Поэтому в экономическом отношении каждый устав может расцениваться как показатель спроса на капитал. Уставы (и материалы об их изменении) отражают также правительственную политику в области акционерного учредительства в данный момент и ее отклонения от норм общего законодательства. Наконец, и это главное, уставы компаний, действительно открывших действия, представляют важный исторический источник для изучения реально существовавших акционерных предприятий. Исследователь находит в уставах (и в меньшей степени в «условиях деятельности») сведения о точном наименовании компании, дате ее учреждения и учредителях, направлении деятельности, сумме основного капитала, числе и номинальной стоимости акций, организационном устройстве, системе отчетности и правах акционеров на прибыль и участие в управлении компанией. Наблюдение за изменением устава в некоторой степени показывает развитие деятельности акционерного предприятия.

Помимо архивных оригиналов, исследователь располагает по крайней мере одной (в Собрании узаконений и распоряжений правительства) публикацией уставов (а аналогично этому и «условий деятельности») всех учрежденных в России акционерных компаний. В некоторых же случаях он имеет еще две (в Полном собрании законов и в виде отдельных брошюр) или даже три (еще в «Своде законов») таких публикаций. В архивных же фондах государственных учреждений, имевших отношение к рассмотрению уставов, отложились уставы всех вообще акционерных компаний, об утверждении которых когда-либо возбуждался вопрос, вне зависимости от того, были ли эти уставы действительно утверждены. Аналогичными материалами исследователь располагает и о разного рода изменениях в уставах.

⁵⁰ Л. Е. Шенелев. Акционерная статистика в дореволюционной России.— «Монополии и иностранный капитал в России». М.—Л., 1962, стр. 173.

МАТЕРИАЛЫ КОНКРЕТНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(К постановке вопроса)

Л. М. Дробижева

Социологические исследования в нашей стране имеют давние традиции. Внимание к ним возродилось, как известно, с середины 50-х годов. Одновременно с развертыванием самих исследований в науке шла дискуссия о предмете социологии и о том, в частности, что такое конкретные социологические исследования. Социологи определяют такие исследования как всестороннее и целостное изучение какой-либо социальной проблемы, опирающееся на специально разработанную применительно к этой проблеме методику и технику сбора и обработки первичного материала¹. В этом определении для нас в данном случае существенно прежде всего то, что конкретно-социологическое исследование предусматривает целенаправленное создание источника с тем, чтобы получить такой материал, который из традиционных исторических источников, как правило, извлечен быть не может.

В этом существеннейшее отличие материалов конкретно-социологических исследований от источников, которыми располагает обычно историк. Предназначаясь для каких-то определенных практических целей, они многие явления и процессы собой не охватывают.

Совершенно очевидно, что комплексное изучение проблемы требует «создания» адекватного комплекса источников, отражающего социальную действительность. Целью статьи является попытка рассмотреть специфику материалов конкретных социальных исследований, постараться выяснить степень достоверности и значимость этих источников для историка.

В ходе социологических исследований заполняются анкеты, стандартизованные и свободные интервью, записываются наблюдения. Все эти документы являются первоисточником, на основе которого и историк может вести изучение интересующих его процессов. Но не всегда такого рода материалы сохранялись. От некоторых исследований остались лишь обобщенные статистические

¹ А. Г. Здравомыслов. Методология и процедура социологических исследований. М., 1969, стр. 35. О традициях социологического изучения российской действительности см.: Ю. В. Арутюнян. Опыт социологического изучения села. М., 1968, стр. 5.

разработки, записи простых распределений в абсолютных числах и процентах, группировочные таблицы, графики.

Таким образом, материалы конкретно-социологических исследований представляют своеобразный исторический источник: с одной стороны, это первичные документы, с другой — обработанные в соответствии с задачами специалиста-социолога материалы, которые для историка являются, если можно так выразиться, источником «второго» уровня.

Первичные документы конкретных социологических исследований можно отнести к разновидности массовых источников, различные группировки в виде таблиц, графиков, записей распределений и т. п. — к статистическим источникам.

По своему содержанию анализируемые источники несут социологическую информацию, страдая не особенное, индивидуально присущее тому или другому объекту, а социально-всеобщие черты. Ведь для социолога главное — увидеть в фактах индивидуального поведения или сознания не отклонения, а типичные, общие черты для класса, социального слоя, группы.

Характерная особенность материалов конкретных социологических исследований состоит в том, что они фиксируют явления, представляющие переплетение различных сфер социальной действительности. На наш взгляд, это выгодное преимущество данного источника. Далеко не часто историку приходится иметь дело с источниками, которые позволяют анализировать действительность на основе разностороннего подхода, включая в объект рассмотрения не только явления экономического, политического характера, но и факты психологии, сознания. А источники, сохраняющиеся от социологических исследований, позволяют осуществить такой анализ и, более того, самой логикой отраженных в них фактов подталкивают к такому всестороннему изучению.

Делопроизводство в XX в. и особенно в последние десятилетия подверглось процессу стандартизации. Между тем источник, который создается социологом, имеет то преимущество, что он не дублирует сведения в уже сложившейся делопроизводственной документации, а содержит, как правило, дополнительную информацию. Причем он составлен таким образом, что различные стороны жизни общества находят в нем отражение в такой форме, которая позволяет измерять и сопоставлять информацию, т. е. подвергать ее количественному анализу.

Кроме того, социолог всегда изучает человека в процессе, а не сам процесс или явление. Именно этого аспекта не хватает историку, когда он пользуется многими традиционными источниками по советскому периоду.

Известным преимуществом анализируемого источника может оказаться то, что в виде таблиц, графиков, записей простых распределений он содержит уже обобщенный социально-статистический материал. Сгруппированные данные в таблицах и графиках

несколько ограничивают возможности анализа исследователя, идущего вслед за социологом. Если же обратиться к записям простых распределений (т. е. к подсчетам ответов на те или другие пункты опросного листа), то пределы статистических операций с ними чрезвычайно широки, между тем как предварительная счетная работа уже выполнена.

Тот практический интерес, ради которого социологи проводят исследования, со временем отходит на второй план, но собранная ими информация остается как источник для исторического изучения.

Материалы социологического обследования молдавского села Копанка в середине 30-х годов явились исходными для историко-сравнительного исследования изменений в жизни села за годы Советской власти, которое в середине 1960-х годов было осуществлено коллективом этнографов, историков, социологов. 2 тыс. посемейных карт², которые сохранились в Министерстве сельского хозяйства СССР от обследования 1935—1936 гг. в Мелитопольском районе Запорожской области, послужили одним из источников историко-социологического изучения проблем села, осуществленного Ю. В. Арутюняном. Анкеты о культуре и быте молодежи, заполненные во время обследования 1936—1938 гг., используются сейчас для историко-сравнительного изучения социального облика молодежи В. Е. Полетаевым и В. А. Устиновым.

В развитии отечественной социологии в послеоктябрьский период выделяются три периода: 20-е годы, 30-е и с середины 50-х годов. Не вдаваясь в характеристику каждого из них, остановимся лишь на тех моментах, которые приходится учитывать, обращаясь к материалам конкретных социологических исследований как к историческому источнику. Первое, что нужно отметить, — в 20-е годы обследования велись по широкому кругу вопросов. Среди них социальное расслоение в деревне, проблемы сельского быта и культуры, средств массовой информации (газеты), эффективности музейной работы, исследования бюджетов времени и др. Как правило, исследования сопровождались публикацией их результатов, что облегчает поиски сохранившихся первичных материалов.

Обследований конкретно-социологического характера в 30-х годах было немного, это изучение жизни сел в Воронежской и Калининской областях и Мелитопольском районе, исследование культурного облика городской и сельской молодежи, просветительской работы музеев. Публикация итогов исследований носила более ограниченный характер. Историк или социолог, обращаясь теперь к первичным материалам этих обследований, имеет возможность значительно полнее их использовать.

² Посемейными картами социологи называют анкеты или опросные листы, заполненные на членов семьи.

Современные конкретно-социологические исследования ведутся широким фронтом. В поле зрения — проблемы социальной структуры общества, социология города и села, проблемы труда и внерабочего времени, потребление культуры, промышленная социология, общественное мнение, отношения в формальных и неформальных коллективах, общественная психология, в том числе психология национальных отношений, социология семьи.

Конечно, исследования 50—60-х годов отличаются от прошлых не только более четко выраженной социологической проблематикой. В большинстве случаев они основаны на более репрезентативной выборке. Заметно усовершенствовались методика и техника исследований, в том числе искусство ведения опросов.

При использовании материалов конкретно-социологических исследований в качестве исторического источника осуществляются все традиционные приемы источниковедческого анализа. Прежде всего устанавливается происхождение источника: надо выяснить, с какой целью социолог предпринял данное исследование, какие конкретные задачи им ставились.

Именно цели и задачи исследования определяют не только состав материала, но и важные качественные характеристики источника. От них зависят, во-первых, объем и метод выборки (а значит, репрезентативность источника), во-вторых, метод опроса. Далее будет показано, что каждый из фиксирующих опрос документов специфичен и по отношению к ним по-разному стоит вопрос о достоверности. Задачи исследования, кроме того, влияют и на характер вопросов в интервью или анкетах (т. е. ставятся ли прямые вопросы или косвенные, вопросы на проектируемые ситуации и т. п.).

Необходимым элементом источниковедческого анализа при этом является выяснение того, кем, когда и в каких условиях проводилось исследование.

Специфична авторская принадлежность источника. В первичном документе — анкете или записи интервью авторами выступают практически два, а иногда и большее число лиц. С одной стороны, это исследователь-социолог, он формализует документ, направляет вопрос, определяя тему ответа и его форму. Поскольку социологические исследования ведутся, как правило, коллективом авторов, то часто вопросы анкеты или интервью принадлежат не одному, а нескольким ученым. К тому же в формализации вопросов принимают нередко участие и специалисты, занимающиеся методикой опросов. С другой стороны, авторами являются те, кого интервьюируют. Редко, но бывают случаи, когда в опросном листе стоит фамилия проинтервьюированного лица. Чаще опрос ведется анонимно. Тогда атрибуция сводится к выяснению пола, возраста, профессии и других характеристик опрашиваемого.

Автором статистических разработок, сохраняющихся от исследований, является социолог. В соответствии с концепцией и за-

дачами работы он определяет тему таблиц, графиков и т. д. Нередко при этом социолог пользуется помощью вычислителя, специалиста в области математической статистики.

Советские социологи, решившие провести сравнительное историко-социологическое исследование молдавского села Кюпанка³, имели отправными материалами результаты исследования данного села, полученные накануне второй мировой войны социологами буржуазной Румынии⁴. Для работы с этими материалами они прежде всего установили, кем проводилось исследование, каковы были научные и политические позиции специалистов-предшественников. Так было выяснено, что работа велась по методу «монографической школы», основателем которой был известный социолог буржуазной Румынии Дмитрие Густу. Суть его исследовательского метода состояла в том, что в предмет изучения включались разнообразные явления: экономические, юридические, политические; социальные группировки (семья, соседство); проявлялся интерес к явлениям духовного и морального порядка, личностным отношениям (отношения между соседями, друзьями, полями); рассматривались процессы социального характера (урбанизация, индивидуализация и т. д.). Однако методика исследования, проведенного румынскими социологами, таила в себе глубокие противоречия. Последователи Густу исповедовали теорию «социологического параллелизма» — своеобразную «уравниловку» роли различных факторов в социальном развитии⁵. Позиции авторов исследования не могли не сказаться не только при написании работы, но и при сборе материала.

Безусловно необходимо установить место, где проводилось исследование, выяснить специфику экономической, культурно-бытовой обстановки в данном районе, которая накладывает отпечаток на характер исследования, в том числе может влиять на характер ответов людей, мнения которых выяснялись. Так, в материалах социально-этнического обследования населения Татарской АССР⁶ легко обнаруживаются различия ответов людей одинаковых социально-профессиональных, половых и возрастных групп на вопросы об удовлетворенности работой, о национальных

³ «Кюпанка, 25 лет спустя». М., 1965.

⁴ «Buletinul Institutului de cercetări Sociale al României, Regionela Chisinau», т. II. Chisinau, 1939

⁵ В. Н. Шубкин. Опыт сравнительного социологического исследования молдавской деревни.— «Социология в СССР», т. II. М., 1965, стр. 313—314.

⁶ Некоторые результаты этого обследования изложены в статьях: Ю. В. Арутюнян. Опыт социально-этнического исследования (По материалам Татарской АССР).— «Советская этнография», 1968, № 4; он же. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений.— «Вопросы философии», 1969, № 12; Л. М. Дробижева. О сближении уровней культурного развития союзных республик.— «История СССР», 1969, № 3; О. И. Шкаратан. Этносоциальная структура городского населения Татарской АССР.— «Советская этнография», 1970, № 3.

установках⁷. А объясняется это тем, что исследование проводилось в трех городах Татарской АССР, которые отражали обстановку в разных по типу городских поселениях. Каждый из городов отличался по численности населения, степени развития промышленности, уровню социальной мобильности населения, длительности существования (один из них — Альметьевск, город еще совсем молодой). Все это не могло не отразиться на образе жизни и восприятии окружающей обстановки людьми. Естественно, что социологи учитывали особенности тех условий, в которых создавался источник, и то же необходимо сделать при повторном обращении к нему.

Кардинальное значение при выяснении ценности материалов конкретно-социологических исследований имеет вопрос об их представительности и достоверности.

В результате этих исследований возникает источник, созданный, как правило, на основе выборки. Не только потому, что проведение сплошного опроса или наблюдения слишком дорого и связано с организационными трудностями, но и потому, что в этом не всегда есть необходимость. Многие проблемы могут быть решены с достаточной степенью точности и без обращения ко всем объектам наблюдения. Ведь социальные явления характеризуются определенной повторяемостью, поэтому можно прийти к выводам о целом на основании обращения к более ограниченному, но однотипному материалу.

В социологическом исследовании единицей наблюдения может быть отдельный человек или группа людей, отдельная семья и т. д. Все единицы наблюдения составляют генеральную совокупность в исследовании. Социолог вместе со статистиком определяет выборочную совокупность, которая может достаточно предстательно отразить генеральную совокупность.

Источниковедческий анализ при повторном обращении к материалам социологических исследований, следовательно, требует установить *правомерность* распространения (экстраполяции) выводов, полученных на основе анализа выборочной совокупности, на всю генеральную совокупность.

Объем выборки каждый раз определяется задачами исследования, степенью однородности генеральной совокупности с точки зрения исследуемых свойств. Кроме того, принимаются во внимание технические возможности изучения.

Определяя правомерность экстраполяции используемой выборки на генеральную совокупность, важно прежде всего установить обоснованность данной выборки. Решение этой проблемы сводится к тому, чтобы выяснить, как специалисты-предшественники определили минимум выборки, которая падает на самую

⁷ Имеется в виду отношение к работе в многонациональных коллективах, отношению к смешанным бракам, личным дружеским контактам с людьми иной национальности.

малую ячейку при будущем дроблении материала в таблицах, т. е. определить самое малое число, на основе которого делались непосредственные выводы⁸.

Лишь определив обоснованность выборки, возможно установить ее репрезентативность. При этом нужно иметь в виду, что могут встретиться выборки различных типов. Как правило, в социологических исследованиях используются три типа выборки:

1) Случайная выборка, когда необходимые единицы наблюдения отбираются случайно, скажем, каждый десятый человек из 100. Но бывают случаи, когда осуществляется случайная выборка на основе такой генеральной совокупности, число которой заранее неизвестно. Остроумный способ применения такой выборки был найден Б. А. Грушиным при выяснении общественного мнения относительно динамики жизненного уровня. Для этого в один день были опрошены пассажиры поездов дальнего следования, которые отходили со всех девяти вокзалов Москвы. При этом оказалось, что в такую случайную выборку попали представители всех союзных республик, 15 из 19 автономных республик, всех 6 краев и 49 областей Российской Федерации, 19 областей Украины, 10 областей Казахстана и т. д. Всего было собрано 1500 анкет и пущено в обработку 1399⁹.

Но для решения задачи исследования важно было еще иметь представительные группы населения, различающиеся по жизненному уровню и социальному положению. Однако при анализе полученных анкет оказалось, что группы населения были представлены в различном соотношении. Если рабочих было 34%, инженерно-технических работников — 13, служащих — 33, то колхозников — лишь несколько более 2%. Поэтому, естественно, выводы можно было отнести только к городскому населению страны. В зарубежной социологии подобными блондиртервью охватываются пассажиры какого-то автобуса и железнодорожного вагона. Такие опросы тоже вполне допустимы, если задачи исследования не требуют какого-либо точного представительства отдельных групп населения.

2) В большинстве проводившихся социологами исследований в прошлом и в настоящее время применялась так называемая случайно районированная выборка. При такой выборке генеральная совокупность делится на наиболее важные группы, исходя из задач исследования, и выборка осуществляется уже из указанных

⁸ Если воображаемая таблица при анализе материала будет иметь три показателя в числителе и четыре — в знаменателе и каждая ячейка будет заполнена, скажем, 30 единицами наблюдения, то уже примерная прикидка показывает, что объем выборки должен быть не менее 360 единиц наблюдения. А названные 30 единиц наблюдения (например, колхозников — мужчин в определенном возрасте) и будут самым малым числом, на основе которого делаются выводы.

⁹ Б. А. Грушин. Мнение о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967, стр. 372.

групп (иначе их называют районами). Районированная выборка является непропорциональной в строгом смысле слова. Задачи ее состоят в том, чтобы обеспечить равновеликое представительство каждой из отдельных групп в выборочной совокупности. Определив необходимое количество единиц наблюдения внутри каждой группы, отбор из них производится на основе принципов случайной выборки.

3) Одним из видов районированной выборки является выборка по принципу квот. Особенностью ее является то, что эта выборка пропорциональная и пропорции сохраняются не по одному, а по нескольким признакам, например, по полу, возрасту, уровню дохода, образованию социально-профессиональной принадлежности. Для проведения такой выборки нужно иметь представление о распределении всех этих признаков в генеральной совокупности. Поэтому метод квот применяется чрезвычайно редко.

Чтобы яснее стали различные принципы выборки, остановимся на двух примерах. Методом квот под руководством Б. А. Грушина проводилось исследование свободного времени. Анкета распространялась среди лиц — «образцов», характеризующихся признаками, предусмотренными моделью населения страны. При разработке модели населения страны были избраны следующие критерии, характеризующие социальные и демографические группы населения: географический район, тип городского поселения, социально-профессиональное положение опрашиваемого, пол, возраст, образование, семейное положение, число детей в семье, жилищные условия. Наибольшие трудности возникли при построении географической модели. Была избрана схема, получившая условное название «креста». Исследованию подлежали районы, расположенные по 50-й параллели, пересекающей Советский Союз от границы с Польшей до Сахалина, и 60-му меридиану, проходящему через Урал. Эта схема позволила провести достаточно представительное обследование с точки зрения охвата различных районов страны. В обследование попали различные области РСФСР, Украины, Казахстана, Узбекистана. Дополнительно в обследование были включены три специфических района — Прибалтика, Кавказ, Москва.

При определении типа городского поселения за основу был взят признак, связанный с величиной города. В обследование попали города четырех типов: с населением свыше 500 тыс. жителей, с населением от 100 до 500 тыс., с населением от 10 до 100 тыс. и с населением до 10 тыс. жителей. При определении социально-профессионального признака в обследование были включены рабочие, техническая интеллигенция, интеллигенция, занятая не на производстве, служащие, учащиеся, пенсионеры, домохозяйки. По ряду признаков (социально-профессиональные группы, жилищные условия, число детей) в распоряжении социологов не было данных, которые позволили бы хотя бы в приближенном виде представить общесоюзную модель. Потребовалось

решение ряда трудных задач, чтобы добиться достаточной близости теоретической модели к исследуемому объекту¹⁰.

Метод районированной выборки наглядно можно представить на примере исследования отношения к труду молодых рабочих, проведенного ленинградскими социологами. Генеральной совокупностью являлась рабочая молодежь Ленинграда. Она составляет 30—40% всех рабочих города. Сначала производилась типологизация объекта наблюдения, т. е. выделялись типы молодых рабочих, а затем в каждой типологической группе случайно отбиралось равное количество единиц наблюдения. Отбор предприятий производился таким образом, чтобы обследуемые фабрики и заводы представляли ведущие отрасли промышленности Ленинграда с достаточно разнообразными условиями труда, уровнем механизации производства, а доля молодых рабочих не должна была превышать типичный для Ленинграда пропорции 35—40%.

По этим критериям было отобрано первоначально 9 предприятий, на одном из которых («Электросила») проводили пробную десятипроцентную выборку молодых рабочих. Затем было определено, сколько и в каких пропорциях должно быть отобрано рабочих разных профессий на каждом предприятии. По карточкам заводов отбирался соответственно каждый седьмой станочник, каждый третий неквалифицированный рабочий и т. д. Посредством математического аппарата организаторы обследования рассчитали степень вероятности, с которой по данным выборки можно судить о признаках всей генеральной совокупности.

Историк, использующий социологический материал, имеет возможность осуществить выборку в выборке, т. е., установив обоснованность выборки и репрезентативность в проведенных социологами исследованиях, отобрать из всей совокупности полученных единиц наблюдения (анкет или записей интервью) только те, которые соответствуют тематике его исследования. Скажем, отобрать анкеты интеллигенции или анкеты молодежи и т. д. Но при этом следует обосновать правомерность такого отбора материала, имея в виду ограниченные возможности их использования.

Не отрицая научной значимости выборочных обследований, В. И. Ленин понимал их ограниченность. Он, как известно, допускал сокращение размеров переписи, обусловленное срочностью работы или нехваткой сил и средств, зная, что от этого страдает ее представительность. В 1920 г. в связи с обследованием участия кооперации в заготовке продовольствия, он писал: «Цель обследования: детальное изучение хотя бы немногочисленных, но типичных и точно установленных фактов о том, как именно, каких продуктов и сколько собрано, срезано...» и т. д.¹¹

¹⁰ Б. Грушин. Свободное время. М., 1967, стр. 32.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 75.

Близки к подобному виду исследований и монографические обследования сельского хозяйства, которыми В. И. Ленин считал возможным пользоваться. Наконец, выборочный метод В. И. Ленина допускал как естественный прием исследования в случаях, если речь идет об улавливании тенденции, когда оказываются достаточными приближенные сведения. Это не означает, что историк может обойтись без полных и точных статистических сведений. Для науки они всегда более ценные, но, видимо, не приходится пренебрегать и материалами, отражающими явления в тенденции.

Во всяком случае анализ источников, основанных на выборочном методе, предпочтительнее оперирования отдельными, малообоснованными с точки зрения их типичности и распространенности примерами.

Приходится с сожалением отметить, что и в социологических исследованиях правила строгой репрезентативности не всегда соблюдаются. Приведем такой пример. В 1970 г. вышла книга А. И. Холмогорова¹², написанная по материалам конкретно-социологического исследования в Латвии. Это одна из первых работ, посвященных конкретному изучению проблемы соотношения интернациональных и национальных элементов в национальной культуре. Естественно, одной из основных задач исследования являлось выяснение соотношения этих элементов в различных социальных и демографических группах. Для того чтобы судить об этом, нужно было представить, как опрошенное население (выборочная совокупность) представляло классы, социальные группы, людей различных возрастов, мужчин, женщин (в населении Латвии). Специальный раздел книги автор посвятил программе и репрезентативности исследования. Из этого обзора¹³ мы видим, что критерием выборки избраны социально-профессиональные группы. Их выделено 21. Сопоставление же данных выборки с данными ЦСУ по Латвийской ССР проведено по 5 укрупненным социальным группам. Характеристики обследованных групп по возрасту, полу, образованию вообще отсутствуют. Автор ограничивается замечанием, что выборка по ним была «примерно в таких же пропорциях». Но это существенно важный вопрос. К тому же из текста неясно, как были представлены социально-демографические группы по национальному признаку, без чего тоже нельзя судить о представительности выводов относительно отдельных наций. К сожалению, недостаточная репрезентативность выборки — далеко не редкое явление в социологических исследованиях. Именно поэтому историку, изучающему их материалы, приходится обращать на представительность выборки особое внимание.

¹² А. И. Холмогоров. Интернациональные черты советских наций. М., 1970.

¹³ Там же, стр. 42—48.

При источниковедческом анализе материалов, отложившихся в результате конкретно-социологических исследований, весьма существен вопрос о степени их достоверности. Имеет значение, кем осуществлялся сбор материала. Проводил ли его сам социолог, какова была степень его квалификации, или сбор материала осуществлялся с помощью привлеченных интервьюеров, которых инструктировали социологи. В этом случае важно установить, на какие моменты обращалось внимание при инструктировании. Как правило, в инструментарии социологов сохраняются инструкции, с которыми социологи обращались к интервьюерам или при анкетировании к самим респондентам. На наш взгляд, опросные листы, заполненные не специалистами, а привлеченными лицами, вызывают меньшее доверие, тем более если в опросных листах фиксировались такие сложные явления, как мнения людей, их установки, ценностные ориентации¹⁴.

В социологической практике встречаются различные варианты опросов. Например, изучение установок группа ленинградских социологов под руководством В. А. Ядова ведет только силами специалистов. В уже упоминавшемся социально-этническом обследовании населения в Татарской АССР опросы велись самими специалистами, но с привлечением студентов, журналистов и других лиц, которые работали после инструктирования и предварительной практики под наблюдением социологов. В исследовании культуры и быта сельской молодежи¹⁵, которое проводилось как сравнительно-историческое (исходными были данные анкетирования 1938 г.) группой конкретных историко-социологических исследований Института истории СССР АН СССР под руководством В. Е. Полетаева, опрос проводился силами местных комсомольских работников. Их предварительно инструктировали в Москве или в районах обследования.

Как правило, историки обращаются к сохранившимся от исследований социологов анкетам, к опросным листам (так называют программы интервью) или посемейным картам.

Наиболее часто материалом, к которому обращались историки или могут обратиться в будущем, являются все же анкеты и опросные листы.

Известно недоверие к опросам, которое мотивируется обычно тем, что они содержат субъективные данные. При этом ссылаются обычно на возможность неискренних ответов. Для того чтобы решить вопрос о доверии к анкетам или интервью, видимо, целесообразно дать более подробное представление о документах.

Анкета содержит запись вопросов, с которыми обращается

¹⁴ Под установками психологи понимают отношение человека к действительности по поводу той или другой ситуации. Система установок представляет уже ценностную ориентацию человека, группы.

¹⁵ В. Е. Полетаев, В. А. Устинов. Изменение социального облика колхозной молодежи (1938—1969 гг.).— «История СССР, 1970, № 4.

исследователь к своим респондентам. Она заполняется опрашиваемым самостоятельно. Если на основе опросного листа ведется беседа с опрашиваемым, т. е. опросный лист заполняется интервьюером, то такой опрос носит название стандартизованного или программированного интервью.

Анализируя анкеты и опросные листы (программированные интервью), которые остались от исследований 20—30-х годов, а также проводившихся в последние 10—15 лет, можно видеть, что они распадаются на несколько групп различных по своему характеру вопросов. Это имеет принципиальное значение для определения степени достоверности различных сведений, сохранившихся в социологических материалах.

Одна группа, которая касается ответов на вопросы о возрасте, поле, профессии, занимаемой должности, уровне образования, семейном положении, партийности, национальности, месте жительства и т. п., содержит вполне объективную информацию¹⁶. Опрашиваемый при ответах на эти вопросы как бы контролируется самой действительностью, тут у него меньше всего может быть заинтересованности в искажении ответов. К такому же роду вопросов близки и те, что фиксируют жизненный путь опрашиваемого, социальное происхождение, образование родителей, пути приобретения специальности, прежние виды деятельности и некоторые другие.

Другая группа вопросов в анкетах и записях интервью содержит материал о деятельности людей, их конкретных поступках, о принятых ими решениях в тех или иных ситуациях, о положении в семье, на работе, о мнениях, установках, ценностных ориентациях. Все эти вопросы различны по своему характеру. В ответах на них может проявиться субъективное отношение опрашиваемого к каждому из данных вопросов. Этот субъективный подход может отразиться в следующем: во-первых, респондент недостаточно осведомлен по тем или другим вопросам или раньше не задумывался над ними и поэтому может отразить разную степень убежденности или просто осведомленности; во-вторых, при ответах на такого рода вопросы опрашиваемый действительно может быть в разной степени искренним.

Предположим, исследователя интересует возможное поведение человека, т. е. насколько сообразно своим установкам человек будет вести себя в будущем, или выясняются сами установки человека по какому-то поводу. Например, отношение к труду, национальные установки, ценностные ориентации личности (степень ориентации на сферу общественной жизни, на семью и т. д.). В таких случаях ответы на вопросы носят характер регистрации намерений, целей, мнений. Достоверность этих ответов можно проверить, сопоставляя согласованность высказываний в различных

¹⁶ Эту часть анкеты, регистрирующую биографические данные, социологи часто называют паспортом.

обстоятельствах, регистрирующих одни и те же мнения и установки. Несогласованность высказываний по одному и тому же поводу уже вызывает недоверие к ним, о них уже нельзя сказать, что они достоверно отражают установки или мнения человека¹⁷.

Изучая отношение к труду молодых рабочих, ленинградские социологи выясняли удовлетворенность работой. К группе удовлетворенных своим трудом они относили только тех рабочих, которые давали положительный ответ на вопрос: «Довольны ли вы своей работой?», на вопрос: «Хотели бы вы эту работу покинуть?» заявляли: «Нет, хочу остаться» и на вопрос: «Вернетесь ли вы на прежнее место работы, если при каких-то обстоятельствах покинете ее?» отвечали: «Я вернусь».

Социологи используют различные приемы для того, чтобы добиться искренности ответов. Прежде всего для этого не ставятся вопросы, в которых мнение интервьюера может быть навязано. Например, можно спросить: «Вы не любите свою работу, не так ли?» Этот вопрос заранее предполагает согласие с определенным отрицательным ответом. Может быть поставлен вопрос и так: «Нравится или не нравится вам работа?» Такая категорическая постановка вопроса требует окончательного решения, тогда как теоретически допустима и практически чаще всего встречается целая гамма промежуточных оценок. Поэтому вопрос ставится с нейтральной интонацией, и предусматривается целая серия возможных ответов. Например: «В какой мере вас привлекает выполняемая работа?» Ответы: «Нравится»; «пожалуй, нравится»; «трудно сказать определенно»; «скорее не нравится, чем нравится»; «совершенно не нравится». Социологи стараются избежать стереотипных формулировок, которые могут привести к шаблонным ответам, не допускают лобовой постановки вопроса.

Как правило, применяется целая система вопросов для выяснения мнений и установок в той или другой области жизни общества. Например, не спрашивается: «Почему вы предпочли эту работу?», а серией вопросов выясняются обстоятельства, приведшие к выбору данной специальности или данного места работы.

Это значит, что при повторном обращении к анкете или стандартизованному интервью историк не может использовать какой-то один ответ, случайно вырванный из такой серии вопросов. Сам по себе он еще не будет фиксацией мнения или установки. Необходимо учитывать всю систему вопросов на тот или другой сюжет. Только на основе предварительной типизации можно со-

¹⁷ Хотя можно допустить, что несогласованность в утверждениях может быть вызвана тем, что сами мотивы или мнения опрашиваемого могут меняться от ситуации к ситуации даже в течение одного опроса. Размышление над теми или другими ситуациями может привести респондента к выводам, в которых он сам раньше сомневался или был недостаточно убежден. Поэтому не всегда даже несогласованность в ответах на вопросы служит критерием недостоверности информации.

поставить мнения, установки и т. д. с данными из серии паспортных вопросов (возраст, образование и т. д.).

В уже упоминавшемся исследовании ленинградских социологов (руководитель В. А. Ядов) выяснялись общие ценностные ориентации рабочих. Было выделено пять типов ориентации у молодых трудящихся: на повышение образования, на работу на производстве, на общественную работу, на приработок, на семью (кроме того, группа без выраженной ориентации). Конечно, все эти ориентации не исключали друг друга. Мы обратились к этому примеру, чтобы показать принципы выделения типов. Опрашиваемым предлагался вопрос: «Если бы сейчас сократили рабочий день и ваше свободное время увеличилось, то как бы вы предпочли использовать это время?» Далее предлагалось 23 возможных ответа. Выбор ответа сопоставлялся с фактическими данными о рабочем. Например, ориентированные на общественную работу — это группа рабочих, занятых на выборной общественной работе или имеющих постоянные общественные поручения и вместе с тем желающих уделять этому виду деятельности больше внимания. Затем уже эти данные сопоставлялись с образовательными, возрастными и другими характеристиками.

Нужно учитывать и то, что при интерпретации ответов на вопросы нельзя смешивать содержание мнения и его интенсивность. Например, спрашивается: «Как часто вы смотрите телевизор?» В этом вопросе выясняется обычно не только то, что люди вообще смотрят телепередачи или не смотрят, но и то, регулярно ли они это делают, от случая к случаю или совсем редко. Отметим, что в самих социологических исследованиях встречаются случаи, когда авторы делают выводы об интенсивности какого-то явления на основании лишь того, что то или другое явление имеет место, например, установив, что люди читают газеты, говорят о регулярном чтении и т. п. К такой интерпретации историк, естественно, должен отнестись критически.

Когда речь идет о регистрации мнений людей, их установок, социологи, заботясь об искренности фиксируемых суждений, учитывают, что опрашиваемый при высказывании суждения соглашается с возможными последствиями для себя и окружающих людей. Чтобы снять влияние этого фактора, широко используется анонимность при анкетировании и интервьюировании. Причем при интервьюировании убедить опрашиваемого в сохранении анонимности сложнее, поэтому социологи по возможности стараются снять влияние обстоятельств, препятствующих правдивости ответа.

Приходится иметь в виду, что респонденты не столь глубоко заинтересованы в адекватности результатов обследования истинного положения дел, как сам исследователь, и поэтому склонны нередко к стандартным ответам, соответствующим прежде всего господствующим морально-этическим нормам общества. Поэтому социологи прибегают к завуалированным формам опроса, свое-

образным тестам. Например, для выявления чувства коллективизма у трудящихся колхозов и совхозов в анкете, разработанной Ю. В. Арутюняном, опрашиваемым предложили отдать предпочтение одному из двух людей. Каждый из них обладал и положительными, и отрицательными чертами, по у одного коллективизм преобладал над личными интересами¹⁸.

Однако есть и другая сторона вопроса о влиянии на суждения и ориентации людей норм и принципов, господствующих в обществе. Дело в том, что на формирование мнений и установок влияют морально-этические и идеологические нормы, существующие в обществе в целом, в формальных и неформальных коллективах, где общается человек. Нормы общества, коллектива становятся в той или иной мере нормами мировоззрения и поведения самого человека, т. е. входят в систему установок в целом, в структуру личности. И в этом отношении социологи, учитывая данный фактор, выявляют в целом сложившиеся установки и мнения. Это, кстати, позволяет судить о том, в какой степени та или другая идеология, господствующее мировоззрение усвоены индивидами, общественными группами.

Другой вид первичного материала, который сохраняется после социологических обследований, это записи наблюдений. Наблюдения используются как основной метод сбора материала или как способ проверки предварительно полученных данных. Во втором случае эти записи наблюдений могут лишь убеждать в достоверности первичных источников. В первом же случае записи наблюдений могут явиться источником для повторного обращения к ним историка. Историк прежде всего устанавливает, что подлежало наблюдению, т. е. выясняет объект наблюдения, например, поведение людей той или другой возрастной группы или отношение к труду и т. п.

Наблюдения социологами проводятся двух видов: либо те, которые часто распространены в антропологии и этнографии, когда наблюдатель находится вне наблюдаемого объекта (специалист наблюдает со стороны, хотя и живет подолгу на объекте); либо наблюдения, при которых сам исследователь становится участником того или иного социального процесса. Если при этом он остается на положении инкогнито, то такое наблюдение называется включенным. Примером такого наблюдения было исследование социальных ценностей в производственном коллективе, осуществленное В. Б. Ольшанским¹⁹.

Конечно, первый вид обследования имеет определенные минусы, ибо коллектив или личность знает о том, что за ними ведется наблюдение, и это может оказать на них воздействие. Учитывать приходится и то, что на запись наблюдений влияет

¹⁸ Ю. В. Арутюнян. Социальные аспекты культурного роста сельского населения.— «Вопросы философии», 1968, № 9.

¹⁹ «Социология в СССР», т. 1. М., 1966.

восприятию самого исследователя, его установки (ведь иногда исследователь видит то, что он хочет видеть, а не то, что есть на самом деле). Правда, для контроля можно наблюдать одно и то же событие или явление с помощью разных наблюдателей, и если данные оказываются повторяющимися, то это говорит об определенной достоверности материала. Однако, поскольку трудности в сборе подобной информации довольно велики, социологи редко прибегают к наблюдениям как единственному средству сбора информации. В большинстве случаев наблюдения лишь дополняют сбор анкетного материала или стандартизированных интервью.

Итак, основные моменты, которые приходится учесть историку, обращаясь к материалам конкретно-социологических исследований как к источнику первого уровня, можно свести к следующему: прежде всего нужно установить обоснованность и репрезентативность выборки. При использовании анкетного материала и интервью, записей наблюдений следует учесть необходимость дифференцированного подхода к различному по характеру материалу, содержащемуся в них. Здесь мы имеем в виду разное отношение к данным, носящим биографический, паспортный характер, и данным, которые содержат известную субъективную оценку. При использовании последних обязательно следует основываться только на серии вопросов, типизации, осуществленной на их основе.

Теперь о социологических материалах как источнике второго уровня. Напомним — это документы, сохраняющиеся в виде обработанных на машинах или вручную таблиц, табуляграмм. Они хранятся в виде записей простых распределений, т. е. числа ответов на полученные вопросы. Например, распределение людей по возрасту, полу, уровню образования, ответивших положительно или отрицательно на тот и другой вопрос и т. д. Кроме записей простых распределений, сохраняется запись и в процентах, а также в виде среднеарифметических, записи подсчетов на коэффициент связи признаков. Все эти расчеты — результат обработки материала по заданию исследователя-социолога.

Естественно, обращаясь к таким материалам исследований как к источнику, историк не может пройти мимо того, что социолог является в известной степени создателем данного источника. От совокупности его профессиональных качеств зависит не только создание первичного документа, формулирование вопроса, построение тестов, заполнение их, но и создание источника второго уровня, постановка задач для обработки материалов, группировка их в зависимости от цели исследования.

Обращаясь к материалам социологических исследований как к источнику второго уровня, историк может использовать уже обретенный материал в виде простых распределений, а может использовать и данные из полученных таблиц, интерпретируя их в соответствии со своими задачами.

Наконец, историк, располагая материалами простых распределений и двухмерных таблиц, может ввести дополнительные графы в таблицы, употребленные социологом, произвести нужные пересчеты и т. п. Важно отметить, что при повторном обращении к материалу историк может обрабатывать данные анкет с помощью необходимых ему группировок в соответствии с интересующей его типизацией. Ограничением в этом случае может быть количество зафиксированной информации, ракурс исследования, определивший набор признаков.

Обращаясь к определению достоверности источника второго уровня, сохранившегося в результате конкретно-социологического исследования, следует иметь в виду, что социолога интересует не столько достоверность каждого индивидуального ответа, сколько достоверность массового распределения ответов. Эта задача решается самим социологом с помощью обследований идентичной для изучаемых групп людей, а иногда путем повторных опросов одной и той же совокупности. Получение устойчивых данных о распределении мотивов, мнений и т. п. рассматривается как достаточный критерий достоверности информации. Следовательно, историк, анализируя работу социолога, в результате которой было получено суждение о выявленной закономерности, уже может относиться с доверием к сохранившимся материалам.

Тематически возможность использования материалов конкретных социологических исследований довольно широка. В наибольшей степени все анкеты, опросные листы и т. п., заполненные как в прошлом (в 20—30-е годы), так и в 60-х годах, могут быть использованы для изучения социальной структуры населения, более глубокой и точной характеристики культурного облика, мировоззрения и психологии тех или иных общественных групп.

Как уже говорилось, анкеты и программированные интервью, для какой бы цели они ни предназначались, как правило, включают так называемую объективку или паспортные данные. Количество и характер сведений обусловлены задачами конкретного исследования, однако историк может обработать их для своих целей.

Приведем такой пример. В 1936 г. в СССР было проведено исследование культурных интересов молодежи города, а в 1938 г. — сельской молодежи. На основе проведенного анкетирования тогда же была написана книга «Молодежь СССР». Однако в ней далеко не полно были использованы материалы исследования.

Зафиксированные в анкетах данные дают возможность более подробно рассмотреть социальный облик молодых рабочих, тех кадров, которые в конце 30—40-х годов составляли костяк рабочего класса. Так можно составить представление не только о том, какая часть молодых рабочих прибыла на предприятия из деревни, но и выходцами из каких семей они являлись, какую образовательную и профессиональную подготовку имели ко

времени начала работы на производстве. Кроме того, имеется возможность рассмотреть различные социально-профессиональные группы рабочих в сочетании с культурными и общественно-политическими характеристиками, ибо в анкете фиксировалось не только образование, но и знакомство с важными с точки зрения марксистско-ленинского воспитания книгами политического и художественного содержания, кинофильмами, участие в общественной деятельности, художественной самодеятельности, наличие культурного инвентаря.

Остановимся на другом примере. Анкета, предназначенная для изучения социально-этнических процессов в Татарии, наряду с регистрацией подробных социально-демографических сведений содержит такие вопросы, которые открывают возможность для некоторых социально-психологических характеристик различных социально-профессиональных групп (например, участие в рационализаторстве и изобретательстве; отношения, складывающиеся с товарищами на работе; участие в общественной работе; предпочтение тем или иным жанрам в музыке, вида проведения досуга, выбора друзей). Конечно, историк не может рассчитывать получить полные психологические портреты отдельных общественных групп, представительные для страны в целом (ведь исследование было репрезентативно для Татарии), но, используя материалы также и других исследований в иных регионах, можно выделить определенные черты такого портрета. Учитывая, что область социальной психологии у нас вообще слабо обеспечена источниками, привлечение социологических материалов будет способствовать ее более конкретному и всестороннему освещению.

Во многих конкретно-социологических исследованиях изучался комплекс культурных показателей. Эти данные в анкетах и записях интервью имеют большую ценность, ибо они содержат сведения наиболее дефицитные, которые почти не отражены в других источниках: о степени распространения культуры в различных социальных средах, а также о некоторых существенных сторонах потребления и усвоения культуры людьми.

Вот образец возможности использования подобного материала. Ю. В. Арутюняном были обследованы село Терпенье Запорожской области и группа сел Луховицкого района Московской области. Целью конкретно-социологического исследования было изучение социальной структуры сельского населения, роли классовых и социально-профессиональных различий. Пробные обследования в Татарии и Чувашии ставили основной задачей проследить влияние национального фактора на социальную мобильность и социальную структуру. Однако полученные материалы всех названных исследований — анкеты, интервью — позволили чрезвычайно плодотворно осветить (с привлечением других источников, главным образом официальных статистических данных) другой специальный вопрос — социальные аспекты культурного роста сель-

ского населения²⁰. На основании конкретного материала была рассмотрена проблема соответствия уровня образования селян реальным требованиям сельскохозяйственного производства, проникновение в различные социальные группы массовых средств информации, культурные навыки тех или иных слоев сельских жителей, популярность разных видов культуры среди социально-демографических групп, соотношение различий в материальном положении, образовании и в области быденного сознания, психологии, нравственных установок.

Обратим внимание на то, что опросы сегодняшнего дня могут помочь историку установить установки, господствовавшие в прошлом, и затем проследить их изменения. При обследовании лиц, состоящих в смешанном межнациональном браке, в анкете был поставлен вопрос, как отнеслись родственники (отец, мать, братья, сестры) к вступлению их в брак, имела ли при этом значение иная национальность будущего супруга. При сопоставлении анкет вступивших в брак в середине 60-х годов и 10—15 лет назад появилась возможность проследить изменения в национальных установках во временном измерении²¹.

Все приведенные, к сожалению, пока немногочисленные случаи обращения историков к материалам социологических исследований убедительно показывают эффективность их использования для реконструкции и анализа динамики исторических процессов. Возможность неоднократного обращения к анкетам, записям интервью, посемейным картам и другим материалам выдвигают вопрос о хранении и доступности этих источников. Известно, что анкеты и интервью от обследований, проведенных в 20—30-х годах, хранятся в государственных архивных учреждениях²². Но значительно хуже обстоит дело с материалами конкретно-социологических исследований, проведенных в наше время — в 60-х годах. Они в лучшем случае хранятся в учреждениях, организовавших эти обследования, а нередко и у самих исследователей. Возможность использования их историками уже сейчас затруднена, а в будущем может оказаться вообще нереальной.

²⁰ Ю. В. Арутюнян. Указ. статья.

²¹ Работа была выполнена при подготовке диплома студентом (теперь преподавателем исторического факультета МГУ) А. К. Соколовым.

²² Например, в ЦГАОР СССР, в архиве Министерства сельского хозяйства СССР.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ

ПРИМЕНЕНИЕ ПЕРФОКАРТ ПРИ ОБРАБОТКЕ МАССОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЭСТОНИИ

Х. Э. Палли

Во всех науках, в том числе и в исторических, из года в год растет объем той информации, которую ученым приходится перерабатывать. Растут и требования к качеству ее обработки. Историки уже не удовлетворяются тем, чтобы описать явления или иллюстрировать свои выводы несколькими примерами.

Вместе с тем все большее значение приобретает взаимный обмен информацией между отдельными исследователями, а также между научными учреждениями. В настоящее время этот обмен осуществляется путем опубликования в печати статей и книг, через посредство научных конференций, а также личными контактами. К сожалению, всем этим способам обмена присущи многие недостатки: книги и статьи лежат нередко годами в редакциях, на конференциях материал излагается устно, личные контакты ограничены недостатком времени.

Перечисленные выше причины заставляют историков искать средства для повышения производительности своего труда и для лучшего обмена информацией. Такими средствами являются перфокарты¹, диапнокарты и микрофильмы с кодом, вычислительные машины (включая электронные вычислительные машины — ЭВМ) и приборы оперативного (и вообще скоростного) копирования. Все эти средства имеют свою специфику, и их применение требует некоторых специальных знаний.

Перфокарты, особенно в послевоенные годы, нашли широкое применение. Литература по перфокартам имеет несколько тысяч названий и быстро увеличивается². Выпущено несколько посо-

¹ В СССР выпускаются перфокарты с краевой перфорацией (перфокарты с внешней перфорацией, *краевые перфокарты*); перфокарты машинной сортировки (*машинные перфокарты*) с их разновидностью маркированными (дуальными) перфокартами; суперпозиционные (визуальные или просветные перфокарты) и щелевые перфокарты.

² *Т. Градецкая*. Перфокарта. Применение в науке, культуре, промышленности (Библиография). 1959—1963 гг. М., 1964; ВИНТИ. Перфокарты ручного обращения (Библиография за 1959—1968 годы). М., 1969;

бий по применению перфокарт³, в том числе и по применению их в исторической науке⁴. Текущую информацию о применении перфокарт можно найти в реферативном журнале «Информатика».

Что касается особенностей применения перфокарт в исторических науках, то они вытекают из особенностей исторической науки вообще. К их числу принадлежат огромное значение письменных источников и историографический подход к работам других историков.

Исторiku важно сделать точные выписки из источников и из работ других историков, чередуя их пересказом. Так как круг привлекаемых источников, а также литературы все время расширяется, то все время растут и расширяются картотеки историков. При этом, однако, возникают затруднения со своевременным нахождением необходимых данных. Как правило, в каждой выписке, на каждой карточке историка имеются сведения о нескольких вопросах. Если рассортировать материал только по одному вопросу, при том, что картотека содержит несколько тысяч карточек, практически будут утрачены все остальные данные. Если же историк желает найти все данные, зафиксированные в картотеке выписок, он должен или несколько раз переписать свои карточки, или создать несколько вспомогательных картотек, или, наконец, бесконечно просматривать их в поисках нужных данных. Ясно, что все это отнимало бы немало труда, не говоря уже о том, что для сохранения таких картотек требуется много места. В большинстве случаев историки предпочитают первый вариант, т. е. смиряются с потерей значительной части собранной ими информации.

Хороший выход из этого положения дают краевые и щелевые перфокарты.

Площадь краевой карты разделяется на две части: 1) на внутреннюю, предназначенную для выписок, и 2) и на перфорированные края. Внутреннюю часть можно использовать как обычную карточку: сюда можно написать, нанести текст электрографическим аппаратом, сделать схемы, карты, наклеивать фотоснимки,

С. Роометс, Р. Кукк. Ручные перфокарты. Отечественная и зарубежная литература за 1964—1968 годы. Таллин, 1969.

³ *Г. Г. Воробьев.* Перфокартный метод документального учета в народном хозяйстве. М., 1967; *И. П. Гусельников, А. Ф. Турпигько.* Перфокарты с краевой перфорацией. М., 1967; *П. Х. Кискин.* Перфокарты и их применение в науке и технике. М., 1965; *С. Роометс.* Перфокарты и их применение. Таллин, 1963; *С. Роометс.* О применении ручных перфокарт. Таллин, 1968; «Техника перфокарт». М., 1967.

⁴ *H. Palli.* Perfokaartide kasutamisesest ajalooteaduses. Algteadmisi. Tartu, 1965. Для краеведов: *H. Palli.* Perfokaart kodu-uurijatele. Tallinn, 1969; *Х. Палли.* Опыт использования перфокарт в Институте истории АН ЭССР.— «Известия АН ЭССР». Серия общественных наук, 1965, № 1, 98—109; *Х. Палли.* Применение перфокарт в исторических исследованиях.— «Вопросы истории», 1965, № 11, стр. 90—98.

вклеить кадры микрофильмов (апературные карты) и т. д. Ее можно также использовать в качестве библиографической карточки. Перфорированные края необходимы для отметки (посредством вырезов) содержащихся на карточке (в тексте) ключевых слов.

Преимущество перфокарт состоит в том, что они предотвращают потерю информации и дают возможность произвести многоаспектный поиск. В исторической науке в случае общепроформационного поиска можно выделить тематический, географический, хронологический и историографический аспекты.

Например, в выписке из статьи Э. Тарвеля, напечатанной в 1967 г., говорится о *феодалных повинностях крестьян* и о *хозяйственном положении крестьян в уездах Ярва и Харьо в 1680—1699 гг.* В обычной картотеке можно такую выписку поставить, например, в рубрику *феодалные повинности крестьян в Харьо в XVII в.* Мы потеряем историографический аспект (Э. Тарвел, 1967), а также сведения по ключевым словам *положение крестьян Ярва*, а XVII век может оказаться слишком широким термином, не говоря о том, что найти *Харью* в XVII в. довольно затруднительно (надо под всеми тематическими рубриками искать Харьо и XVII век). Чтобы предотвратить потери информации, а также уточнить XVII век по десятилетиям, надо было бы в идеальном случае выписку переписать 9 раз (*Э. Тарвел; повинности, Ярва, 1680—89; повинности, Ярва, 1690—99; повинности Харьо, 1680—89; повинности, Харьо, 1690—99; хозяйственное положение, Харьо, 1680—89; хозяйственное положение, Харьо 1680—89; хозяйственное положение, Ярва, 1680—89; хозяйственное положение, Ярва, 1690—99*). Но при таком подходе затруднено нахождение комплексных вопросов (*повинности и хозяйственное положение крестьян...; 80-е годы XVII в. в трудах Э. Тарвеля и т. д.*). Перфокарта дает возможность ответить на все как простые, так и комплексные вопросы при помощи одной карточки.

При наличии так называемого прямого кода (за исключением имени автора и года издания) феодальным повинностям крестьян соответствует вырез a_1 , хозяйственному положению — a , Харьо — b_2 , Ярва — b_3 , 1680—89 — c_1 , 1690—99 — c_2 , Тарвелю — вырезы A_{24} и году издания: 1967. Этими вырезами на краях и описывается текст.

Применение перфокарт для информационного поиска требует первоначально составления словника ключевых слов (дескрипторов) и затем кода. Первое — самое ответственное и самое сложное дело. Без хорошо продуманного словника перфокарты принесут мало пользы. Словник может быть общим для целого сектора или группы исследователей. Но и каждый исследователь в отдельности может создать свой словник. В первом случае часто целесообразно сочетать интересы группы с интересами отдельных исследователей, оставив последним для детализации и дополнения общего кода некоторые резервы. Словник (географический, предметный) лучше всего построить по определенной системе.

Историков, по-видимому, лучше всего устраивает иерархическое построение словника. При иерархической системе понятия меньшего логического объема последовательно входят в понятия более крупного объема. Иерархическое построение словника вполне возможно сочетать с многоаспектностью. Например: «Аграрная история (наиболее крупное понятие). *Крестьянское хозяйство* (более мелкое). *Повинности (крестьянских хозяйств)* — еще более мелкое. Или: страна (например, Россия), *губерния* (какая-то), *уезд* (какой-то). Иерархическая система дает возможность предварительной сортировки, что при крупных картотеках позволяет значительно экономить время.

Возникает вопрос о целесообразности применения перфокарт для информационного поиска. Когда имеются сведения только по одному вопросу, нецелесообразно пользоваться перфокартами. При небольших картотеках (менее 500 карт, за исключением картотек очень интенсивного пользования), а также в случае, если данный материал только однажды используется (в один прием, но даже в случае написания одной статьи приходится обыкновенно несколько раз обращаться к материалу), видимо, перфокарты нецелесообразны.

Для краевых перфокарт высшей границей картотеки обыкновенно считается 8000—15 000. Но при предварительной сортировке на постоянные или временные части (подкартотеки) эта граница может расширяться в несколько раз.

При использовании перфокарт можно достичь и других преимуществ. Одна немаловажная из них — координация работы историков. Создание картотек из краевых карт, если код группы исследователей согласован (частично или полностью), дает в то же время этим исследователям возможность без затруднений пользоваться материалами своих коллег. Ясно, что тем самым достигается значительная экономия трудовых затрат, так как исключается (или во всяком случае во много раз уменьшается) параллельное переписывание одних и тех же источников (или сведений из литературы). Если же задачи и сферы труда предварительно разделить, то получится еще большая экономия.

Эффект от пользования краевыми перфокартами зависит от того, сколько ключевых слов содержится на карте, как интенсивно используются картотеками, налажен ли обмен перфокартами и т. д. В зависимости от всех этих условий экономия труда получается от 20 до 80% (исходя от обычной картотеки, при условии, что не допускается потеря информации).

По сферам пользования перфокарт можно выделить некоторые основные направления. Широко распространено использование перфокарт в библиографических картотеках. На карточке записывают фамилию (фамилии) автора (авторов), год издания, заглавие книги (статьи), а иногда приводят оглавление или же реферируют содержание. На краях карточки посредством вырезок отмечают фамилию автора, год издания, тематические вопросы, гео-

графический ареал и хронологические рамки, содержащиеся в книге (статье).

Другой, пожалуй более распространенной сферой являются картотеки выписок и заметок («фактографические картотеки»). На эти карты текст наносится не только вручную, но и при помощи электрографических аппаратов. «Коэффициент полезного действия» таких перфокарт выше библиографических, так как по ним исследователь получает не просто ссылку (как по библиографическим), но и сразу необходимые сведения. Карты, применяемые в фактографических картотеках, подразделяются (по различиям в оформлении краев) на карты для выписок и заметок из печатного материала (книги, статьи) и из архивного материала. Различие состоит в том, что у второго вида вместо трех букв фамилии автора и года издания имеются архивные данные (архив, номер фонда и т. д.).

Для обработки массового однообразного материала, т. е. репериций, переписей, хозяйственных отчетов и т. д., пользуются особыми картотеками, созданными для обработки одного источника или же группы источников со сходными данными.

Весь рабочий цикл с применением такой картотеки будет примерно следующим. Исследователь (или группа исследователей) установит (установят), целесообразно ли перенести (переписать и т. д.) данный источник (или некоторые данные из этого источника, или же целую группу источников) на перфокарты. Затем, если решение будет положительным, надо тщательно изучить источник, установить, какие показатели следует нанести на перфокарту, какая система (или какие системы) единиц принята в источнике, в каких пределах изменяются показатели и т. д. Предварительное изучение источника надо вести очень тщательно, чтобы избежать ошибок в дальнейшей работе. План-макет карты лучше всего составить совместно с лицом, хорошо знакомым с кодированием перфокарт. Следующим этапом является само перенесение данных источника. Эту задачу можно поручить частично или полностью лаборантам и другим техническим сотрудникам, а также студентам (за исключением сложных случаев, они хорошо справляются с заданием). Конечно, работу других лиц исследователь обязан проверять, способы проверки зависят от характера данных. Студенты могут наладить и взаимную проверку. Вообще перенесение данных — самая трудоемкая задача. Но она в общем не занимает больше времени, чем переписка тех же данных в виде первичных таблиц.

Перенесение данных источника на перфокарты избавит сотрудников коллектива от повторного копирования этих данных. Заключается труд исследователя составлением общего плана обработки и (если используются машины) алгоритма. Общий план должен предусмотреть, где следует провести обработку и какими показателями исследователь интересуется. Составление алгоритма, т. е. предписания обработки, — задача довольно сложная,

но она значительно облегчается наличием стандартных программ (или подпрограмм) ЭВМ или по меньшей мере блок-схем.

Возьмем для примера инвентарные записи крестьянских хозяйств из инвизитии (ревизии) 1686—1689 гг. в Эстонии.

м. Перила 1686

д. Ыунапуу

Гаки	Братьев	Сыновей	Трудоспособных сыновей	Лошадей	Жеребят	Быков	Бычков	Коров	Телят	Овец	Козлов	Коз	Свиней	Корма
$1/2$ Wibata Andres	1	—	—	2	—	—	1	1	2	3	7	0	1	
$1/2$ Selja Hans	—	2	—	1	—	2	—	2	1	6	—	—	2	
1 Puike Jan	2	1	—	3	1	4	1	3	—	8	1	1	4	

По-видимому, за основные деления следует взять: год ревизии (1686), место (географическая характеристика) в иерархическом коде — уезд (Харью), приход (Харью-Яани), мыза (Перила), деревня (Ыунапуу), имя и прозвище дворохозяина, братья (число), сыновья (число), лошади, быки, коровы, овцы, козы, свиньи (их число), гаки (число), характер двора (обычный, корчма, мельница и т. д.), а также характер налогов. Для этого придется установить наибольшее количество каждого вида скота, братьев, сыновей, а также детально выписать все возможные значения гаков ($1/2$, $1/4$, $1/8$, 1, 1,5 и т. д.) и характеристики крестьянских дворов.

По ним уже определяют макет перфокарты. Выработку макета лучше доверить лицу, имеющему в этом деле необходимые знания. В Институте истории имеется много таких карточек. Для примера можно упомянуть картотеки: «изучение текучести рабочей силы» (Э. Яанвярк, социология), «произведения искусства» (сектор истории искусства), «керамика» (В. Лыугас, сектор археологии и этнографии) и др. В секторе истории Эстонии дооктябрьского периода образовалось несколько таких картотек: «свободные и чужие люди в поместьях XVIII в.» (4 тыс. карт, Э. Эппк), «движение цен в Эстонии.» (2 тыс. карт, Ю. Кахк)⁵, «крещения, погребения и венчания в приходе Рыуге 1661—1696» (12 тыс. карт, Х. Палли)⁶.

⁵ Этой картотекой пользовался Ю. Кахк для написания главы IV и § 1 в приложении к кн.: «Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland». Tallinn, 1969.

⁶ Этой картотекой пользовался автор для написания «Rõuge rahvas» (рукопись). Tallinn, 1969.

Для особых картотек удобны маркированные перфокарты.

Примеров пользования маркированными картами можно привести немало. Так, Э. Янвярк с картотеки на краевых перфокартах перешла к маркированным. Ю. Кахк собрал на этих картах материал о народонаселении нескольких приходов (20 тыс. карт)⁷. А. Руусман изучил с их помощью (картотека в 2 тыс. карт) миграцию из сельской местности в южной части уезда Харьюмаа (в буржуазной Эстонии)⁸. Э. Тарвел нанес на маркированные перфокарты (5 тыс. карт) данные о хозяйствах крестьян по шведской земельной ревизии 1638 г. Х. Палли имеет картотеку (3 тыс. карт) о крестьянских хозяйствах по инвизиции 1686—1689 гг.

При дальнейшей обработке этих массивов перфокарт в той или иной мере пользуются вычислительной техникой (электронные цифровые вычислительные машины — ЭЦВМ) и математическими методами⁹.

Массовым однообразным материалом пользуются в большинстве случаев для разных вычислений (начиная с составления простых таблиц, кончая такими сложными вычислениями, как факторный анализ). Но наряду с ними в некоторых случаях проводятся разнообразные логические операции (сравнение, отождествление, установление взаимных отношений и т. д.). Часто логические операции и вычисления или следуют друг другу, или сочетаются. Здесь возникает, конечно, вопрос о целесообразности применения той или иной разновидности (краевых или машинных — маркированных) перфокарт. Вычисления можно произвести только с материалами на маркированных (машинных) перфокартах. Это же относится и к логическим операциям, производимым на ЭЦВМ. Материал, нанесенный на краевые перфокарты, может быть затем переработан вручную. Тем самым на первый взгляд маркированные перфокарты как будто имеют крупное преимущество перед краевыми. Это, казалось бы, подтверждается и переходом ряда исследователей по одному и тому же массиву от краевых перфокарт к машинным (например, Э. Янвярк). На самом деле вопрос куда более сложный. Обработку

⁷ По этим данным написаны им части в монографии: *J. Kahk. Rahutused ja reformid. Talupoegade klassivõitlus ja mõisnike agraarpoliitika Eestis XVIII ja XIX sajandi vahetusel (1790—1810)*. Tallinn, 1961, 171—188; *Ю. Кахк. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века*. Таллин. 1962, стр. 93—102; *J. Kahk. Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland (das zweite Viertel des 19. Jahrhunderts)*. Tallinn, 1969, p. 187—198.

⁸ *А. Руусман. Из опыта применения факторного анализа в историческом исследовании*. — «Вестник Московского университета», серия IX (история), 1966, № 6, стр. 78—81.

⁹ *Х. Палли. Некоторые проблемы историометрического подхода к демографической, экономической и социальной истории Эстонии*. V Международный конгресс экономической истории. Ленинград, 10—14 августа 1970 г. М., 1970.

материала на ЭВМ или на вычислительных перфорационных машинах (ВПМ) (сортировки, табуляторы, вычислительные перфораторы и т. п.) можно произвести успешно лишь в том случае, если у нас имеется соответствующая программа. В большинстве случаев не всегда сразу ясно, каким наилучшим образом данный материал поддается обработке. Часто алгоритм настолько сложный, что плохо поддается описанию (например, художественные произведения). Во всех этих случаях краевые перфокарты приносят много пользы. Действуя ими (они все же значительно облегчают сортировку), легче изучать особенности материала в данном источнике (по данному кругу источников), найти наилучшие пути их дальнейшей обработки. Краевые перфокарты облегчают подготовку и выборку для математической обработки материала. Так, Ю. Какх нанес материалы о ценах в различных пунктах Прибалтики на перфокарты, а затем отобрал из них наиболее однообразные (по времени, характеру сообщения и т. д.) для математической обработки. Х. Палли обработал материалы по исторической демографии прихода Рыуге 1661—1696 гг. на краевые перфокарты и в ходе этой обработки выработал блок-схему восстановления истории семей.

В Институте истории АН ЭССР пользуются в настоящее время и маркированными дуальными перфокартами. Перед обыкновенными машинными картами они имеют то преимущество, что их заполнение производится за один раз, для машинных карт необходимо сначала списать с источника сведения, а затем перфорировать их вручную на карту. Кроме того, они могут служить в качестве обычной картотеки. Преимущество обыкновенных машинных карт в их большем объеме (80. 12-960 против 54. 11-594 у маркированных).

Почти все проблемы, связанные с обработкой источников с массовыми однотипными данными, легче изучать, применяя их механическую переработку. К числу этих проблем принадлежат следующие:

1. *Расслоение крестьянства.* Переработка массивов маркированных карт при помощи ЭВМ позволяет сравнивать между собой разные показатели, по которым устанавливается факт расслоения, оценить их и выбрать из них наиболее существенные. Она дает возможность широко сопоставительного изучения разных источников с массовыми однотипными материалами в динамике.

2. *Степень эксплуатации крестьян.* Можно вычислить долю рабочего времени, отнимаемого барщиной, построить и сопоставлять несколько вариантов по исчислению продукта (как прибавочного, так и, может быть, необходимого), произведенного силами крестьянского двора для феодалов.

3. Вопросы землепользования, бюджетов, рабочей силы крестьянского двора, изучение хозяйства поместья, демографические вопросы.

4. Промышленные предприятия, их балансы, степень эксплуатации рабочих.

5. Торговля, цены, движение цен.

6. Изучение внутреннего рынка.

7. Бюджет рабочих и других слоев населения, жизненный уровень.

8. Показатели стачечного движения.

Несколько слов об эффекте применения машинных перфокарт. Большой эффект получается при обработке маркированных карт на ЭВМ, особенно если перерабатывается несколько крупных массивов. В этих случаях время, необходимое на подобную же ручную обработку, сокращается в десятки (или даже в сотни) раз. Однако обработка на ЭВМ эффективна только в тех случаях, когда требуется одновременно получить многоаспектные показатели. Если обработка ограничена рассортировкой по нескольким признакам и получением нескольких таблиц, лучше применить ВПМ.

Один из наиболее ответственных моментов при обработке массивов перфокарт — это составление плана (программы) обработки. Для этого требуется знание исходного материала (источника), конечного результата и путей достижения конечных итогов.

Так, по описанной выше ревизии предполагается составить ряд таблиц. Простейший вид их: распределение количественных показателей по мызам, приходам и уездам.

Вид таблицы:

	Количество коров в хозяйстве								Всего	Среднее
	0	1	2	3	4	5	6	.....		
Мыза										
Перила										
.....										
Приход										
Харью-Яани										
.....										
Уезд										
Харью										
.....										

В с е г о

Примерная последовательность составления таблицы (на перфорационных машинах): сначала сортировка (по колонке — коровы) по географическим колонкам, затем следует сложить обнаруженные данные на табуляторе и после этого напечатать результаты в таблице предложенного вида. Примерно таким же

будет ход работы вручную: сортируются по соответствующим делениям и затем пересчитывают количество карт, и их число вписывается в таблицу.

Несколько более сложна аналогичная таблица по числу упряжек. В упряжку входили два быка или одна лошадь (если y обозначает число упряжек на крестьянском дворе, b — количество быков и $л$ — количество лошадей на одном дворе, то $y = \frac{b}{2} + л$).

Если, кроме распределения скота по дворам, исследователь интересуется и средними данными, то их вычисление можно включить следующим образом: сложить количество коров в хозяйстве в данной мызе (приходе, уезде и т. д.) и разделить на число дворов.

Так шаг за шагом переходят на более сложные таблицы, подготавливая их к математической обработке. Например, по данным ревизии можно составить таблицы распределения скота по размерам дворов ($1/2$, 1 и т. д. гаков), по приходам или вычислить корреляцию между количеством гаков и упряжек, между коровами и мелким рогатым скотом, между рабочей силой и упряжками и т. д.

Следует в заключение отметить, что обработка массовых данных при помощи перфокарт значительно облегчает труд историка и обеспечивает многоаспектный анализ материала источников.

ПРОШЕНИЯ КРЕСТЬЯН-КОЧЕВНИКОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

(Опыт количественного определения
состава информации источника)

Д. И. Исмаил-Заде

Крестьянские прошения, являясь одним из наиболее распространенных видов массовых источников, привлекали, однако, небольшое число исследователей. Между тем ценность этих источников, исходивших непосредственно от самих крестьян, бесспорна.

Предметом настоящего исследования являются прошения крестьян-кочевников Азербайджана середины XIX — начала XX в.¹ Появлению этих документов мы обязаны начавшемуся здесь с середины 50-х годов XIX в. массовому процессу оседания кочевого и полукочевого крестьянства, который был обусловлен нарушением складывавшихся веками условий ведения кочевого хозяйства.

Прошения крестьян-кочевников о разрешении им оседлого поселения послужили причиной для возникновения целого комплекса делопроизводственных материалов, отразивших не только сам процесс перехода к оседлости кочевых обществ, но и различные аспекты хозяйственно-экономической и социальной жизни этих обществ, их взаимоотношения с правительственными органами, а также умонастроения этой категории крестьян Азербайджана на протяжении длительного периода времени.

Прошения крестьян-кочевников занимают особое место среди источников по истории кочевого и полукочевого крестьянства Азербайджана ввиду чрезвычайной бедности не только опубликованного, но и архивного материалов по данной теме. Сам же процесс оседания кочевников, столь полно отразившийся в прошениях, в дореволюционном кавказоведении не получил почти никакого освещения².

¹ В численном отношении кочевники и полукочевники в середине XIX в. на территории Шемахинской губернии, по административному делению того времени, включавшей большую часть территории современного Азербайджана, составляли 21,3% по отношению ко всему населению губернии и 33,3% — по отношению к ее сельскому населению. Что касается кочевых обществ, то в губернии в это время насчитывалось 561 кочевье. По отношению к 1271 сельскому поселению это составляло 44,1% (*Д. Исмаил-заде*. Из истории кочевого хозяйства Азербайджана первой половины XIX в.— «Исторические записки», т. 66, стр. 98).

² Исключением являются лишь «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» (т. I—VII, Тифлис,

В статье предложен один из возможных вариантов методики изучения крестьянских прошений. Естественно, не может быть выработана какая-то единая, универсальная методика их обработки. В каждом случае она должна быть подчинена конкретной задаче исследования, обусловленной в свою очередь как внешними особенностями источника, так и характером содержащихся в нем сведений. В данном случае методика анализа прошений кочевого крестьянства определялась такими специфическими чертами, как наличие специального делопроизводства по прошением, отсутствие устойчивого состава информации в этом комплексе источников в целом и в его составных частях, качественная неоднородность сведений и вместе с тем их тематическая однородность (просьба о разрешении оседлого поселения). В этой связи анализ предлагаемого материала следует рассматривать как опыт определения информационного потенциала посредством формализационно-статистической разработки его данных.

* * *

Поводом для возникновения прошений послужил царский рескрипт Сенату 1830 г. «О даровании Грузии и Закавказским провинциям некоторых милостей». Один из его параграфов предоставлял льготу, освобождавшую их от платежа поземельной подати на 6 лет, тем из «кочующих народов», которые пожелают поселиться оседло на свободных казенных землях³. Однако правительство, стремившееся в данном случае достичь известного облегчения в административном управлении краем и упорядочения налоговой системы среди кочевой части населения, переоценило его подготовленность к этому акту. Таким образом, эта мера, правда, не носившая принудительного характера, в тот период опередила возможность перехода самих кочевников к новым формам хозяйствования и быта. Ее реализацию не стимулировала даже обещанная льгота. Известны наименования первых трех кочевых обществ, поселившихся оседло вскоре после издания рескрипта 1830 г., но сделано это было по инициативе администрации, а не самих кочевников⁴.

С 1844—1845 гг. местная администрация в лице Каспийской

1885—1887), основанные на результатах обследования государственной деревни, которое было предпринято в конце 70-х — начале 80-х годов в связи с предстоящими аграрными преобразованиями в Закавказье. В них приведены интересные сведения о характере землепользования в оседающих кочевых обществах. Однако содержащиеся в этом сборнике статистические данные о структуре земельного надела кочевых обществ весьма условны. Кроме того, материалы сборника ограничены хронологически и территориально и не дают представления о динамике процесса оседания кочевых обществ.

³ ПСЗ, II, т. V, отд. I. 1830 г., № 3788, § 6.

⁴ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 2, оп. 3, д. 524, лл. 1—2.

палаты государственных имуществ выдавала разрешения на оседлое поселение кочевых обществ. Но, судя по сохранившимся сведениям, это были единичные случаи. В начале 70-х годов у уездных начальников были затребованы ведомости о кочевых обществах, которым было разрешено оседлое поселение. Вызвано это было необходимостью выявить те общества, которые, получив право на оседлое поселение, продолжали пользоваться также пастбищами, подлежащими к принятию в хозяйственное управление⁵. В этих ведомостях показано всего два общества: Мирзандигэ (1845 г.) и Кубали-Бала-Оглан (1847 г.)⁶. Что касается прошений этих обществ, то они, по-видимому, не сохранились в связи с неоднократной реорганизацией системы административного управления в Кавказском наместничестве. За эти же годы удалось обнаружить всего два прошения от двух кочевых обществ: Кубали-Багир-бек (1848 г.) и Карайманлу (1849 г.)⁷. Лишь с учреждением в крае в 1867—1868 гг. управлений земледелия и государственных имуществ растущий с середины 50-х годов поток прошений крестьян-кочевников в связи с усилившимся процессом оседания кочевников стал отлагаться целым массивом в делах этого ведомства. Наличие в архивных материалах управления земледелия и государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области делопроизводства за период, предшествующий его созданию, нужно объяснять тем, что здесь были сконцентрированы дела тех органов управления, которые прежде занимались аналогичными вопросами, например Департамента государственных имуществ главного управления кавказского наместника⁸.

На каждое из кочевых обществ, обратившихся с просьбой о разрешении ему оседлого поселения, заводилось специальное делопроизводство, которое так и именовалось: «дело по прошению» (наиболее распространенное название) или «об оседлом поселении» кочевого общества. Однако круг исследуемых материалов не был ограничен лишь этими делами, ибо в некоторых случаях за пределами исследования остались бы те кочевые общества, по поводу оседлого поселения которых не сохранилось

⁵ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 14, д. 2, л. 23.

⁶ Там же, оп. 14, д. 2, лл. 23—30, 181—183.

⁷ Там же, ф. 36, оп. 1, д. 54, лл. 1—10.

⁸ Абсолютное большинство прошений сосредоточено в ЦГИА Азербайджанской ССР, прежде всего в фонде 22 (Управления земледелия и государственных имуществ Бакинской губернии и Дагестанской области) (1868—1918 гг.), и лишь небольшая часть — в фондах № 32 (Каспийской палаты государственных имуществ) (1840—1846 гг.), № 36 (Шемахинской палаты государственных имуществ) (1846—1849 гг.) и № 85 (Шемахинского уездного полицейского управления) (1841—1900 гг.). Единичные делопроизводственные материалы по прошением имеются в фондах ЦГИА Грузинской ССР: № 239, 240, 241 (Управления государственных имуществ) и № 12 (Канцелярии Главноначальствующего гражданского управления на Кавказе. 1883—1905 гг.).

соответствующего делопроизводства. Поэтому, если это было возможно, привлекались и дела об отводе кочевому обществу земельного надела. Так, дело «О снятии на план земли, занимаемой жителями кочевья Агри-оба, и о наделении их узаконенной пропорцией земли в Шемахинском уезде» содержало сведения о том, что указанное общество обращалось с просьбой о разрешении оседлого поселения⁹. Между тем никаких иных сведений о данном обществе во всей массе делопроизводственного материала об оседлом поселении кочевых обществ не имелось, привлечение же документов подобного рода гарантировало более полный охват кочевых обществ, стремившихся перейти к оседлости. Таким образом, в этом случае мы сталкиваемся как бы со второй частью делопроизводства по прошению — реализацией принятого решения, тогда как само «дело по прошению» могло не сохраниться. В основной своей массе исследованию подлежали «дела по прошениям» или «об оседлом поселении».

Хронологически весь этот комплекс делопроизводств охватывает период с начала 50-х годов XIX в. до 1918—1920 гг.

«Продолжительность жизни» «дел по прошению» была различной. Дело могло быть завершено в 2—3 года, но большинство из них тянулось по 10—15—20 лет. В этом смысле рекордным было дело «Об оседлом поселении 27 дымов жителей кочевья Сейдляр»¹⁰ — его хронологические грани охватывают период почти в полвека, с 1857 (хотя первое фигурировавшее в деле прошение было подано в 1855 г.) по 1902 г. Естественно, что за столь длительный период времени не только изменились численность населения общества и его облик, но успели смениться поколения людей, вовлеченных в «дело об оседлом поселении». Возникли новые обстоятельства, требовавшие иных подходов и решений, дело наполнялось новыми и разнообразными материалами, но они продолжали консолидироваться вокруг его основного стержня — первоначальной просьбы 27 дымов крестьян этого кочевья о разрешении им оседлого поселения.

Всего обследовано 135 дел, в результате чего было выявлено 114 кочевых обществ, целиком или частично изъявивших желание поселиться оседло. Преимущественно это общества низменных районов (в пределах Шемахинского, Геокчайского и частично Джеватского и Ленкоранского уездов Бакинской губернии) — основных очагов распространения кочевого хозяйства.

Необходимо отметить, что число обследованных дел не соответствует количеству прошений. В одном деле могло содержаться несколько прошений. Объяснялось это не только длительностью времени, в течение которого решался вопрос об оседлом поселении, что побуждало кочевников обращаться с повторными просьбами, но и тем, что общество нередко оседало частями. Каждая

⁹ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 3, д. 25, лл. 1—4.

¹⁰ Там же, оп. 4, д. 6, лл. 1—280.

из оседающих групп семей обращалась со своим прошением. Например, в деле «Об оседлом поселении диналинцев» содержалось 4 прошения¹¹. То же в деле «Об оседлом поселении жителей кочевья Алар»¹² и т. д. Всего же в делах отложилось около 110 прошений о разрешении оседлого поселения от различных кочевых обществ и групп.

Однако делопроизводство по прошением кочевых обществ об оседлом поселении содержало значительное количество прошений и по другим вопросам. Часть из них имела отношение к основной цели ходатайства: скажем, просьбы о предоставлении льготы, о дополнительном земельном наделе в связи с недостаточным количеством земли для оседлого поселения, о прощении недопунков в связи с переходом к новым формам хозяйствования и т. п. Но немалая часть их представляла собой жалобы на злоупотребления участкового агента губернского управления государственных имуществ, на беков, посягавших на землю, на соседние общества, переселенцев и т. д. Нами учитывались лишь прошения, содержавшие просьбу о разрешении оседлого поселения.

Инициативным документом дела являлось прошение кочевого общества, поданное на имя либо уездного начальника, либо губернатора, либо управляющего государственными имуществами губернии, либо наместника. По получении прошения местная администрация приступала к сбору необходимых данных о кочевом обществе с последующим препровождением их в вышестоящую инстанцию, которая выносила соответствующее решение. Последнее в свою очередь сообщалось уездной администрации, в обязанность которой вменялось доводить это решение до сведения просителей. Таким образом, вся процедура продвижения ходатайства кочевников и определяла внутренний строй «дела по прошению».

После административно-судебной реформы 1840 г. делопроизводство во всех органах управления в Азербайджане велось исключительно на русском языке, что естественно, должно было создавать известные трудности для местного населения. Прошения кочевников подавались как на русском, так и на азербайджанском языке, и здесь мы различаем следующие их разновидности.

Первая — оригиналом являлся русский текст, т. е. азербайджанского текста нет, а существо просьбы сообщалось просителями лицу, владешему обоими языками, и тот излагал ее сразу на русском языке. Прошение завершалось неизменной фразой о том, что его со слов просителей перевел и написал или просто составил такой-то^{12а}.

Вторая — текст прошения писался на азербайджанском языке,

¹¹ Там же, д. 227, лл. 1—87.

¹² Там же, оп. 4, д. 856, лл. 1—41.

^{12а} Там же, оп. 4, д. 112, лл. 21—22; д. 189, л. 1.

к которому обязательно прилагался его русский перевод. Нередко перевод делался карандашом прямо на оригинале.

В некоторых случаях переводчик указывал свою фамилию¹³, но скорее это было исключением. И азербайджанский, и русский тексты непременно удостоверялись на азербайджанском языке подписями просителей, свидетелей или поверенных, если среди них имелся грамотный. Как правило, им был представитель духовенства¹⁴. В противном случае ставились отпечатки пальцев¹⁵. Скажем, прошение кочевого общества Алпаут Марданбека было написано Т. Степановым, а под его фамилией стояла подпись на азербайджанском языке лица, присутствовавшего в качестве свидетеля¹⁶. Известен случай, когда отсутствие подписей поверенных вызвало у местной администрации сомнение в подлинности прошения¹⁷. Однако подобные факты были единичными, в общей же своей массе подписи поверенных, подтвержденные соответствующими свидетельствами, неизменно завершали их просьбы. Очень часто сам текст прошения и перевод скреплялись местными именными печатями. Сохранившиеся еще со времени ханского управления, эти печати, по-видимому, вызвали особое доверие просителей, поскольку текст их был написан на азербайджанском языке. Лишь изредка прошения скреплялись печатями сельского общества, введенными уже в связи с новой системой административного управления.

В большинстве своем прошения обеих разновидностей составлялись при участии чиновников местной администрации и, весьма вероятно, непосредственно в помещении администрации, куда являлись поверенные от кочевых обществ.

По адрес-календарю «Кавказского календаря» за соответствующие годы были идентифицированы лица, подписи которых удалось прочесть. Оказалось, что лица, принимавшие участие в составлении и переводах прошений, были чиновниками на уровне секретарей и переводчиков губернских и уездных управлений. Так, один из составителей прошений, губернский секретарь Авшаров Баба-бек, значился секретарем геокчайского уездного управления¹⁸, русские переводы многих прошений были осуществлены титулярным советником Омарбековым Гусейн-беком, состоявшим в разные годы переводчиком при бакинском губернском правлении и секретарем управления государственными имуществами¹⁹,

¹³ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 112, лл. 1—70; д. 187, лл. 1—18.

¹⁴ Там же, оп. 4, д. 187, л. 3—3 об.

¹⁵ Там же, оп. 4, д. 6, лл. 3—4.

¹⁶ Там же, ф. 22, оп. 4, д. 184, лл. 1—2.

¹⁷ Там же, оп. 3, д. 17, л. 4—4 об.

¹⁸ «Кавказский календарь» на 1870 г., адрес-календарь. Тифлис, 1869, стр. 42.

¹⁹ «Кавказский календарь» на 1869 г., адрес-календарь. Тифлис, 1868, стр. 36; «Кавказский календарь» на 1870 г., адрес-календарь. Тифлис, 1869, стр. 41; «Кавказский календарь» на 1871 г., адрес-календарь. Тифлис, 1870, стр. 39.

или Агаларовым Абдул-Касумбеком, переводчиком при мировом посреднике геокчайского отдела губернского по поселенским делам присутствия²⁰.

Однако составителями прошений на русском языке были не только чиновники. Среди них встречаются фамилии и частных лиц. Это был Ага-бек Самедов в звании губернского секретаря, перу которого принадлежало немалое количество прошений начала 70-х годов²¹, или просто «шемахинский житель Иван Иванов»²² и, наконец, некий Мардирос Маркаров²³.

Литературные качества прошений — их оригиналов на русском языке и переводов с азербайджанского — всецело определялись степенью грамотности их составителей и переводчиков. Одни прошения могли быть написаны хорошим русским языком, другие, напротив, отличались стилистическими и орфографическими погрешностями.

Таким образом, русский текст прошения непременно существовал либо в виде оригинала, либо в виде перевода. Сама процедура оформления просьбы подобным образом должна была служить гарантией идентичности содержания просьбы как в оригинале на азербайджанском языке и его русском переводе, так и в виде его единственного текста — оригинала на русском языке (см. приложение 1).

Непременным условием подачи прошений являлось представление поверенными общества доверенности в том, что они действительно избраны сельским обществом, которое поручает им обратиться с соответствующей просьбой²⁴. В случае, когда общество оседало частями, представлялся так называемый отзыв (или общественный приговор) о том, что они не возражают против оседлого поселения своих одноковцев²⁵.

Круг документов, исходивших от самих крестьян-кочевников, завершался подпиской общества или части его в том, что они обязуются в годичный срок «принять оседлость», по истечении которого могут претендовать на обещанную льготу²⁶. Все эти документы писались на азербайджанском языке, и прилагаемые к оригиналам их русские переводы свидетельствовались по тому же принципу, что и прошения.

²⁰ «Кавказский календарь» на 1871 г., стр. 41.

²¹ Все попытки обнаружить его фамилию среди чиновников кавказской администрации, служивших на протяжении середины 50-х — середины 70-х годов XIX в., не увенчались успехом. Составленные им прошения см.: ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 118, л. 40; д. 262, л. 1: д. 338, лл. 5—7.

²² Там же, оп. 3, д. 12.

²³ Там же, оп. 4, д. 85в, лл. 5—6.

²⁴ Делопроизводственный материал изобилует этими документами (ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 189, лл. 1—43).

²⁵ Там же, д. 261, л. 41.

²⁶ Там же, д. 8, л. 96.

По описи № *67/1870г.*

~~Центральный
Историко-этнографический музей
Ф. Оп. № *124*
Кл. № *6*~~

ЦГИА Азерб. ССР
Фонд № *22* Оп. № *3*
Ед. хр. № *1221*

Поземный

ДЕЛО

УПРАВЛЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИМУЩЕСТВАМИ
Бакинской губернии и Дагестанской области.

*Объезд оседловых поселений
жителей коч. Сейдляр,
Кабардинско-Черкесская область,
на земли Колчанов уез.
р. Мурз-Салат.*

~~С. 1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100~~

Началось *16 апреля* в *феврале* *1902* года

Кончено *15 января* *1902* года.

На *274* листах.

ЦГИА Азерб. ССР
Фонд № *22* Оп. № *3*
Ед. хр. № *1221*

136

5 Января 1855

Его Высочайшаго
Господина Шашинского
Удольнаго Начальника.

Общества кочевья Видмарь
Калужинскаго Уезда.

2

Прошение

Ваше Высочайшее, въ свидѣніе
нашей жизни тому, что находив-
шихся съ непомощныхъ времени въ
нашемъ пользованіи земля подъ
названіемъ Мурдоварь отведена въ
цѣль деревни Кондреевой Кошун-
скаго участка - гдѣшнимъ предста-
вителемъ нашей общинки въ просьбѣ
объ отводѣ нашей земли изъ свободной
къ скорѣйшій тѣловой вѣтрѣтисѣ
Доп. люб.

На этомъ основаніи имѣемъ честь
покорнѣйше просить Ваше Высоче-
чайшее содѣлать распоряженіе

По своей структуре прошения крестьян-кочевников не имеют строго выработанного формуляра. Текст их условно строился примерно по такой схеме: описание образа жизни крестьян; цифры о численности всего общества или части его, желающей поселиться оседло (могли быть указаны обе цифры); название земельного участка, просимого под оседлое поселение, и некоторые данные о нем; сведения о хозяйственно-экономическом положении общества к моменту подачи прошения — состояние скотоводства; место земледелия в хозяйстве; на каких условиях общество пользуется пастбищами и т. п. В ряде случаев круг вопросов мог расширяться за счет других сведений: земельные споры с соседними обществами, аренда пастбищ, притязания беков на земли общества, уход на заработки и т. п. Таким образом, содержанию документа свойственно отсутствие четкой структуры и устойчивого состава сообщаемой информации.

Сам характер данных, за небольшим исключением, был иллюстративно-описательным. Сведения, выраженные в цифровых показателях, если они содержались в прошении, касались численности кочевого общества. Причем отражали они не наличное количество дымов, а были основаны на данных последнего ко времени подачи прошения камерального описания. Выглядело это следующим образом: «Общество наше состоит по камеральному описанию в числе 52 дымов, из числа коих мы выше поименованные 15 дымов... желаем принять оседлую жизнь...»²⁷ Однако встречались и такие прошения, в которых количество дымов в обществе не указывалось. Нередки были случаи, когда в прошении общества, оседавшего по частям, указывалась лишь общая численность дымов в обществе без сообщения данных о количестве дымов, ранее перешедших к оседлости.

Иногда в прошении указывалось число пастбищ, закрепленных за обществом. Как правило, перечислялись они по их названиям. Так, в одном из прошений кочевья Вейсаллы просители писали, что крестьяне общества «при введении в 1852 г. новой податной системы по числу 33 дымов получили в надел эйлагн: Топчи, Агри и Новчалы и кышлаг Тураджаллы-Бенд»²⁸.

Подобная приверженность к названиям пастбищ, имевших исключительное местное хождение, не была лишь проявлением своего рода патриархальности крестьянства, следы которой проскальзывают в прошении. Она имела вполне определенное практическое значение. Обозначенные так в давние времена крестьянами — пользователями этих пастбищ подобные наименования фиксировали их за каждой кочевой общиной. Кочевники руководствовались ими и при определении границ пастбищного участка.

²⁷ Делопроизводственный материал изобилует этими документами (ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 501, л. 1).

²⁸ Там же, д. 112, л. 60.

Отсутствие же в крае межевания делало эти местные обозначения необходимыми, и администрация широко пользовалась ими при учете пастбищного фонда.

Нужно отметить, что подобные наименования пастбищ помогают определить те общества, оседание которых происходило по частям. Так, от общества Гевханы было подано несколько прошений. Указанные в них наименования пастбищных участков, просимых под оседлое поселение (в одном случае Ах-Дара, в другом — Дабагун), дали возможность установить, что кочевое общество Гевханы, оседая одновременно, в конечном счете образовало две самостоятельные деревни. Причем наименование каждой из них было дано по названию этих пастбищ²⁹.

Что касается площади пастбищ, находившихся в пользовании общества, то ни в одном из прошений об этом нет никаких свидетельств. Данные о пастбищном участке, которые кочевники просили под оседлое поселение, в некоторых случаях носили более конкретный характер. Наряду с общими сведениями — описанием границ участка, качество с точки зрения пригодности к земледелию — изредка — указывалась и его примерная площадь. Например, кочевники общества Пир-Гасанлы в своем прошении площадь просимого участка определили до 400 десятин³⁰. Однако такого рода случаи довольно редки.

В основном же количественные представления кочевников о своих пастбищах ограничивались лишь тем, что им было известно их число. Но зато в прошении чрезвычайно тщательно описывались границы пастбищного участка с подробным обозначением всех его естественных пределов. С точки зрения хозяйственной практики и представлений крестьянина того времени этого было вполне достаточно, так как в его сознании прочно утвердилась бытовавшая в недалеком прошлом (до 1852 г.) система взимания податей и повинностей, которая производилась не с размера земельной площади, а с количества выпасавшегося на ней скота.

Отсутствие точных пространственных представлений кочевых крестьян проявлялось и в том, как аргументировалась ими просьба о предоставлении просимого участка. Соответствие его площади числу дымов определялось чисто априорно: по своему количеству (без указания площади) и качеству названная земля достаточна для оседлого поселения такого-то числа дымов общества³¹. Для кочевников важным являлось закрепление за собой пастбища, которое издавна находилось в общественном пользовании, и тут на помощь приходило его название, а не размер площади. Не случайно из прошения в прошение в качестве своего рода стереотипа кочевала фраза: с древних времен или со вре-

²⁹ ЦГИА. Азербайджанской ССР. ф. 22, оп. 4, д. 260, лл. 1—5; д. 261, лл. 47, 67.

³⁰ Там же, д. 697, л. 32.

³¹ Там же, д. 11, л. 37.

мен предков общество на протяжении длительного времени пользуется таким-то пастбищем³².

Поскольку документ писался не самими крестьянами, а составлялся с их слов, то, естественно, соответствующая интерпретация просьбы зависела от мастерства составителя, и в этом смысле прошение не было освобождено от постороннего влияния. Есть прошения, в которых в весьма живописной форме повествуется о бедственном положении крестьян общества.

Мотивируя просьбу, крестьяне попутно сообщали о себе некоторые сведения. Хотя делалось это в общих чертах, но подобные данные представляют немалый интерес. Расчлененные по темам, они дают возможность воссоздать картину положения общества. Систематически повторявшиеся в прошениях жалобы крестьян на резкое падение поголовья скота создавали некоторое представление о состоянии в обществе скотоводства³³. Из прошений мы узнаем, как в результате обезземеливания некоторые кочевые общества распались и разбрелись по частям в поисках побочных занятий и заработков, как кочевые крестьяне нанялись в соседние деревни для уборки хлеба и даже рабочими на железной дороге³⁴. Прошения содержат в себе данные о растущем числе земельных споров, причем не только между самими кочевыми обществами, но и между ними и оседлыми сельскими обществами³⁵.

Частые упоминания о том, что крестьяне общества распаивают пастбищные участки, занимаются скотоводством, шелководством и рисоводством, свидетельствовали не только об утверждении земледелия в качестве устойчивой отрасли хозяйства, но и о тех направлениях его, которые развивались в оседающих обществах³⁶.

К этим сообщениям примыкают сведения, позволяющие судить о появлении у кочевников новых черт быта. У значительного числа обществ к моменту подачи прошения на местах зимних стоянок существовали хозяйственные и жилые постройки³⁷. Более того, подобные сообщения свидетельствовали о том, что факт перехода к оседлости предшествовал его официальному оформлению.

К сожалению, данные прошений об имущественном неравенстве в кочевом обществе не расширяют наших представлений на этот счет. Они лапидарно общи и, кроме констатации самого факта наличия в обществе имущественного неравенства, ничего не дают. Сведения эти выглядят следующим образом: «...мы выше поименованные 15 дымов, по бедным положением нашим и не-

³² Там же, д. 286, л. 6; д. 6, л. 3.

³³ Там же, д. 612, л. 75.

³⁴ Там же, д. 584, л. 83; д. 688, лл. 7—8.

³⁵ Там же, л. 269.

³⁶ Там же, л. 286, л. 6; д. 112, лл. 21—22.

³⁷ Там же, д. 183, л. 1.

менными рогатые скоты и бараны,... едва ли только снискиваем как себе, так и семействам своим дневное пропитание, а также с затруднением и занятнем деньги в долг отбываем казенные подати и земские сборы наравне с остальными богатыми дымами нашего общества, имеющими рогатые скоты и бараны»³⁸.

Безусловного интереса заслуживают сообщения прошений о характере кочевания обществ. Значительное количество их начинается с описаний такого рода: «Наше общество кочевое и состоит из 50 дымов. По настоящее время оно на лето своими стадами овец и скотом кочевало на эйлаги в Шемахинский и другие уезды, а остальное время жило и зимовало в кибитках на кишлагах»³⁹. Подобные сведения чрезвычайно важны при определении степени номадизма кочевников Азербайджана в исследуемое время.

Этим исчерпываются те наиболее важные вопросы, которые составляли основное содержание прошений.

Что же представляла собой другая часть «дела по прошению» — собственно делопроизводственный материал и на базе каких данных он формировался?

Поскольку в основе ходатайства кочевников о разрешении им оседлого поселения лежала просьба о земельном наделе, то и все делопроизводство строилось в плане определения земельного обеспечения общества к моменту подачи прошения.

Сбор сведений производился как бы двумя кругами. По получении прошения местной администрацией, скажем, уездной, последняя через посредство участкового заседателя собирала предварительные и самые общие данные об инициаторе просьбы. После того эти данные препровождались в вышестоящую инстанцию. Рапорт начинался с изложения основной цели прошения. Например: «Жители коч. Перембель 4 части, племени Инули, поданным в марте месяце 1861 г. прошении просили... об отводе им казенного участка земли под названием «Мелик-Касым» под оседлое поселение. По собранным себидажским участковым заседателем на месте сведениям оказалось, что поселения эти есть кочевые, просимый же ими участок земли к отводу есть казенный и никем не занятый, на котором просители в числе 12 семейств обзавелись домами и хозяйством, и потому к отводу Инулинцами его нет препятствий»⁴⁰. Затем давались описание границ участка и примерная его площадь. Последняя могла быть выражена в таких мерах, как количество рогатого скота, которое может пасть на участке (например, 2 тыс., 4 тыс. баранов⁴¹) или в тагарах посева⁴².

³⁸ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 501, л. 1; ЦГИА Грузинской ССР, ф. 12, оп. 10, д. 425, лл. 16—17.

³⁹ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 2, д. 612, л. 75.

⁴⁰ Там же, оп. 4, д. 131, л. 2.

⁴¹ Там же, д. 40, л. 4.

⁴² Там же, д. 167. Тагар — мера сыпучих тел, величина которой в разных

Представляли интерес и такие наблюдения участкового заседателя, как появление у кочевников черт оседлости: постоянное пребывание на своих кишлаках на протяжении последних нескольких лет, наличие стационарных жилищ, хозяйственных сооружений⁴³. Рапорт завершался просьбой уездного начальника о распоряжении губернского правления снять на план землю, пригодную под оседлое поселение⁴⁴.

Но иногда уездное управление старалось собственными силами освидетельствовать возможность предоставления участка под оседлое водворение. Примерный обмер земли производился каким-либо чиновником из управления, скажем, столоначальником⁴⁵, или самим уездным начальником.

На этапе предварительного сбора сведений устанавливалось, а в большинстве случаев проверялось по данным прошений число дымов в обществе. Источником служили статистико-демографические описания, камеральные, как их именовали в прошенных и делопроизводстве. Во второй половине XIX в. они были произведены в Бакинской губернии в 1857—1869, 1873 и 1886 гг.⁴⁶ Но почти никогда не делались попытки со стороны администрации выявить несоответствие между наличным количеством дымов в обществе и данными этих описаний.

При предварительном сборе сведений привлекались хранившиеся в уездном управлении письменные свидетельства, которые фиксировали кочевое общество как пользователя определенного количества пастбищ. Появление таких документов связано с податной реформой 1852 г., в результате которой пастбища кочевых обществ, признанные казенной собственностью, были уже в качестве надела оставлены в распоряжении этих обществ с соответствующим податным окладом. В этой связи была произведена их частичная кадастрация. Однако в условиях неразмежеванности земель цифры об их площади были весьма приблизительны и требовали основательного уточнения. Даже в самой делопроизводственной практике администрация пользовалась главным образом данными не о размерах площади, а о числе пастбищ, числившихся за обществом⁴⁷.

Поэтому при возбуждении кочевниками ходатайства об отводе им земель под оседлое поселение возникала необходимость скорейшего их количественного определения. С этого начинался

местностях была неодинаковой (от 240 до 600 кг). Термин употреблялся как мера участка земли, на которой можно засеять тагар пшеницы.

⁴³ Там же, д. 167, л. 1.

⁴⁴ Там же, д. 41, лл. 17—18.

⁴⁵ Там же, д. 131, лл. 2—3.

⁴⁶ Данные их были опубликованы: «Списки населенных мест Российской империи. Бакинская губерния (По сведениям с 1859 по 1864 г.)», т. 65. Тифлис, 1870; «Сборник сведений о Кавказе», т. VI. Тифлис, 1879; «Статистический вестник Кавказского края», т. 1, вып. 1—6. Тифлис, 1887—1888.

⁴⁷ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 3, д. 61, л. 2.

второй этап сбора сведений, связанных с выяснением непосредственно на месте размера площади и качества участка, просимого под оседлое поселение. Для снятия его на план в кочевое общество командировался землемер или какой-либо другой представитель местной администрации, который в присутствии понятых составлял акт о произведенном обмере участка. Полученные в результате этих обследований сведения были по своему качеству неоднородны и отражали различный уровень самих обследований, вследствие чего они не поддаются группировке. Площадь земельного участка могла быть выражена в точных цифрах⁴⁸, примерных десятинах или верстах и даже в количестве скота, которое могло быть выпасено на участке⁴⁹.

Например, как следует из акта, заключенного при обмере участка Дабагун, предназначавшегося для поселения общества Гевханы, площадь его была измерена 10-саженной веревкой и примерно определено пространство, годное для хлебопашества⁵⁰. Как правило, более точные данные о площади участков относятся к тем, которые подвергались хозяйственной съемке. Последняя производилась в том случае, когда участок был спорным или при зятнувшемся отводе земель под оседлое поселение⁵¹. Наряду с общей площадью участка могла быть указана и структура надела общества. Например, участок, просимый обществом Хила, насчитывал около 400 десятин, из которых под пашней — около 150, усадьбами и садами — 80 и выгонами — 170 десятин⁵². Хотя в данном случае произведенный обмер выражен в цифрах весьма приблизительных, но сведения эти очень интересны, так как свидетельствуют о степени оседлости кочевого общества. К сожалению, такие сведения более характерны для обследования кочевых обществ, уже осевших⁵³, да и они среди делопроизводственного материала встречаются очень редко.

В целом же в вопросе определения земельного обеспечения общества мы не можем опираться на данные хозяйственной съемки, так как они в своей основной массе неточны и неполны.

Однако практически указанная норма надела в большинстве случаев оказывалась нереальной, так как, с одной стороны, наличное число дымов не соответствовало данным официальной статистики, с другой — не была определена площадь участка, отводимого под оседлое поселение общества. Довольно распространенным был и такой вариант отвода участка, когда официальное разрешение предшествовало его обмеру⁵⁴.

Необходимо остановиться на таких данных делопроизводствен-

⁴⁸ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 63, л. 7.

⁴⁹ ЦГИА Грузинской ССР, ф. 12, оп. 10, д. 425, л. 8.

⁵⁰ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 261, л. 55.

⁵¹ Там же, лл. 47, 67.

⁵² Там же, д. 612, лл. 85—86.

⁵³ Там же, д. 708, л. 85.

⁵⁴ Там же, оп. 14, д. 4, л. 00.

ного материала, как описание положения общества к моменту подачи прошения. Доставлялись они теми же чиновниками местной администрации, которые командировались в общество, и, следовательно, в основе ее лежали показания очевидцев. Изложенные в рапортах и построенные примерно по такой же схеме, как и прошения кочевников, они дают возможность судить о скотоводстве, роли земледелия, формах быта, имущественном неравенстве, аренде и т. д., словом, о тех же самых аспектах жизни кочевого общества, сведения о которых содержались в самих прошениях.

Сведения об экономическом неравенстве в обществе, встречающиеся в материалах делопроизводства, по своему характеру, как правило, мало отличаются от аналогичных данных прошений. Но сам факт констатации этого неравенства, тем более со стороны официальной, свидетельствует в пользу достоверности этих сведений в прошениях. Так, ленкоранский уездный начальник считал причины, побуждавшие 40 дымов крестьян кочевого общества Панаванд обратиться с просьбой об оседлом поселении, справедливыми и заслуживающими удовлетворения. Только водворившись оседло и получив землю для хлебопашества, они могли порвать зависимость от своих богатых однокочевцев, в числе которых был злоупотреблявший своим положением старшина. Последние, пожелав остаться кочевниками, тем самым сохраняли в своем пользовании летние пастбища⁵⁵. Более того, в деле нашли отражение и конфликты, возникшие между этими двумя группами хозяйств: оседающей и ведущей кочевой образ жизни⁵⁶.

Прекрасно сознавая ограниченность информации, которая не представляет возможности для статистической обработки материала об имущественном состоянии кочевников, тем не менее мы не можем не оценить даже того минимума данных, которые содержатся в комплексе дел по прошению. Совпадающие по двум своим основным источникам — по прошению и делопроизводству, эти сведения дают возможность судить о характере процесса оседания кочевого крестьянства и, в частности, о том, что этим процессом были охвачены прежде всего беднейшие его слои.

Необходимо отметить, что рассмотренные вопросы не исчерпывали содержания делопроизводственных материалов. В них нашло отражение множество единичных фактов, иллюстрирующих различные стороны жизни кочевых обществ и их взаимоотношения с местной администрацией⁵⁷.

Уже сам перечень тех сведений, которые содержатся в делопроизводственных материалах в части, касающейся сбора сведений о кочевниках, свидетельствует о совпадении их с данными прошений. Посещая кочевые общества, местные чиновники становились непосредственными наблюдателями самого процесса их

⁵⁵ Там же. ф. 22. оп. 4, д. 628. лл. 71—73.

⁵⁶ Там же, лл. 31—32.

⁵⁷ Там же, д. 60, лл. 33—34.

оседания. Составленные ими сообщения воспроизводили все его градации и могут служить критерием достоверности аналогичных данных в прошениях кочевников.

В качестве примера можно привести текст прошения кочевья Геокляр и сравнить его с материалами делопроизводства.

Приводимый пример весьма характерен. В связи с несвоевременным обмером участка, просимого под оседлое поселение, с одной стороны, и обнаружившимся несоответствием его площади реальному количеству дымов в обществе — с другой, понадобилось дополнительное обследование кочевья Геокляр. Делопроизводство отразило все его этапы. В нашем сопоставлении они отмечены соответствующей датой. Данные делопроизводства, извлеченные из разных его документов, сгруппированы соответственно вопросам прошения⁵⁸.

Прошение (1868 г.)

Делопроизводство (1868—1882 гг.)

От 93 семей общества.

Геоклярцев по камеральному описанию 1863 г. значится 92 дыма (Отношение управляющего Бакинской губернии 1873 г.). Общество Геокляр состоит из 50 дымов оседлых и 87 кочевых (Акт, заключенный агентом-землемером о сдаче-приеме общества в 1879 г.).

В пользование общества при введении в 1852 г. новой финансовой системы предоставлены кишлаги Дарача, Халфа и Тапалы⁵⁹.

В настоящее время в пользовании геоклярцев находятся следующие пастбища: кишлаги Хальфа, Дароче, Топалы и эйлагы Гадум Аллах-Верди, Молла-Эшсаги и Молла-Фарзали. Кишлаги (занимаемые геоклярцами в числе 137 дымов): а) часть Тапалы — удобной 1056,9 дес. и неудобной 7,7 дес.; б) Дараджа — удобной 1109,7 дес. и неудобной 16 дес.; в) Хальфа — удобной 1013,9 дес. и неудобной 7 дес.; г) часть Алекпер — удобной 934,3 дес. и неудобной 7 дес. Эйлагы: Хаджи Аллахверды на 900 баранов, Хаджи Эйлагы на 600 баранов и часть Молла Фарзали на 400 баранов (Акт 1879 г.).

Терпя ощутительную нужду в хлебопахотных местах, решили «упрочить оседлую жизнь на настоящем месте жительства нашего на земле Ппр-Мардакан...» Просимая земля граничит: с востока — Новутчи-будаши, с запада — Молла-Кая и с севера — речка Ппр-Сагат.

По вычислению на плане в урочище Ппр-Мардакан оказалось удобной 1178 дес. 500 кв. саж. и неудобной — 70 дес. 1200 кв. саж., под дорогами 5 дес. 300 кв. саж., под садами 50 дес. Сверх того, 50 дес. земли находится в арендном содержании у частного лица. «Всего же в урочище 1353 дес. 2000 кв. саж. (Рапорт землемеров 1871 г.). Яздар Ппр-Мардакан (занимаемое геоклярцами поселение удобной 1025 дес. и неудобной 16,7 дес.). Часть на 5—6 тагар посева захвачена хаджикадырлинскими беками (Акт 1879 г.). Всего земли у 137 дымов: пашни — 1700 дес., под садами — 8,2 дес., под выгоном — 3028,4 дес. Итого: удобной 5143,6 дес. и неудобной 58,3 дес. Пространство эйлагов не принято в расчет, так как и осевшие, и кочевники пользуются всеми угодьями и пастбищами сообща, отбывая наравне подъемную подать по 13 руб. 40 коп. (Акт 1879 г.).

⁵⁸ ЦГИА Азербайджанской ССР. ф. 22, оп. 4, д. 183, лл. 1—270.

⁵⁹ Транскрипция дается по документу.

Просим наделить указанной пропорцией земл. В случае же недостачи просим о прирезке земли из кишлага Тапалы, состоявшего в пользовании общества.

Из 25 семей из общества имеют уже каменные дома на просимой под оседлое поселение земле, а остальные обязываются приступить к постройке таковых по получении на то разрешения.

По числу 92 дымов недостаточно земли урочища, т. к. местность безводная. При наделении 25 дес. пропорцией не хватает еще 994 дес., которые могут пополниться из кишлага Тапалы, показанного за геоклярцами по списку 1852 г. (Отношение управляющего бакинской губернии 1873 г.).

При осмотре оказалось, что имеются следующие обзаведения: каменных домов пять, из сырцового кирпича четыре, камышевых два, земляных четыре и притом две мельницы. При постройках имеются разведенные геоклярцами сады: фруктово-шелковичных семь, шелковичный один и фруктовый один, вновь обсаженный шелковичными деревьями один и три садовых места, обведенных канавою, на кои еще не рассажены предположенные шелковичные деревья (Акт мл. помощника шемахинского уездного начальника 1869 г.).

Как уже упоминалось, в прошениях обычно указывалось не наличное число дымов, а то, которое было зафиксировано последним камеральным описанием. Приводимое в прошении число дымов — 93 — подтверждается актом землемера 1879 г. Эта же цифра фигурирует в отношении управляющего Бакинской губернии 1873 г. в связи с предстоящим наделением общества землей. Это естественно, поскольку в основе и тех, и других данных лежит один источник — камеральное описание. Но эти данные корректируются самим же землемером, посетившим общество и отметившим наличное число дымов, причем с дифференциацией их на уже осевших и продолжавших вести кочевой образ жизни соответственно: 50 и 87 дымов.

Что касается пастбищных участков, то в прошении говорилось лишь о зимних пастбищах. Данные же делопроизводства и в этом случае более полны, так как отражают все виды пастбищ, числившихся за кочевым обществом Геокляр. Более того, в акте отмечен и факт совместного пользования пастбищами как крестьян осевших, так и еще кочующих.

Далее, просители обращали внимание администрации на недостаточное количество земли в участке. Произведенное обследование не только подтвердило необходимость дополнительной нарезки земли, но и установило причину этого — плохое качество земли, а также структуру надела на этом участке.

Указанное в прошении число семей, уже отстроивших себе каменные дома, как выяснилось при обследовании, произведенном на следующий год после подачи крестьянами прошения, оказалось несколько преувеличенным. Желая показать, насколько общество подготовлено к оседлому водворению, крестьяне пошли на маленькую хитрость, хотя большого отклонения от действительного положения вещей здесь не было. Как правило, фактический переход к оседлости предшествовал его юридиче-

скому оформлению, что еще раз подтвердили делопроизводственные материалы по поводу прошения кочевого общества Геокляр.

Таким образом, сравнение сведений прошений с данными делопроизводства свидетельствует об охвате ими идентичного круга вопросов и вместе с тем указывает на высокую ценность второго источника — делопроизводства, которое содержало в себе сведения, более пространные и во многом уточненные.

Следовательно, при отсутствии текста прошения делопроизводство может служить достаточно надежным источником для определения динамики процесса оседания кочевников и тех явлений, которые происходили в кочевом хозяйстве.

Наконец, делопроизводственный материал содержал сведения, появление которых было обусловлено самой процедурой решения, выносившегося по поводу предоставления кочевым обществам оседлого поселения. Если делопроизводство условно разбить на разделы, соответствующие этапам движения дела, то эти данные как бы составляли его третью завершающую часть: инициативный документ (прошение), сбор сведений и решение по делу об оседлом поселении.

Прошью кочевников могли быть либо удовлетворены, либо отклонены, либо оставлены без последствий.

В случае, если кочевникам разрешалось оседлое поселение, то реализация его осуществлялась на основании существующего законодательства об оседлом поселении (рескрипт 1830 г.). Решение доводилось до сведения губернатора и фигурировало в деле либо в виде отношения на его имя высшей инстанции кавказской администрации (на уровне главного управления наместника), либо в виде предписания губернатора уездной администрации. В обоих случаях в документе указывались дата представления ходатайства губернатора и его номер⁶⁰. Однако практика оседлого устройства кочевых обществ, с одной стороны, и отсутствие четкой редакции пункта о льготе в рескрипте — с другой, внесли в это условие существенную коррективу. В уставе о податях в ст. 831 «О податях с обывателей Закавказского края» (примечание 1) пункт о льготе приобрел несколько иную, более ограничительную, чем это было в рескрипте, формулировку: шестилетняя льгота предоставлялась лишь после окончательного водворения кочевников⁶¹. Последним надлежало «с представляемым об этом войти в то время, когда они прочно водворятся на избранной ими земле»⁶².

Отвод земельного надела, как явствует из делопроизводственных материалов, осуществлялся на основе нормы, установленной из расчета 2 десятины неудобной земли за 1 десятину удоб-

⁶⁰ См., например, ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 118, л. 17.

⁶¹ «Свод законов Российской империи», т. V, ч. 2, отд. I, ст. 831. СПб., 1857.

⁶² ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 61 (из дела об оседлом поселении кочевья Алпоут Мардан-бека), л. 21.

ной, т. е. 15 десятин удобной или 30 десятин неудобной земли⁶³. Оставшиеся за наделом излишки площади подлежали изъятию в так называемое хозяйственное управление с последующим образованием из них оброчных статей для отдачи с торгов. Напротив, при нехватке земли администрация обязана была наделить оседающее общество «недостающей пропорцией земли».

Однако насколько быстро осуществлялось первое условие оседлого поселения (принятие пастбищ в хозяйственное управление), настолько долго тянулись предоставление льготы от платежа податей и дополнительная нарезка земли. Как правило, изъятие числившихся за обществом пастбищ предшествовало наделению общества землей⁶⁴.

Совокупность всех этих факторов тормозила процесс оседания кочевых обществ, и делопроизводство отразило в себе свидетельства того, насколько мучительным был для основной массы кочевого крестьянства переход к новым формам хозяйства и быта⁶⁵. Поэтому не случайным является факт отказа самих кочевников от оседлого поселения⁶⁶.

Что касается отказов в оседлом поселении, исходивших со стороны правительственных органов, то причины их могли быть различны: несоответствие площади просимого участка числу дымов в обществе, спорный характер участка, предназначение его для отвода русским переселенцам и т. п.⁶⁷ Однако наиболее частой причиной отрицательного решения вопроса об оседлом поселении кочевых обществ с середины 70-х годов являлись ссылки администрации на предстоящее в будущем размежевание земель губернии. Основанием являлся циркуляр бакинскому губернатору от 31 декабря 1875 г. за № 2273⁶⁸. В 1884 г. он был подтвержден новым распоряжением администрации. Однако в мотивировке отказов отсутствовала точная ссылка на официальный документ. Как правило, она выражалась общей фразой о том, что «высшею властью предположено произвести всеобщее размежевание всех казенных земель для уравнительного затем наделения всех казенных крестьян, почему и приостановлены всякие отводы и наделы земель»⁶⁹. Лишь в одном деле упоминается надпись от 25 мая 1884 г. за № 2574⁷⁰.

⁶³ Отвод земли оседающим кочевникам производился на основе законодательно установленных правил о наделении государственных крестьян («Свод законов Российской империи», т. XII, ч. 2, стр. 10, §1).

⁶⁴ ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 118, л. 43; см. также д. 112, лл. 34, 39—40.

⁶⁵ Там же, д. 6, лл. 1—280; д. 20, лл. 2—258; д. 152, лл. 1—114.

⁶⁶ Там же, д. 628, л. 58; см. также д. 989, л. 22—22 об.; д. 656, л. 47.

⁶⁷ Хотя в официальном отказе эта последняя причина фигурировала в случаях единичных, в самом делопроизводстве, начиная с конца XIX в., отразилась тенденция к ограничению процесса оседлого поселения кочевников в связи с активизацией переселенческой политики царизма на Кавказе (ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 612, л. 45).

⁶⁸ Там же, оп. 3, д. 12, л. 73.

⁶⁹ Там же, оп. 4, д. 574, л. 10; см. также оп. 1, д. 20, л. 12.

⁷⁰ Там же, оп. 4, д. 584, л. 4.

Отражая многообразную совокупность явлений, свойственных кочевому хозяйству Азербайджана, включая сюда и его взаимоотношения с правительством в процессе перехода к оседлости, сведения прошений и делопроизводственных материалов обладали вместе с тем весьма существенным недостатком. Данные и тех, и других, за небольшим исключением, по своему качеству были неодинаковы. Будучи вполне достоверными, они не содержали в себе таких данных, извлечение которых при соответствующей группировке материала создает возможность статистического изучения тех или иных социально-экономических процессов. В этих условиях чрезвычайно затруднялся выбор правильной методики их обработки.

Поскольку было важно определить значение прошений крестьян-кочевников как исторического источника, то соответственно эти документы и должны были бы стать основным объектом наблюдения. С этой целью была составлена анкета, вопросы которой отражали основное содержание прошения по типу карточки-анкеты, предложенной Б. Г. Литваком при разработке им методики статистического изучения крестьянского движения⁷¹.

Однако выбор в качестве объекта систематизации одних только прошений посредством данной анкеты не оправдал себя. Прежде всего не все «дела по прошению» имели в своем составе само прошение, следовательно, какое-то число кочевых обществ, стоявших за прошениями, оставалось вне изучения. Далее, в силу специфической ограниченности сведений прошений, которые, как правило, носили более иллюстративный, чем конкретно-статистический характер, анкета по существу не освещала таких кардинально важных вопросов, как земельное обеспечение общества, состояние скотоводства и т. п., так как полученные ответы были слишком общи. Существенным недостатком применения такой анкеты явилось и неравномерное распределение сведений по прошениям. Частота их была разнообразной, и анкета зияла пустотами. Вместе с тем в каком-нибудь прошении могли неожиданно оказаться сведения, не предусмотренные вопросами анкеты. Наконец, оставались неизвестными последствия просьбы, так как прошение не содержало в себе сведений по поводу принятого решения. Таким образом, путь изоляции инициативного документа не дал нужных результатов.

Поэтому казалось бы правильным сделать объектом наблюдения каждое «дело по прошению» в целом, завершённую форму которому придала сама делопроизводственная система. Однако и в данном случае результаты были аналогичны. Типовая анкета,

⁷¹ Б. Г. Литвак. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России. М., 1967, стр. 30—31.

составленная на базе конкретного «дела», не могла исчерпать суммы сведений, содержащихся во всем комплексе делопроизводственных материалов. Составление же «индивидуальных» анкет, приспособленных к каждому «делу» в отдельности, представлялось не только громоздким (ответы в анкетах излагались в форме регест), но в силу специфики каждого «дела» не давали возможности провести их унифицированно-монографическое обследование. Можно было бы заносить на отдельную карточку каждый содержащийся в «деле» факт, с тем чтобы впоследствии произвести предметную систематизацию зафиксированного материала. При этом образовалось бы громадное количество исходной информации. Однако при таком подходе основные темы оказывались размытыми второстепенными сюжетами.

Таким образом, ни один из этих путей не принес желаемого эффекта. Вместе с этим, необходимо отметить положительный итог наших поисков, в ходе которых еще раз обнаружилось несовершенство информации самих прошений и делопроизводства: отсутствие устойчивого состава информации и его качественная неоднородность. Следовательно, применение такой методики, которая позволяет производить тематическую систематизацию полученных сведений, малопригодна, поскольку характер наших данных требованиям такой методики не отвечал.

Поэтому для определения информационного потенциала нашего источника прошений в совокупности с делопроизводством была разработана подробная первичная анкета-вопросник, но составленная уже на основе всего комплекса делопроизводственных материалов, что обеспечивало более полный охват их данных (см. приложение 2). При этом вопросы первичной анкеты (43) учитывали содержание каждого дела, заведенного по поводу прошения кочевого общества даже в том случае, если их было несколько. Кроме того, анкета заводилась на общество, дело на которое отсутствовало, а данные о подаче им прошения находились в «деле по прошению» другого общества⁷².

На базе этой первичной анкеты применительно к каждому кочевому обществу была составлена специальная анкета, формализующая данные анкеты-вопросника. Формализованную анкету необходимо было построить таким образом, чтобы ее схема дала возможность отделить информацию инцидентного документа от делопроизводства. В этой связи анкета по вертикали делилась пополам: в левой части отмечались данные прошений, в правой — де-

⁷² Например, в деле «По прошению 23-х семейств жителей коч. Мелик-Чобанлы о дозволении им поселиться оседло» находилось прошение части коч. Чирахлы, пожелавшей «принять оседлость» на земле, смежной с обществом Мелик-Чобанлы с последующим слиянием их в одно сельское общество (ЦГИА Азербайджанской ССР, ф. 22, оп. 4, д. 118, лл. 1—44).

лопроизводства. Потребность к такой градации диктовалась тем, что нередко в деле отсутствовал принципиальный документ. Сравнение же данных прошений и делопроизводства, как уже отмечалось, показало, что в этих случаях делопроизводственные материалы могли служить более точным источником при изучении процесса оседания кочевых обществ, что должно было быть обязательно отражено в анкете. Третья графа анкеты предназначалась для фиксации суммарных данных, т. е. прошений и делопроизводства.

Каким же образом происходило заполнение формализованной анкеты? Против каждого вопроса анкеты ставился соответствующий знак: в случае, когда в прошениях и материалах делопроизводства содержались нужные сведения, ставился знак плюс, когда отсутствовали — делался прочерк. Что же касается 3-й графы, то здесь необходимо было суммарные данные дифференцировать по источнику. Сведения, содержащиеся только в прошениях, отмечались буквой *n*, в делопроизводстве — *d* и совпадающие по двум источникам — *c*; отсутствие в графе сведений отмечалось также прочерком. Кроме того, анкета была снабжена шифром: против названия кочевого общества указывались архив, номера фонда, дела и крайние даты дела (см. приложение 2).

Всего было заполнено 114 формализованных анкет по числу кочевых обществ. Их показатели легли в основу сводных таблиц. Таких таблиц оказалось три. При группировке данных первичных анкет были выделены в самостоятельные таблицы сведения, взаимноисключающиеся по своему содержанию (см. приложения 5 и 6). Например, группы вопросов, связанных с решением по поводу прошения: ходатайство было либо удовлетворено, либо отклонено. Включение же их в одну таблицу давало в итоге неверную сумму информации. Обобщенные в один пункт анкеты «решение по поводу прошения», они не деформировали общей картины. Сказанное относится и к группе вопросов, связанных с земельным обеспечением общества, земельными спорами, фактическими последствиями поселения.

Наибольший интерес представляет табл. 1 (см. приложение 4), которая максимально полно вскрывает особенности информации всего делопроизводственного комплекса. За единственным исключением (вопрос № 16), нет такого пункта анкеты, который не содержался бы одновременно и в прошениях, и делопроизводстве. Более всего это относится к таким сведениям, как: цель подачи прошения (№ 5), совпадающей в 66 анкетах, что составляло 57,9% общего числа анкет (114); участок, просимый под оседлое поселение (№ 8), — в 60 анкетах, что составляло 52,6%; группа вопросов о численности кочевого общества и части его подавших прошение (№ 3, 4) — соответственно в 34 и 20 анкетах, что составляло 29,8 и 17,5% общего числа анкет.

Вместе с тем таблица дает возможность дифференцировать информационную специфику каждого из источников, а также выявить их внутреннее соотношение.

Приложение 2

Наименование кочевого общества, уезда

Архив: № фонда
№ дела , лл

Первичная анкета

1. Дата подачи прошения
2. Общее число дымов в обществе
3. Все общество
4. Часть общества
5. Цель подачи прошения
6. Мотивировка
7. Сведения об участке, просимом для оседлого поселения (название, границы, площадь, качество)
8. Давность пользования пастбищем
9. Пастбища, предоставленные при введении податной реформы 1852 г.
10. Количество пастбищ
11. Площадь »
12. Качество »
13. Пастбища арендуемые
14. » сдаваемые в аренду
15. Сведения об образе жизни, характере кочевания
16. » о состоянии скотоводства
17. » о наличии земледелия
18. » о наличии жилых и хозяйственных построек к моменту подачи прошения.
19. Земельные споры:
  20. С беками
  21. Обществами — кочевыми и оседлыми
  22. Земли кочевого общества отведены или предназначены для отвода русским переселенцам
  23. Сведения об имущественном неравенстве в обществе
  24. Податной оклад к моменту подачи прошения
  25. Уход на заработки
  26. Просьба удовлетворена. Дата решения
27. Условия оседлого поселения:
  28. Предоставлен просимый участок
  29. Норма земельного надела для оседающих
  30. Необходимость в дополнительной нарезке земли
  31. » в изъятии излишков
  32. Изъятие в хозяйственное управление числившихся за обществом пастбищ
  33. Предоставление 6-летней льготы — освобождение от податей
  34. Новый податной оклад по истечении льготного срока
  35. Просьба отклонена. Дата решения
36. Мотивировка:
  37. Площадь и качество просимого участка не соответствуют числу дымов в обществе
  38. Участок находится в споре
  39. Участок предназначен для отвода русским переселенцам
  40. Циркуляр 1875 г.
  41. » 1884 г.
  42. Мотивировка неизвестна
  43. Просьба оставлена без последствий
  44. Нет сведений
  45. Поселились оседло
  46. Отказались от оседлого водворения

Анкета
Геокляр, Шемахинский уезд

№ п/п	Прошения	Делопр-изводство	Сумма данных	№ п/п	Прошения	Делопр-изводство	Сумма данных
1	+	+	с	22	—	+	д
2	+	+	с	23	—	+	д
3	+	+	с	24	—	—	—
4	+	—	п	25	—	+	д
5	+	+	с	26	—	+	д
6	+	—	п	27	+	+	с
7	+	+	с	28	+	+	с
8	—	—	—	29	—	—	—
9	+	—	п	30	—	+	д
10	+	+	с	31	—	—	—
11	—	+	д	32	—	—	—
12	—	+	д	33	—	+	д
13	—	—	—	34	—	—	—
14	—	—	—	35	—	—	—
15	+	—	д	36	—	—	—
16	—	+	д	37	—	—	—
17	+	+	с	38	—	—	—
18	+	+	с	39	—	—	—
19	—	+	д	40	—	—	—
20	+	+	с	41	—	—	—
21	+	+	с	42	+	—	п
				43	—	+	д

Так, для прошений наиболее характерными являются такие данные, как дата подачи прошения (№ 1) — в 45 анкетах, что составляло 39,5 общего числа анкет; мотивировка перехода кочевников к оседлости (№ 6) — в 47 анкетах — 41,2%; характер кочевания (№ 9) в 22 анкетах — 19,2% общего числа анкет.

Напротив, определенная группа сведений составляла информационную прерогативу делопр-изводственных материалов. Например, сообщения о земельных спорах (№ 13) встречаются в 42 анкетах — 36,9% общего числа анкет; количество пастбищ, числившихся за обществом (№ 7), — в 37 анкетах — 32,5%. Естественно, это касается вопросов, связанных с решением по поводу прошения (№ 17), которые были наиболее типичны для делопр-изводственных материалов и упоминаются в 90 анкетах, что составляло 79,0% общего числа анкет.

Такую же закономерность размещения сведений, отражающих мотивировку решения, иллюстрируют данные табл. № 2 и 3 (см.

Приложение 4

Сводная таблица данных анкет (№ 1)

№ вопроса	Сведения	Совпадающие в прошениях и делопроизводстве		Только в прошениях		Только в делопроизводстве		Нет сведений	
		число анкет	%	число анкет	%	число анкет	%	число анкет	%
1	Дата подачи прошения	28	24,6	45	39,5	17	14,9	24	20,0
2	Число дымов в обществе	18	15,8	15	13,2	46	40,4	35	30,6
	Подали прошения:								
3	Все общество	34	29,8	15	13,2	31	27,2	34	29,8
4	Часть общества	20	17,5	4	3,5	14	12,3	76	66,7
5	Цель подачи	66	57,9	5	4,4	40	35,1	3	2,6
6	Мотивировка	5	4,4	47	41,2	10	8,8	52	45,6
7	Количество пастбищ	11	9,6	7	6,2	37	32,5	59	51,7
8	Участок, просимый под оседлое поселение	60	52,6	8	7,0	41	36,0	5	4,4
9	Характер кочевания	5	4,4	22	19,2	11	9,6	76	66,8
10	Состояние скотоводства	5	4,4	4	3,5	7	6,2	98	80,5
11	Наличие земледелия	6	5,3	14	12,3	18	15,8	76	66,6
12	Наличие жилых и хозяйственных построек	5	4,4	9	8,0	16	14,1	84	73,5
13	Земельные споры	23	20,1	6	5,3	42	36,9	43	37,7
14	Имущественное неравенство	1	0,9	6	5,3	2	1,7	105	92,1
15	Податной оклад	1	0,9	5	4,4	14	12,3	94	82,4
16	Уход на заработки	—	—	6	5,3	2	1,7	106	93,0
17	Решения по поводу прошения	12	10,5	1	0,9	90	79,0	11	9,6
18	Фактические последствия	6	5,3	5	4,4	21	18,3	82	72,0

приложения 4 и 5). Максимальное число их соответственно разным пунктам анкеты группируется в графе «только в делопроизводстве».

Условия оседлого поселения в делопроизводственном материале чаще всего фиксируются в 46 анкетах — упоминаются сведения о предоставлении просимого участка (№ 1). Менее всего фигурируют данные об изъятии в хозяйственное управление числящихся за обществом пастбищ (№ 5) и новом податном окладе (№ 7), соответственно всего в 7 анкетах.

Что касается мотивировки отклонения просьбы крестьян-кочевников, то наиболее распространенной в делопроизводственном материале является ссылка на циркуляр 1875 г. (№ 4), встречающаяся в 25 анкетах.

Приложение 5
Сводная таблица по числу анкет (№ 2)

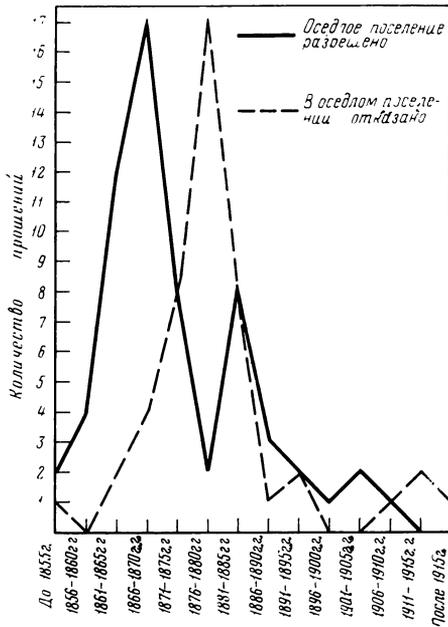
№ п/п	Просьба удовлетворена	Совпадающие в прошениях и делопроизводстве	Только в прошениях	Только в делопроизводстве	Нет сведений
1	Представлен просимый участок	4	—	46	9
2	Норма земельного надела для оседающих	2	1	18	38
3	Необходимость в дополнительной нарезке земли	3	1	12	43
4	Необходимость в изъятии из лишков	—	—	12	47
5	Изъятие в хозяйственное управление числящихся за обществами пастбищ	6	7	7	39
6	Предоставление 6-летней льготы	4	3	14	38
7	Новый податный оклад по истечении льготного срока	—	1	7	57

Приложение 6
Сводная таблица по числу анкет (№ 3)

№ п/п	Просьба отклонена. Мотивировка	Совпадающие в прошениях и делопроизводстве	Только в прошениях	Только в делопроизводстве	Нет сведений
1	Площадь и качество участка не соответствует числу дымов	1	—	5	32
2	Участок находится в споре	—	—	7	31
3	Участок предназначен для отвода русским переселенцам	—	—	1	37
4	Циркуляр 1875 г.	—	1	25	12
5	» 1884 г.	—	—	5	33
6	Мотивировка неизвестна	—	—	5	33

Показатели графы 6 табл. 1 (см. приложение 4) весьма красноречиво свидетельствуют об отсутствии количественной стойкости состава информации «дела по прошению» и, следовательно, неравномерном его распределении во всем комплексе исследуемых материалов. Ряд сведений о кочевых обществах — уход на заработки (№ 16) — не упоминается в 106 анкетах — 93%; данные об имущественном неравенстве (№ 14) отсутствуют в 105 анкетах — 92,1%; податной оклад к моменту подачи прошения (№ 15) не упоминается в 94 анкетах — 82,4%; наконец,

Приложение 7

о состоянии скотоводства в кочевых обществах (№ 10) не говорится в 98 анкетах, т. е. в 80,5% общего числа анкет, составляя, таким образом, минимальный процент информации, сообщаемой прошениями и делопроизводственными материалами.

Завершая разбор данных сводных таблиц и методики, которая легла в их основу, необходимо обратить внимание на следующее. Определение информационной насыщенности делопроизводственных материалов выявило совокупность однозначных фактов, в данном случае подачу кочевниками прошений о разрешении им оседлого поселения, обобщение которых в свою очередь свидетельствовало о процессе оседания кочевых обществ во второй половине XIX — начале XX в. Однако указанная методика не давала возможности судить ни о динамике содержащихся сведений, ни, следовательно, о динамике самого процесса оседания кочевников. Вызвано это было несоответствием хронологических граней довольно значительного количества «дел по прошению» определенным этапам процесса оседания кочевников, периодизация которого обусловлена материалами всего делопроизводственного комплекса. В этой связи для определения динамики процесса оседания кочевников на основании данных всего делопроизводственного материала была составлена специальная диаграмма (см. приложение 7). В первую очередь были использованы такие сведения прошений, как дата их подачи. Что касается несохранившихся прошений, то факт подачи их обществом устанавливался по данным

делопроизводства. Датировка отсутствующего прошения производилась на основании данных делопроизводства. В том случае, если указание о дате прошения отсутствовало, оно датировалось либо на основании указания одного из делопроизводственных документов (как правило, оно было в деле одним из первых), либо по началу дела.

Как следует из данных диаграммы, кривая, отражающая положительный исход «дела по прошению», движется параллельно росту самих прошений и наоборот.

Кульминационный пункт процесса оседания падает на конец 60-х — начало 70-х годов XIX в., после чего намечается его спад. Обусловлено это было ограничительными мерами кавказской администрации, о которых мы уже писали. Соответственно и наибольшее количество прошений падает на конец 70-х годов. После небольшого подъема к середине 80-х годов процесс резко идет на убыль. Независимо от исхода дела, основная масса кочевых обществ Бакинской губернии в начале XX в. завершала свой переход к оседлости. Согласно данным официальной статистики, кочевое население бакинской губернии в 1903 г. составляло 9,6% к численности всего и 11,8% — сельского населения губернии⁷³.

В заключение необходимо отметить, что предлагаемая методика систематизации и обработки рассматриваемого делопроизводственного комплекса не должна быть ограничена лишь прошением об оседлом поселении и сопутствующей им делопроизводственной документацией. Сфера ее приложения может быть расширена за счет привлечения и иных материалов этого комплекса. Как уже указывалось, в «делах об оседлом поселении» отложились и другие виды исходивших от крестьян-кочевников просительных документов о дополнительном наделе земель, большая группа жалоб на злоупотребление местных землемеров, а также комплекс прошений-жалоб, отразивших земельные споры внутри кочевого общества, с соседними обществами, как кочевыми, так и оседлыми, сложные взаимоотношения с беками в процессах оседания и т. д.

Ближайшие ассоциации источниковедческого плана возникают в связи с возможностью использования данного опыта и при обработке материалов, отражающих процесс оседания кочевников других регионов России, в частности казахов. Нам известен лишь один образец прошения кочевников-казахов о разрешении им оседлого поселения, и нет более никаких данных о характере его

⁷³ Подсчитано на основании данных «Обзора Бакинской губернии за 1903 г.». Баку, 1904, Ведомость Лпт. А.

взаимосвязи с делопроизводственной документацией. Но текст прошения (опубликованного в русском переводе) не только по форме, но и по составу и качеству сообщаемой информации свидетельствует об однотипности этих двух документов — азербайджанского и казахского⁷⁴.

Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что выработанная эмпирическим путем указанная методика приемлема лишь в отношении такого источника, для которого характерны отсутствие формуляра, с одной стороны, и качественная неоднородность его данных — с другой. Кроме того, в одну из задач этой методики должно входить определение того информационного тождества, которое содержится в разных частях делопроизводственного комплекса для возможной замены его инициативной части самим делопроизводством. Мы не исключаем возможности ее более широкого применения при обработке аналогичных документальных комплексов.

⁷⁴ «Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867 годы)». Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964, стр. 186—187.

**ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА
В ИЗУЧЕНИИ ОТЧЕТОВ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ
КОЛХОЗНЫХ ДОХОДОВ В НАЧАЛЕ
МАССОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
(По материалам Северокавказского края).**

Ю. А. Мошков

Интерес к хозяйственно-экономическим аспектам истории периода массовой коллективизации, который определился среди советских историков в последние 10—15 лет, привел к стремлению выяснить такие коренные экономические вопросы, как уровень колхозных доходов и их распределение по трудодням среди колхозников. Данные о доходах и их распределении нашли свое место в работах по истории коллективизации, посвященных как общей, так и локальной тематике. Но чаще всего эти данные приводятся пока еще в качестве иллюстрации, имеют либо самый общий характер, либо относятся к отдельным колхозам и, как правило, не подвергаются специальному анализу; редко выясняется их происхождение и представительность. Главная причина этого кроется, очевидно, в затруднениях источникового характера, а именно в ограниченности, неполноте и частой неточности содержащихся в документах сведений, особенно относящихся к самому начальному периоду массовой коллективизации — 1930—1932 гг. Корни этой бедности источников объективны, они объясняются теми условиями, в которых происходило становление колхозного строя в нашей стране. Его рождение сопровождалось выработкой, утверждением и закреплением в практике множества новых коллективных принципов социалистических взаимоотношений, способов организации труда и распределения общественного дохода. Требовалось известное время, в течение которого проверенные практикой принципы труда и распределения получили бы распространение во всей массе колхозов, стали понятными и привычными. К тому же колхозный строй вызвал потребность в совершенно новой для села категории работников учетно-бухгалтерского аппарата, которых в массе надлежало еще подготовить.

Одновременно происходила перестройка системы сельскохозяйственного учета. Если прежде статистическая работа в сельском хозяйстве была основана на результатах ежегодных выборочных переписей, динамических обследований, показаниях добровольных

корреспондентов, то с начала 30-х годов в основу сельскохозяйственной статистики были положены текущие и годовые отчеты социалистических предприятий в деревне в сочетании с обследованиями в единоличных хозяйствах и с данными ведомственного учета.

Организация внутриколхозного учета и перестройка статистических учреждений содействовали более оперативному и планомерному анализу результатов хозяйственной деятельности колхозов, совхозов и МТС и всего сельского хозяйства и осуществлялись в короткие сроки. Так, уже для времени второй пятилетки руководящие органы располагали доброкачественными материалами деятельности сельскохозяйственных предприятий в масштабе районов, областей и страны в целом. Но в первой пятилетке, когда перестройка системы народнохозяйственного учета еще не была завершена, а первые отчеты в массе рождавшихся колхозов были еще несовершенны, собственные статистические работы Колхозцентра и Наркомзема не утратили еще известной организационной самостоятельности и сохраняли большое практическое значение.

В первый год массовой коллективизации какие-либо систематические или сводные отчеты о денежных и натуральных балансах колхозов и распределении доходов вообще не могли быть получены Колхозцентром СССР и РСФСР; за следующий, 1931 г. Колхозцентр располагал отчетами о распределении натуральных авансов, предварительными и окончательными отчетами о распределении доходов в колхозах, составленными край- и облколхозсоюзами и руководящими колхозными органами национальных республик. В этих отчетах сделаны попытки обобщить данные материалов райколхозсоюзов, как правило, весьма неполные, в свою очередь основанные на отчетах самих колхозов, а затем подвести итоги для всей области или края. Большинство таких отчетов хотя и дает некоторое общее представление о распределении доходов колхозников из урожая 1931 г., тем не менее не содержит материала для более подробного анализа этого вопроса.

Помещенные в них показатели основаны, как правило, на анализе денежных и натуральных балансов сравнительно небольшого числа колхозов, составлены не по единой форме и не всегда могут быть признаны представительными для края или области в целом. Например, присланные в Колхозцентр от Уралколхозсоюза «Предварительные итоги распределения доходов в колхозах за 1931 год» содержали разработку сведений лишь по 819 колхозам 11 районов, хотя в области насчитывалось 10—11 тыс. колхозов. В «Кратком обзоре распределения доходов и урожая в колхозах Ленинградской области за 1931 год» (по сведениям на 10 марта 1932 г.), где имелось 9,5 тыс. коллективных хозяйств, анализировались отчетные данные 552 колхозов области с 19 298 хозяйствами.

По Западной области выводы строились на основании показателей 23 районов и 2563 колхозов из 18 403, существовавших на начало 1932 г. Аналогичные сведения содержатся и в сообщениях других областей, краев и республик, хранящихся в соответствующем деле Колхозцентра¹. Конечно, проведенные материалы, безусловно, важны и ценны для историка. Но, поскольку здесь участвует лишь часть колхозов, для решения вопроса, возможно ли распространить получаемые средние на всю территорию области, требуется и дополнительная информация, и применение правил выборочного метода математической статистики.

Среди названных отчетов выделяется своим содержанием и качеством статистических показателей докладная записка Северокавказского крайколхозсоюза от 8 мая 1932 г., озаглавленная «Предварительные итоги распределения доходов в колхозах за 1931 год»². Документ состоит из основного текста, в котором произведен «предварительный анализ финансового и хозяйственного состояния колхозов к началу 1932 г.», расчет суммарного валового дохода и расхода колхозов края, стоимости товарной продукции, денежной части дохода, размеров накоплений, распределяемого дохода в колхозах края и сделаны выводы и рекомендации по поводу состояния хозяйственной работы и практики руководства колхозами. Важнейшей частью документа является «Сравнительная таблица распределения доходов в колхозах по 50 районам Северокавказского края»³, которой предпослана «Пояснительная записка к анализу № 1», где приводятся цифры, положенные в основу статистических расчетов и излагается методика. В частности, отмечается, что расчеты по балансу доходов и расходов колхозов в крае получены при помощи распространения данных 50 районов на все колхозы края. В таблице перечислены названия этих районов и приведены количественные показатели, подробно характеризующие размеры дохода колхозников и его составные части (в среднем по району). Цифровые данные помещены в 15 колонках и включают сведения о валовом доходе на одно колхозное хозяйство, распределяемом доходе (в том числе натуральную выдачу зерном), выдачу на трудодень в среднем по району зерном и деньгами, показатели фактического урожая с гектара и сдачу в хлебозаготовки с гектара. Как явствует из текста докладной записки, к марту 1932 г. сведения о распределении доходов среди колхозников Северокавказского края поступили из 84 районов (в том

¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 8, д. 226, лл. 141—142, 127—134, 166—174. В деле имеются еще документы о распределении доходов в ЦЧО, Северном крае, Московской области, в Средней Азии, Западносибирском крае, Казахстане, Нижневолжском крае, Ивановской области, Нижегородском крае, Полтавской области, Северокавказском крае.

² Там же, лл. 13—25; Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО), ф. 2399, оп. 1, д. 230, лл. 107—110.

³ См. приложение.

числе 71 с преобладающим русским населением), где находилось 4543 колхоза, или 94,9% общего их числа в крае. Из них к этому времени распределение по натуральной части закончили 3564 колхоза (78,4%), деньгами — 3382 (74,4%) колхоза. Остальные колхозы не закончили расчетов и смогли представить лишь предварительные сведения. Для разработки и анализа статистики крайколхозсоюза отобрали материал 50 районов, представивших окончательные материалы в требуемом виде. Были использованы финансово-хозяйственные отчеты 2028 колхозов (42,3%) с числом хозяйств 518 772 (т. е. примерно половина всех хозяйств края) ⁴.

Конечно, сбор достоверных статистических сведений в колхозах Северного Кавказа в эти годы, когда все в деревне находилось в движении, представлял такую же сложную задачу, как и для всей страны. Однако ряд обстоятельств позволяет сделать косвенное заключение об относительно более высокой достоверности используемого материала. Во-первых, коллективизация в крае летом 1931 г. в основном была осуществлена, в колхозах состояло 80% хозяйств, и это, безусловно, облегчало учетную работу. Во-вторых, в статистических учреждениях края работали, несомненно, опытные статистики, которые, как явствует из документа Колхозцентра, сумели составить единственный для 1930 г. краевой баланс доходов и расходов ⁵. В-третьих, об этом свидетельствует и сам факт отбора для таблицы лишь тех районных отчетов, которые отвечали известным требованиям.

Наконец, сама детальность и полнота помещенных в таблице сведений также отражают хорошую статистическую подготовку и немалый опыт работников краевых колхозных и земельно-плановых органов. Это дает возможность подвергнуть данные таблицы некоторой математической обработке с целью установления зависимостей между основными факторами и выяснения тех тенденций, которые сопровождали распределение доходов колхозников на Северном Кавказе в 1931 г.

Составляя «Докладную записку» на материалах 50 районов, крайколхозсоюз предполагал подвести окончательный итог финансовой и хозяйственной деятельности колхозов за 1931 г. только после проверки и обработки годовых отчетов колхозов, которые к тому времени были составлены во всех колхозах края, т. е. примерно к началу июля 1931 г. ⁶ Но есть все основания предположить, что такой сводный итоговый документ составлен и разработан не был, поскольку в более позднем документе о распределении доходов в колхозах края, датированном 23 января

⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 8, д. 224, л. 34; д. 226, л. 21; ГАРО, ф. 2399, оп. 1, д. 528, лл. 8, 9. По данным крайколхозсоюза, на 1 декабря 1931 года в крае существовало 4789 колхозов с 1 009 507 хозяйствами.

⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 8, д. 226, л. 13; д. 210, л. 2; ГАРО, ф. 2399, оп. 1, д. 528, л. 107.

⁶ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 8, д. 226, л. 13.

1933 г., содержащем сведения и за 1932 г., используются те же цифры финансово-хозяйственного баланса, что и в докладной записке ⁷.

Обозначенные в таблице 50 районов Северокавказского края располагались довольно компактно между Доном и предгорьями Кавказа. В таблице отсутствуют районы Дагестанской АССР, входившей в те годы в состав Северокавказского края, и национальные области (за исключением Адыгеи) ⁸. Не нашли отражения также районы Черноморского побережья с их географическим и хозяйственным своеобразием, а также несколько предгорных районов, три района на востоке края, граничащие со степью (Заветинский, Туркменский и Прикумский). Из 17 районов края, расположенных по течению Дона и севернее его, в таблице учтено лишь 6 районов. Таким образом, в сводку вошли центральные районы края, донские и особенно кубанские — основные в зерновом производстве края. Из 79 районов края, где преобладало русское население, в таблицу включены 49 таких районов и Адыгейская автономная область. Согласно классификации составителей статистического справочника «Народное хозяйство Северного Кавказа» ⁹, из 17 незерновых районов края (до 20% удельного веса зерновой продукции во всей сельскохозяйственной продукции районов) в таблице оказалось лишь 5 районов; из 31 района без ведущего значения зерна (зерно составляло 20—40% всей продукции) попало в таблицу 22 района; из 25 комбинированных районов с ведущим значением зерна (40—50% валовой продукции) учтено 16; из 8 зерновых по преимуществу районов (зерно составляло от 50% и выше по удельному весу) не помещено в таблице лишь 2 района ¹⁰.

Группировка статистического сборника по обеспеченности зерновой продукцией на душу населения показывает, что анализу в таблице подвергнуты районы, как правило, с более высоким уровнем обеспеченности на один двор, т. е. с преобладающим производством зерна. При распределении всех районов по этому признаку на шесть групп в четвертую и пятую со средним доходом 116,7 и 171,3 руб. попадает половина всех районов, помещенных в таблице. Сведения представили преимущественно районы среднеобеспеченные и выше среднего обеспеченные зерновой продукцией на один двор. Так что заключения и выводы, которые делаются при анализе данных таблицы, в настоящей статье будут относиться по сути дела к указанной выше группе районов края.

⁷ ГАРО, ф. 1390, оп. 6, д. 3127, л. 1.

⁸ Черкесская, Карачаевская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Ингушская, Чеченская.

⁹ «Народное хозяйство Северного Кавказа». Статистический справочник. Ростов-на-Дону, 1932, стр. 62—63.

¹⁰ В этих подсчетах нами исключены сосчитанные в сборнике Дагестанская АССР и автономные области (кроме Адыгейской).

Северокавказский край в 20—30-е годы (как, впрочем, и ныне) относился к числу основных житниц Советского Союза, и, будучи в то же время одним из ведущих районов по темпам коллективизации, приобрел репутацию «опытного поля» в деле колхозного строительства. Не удивительно, что опыт передовых колхозов этого края был предметом тщательного изучения и постоянного внимания Коммунистической партии, руководящих сельскохозяйственных учреждений. Это нашло отражение, в частности, и в том, что некоторые итоговые показатели сводной таблицы фигурировали затем в другом документе — в докладной записке «Об итогах распределения доходов в колхозах за 1931 год» по материалам семи областей, составленной Научно-исследовательским колхозным институтом в том же 1932 г. и хранящейся в фонде Наркомзема СССР¹¹.

Пользуясь отчетными данными указанных 50 районов и распространяя их на все колхозы края, Северокавказский край-колхозсоюз произвел предварительный анализ финансового и хозяйственного состояния колхозов к началу 1932 г. По его расчетам, колхозы края получили валовой доход в сумме 604279 тыс. руб., в том числе 552391,7 тыс. руб. в виде стоимости сельскохозяйственной продукции. Фонд распределения между колхозниками составил 180601,2 тыс. руб. (в том числе 95560,4 тыс. руб. деньгами и 85040,8 руб. натурой), товарная продукция — 321724,6 тыс. руб.¹²

Стоимость трудодня в среднем оценивалась в 60,6 коп., из них 28,3 коп. натурой и 32,3 коп. деньгами¹³. Распределяемый доход в расчете на одно хозяйство в 1931 г. вырос по этим расчетам на 8%, при этом денежная часть увеличилась на 66,3%, а натуральная в стоимостном выражении уменьшилась на 23,4%.

Следует высоко оценить ту работу, которую провели колхозные и планово-статистические учреждения Северного Кавказа в анализе результатов колхозной работы в 1931 г. С пониманием нужно отнестись и к их попытке распространить полученные данные на все колхозы края. Однако, учитывая неоднородность хозяйственной структуры края, преобладание данных по зерновым районам и предполагая, что не попали в таблицу сведения как раз по наименее организованным или не закончившим распределение колхозам, нам кажется, есть основания оценить эту экстраполяцию как завышающую общие результаты по краю. Те данные по 50 районам, которые будут предметом анализа в настоящей статье, следует отнести к территории этих районов. и лишь с известными оговорками их можно распространить на весь край в целом или на другую его часть.

¹¹ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 8, д. 210.

¹² Там же, д. 226, л. 13.

¹³ ГАРО, ф. 2399, оп. 1, д. 230, л. 107.

Для выяснения тенденций и зависимостей при анализе данных таблицы были применены вычисления средней по группам и вычисления коэффициента корреляции. При этом автор делает вынужденные допущения, которые несколько снижают точность полученных результатов, но не исключают справедливости полученных данных и сделанных на их основании заключений о преобладающих тенденциях. Эти допущения следующие. Во-первых, в основу кладутся средние данные по районам вместо сведений по каждому колхозу. Во-вторых, хотя численность хозяйств колхозников в колхозах различных районов неодинакова, в наших расчетах она вынужденно принимается равной. В-третьих, средняя численность семей колхозников также различна в разных районах, хотя в большинстве случаев незначительно. Однако, очевидно, что в исследованиях с использованием экономических показателей такие допущения являются неизбежными и обычными.

Возникает и другой важный вопрос, касающийся границ применения метода корреляции, который, разумеется, не может быть решен окончательно в рамках настоящей статьи, поскольку подлeжит компетенции специалистов в области теории математической статистики. Речь идет о возможности использования этого метода в том случае, когда распределение коррелируемых признаков не может быть представлено в точности как нормальное распределение, что имеет место и в нашем случае при обработке таблиц. Мы считаем для себя возможным опереться при решении вопроса о допустимости его применения на обоснования одного из ведущих советских специалистов, который специально занимается применением математической статистики к экономическим исследованиям, Н. К. Дружинина. В своей книге «Математическая статистика в экономике» (М., 1971) он, приводя высказывания крупных ученых в этой области (Дж. Э. Юла и М. Дж. Кендэла, А. А. Чупрова), поддерживает ту точку зрения, что возможно с учетом особенностей социально-экономических явлений и характера статистического материала применение метода корреляции к изучению таких явлений, связь между которыми отстает от модели нормальной корреляции, причем эффективность этого метода возрастает при увеличении числа испытаний¹⁴. Нам представляется, что наш материал, в основу которого положены данные более чем 2 тыс. колхозов, обладает необходимыми качествами для использования этого метода. Социально-экономическим явлениям не присуща прямая функциональная зависимость, при которой данному значению определяющего фактора (аргументу) соответствует только одно значение зависимого от него фактора (функции) и которая означает, что величина зависимого фактора определяется только аргументом. Любое явление общественной жизни испытывает многочисленные

¹⁴ Н. К. Дружинин. Математическая статистика в экономике. М., 1971, стр. 88—89.

воздействия. Но очень часто существует главный фактор, под влиянием которого происходят основные изменения данного явления. Но поскольку действует множество причин, то определяемому значению причинного фактора соответствует не единственное значение зависимого фактора, а некоторый интервал значений. Коэффициент корреляции позволяет в численном выражении установить силу влияния основного фактора на вариации зависимого, которая выражается числом, меньшим единицы. Чем ближе указанное число к единице, тем теснее связь между причиной и следствием, тем больше зависимость между изменением факторов.

Ценность коэффициента корреляции для социально-экономических исследований в том, что он дает *количественное* выражение степени зависимости факторов, которое не может быть получено иным, традиционным путем. Это значит, что прежние логические заключения, приближенные сравнения, обычные для историков, могут в ряде случаев быть дополнены, подтверждены или отвергнуты с помощью вычисления коэффициента корреляции, а в других случаях этот способ становится единственным и математически четким доказательством выдвинутых положений.

Поскольку валовой доход, приходящийся на один колхозный двор, определяет и весь распределяемый доход, и размеры натуральных выдач, т. е. зависимость здесь ясна, целесообразно именно этот признак положить в основу систематизации показателей нашей таблицы. Но даже сделав это, без применения каких-либо других приемов обработки материала в нашем случае нельзя прийти к определенным выводам о зависимости, например, между валовым и распределяемым доходом. При первом взгляде на таблицу бросаются в глаза большие колебания в величине дохода у колхозников в среднем по районам и еще большие — у отдельных, крайних по показателям колхозов внутри районов. Последние данные хотя и не поддаются количественной обработке, представляются важными, ибо показывают границы колебаний признака, и историк вправе использовать их для иллюстраций. Величина низших и высших выдач на одно хозяйство сильно изменялась в колхозах не только внутри района, но и по отдельным районам, и порой «минимум» в одном районе мог превысить «максимум» в другом (низшие выдачи колебались в пределах от 26 до 629 кг, высшие — от 380 до 1488 кг). 26 кг на двор получили колхозники из артели «Кубань» Армавирского района, а в колхозах «Новая крепница» того же района — 2192 кг (при средней по 50 районам 682 кг)¹⁵. Больше всего хлеба в 1931 г. в крае получили члены колхоза «За пятилетку» Петровского района — 3450 кг на хозяйство; в колхозе им. Гревцева того же района размеры выдач составляли 298 кг.

¹⁵ ГАРО, ф. 2399, оп. 1, д. 528, л. 109.

Чтобы выяснить вопрос, насколько тесной была зависимость распределяемого дохода от валового дохода на один колхозный двор, и возможно ли обнаружить в этом какие-либо закономерности, объединим данные «Сравнительной таблицы» в несколько групп по признаку величины валового дохода на двор.

Из расчетов исключены три района, резко отличающиеся некоторыми важными особенностями от общей тенденции, а также неполнотой сведений: Шапсугский предгорный национальный район с малочисленным населением и отчетливым хозяйственным своеобразием; другой малочисленный, Калмыцкий район, в котором распределяемый и валовой доходы на двор отличались незначительно, что не было характерно для остальной территории, и, кроме того, для района отсутствовал ряд показателей; Адыгейская автономная область, тоже предгорный национальный район, в котором количество едоков на одно хозяйство вдвое превышало соответствующий показатель в других районах. Таким образом, в расчетах участвовали данные по 47 районам Северокавказского края.

Разместив показатели валового дохода в порядке их убывания параллельно с соответствующим рядом показателей распределяемого дохода, разобьем весь ряд механически на одинаковые интервалы. Для этого из наивысшего показателя валового дохода на одно хозяйство (827 руб., Приморско-Ахтарский район) вычтем цифру самого низкого дохода, расположенную последней (302 руб. Изобильно-Тищенский район), и разделим полученное число на желаемое число групп (в данном случае 6)¹⁶. Полученный интервал будет приблизительно равен 90. Тогда в первую группу (с доходом от 827 до 738 руб.) попадут 5 районов с наиболее высоким валовым доходом, во вторую (от 737 до 648 руб.) — 7 районов, в третью — 13, в четвертую — 6, в пятую — 6, в шестую — 10. Вычислив затем в каждой группе средние показатели, получаем следующие ряды (в руб.):

Группа	Валовой доход на одно хозяйство (в среднем по группе)	Распределяемый доход на одно хозяйство (в среднем по группе)	Группа	Валовой доход на одно хозяйство (в среднем по группе)	Распределяемый доход на одно хозяйство (в среднем по группе)
I	777,8	233,4	IV	514,6	144,6
II	686,0	212,0	V	415,1	128,5
III	615,0	182,0	VI	335,2	98,6

Из них следует, что, несмотря на существенные колебания, величина дохода членов колхозов в общем находится в некото-

¹⁶ Число групп удобно выбрать такое, чтобы количество показателей в группах было не слишком мало, могло дать некоторую сравнительно устойчивую среднюю и чтобы число групп давало возможность выяснить динамику средних. Если интервал будет другим, то изменятся численные значения обоих факторов, но характер динамики сохранится.

рой связи с валовым доходом, последовательно понижаясь с уменьшением второго. Характер этой зависимости будет яснее, если представить эти данные в виде процентного отношения.

Распределяемый доход на одно хозяйство (% к валовому):

I 30,0	IV 28,1
II 30,9	V 31,0
III 29,6	VI 29,3

Во всех группах размеры распределяемого дохода близки к 30% валового, т. е. вполне определенно свидетельствуют о стремлении формы связи между ними к линейной зависимости. Следовательно, при всех описанных выше отклонениях и несовершенствах в системе учета и оплаты труда общая тенденция в распределении дохода колхозников была такой, что его размеры приближались к определенной доле от валового дохода.

Как известно, метод средних, будучи простым и наглядным приемом, в то же время является важнейшим методом социально-экономического анализа и обобщения. Но при этом необходимо помнить о недостатках этого метода, отмеченных еще В. И. Лениным, которые состоят в нивелировании отклонений и способных заглушать действительную картину, характерную для изучаемого явления. В нашем случае существует возможность проанализировать взаимосвязь между интересующими нас факторами и другим путем — с помощью корреляционного анализа. В коэффициенте корреляции, выражающем взаимосвязь между изменением величин, полнее учитываются случайные колебания этих величин. В близости численного значения коэффициента к единице или к нулю обнаруживается уровень связи между сравниваемыми показателями.

Оставляя сами вычисления за рамками статьи, укажем, что исчисленный коэффициент корреляции между валовым доходом на одно хозяйство и распределяемым доходом равен 0,69. Поскольку этот коэффициент вычислен эмпирическим путем, истинное его значение будет заключено в пределах некоторого интервала. Обращаясь к соответствующим таблицам¹⁷, убеждаемся, что нижняя граница возможных отклонений полученного коэффициента от истинного при количестве взятых показателей 47 далека от критического значения при всех практических употребляемых в социологии и достаточно высоких доверительных вероятностях (95 и 99%). Следовательно, зависимость между распределяемым доходом и валовым доходом следует расценить как существенную. Таким образом, с уверенностью можно заявить, что размеры распределяемого дохода в 1931 г. в зерновых районах Северного Кавказа в подавляющей степени зависели от общего объема произведенной колхозом продукции и других поступлений, что подтверждает сделанный выше вывод. Но, вместе с тем, можно

¹⁷ Ярослав Янко. Математико-статистические таблицы. М., 1961, стр. 154.

заметить, что в примере с усреднением преувеличена действительная степень взаимосвязи этих двух факторов.

Для такого центрального зернового района, каким являлась для страны равнинная часть Северокавказского края, немаловажно установить, какое место в валовом доходе на двор и в распределяемом среди колхозников занимала натуральная часть, выдаваемая зерном. Натуральные выдачи из колхоза, особенно количество получаемого хлеба, были крайне важны для колхозника, и в то время, и долгие годы спустя по-прежнему служили главным мериллом обеспеченности членов коллектива. В этом сказывалось недостаточно благоприятное продовольственное положение, вызывавшее напряженные заготовительные темпы и высокую рыночную цену на продовольствие. В увеличении натуральной части трудодня краевая партийная организация видела ближайшее средство для усиления материальной заинтересованности колхозников. Не удивительно, что выдача хлеба нашла отражение в отчете крайколхозсоюза. В 1932 г. ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР наряду с другими мерами в области организационно-хозяйственного укрепления колхозов приняли постановления, которыми разрешалась и всячески поощрялась колхозная торговля, в практике распределения доходов пришлось отказаться от ограничений в выдаче натурального дохода по трудодням, введенным ранее из-за опасения, что колхозный хлеб попадет не государству, а в руки к спекулянту. Применяя прежний прием усреднения рядов показателей по группам в сопоставлении колонок «Сравнительной таблицы» (3) и (6), получаем:

Группа	Распределяемый доход на одно хозяйство (в среднем по группе), руб.	Распределяемый натуральный доход зерном на одно хозяйство (в среднем по группе), кг
I	233,4	919,2
II	212,0	910,0
III	182,0	817,0
IV	144,6	679,8
V	128,5	711,0
VI	98,6	653,0

Рассматривая эти ряды, нетрудно заметить их постепенное убывание (исключая графу V). Чтобы выяснить характер и особенности этого убывания, было бы желательно и в данном случае обратиться к отношению соответствующих пар показателей. Но прямое процентное отношение здесь получить невозможно, так как показатели даются в разных мерах (в рублях и в килограммах), стоимость зерна узнать также нельзя. Поэтому воспользуемся отношением самих чисел, чтобы оценить их динамику. Получаем:

I	3,94	IV	4,70
II	4,29	V	5,53
III	4,49	VI	5,71

Эти цифры абстрактны, но из них можно заключить, что в полученном ряду наблюдается тенденция к снижению доли хлебных культур в доходе колхозников по мере роста получаемого дохода. В свете сказанного выше о значении натуральной части в получаемой от колхоза плате это значит, что колхозы с меньшим доходом большую долю получали зерном, что в действительности несколько уменьшало номинальные различия в обеспеченности членов коллективов.

Коэффициент корреляции между этими показателями равняется 0,52. Этот коэффициент также оказывается значимым на уровне 95 и 99%. Но поскольку в нашем случае есть возможность сравнивать полученные коэффициенты между собой, так как они вычислены по одинаковому количеству пар показателей и даже включают одни и те же исходные данные, то очевидно, что взаимосвязь между натуральным доходом в зерне и всем распределяемым доходом слабее, чем между валовым и распределяемым доходами. Хлеб в получаемой от колхоза плате составлял менее определенную часть, чем весь доход в валовом доходе, и его значение не было целиком преобладающим.

По данным выборочного обследования 284 хозяйства края, произведенного Научно-исследовательским колхозным институтом по результатам 1931 г., деньги в сумме дохода колхозников от общественного хозяйства составили 53—58%, продовольствие — 45—30, фураж — 6—7%¹⁸, что подтверждает сделанное заключение.

Что касается взаимосвязи между распределяемым доходом и другой составной его частью, денежной, то здесь коэффициент корреляции оказывается весьма высоким, достигая 0,90. Это свидетельствует лишним раз о большем удельном весе денежных выплат в составе трудодня. Связь натуральной части с валовым доходом оказывается еще слабее; здесь факторы еще более удалены друг от друга. Коэффициент корреляции составляет 0,42, а нижняя граница доверительного интервала близка к критическому значению.

Данные «Сравнительной таблицы» позволяют установить зависимость также между урожайностью и количеством зерна, собранного в заготовку с гектара (колонки (14) и (15)).

В среднем получим следующее:

	Фактическая урожайность с гектара, ц	Сдано в заготовку с гектара, ц		Фактическая урожайность с гектара, ц	Сдано в заготовку с гектара, ц
I	8,1	4,8	IV	5,2	1,8
II	11,3	6,7	V	9,1	3,9
III	8,1	4,3	VI	6,1	2,7

¹⁸ ЦГАНХ СССР, ф. 7446, оп. 8, д. 210, л. 40.

Приложение

Сравнительная таблица распределения доходов в колхозах по 50 районам Северокавказского края

Район	Валовой доход на одно хозяйство (по данным окончат. распределений), руб.	Распределяемый доход в денежном выражении в среднем на одно хозяйство, руб.	В том числе натуральная выдача зерном на одно хозяйство (по данным окончательного распределения), кг			Среднее число единиц на одно хозяйство
			низшее	высшее	среднее	
Верхнедонской	313	58	340	916	501	4,1
Куцевский	748	118	444	740	592	4,6
Медвеженский	328	107	342	990	864	3,8
Шапсугский	439	187	297	2083	992	4,9
Шахтинский	618	180	247	985	740	3,9
Благодарненский	356	87	54	1269	659	4,8
Кореновский	582	180	439	1111	677	3,8
Павловский	800	234	563	1408	1025	4,4
Пролетарский	593	184	498	2191	1096	4,1
Отраденский	412	126	279	2141	662	3,9
Петровский	603	167	298	3459	1488	4,0
Каневский	622	175	211	527	400	4,1
Армавирский	629	204	26	2192	704	4,4
Адыгейская область	642	204	392	1176	1168	8,6
Приморско-Ахтарский	827	319	554	1735	1144	4,1
Ессентукский	482	133	—	—	—	4,3
Воронцово-Александровский	746	236	575	1754	970	4,2
Тацнский	642	148	608	2300	1206	4,5
Александровский	323	105	234	873	489	2,4
Староминский	691	174	434	1185	809	4,3
Тихорецкий	722	199	120	820	440	4,4
Виноделенский	350	101	41	1490	776	4,4
Ванновский	669	283	555	2336	1460	4,1
Калмыцкий	282	257	—	—	—	3,8
Минераловодский	618	197	118	1176	588	3,9
Ейский	602	91	311	787	439	3,9
Зимовниковский	500	87	—	—	618	4,0
Курсавский	484	95	303	1150	769	4,3
Ремонтненский	375	142	75	879	486	4,5
Георгиевский	588	165	259	1037	518	3,8
Гарасовский	335	85	286	702	468	4,4
Кропоткинский	683	256	613	1506	1060	4,0
Славянский	582	239	—	—	571	4,2
Тимашевский	768	260	342	1262	865	4,1
Краснодарский	632	237	180	2295	1260	4,2

На трудодень распределяемого зерна (по данным окончательного распределения), кг			На трудодень денежная часть, коп.			Фактический урожай зерновых с гектара, ц	Сыно в хлосноно-тоний, ц	% к урожаю
нижнее	вышее	среднее	нижнее	вышее	среднее			
1,7	4,58	2,5	3,5	37	12	4,9	1,3	27
1,5	2,5	2,0	3	82	15	6,4	6,26	—
1,9	5,5	4,8	2	48	19	4,9	2,5	52
1,2	8,4	4,0	9	109	46	12,8	—	—
0,8	3,2	2,4	6,4	125	15	4,5	4,0	—
0,23	5,4	2,8	—	—	9	3,9	0,8	21
1,6	4,1	2,5	26	78	40	11,3	6,3	56
2,2	5,5	4,0	11	88	41	8,8	5,1	58
1,5	6,6	3,8	1	74	20	2,9	0,9	32
0,8	6,2	1,9	4	82	20	10,2	3,4	34
0,8	9,3	4,0	0,3	62	16	6,1	2,5	41
1,0	2,5	1,9	44,5	78,5	60	8,9	7,0	79
0,1	3,4	2,7	1,5	112	39	11,0	5,7	52
1,0	3,0	2,98	1	96	24	11,1	3,2	29
1,5	4,7	3,1	19	177	51	12,9	6,9	54
—	—	—	12	56	24	9,2	3,9	43
1,8	5,5	3,04	19	102	46	6,6	3,1	47
1,6	6,1	3,2	0,4	53	11	3,2	1,7	54
1,1	4,1	2,3	22	77	27	6,2	2,9	47
1,5	4,1	2,8	12	55	32	7,1	4,9	70
0,6	4,1	2,2	20	157	60	10,8	6,4	60
0,2	7,2	3,7	—	—	11	5,1	2,0	40
1,9	8,0	5,8	3	117	49	15,6	6,8	44
—	—	—	2	192	7	2,5	—	—
0,3	3,0	1,5	6	190	48	7,1	3,2	46
1,7	4,3	2,4	11	138	23	6,1	3,1	51
—	—	—	—	—	12	3,0	1,0	34
1,3	4,94	2,3	0,8	61	16	6,2	2,7	44
0,4	4,7	2,6	12	81	36	3,7	—	—
1,2	4,8	2,4	2	127	47	5,7	3,5	62
1,1	2,7	1,8	4	28	15	4,1	1,6	40
2,2	5,4	3,8	18	143	49	11,1	8,6	78
—	—	2,4	—	—	71	12,4	6,6	54
1,8	4,6	3,28	17	115	55	11,7	7,0	60
0,4	5,1	2,8	24	248	37	12,0	6,4	54

П р и л о ж е н и е (окончание)

Район	Валовой доход на одно хозяйство (по данным окончит. распределения), руб.	Распределяемый доход в денежном выражении в среднем на одно хозяйство, руб.	В том числе натуральная выдача зерном на одно хозяйство (по данным окончательного распределения), кг			Среднее число едоков на одно хозяйство
			низшее	высшее	среднее	
Курганенский	649	192	468	1529	1360	3,6
Лабинский	322	118	150	833	438	3,5
Моздокский	529	180	290	1650	803	3,8
Цымлянский	511	149	213	1250	559	4,0
Белоглинский	406	112	629	1162	823	4,8
Невинномысский	421	115	151	1305	552	3,8
Северский	549	212	36	1480	650	4,0
Кашарский	348	79	265	771	579	5,2
Белореченский	715	286	448	1232	728	3,8
Усть-Лабинский	448	122	459	1161	756	3,4
Ставропольский	377	127	410	1255	717	4,0
Брюховецкий	558	178	254	991	584	3,6
Изобильно-Тищенский	302	104	—	—	380	4,2
Азовский	443	97	84	837	475	4,1
Новопокровский	673	163	318	911	513	4,2

Наблюдаются скачки в урожайности, не согласующиеся с изменением валового дохода. Синхронно с урожайностью колеблются и размеры хлебосдачи. Даже без специальных вычислений вполне очевидна тесная зависимость хлебозаготовок от размеров урожая, что свидетельствует о стремлении партийных и советских органов края в условиях складывающегося нового порядка заготовок опереться прежде всего на такой коренной критерий, как урожайность. Вычисления вполне подтверждают этот вывод: коэффициент корреляции между урожайностью и сдачей в хлебозаготовки с гектара составляет 0,87, т. е. характеризует весьма тесную зависимость.

Поскольку в «Сравнительной таблице» есть данные о размерах натуральных выдач в денежном выражении и выдаче зерна на трудодень, становится возможным вычислить среднее число трудодней на одно хозяйство в каждом районе и, используя эти цифры, рассчитать величину денежного дохода. Нас будет интересовать взаимосвязь между числом трудодней и распределяемым доходом. Эта связь не отличается своей силой, поскольку коэффициент корреляции равняется в данном случае 0,37.

На первый взгляд, такое обстоятельство трудно объяснить. В действительности полученный результат и не мог быть иным.

На трудовень распределяемо-го зерна (по данным окончательного распределения), кг			На трудовень денежная часть, коп.			Фактический уро-жай зерновых степ-тара, ц	Слабо в хлебоза-готовки, ц	% к урожаю
низшее	высшее	среднее	низшее	высшее	среднее			
1,5	4,9	2,8	8	72	30	13,5	8,0	59
0,68	3,8	2,0	27	112	34	10,8	4,1	38
1,3	7,4	3,6	9,6	105	53	4,7	1,8	40
0,8	4,7	2,1	7	44	20	2,2	0,6	30
2,6	4,8	3,4	1	31	9	6,2	2,5	41
0,6	5,2	2,2	9	87	20	9,1	4,2	47
0,1	4,1	1,8	18	110	43	10,0	2,9	29
1,1	3,2	2,4	1,5	23	5	5,0	1,7	34
0,8	2,2	1,3	—	—	34	15,0	—	—
1,7	4,3	2,8	1,5	114	20	13,2	7,3	56
1,6	4,9	2,8	3	65	10	6,1	2,7	45
1,0	3,9	2,3	16	79	41	11,0	6,7	61
—	—	2,5	4	90	45	6,9	2,8	41
0,6	3,4	1,7	—	—	14	6,2	3,1	50
1,1	3,2	1,8	2,2	94	34	5,8	—	—

Как известно, трудовень как мера труда и распределения общественного дохода в колхозах в силу самой своей природы не мог не отличаться по реальному содержанию в каждом отдельном случае. Будучи связан с результатами хозяйственной деятельности в конкретном коллективе, с отличиями в нормах выработки и в порядке начисления трудовой, трудовень всегда имел свою «внутриколхозную» стоимость. В изучаемое время это его качество усложнялось тем, что трудовень как категория учета и распределения еще пребывал в стадии становления, работа по установлению обоснованных норм выработки еще не была завершена. Зависимость между вложенным трудом и урожаем в сельском хозяйстве чаще всего не выглядит как прямая. Она сильно осложняется под воздействием прочих, зачастую весьма мощных влияний (природные условия, особенности погоды), особенно при невысоком общем уровне сельского хозяйства. В этих условиях связь между названными факторами не могла быть существенной¹⁹. Весьма слабая зависимость обнаруживается также между фактическим урожаем с одного гектара и размерами выданного

¹⁹ Сказанное не противоречит тому, что внутри отдельного колхоза связь между доходом и числом трудовой могла быть достаточно тесной.

зерна на хозяйство. Полученный коэффициент 0,29 (для 45 районов) оказывается незначимым при доверительной вероятности 95 %. Для полноты картины важно было бы выяснить, какая связь существовала между валовым сбором и натуральной выдачей на двор, но данные для такого анализа отсутствуют в таблице.

Изучение взаимосвязей между факторами, отраженными в «Сравнительной таблице», не исчерпывается сказанным и может быть продолжено. Можно надеяться на плодотворные результаты подобного исследования, проведенного в сравнении с аналогичными материалами других районов, если будут обнаружены сопоставимые таблицы, а также в сравнении с последующими годами, например временем второй пятилетки, когда была внедрена система обязательных поставок государству, проведено организационно-хозяйственное укрепление колхозов и когда вопросы качества в работе коллективов стали центром всей политической и практической деятельности в деревне.

Предпринятая в настоящей статье попытка использовать математико-статистический метод для изучения одного из важных вопросов хозяйственной жизни деревни, на наш взгляд, позволяет в ряде случаев уточнить и с большей степенью достоверности раскрыть содержание исследуемого вопроса. Вытекающие из расчетов заключения в целом подтверждают выводы советской историографии, обращавшейся к экономике колхозного строя, в том числе и к более частному вопросу о распределении общественного дохода в коллективных хозяйствах в изучаемое время. Нам кажется, что проделанный в настоящей статье опыт свидетельствует о возможности и целесообразности обращения к корреляционному анализу и другим методам математики при изучении сложных и нерешенных вопросов экономической истории деревни.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	
О ленинской методике статистического анализа политических явлений . . . . . <i>Б. Г. Литвак.</i>	11
К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин . . . . . <i>Л. В. Черепнин.</i>	32
Некоторые общие вопросы летописного источниковедения . . . . . <i>В. Т. Пашуго.</i>	64
О некоторых принципах критики источников . . . . . <i>Я. С. Лурье.</i>	78
ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	
«История Российская» В. Н. Татищева в полемике И. Н. Болтина и М. М. Щербатова . . . . . <i>Е. М. Добрушкин.</i>	101
Статистические источники по истории индустриализации СССР и их использование в литературе 20—30-х годов . . . . . <i>В. С. Лельчук.</i>	120
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОПЫТ ИСТОРИКА	
К вопросу о подборе и обработке исторических источников . . . . . <i>Н. М. Дружинин.</i>	145
КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. . . . . <i>В. Б. Кобрин.</i>	171
О методике изучения повествовательных источников XVI в. . . . . <i>А. А. Зимин.</i>	187
Опыт сравнительного изучения данных нумизматики и письменных источников (По материалам Нового «английского» денежного двора в Москве в XVII в.) . . . . . <i>А. С. Мельникова.</i>	212

Показания русских очевидцев о пребывании французов в Москве в 1812 г. (К методике источниковедческого анализа)	232
<i>А. Г. Тартаковский.</i>	
О приемах проверки достоверности ведомостей фабрик и заводов России XIX в.	274
<i>Ю. Я. Рыбаков.</i>	
Законодательные акты акционерного учредительства	297
<i>Л. Е. Шепелёв.</i>	
Материалы конкретных социологических исследований как исторический источник (К постановке вопроса)	318
<i>Л. М. Дробижева.</i>	
КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ	
Применение перфокарт при обработке массовых источников по социальной истории Эстонии	337
<i>Х. Э. Палли.</i>	
Прошения крестьян-кочевников Азербайджана (Опыт количественного определения состава информации источника)	347
<i>Д. И. Исмаил-Заде.</i>	
Опыт применения корреляционного анализа в изучении отчетов о распределении колхозных доходов в начале массовой коллективизации (По материалам Северокавказского края)	378
<i>Ю. А. Мошков.</i>	

Источниковедение отечественной истории

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редакторы издательства *Л. Н. Воржецова, Л. В. Машанова*
Художественный редактор *В. Н. Тихунов*
Художник *Л. С. Эрман*. Технический редактор *В. В. Волкова*

Сдано в набор 2/1 1973 г. Подписано к печати 26 VI 1973 г. Формат 60×90^{1/16}
Бумага № 2 Усл печ л. 24,75 Уч-изд. л. 28,2 Тираж 2300 экз Т-07475. Тип. зак 1635

Цена 1 р 92 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер, д 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер, 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
15	19 сл.	не мог знать	не мог не знать
65	15—16 сл.	терминологический	терминологически
165	9 св.	подробного	подробные
257	24 св.	Д. Н. Вербеев	Д. Н. Свербеев
380	5 св.	проведенные	приведенные
395	4 св.	О ленинской методике	О ленинских приемах

Источниковедение отечественной истории